

Г.З. Иоффе

**ВЕЛИКИЙ
ОКЛЯБРЬ
И ЭПИЛОГ
ЦАРИЗМА**

•Наука•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по комплексной проблеме
«История Великой Октябрьской
социалистической революции»

Г. З. Иоффе

ВЕЛИКИЙ ОКтябрь и ЭПИЛОГ ЦАРИЗМА

Ответственный редактор
академик
И. И. МИНЦ

Москва «Наука» 1987

В книге раскрываются консолидация правых, в том числе монархических сил в послефевральский период, их попытки предотвратить социалистическую революцию и борьба против победившего Октября с целью установления контрреволюционной военной диктатуры. Автор показывает действительное место, которое в этой борьбе занимали свергнутые Романовы, опровергая многочисленные вымыслы буржуазной историографии.

Рецензенты:

А. В. ИГНАТЬЕВ, В. Т. ЛОГИНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В октябре 1921 г. В. И. Ленин в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», характеризуя содержание огромной работы, проделанной Великим Октябрем, выделил в ней две линии, две стороны: главную и настоящую, пролетарски-революционную, социалистическую работу и побочную, совершенную «походя, мимоходом», — работу буржуазно-демократическую¹.

Если попытаться дать самую общую оценку нашей исторической литературе об Октябре с точки зрения именно этой ленинской мысли, то будет, по-видимому, правильным сказать, что в большинстве своем она посвящена анализу, раскрытию его главной стороны — пролетарски-революционной, социалистической работы. Другая, «побочная» сторона большого внимания историков не привлекала, что вряд ли оправданно, если учитывать то значение, которое В. И. Ленин придавал решению Великим Октябрем задач буржуазно-демократической революции. Говоря о буржуазно-демократическом содержании революции, В. И. Ленин писал: «Марксистам должно быть понятно, что это значит... Буржуазно-демократическое содержание революции, это значит — очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма.

Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году? Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей»². Ленин называл все это «авгиевыми конюшнями», которые пришлось вычищать Октябрю, так как пришедшие к власти после Февраля буржуазные и мелкобуржуазные партии практически мало что тут сделали. «Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и

гамлетики,— писал В. И. Ленин,— махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили!»³

Между тем, как уже было отмечено, решение вопросов буржуазно-демократической революции Октябрем не нашло достаточно полного освещения в исторической литературе. Безусловно, существовала (и существует) чисто исследовательская трудность. Экономическая и социально-политическая специфика предреволюционной России заключалась в теснейшем переплетении, соединении капитализма, империализма с пережитками крепостничества, феодализма. Это и определило то обстоятельство, что, как подчеркивал В. И. Ленин, социалистическая революция не была отделена от буржуазно-демократической «китайской стеной»⁴. Естественно, что отделение «побочного продукта» от основного — социалистического — результата довольно сложная и в какой-то степени искусственная операция. И тем не менее она возможна и необходима, ибо помогает шире и глубже понять общедемократическое значение Великого Октября в процессе революционного преобразования и обновления России.

В этой книге рассказывается о «расчистке» только одной «авгиевой конюшни», сохранившейся в России со времени средневековья, но такой, от которой во многом зависело существование и всех остальных, перечисленных В. И. Лениным. Речь идет о царской монархии. На алтарь революционной борьбы с ней были принесены тысячи жизней, жизней таких людей, талант, самоотверженность и нравственная чистота которых составляют национальную гордость России: Радищев, декабристы, Чернышевский, народовольцы, пролетарские революционеры... Февральская революция 1917 г. осуществила мечту многих поколений российских демократов и революционеров: царизм пал. И все-таки его история на этом не завершилась.

Сила царизма состояла не только в тех средствах социально-политического и духовного подавления, которыми он располагал, но и в его способности эволюционировать, приспособливаться к капиталистическим отношениям, превращаться в монархию буржуазную. Это вербовало ему политических сторонников в различных слоях, в том числе и буржуазных. На первый взгляд такое утверждение может показаться противоречащим общеизвестному факту широкой оппозиции царизму перед Февралем, оппозиции, которая, по утверж-

дению ряда авторов, привела даже к его изоляции. Но, на наш взгляд, здесь требуется существенное уточнение. Изоляция (хотя и не «тотальная») действительно имела место, но это была не изоляция монархии как государственной, политической системы, а скорее изоляция монархии последних Романовых — Николая и Александры Федоровны, изоляция конкретных носителей верховной власти. Ни одна буржуазная оппозиционная партия или организация не выступала за ликвидацию монархии как таковой. Речь шла о ее дальнейшей буржуазной «модернизации», «конституционной модификации» самодержавия, препятствием чему являлись последние Романовы и их окружение.

Да, черносотенная, самодержавная, или, как ее называл В. И. Ленин, царистская, контрреволюция, помышлявшая о полной реставрации монархии Романовых, в 1917 г. уже не являлась сколько-нибудь значительным фактором в развернувшейся политической борьбе (хотя надо отметить, что после июльских событий и она стала набирать силу). Но потенциальные резервы монархической контрреволюции, сил монархической реставрации продолжали существовать в тех буржуазно-помещичьих и частично мелкобуржуазных слоях, которые теперь, после Февраля, шли главным образом за кадетами.

Февральская буржуазно-демократическая революция существенно не подорвала не только экономические, но в определенной степени и политические устои этих слоев.

Помещичье землевладение, этот «материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии»⁵, осталось нетронутым.

Капиталистическая структура в промышленности и банковской системе (в том числе государственно-капиталистическое хозяйство, составлявшее экономическую опору царизма) также не подверглась каким-либо изменениям. В. И. Ленин указывал, что «экономическое господство для буржуазии все, а форма политического господства — дело девятое». И все же буржуазия «стояла и будет стоять за монархию, потому что более грубая, военная охрана капитала монархическими учреждениями всем капиталистам и помещикам виднее и ближе»⁶.

Помещичьи и буржуазные элементы и после Февраля занимали господствующее положение в государст-

венном аппарате, составляя его чиновничье ядро. Правда, в первые дни Февральской революции Временное правительство под давлением масс вынуждено было арестовать наиболее одиозных царских министров и сместить целый ряд бывших губернаторов, но на среднем и низшем уровнях многочисленных «присутствий» продолжали сидеть люди, вымуштрованные долгими годами чиновничьей службы в царских канцеляриях. Они могли придать и придавали правительственной машине «старорежимный» ход.

Сложнее обстояло дело в армии. Там Временное правительство предприняло некоторую «чистку» высшего командования. Но она отличалась половинчатостью, непоследовательностью. Большинство генералов оставались непримиримыми противниками демократизации армии (даже на меньшевистско-эсеровский манер) и сторонниками тех основ, на которых строилась царская армия. За этими генералами шла и реакционная часть офицерства: для нее старые порядки в армии также являли собой образец, резко контрастирующий с «разлагавшейся» армией Временного правительства. Монархически настроенные генералитет и офицерство представляли собой, пожалуй, наиболее активный, боевой элемент контрреволюционного лагеря.

Реакционные клерикалы, которые еще в самый канун Февральской революции со всех амвонов призывали народ «встать непреодолимой стеною вокруг царского престола» и решительно осуждали революционное движение, за малым исключением остались на своих местах.

Важным резервом контрреволюционно-монархических сил (помещиков, определенных кругов буржуазии, старого чиновничества, реакционной воишины, духовенства) являлись в деревне некоторые зажиточные слои крестьян, чья монархическая психология десятилетиями формировалась церковью и «начальством»; в городе — мелкобуржуазные, мещанско-обывательские слои. Они и раньше, до Февральской революции, в определенной мере питали черносотенство.

Таким образом, послефевральский контрреволюционный лагерь, в котором октябристско-кадетский монархизм в какой-то степени перемежался с монархизмом черносотенным, потенциально представлял собой большую угрозу. Сила этого лагеря заключалась как в его численности, так еще больше и в материальных

средствах, в военном и государственном опыте, которыми он располагал. Политическое ядро послефевральского монархического лагеря составлял кадетско-монархический блок, формирование которого шло под воздействием двух встречных процессов. С одной стороны, это своего рода «кадетизация» монархистов — бывших сторонников самодержавия, объясняющаяся тем, что новый, буржуазный режим делал все, «чтобы республика в России как можно больше походила на монархию и могла быть как можно легче снова превращена в монархию...»⁷. «Факт налицо, — писал В. И. Ленин, — все помещики и капиталисты, все черные силы, все старающиеся восстановить царя — за кадетов»⁸. С другой стороны, перед лицом надвигающейся социалистической революции все более и более правил буржуазный, кадетский либерализм. В этой среде все более возобладали «веховские настроения», характерной чертой которых было признание ошибочности борьбы с царизмом, бессмысленности революционных изменений.

В. И. Ленин писал, что блок монархистов (сторонников самодержавия) с кадетами «подтвержден, как политический факт, перед всей Россией»⁹. Доминирующее положение в этом блоке занимали кадеты — сторонники конституционной монархии; монархисты более правых убеждений предпочитали пока держаться у них за спиной. В условиях революции открыто поднять знамя реставрации царизма они не могли. В силу этого политической, равнодействующей в переплетении сил, составлявших кадетско-монархический лагерь, фактически уже с весны 1917 г. стала идея создания сильной «национальной» власти, власти «твердой руки», способной покончить с «революционной анархией» и восстановить «порядок». Реальной силой осуществления этой идеи могла стать контрреволюционная, монархически настроенная военщина, летом 1917 г. начавшая консолидироваться вокруг кандидата в диктаторы генерала Л. Г. Корнилова.

Если бы все это было не так, если бы в 1917 г. монархизм полностью утратил свою социальную и политическую опору, молодой Советской Республике не пришлось бы столкнуться с таким мощным контрреволюционным движением, каким являлось выросшее из корпиловщины «белое дело».

Да, конечно, «белое дело» в годы гражданской войны и интервенции практически нигде открыто не подни-

мало монархический флаг, по политическим и тактическим соображениям пропагандируя лозунг «непредрешения». Однако позднее, в эмиграции, почти все идеологи и политики «белого движения» с теми или иными оговорками признавали его скрытый монархизм. Н. Н. Чебышев выразил это метафорически. Утверждая, что «белая мысль» политически являла собой «чистый бланк», он тем не менее признавал, что бланк этот большинство участников белого движения — монархистов — хранили в своей душе в «запечатанном пакете», рассчитывая заполнить его в Москве¹⁰. Но то, о чем столь уклончиво писал Чебышев, прямо признавал более категоричный Шульгин. «В 1919 г., — писал он, — я представлял себе, что будет два периода». Первый период — «когда в Москве будет сидеть всероссийский диктатор», второй период — когда «всероссийский диктатор заменится монархом»¹¹.

Но белогвардейцы не дошли до Москвы. Вместо этого они оказались за рубежами страны, и, как писал Милюков, «именно теперь те, кто остался с белым движением, решили отбросить все недосказанное, всю игру в демократизм и открыто поднять над белым движением знамя монархической реставрации»¹². Тем, между прочим, и интересна история белой эмиграции, что она бросает «обратный свет» на идеологическую сущность «белого движения» периода гражданской войны¹³.

Таким образом, история борьбы с монархией, история ее крушения — это не только история Февраля и периода между Февралем и Октябрем, но и в значительной степени история гражданской войны, борьбы с белогвардейщиной. Эта история блестящим образом подтвердила генеральную ленинскую мысль, которая пронизывала многие его работы и выступления 1917—1921 гг.: мысль о сущности социально-политической альтернативы, перед которой оказалась Россия, вступившая в эпоху острейшей классовой борьбы и глубочайших революционных преобразований. «Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, — писал В. И. Ленин, — либо диктатура рабочего класса. Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентки, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам»¹⁴. «Либо диктатура рабочего класса, диктатура всех трудящихся и победа над капитализмом, либо самое грязное и кровавое господство буржуазии вплоть до монархии...»¹⁵

Когда историк соприкасается с событиями, связанными с историей крушения царизма, с историей борьбы с теми силами контрреволюции, которые стремились к его реставрации, он не может уйти от темы личной судьбы последних Романовых. Между отречением Николая II в начале марта 1917 г. в Пскове и расстрелом Романовых в середине июля 1918 г. в Екатеринбурге прошло почти полтора года — срок по революционному времени огромный, наполненный ожесточенной классовой и политической борьбой. Как правило, зарубежная буржуазная историография не находит в ней места свергнутому Романовым, вследствие чего их конец выглядит якобы ничем не оправданным актом «революционной мести», «жестокости большевизма». Сенсационность, с которой обычно подается эта тема, вносит немалый вклад в антикоммунизм и антисоветизм, рассчитанные на «массовое потребление». К сожалению, наша историческая литература после 20-х годов обходила историю Романовых после свержения царизма. Лишь в 70-х годах появились отдельные работы, в которых она затрагивалась прямо или косвенно. При всем том, что было в них содержательного, известным недостатком этих работ следует все же считать определенную узость подхода к теме, большее или меньшее «замыкание» на истории конца Романовых, рассмотрение ее без достаточно широкого фона тех драматических событий, которые переживала страна.

Конечно, последние Романовы в личном и политическом плане были серьезно скомпрометированы еще в канун Февраля, в чем особую роль сыграла «распутинщина». И это обстоятельство, в частности, в немалой степени тормозило переход белогвардейско-монархической контрреволюции к открытому монархизму, провозглашению лозунга реставрации Романовых. Один из участников белого движения в Сибири — полковник А. Степанов очень точно определил эту ситуацию: «Царская семья, как равно и монархические принципы, так заплеваны и загажены, что вряд ли встретят какой-либо отклик среди народа... Поэтому, как ни тяжело и ни больно признать, монархические лозунги, если их выбросить, потерпят полное фиаско...»¹⁸

Исходя из понимания этого факта, идеологи и политики белого движения формировали его стратегию следующими словами А. В. Кривошеина: «Лучше, чтобы монархия пришла в Россию на 5 лет позже, чем на

5 минут раньше»¹⁷. И тем не менее Романовы (особенно бывший великий князь Михаил Александрович, бывший наследник, сын Николая II Алексей, бывший великий князь Николай Николаевич и др.) долго находились в политическом резерве белогвардейщины: никто в ее среде не мыслил реставрацию монархии без династии Романовых.

Еще раз подчеркнем, что это, конечно, не следует понимать как желание в полном объеме восстановить дофевральскую монархию. Даже в монархическом лагере многие сознавали, что после глубочайших перемен, вызванных двумя революциями 1917 г., такое попросту невозможно. Вместе с тем, как весной 1919 г. писал генералу А. И. Деникину бывший глава «правительства Северной области» знес Н. В. Чайковский, всем в контрреволюционном лагере было совершенно очевидно, что в случае победы белых начнется «угар реакции против свободы и демократии»¹⁸.

Сказанное и определило основной замысел книги. Автор стремился воссоздать картину той классово-политической борьбы, которая развернулась в стране после свержения царизма, и в первую очередь участия в ней правых сил, стремившихся к монархической реставрации. Это потребовало расширения хронологических и территориальных рамок, включения целого ряда исторических сюжетов, событий, совершавшихся в различных регионах страны, охваченных революцией и гражданской войной. Только на таком фоне можно было понять, что происходило и произошло с монархией и Романовыми после Февраля 1917 г. Их история и после отречения Николая II оставалась тесно вплетенной в бурные исторические события, в ожесточенную борьбу различных классовых сил.

Замысел книги обусловил специфику привлекаемого исторического материала (литературы, прессы, мемуаров, архивных документов) и характер его использования.

Сначала о литературе, об историографии проблемы. Существует хрестоматийный метод прикнижного историографического анализа: труды предшественников с большей или меньшей полнотой рассматриваются в специальном разделе, обычно предваряющем книгу. Этот метод вполне оправдан, особенно в том случае, когда избранная тема действительно имеет четкую исследовательскую традицию. Но у него есть и недостаток:

известная затрудненность прямого сопоставления уже сделанного с авторской позицией.

В последние годы в нашей исторической литературе все более прочно утверждается другой историографический метод — рассмотрение предшествующей литературы или ее отдельных аспектов в органической связи с конкретно-историческим материалом, так сказать, по ходу его. Пожалуй, наиболее приемлем он в тех случаях, когда избирается тема, носящая комплексный характер, т. е. включающая в себя ряд сюжетов, каждый из которых имеет собственную историографию. Так, в нашем случае по старому «историографическому закону» пришлось бы давать обзор литературы по истории кануна крушения царизма, Февральской революции 1917 г., корниловщины, Великого Октября, начала гражданской войны и иностранной интервенции и др. Это было бы «физически» невозможно. Вместе с тем без многих капитальных трудов по названным проблемам (В. С. Дякина, А. Я. Авреха, Е. Д. Черменского, Э. Н. Бурджалова, И. П. Лейберова, И. М. Пушкаревой, В. И. Старцева, А. В. Игнатьева, А. Я. Грунта, Г. Л. Соболева, Н. Г. Думовой, Н. Я. Иванова, И. И. Минца, Х. М. Астрахана, Е. Н. Городецкого, В. Д. Поликарпова, Л. М. Спирина, К. В. Гусева, О. Ф. Соловьева, Д. Л. Голикова и целого ряда других историков) эта книга попросту не могла быть написана. Их материалы (впрочем, как и некоторых собственных, уже изданных работ автора) использованы, как представляется, с необходимой полнотой в тексте самой книги.

Конечно, у нас имеется литература тематически более непосредственно связанная с данной работой. Но она очень немногочисленна (книги П. Быкова, М. Касвинова, отдельные статьи), сосредоточена преимущественно на истории последних Романовых, и выделять ее в особый историографический раздел было бы необоснованно. Таковы основные соображения, по которым в этой книге применен хотя и не традиционный, но уже вполне апробированный метод: соединение историографического анализа с конкретно-историческим текстом.

Теперь немного об источниковой базе. Читатель без труда заметит, что существенную ее часть составляют материалы (архивные документы, пресса, мемуары, переписка), исходящие из контрреволюционного лагеря. Советская историческая наука уже накопила большой

опыт их использования. При этом многими авторами, работавшими с этим видом источников, обычно подчеркивается его особая ценность для разоблачения планов и действий контрреволюции, что совершенно справедливо. С этой точки зрения «контрреволюционный материал» просто уникален и позволяет, по словам Ф. Энгельса, бить контрреволюцию «ее же собственными свидетельствами»¹⁹. В. И. Ленин в своих произведениях дал замечательные образцы использования источников враждебного лагеря. «„Кто хочет знать своего врага,— писал он,— тот должен идти в страну этого врага“, знакомиться непосредственно с обычаями, нравами, методами рассуждения и действиями врага»²⁰.

Но для В. И. Ленина необходимость обращения к свидетельствам противника не ограничивалась только задачами его разоблачения и политического познания. «Нам,— писал он в сентябре 1921 г.,— нужна *полная и правдивая* информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить»²¹. И потому, по Ленину, «попасть в смешное положение — наименьшее наказание тому, кто по образцу печати капиталистов сам себе рисует „врага“ вместо точной ссылки на слова тех или иных политических противников»²².

Руководствуясь этими ценнейшими ленинскими указаниями, автор «пошел в страну врага» и, критически используя его источники, сопоставляя их с советскими, стремился, говоря словами В. И. Ленина, к «полной и правдивой информации», единственно способной разрушить белоэмигрантские и советологические спекуляции на «романовской теме».

Эту книгу следует рассматривать как дополнение и продолжение трудов советских историков, посвященных свержению царизма, как рассказ об эпилоге царизма, ибо только Октябрьская революция покончила с монархией²³. И так же, как многие другие ее победы, эта победа далась ей «с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями...»²⁴.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

² Там же. С. 145.

³ Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ Там же. Т. 31. С. 425.

⁶ Там же. Т. 34. С. 258.

- ⁷ Там же. Т. 32. С. 46.
⁸ Там же. С. 211.
⁹ Там же. С. 403.
¹⁰ Новое время. Белград, 1924. 15 авг.
¹¹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Шульгин В. В. 1919-й год: Киев под добровольцами. Ч. 4. Рукопись.
¹² Там же. Милюков П. Н. Республика или монархия? Рукопись.
¹³ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1986.
¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 158.
¹⁵ Там же. С. 41.
¹⁶ Степанов А. И. Сибирская операция // Белое дело. Белград, 1926. Т. 1. С. 85.
¹⁷ Последние новости. Париж, 1922. 10 авг.
¹⁸ ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо Чайковского Н. В. Деникину А. И. 23 апреля 1919 г.
¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 240.
²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 466.
²¹ Там же. Т. 54. С. 446.
²² Там же. Т. 31. С. 301.
²³ См.: Там же. Т. 44. С. 145.
²⁴ Там же. С. 149—150.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ИСТОРИЧЕСКОМ ТУПИКЕ

В воскресенье, 19 февраля 1917 г., Николай II сообщил дворцовому коменданту генералу В. Н. Воейкову, что на среду, 22 февраля, назначает возвращение в Ставку, в Могилев (он уехал оттуда двумя месяцами ранее, отъезд царя ускорила паническая телеграмма Александры Федоровны об убийстве Г. Распутина). Воейков в осторожной форме решился возразить. Он заметил, что в Петрограде неспокойно. Из департамента полиции поступают весьма тревожные данные о возможных забастовках и демонстрациях рабочих, о новых противоправительственных выступлениях в Думе; в аристократических салонах беспрестанно болтают о каких-то невероятных заговорах против Вырубовой, самой императрицы, о готовящемся дворцовом перевороте. В столь тревожные дни не лучше ли еще задержаться в Царском Селе, как советует министр внутренних дел А. Д. Протопопов и просит императрица?

Все, о чем говорил Воейков, царь хорошо знал. Но сведения, которыми он располагал, были противоречивыми. Наряду с многочисленными предупреждениями о тяжелой, все обостряющейся обстановке, о необходимости пойти на конституционные уступки «общественности», думскому «Прогрессивному блоку» Николай и императрица получали немало верноподданнических заверений от приверженцев черносотенно-монархических организаций в том, что «простой русский народ» — с царем, что «бунтует» и подстрекает главным образом «гнилой» Петербург со своей пресыщенной аристократией и прозападнической интеллигенцией и что спасение не в либеральных уступках, а, напротив, в укреплении традиционной самодержавной власти. Какому из этих двух противоположных советов Николай II мог и должен был следовать? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, мы должны несколько отвлечься. Как заметил один из лучших знатоков внутренней политики царизма

периода перед его крушением — В. С. Дякин, «деятельность царского правительства по традиции, унаследованной от буржуазной прессы, часто изображается как лишенный внутренней логики поток случайных и противоречивых мероприятий»¹. Но можно было бы, пожалуй, сказать и определеннее. Внутренняя политика царизма перед крушением в широко укоренившемся представлении выглядит как результат бездарности царских министров и прежде всего глупости и безволия самого Николая II, оказавшегося во власти своей жены-фанатички и мракобеса Распутина. Где источник такого представления? В. С. Дякин точно указывает его: это буржуазная пресса — и уже одним этим вскрывает пропагандистскую подоплеку такой трактовки, ее прямую связь с классово-политическими целями буржуазно-либеральной оппозиции, а затем и Временного правительства.

Действительно, перед Февральской революцией элементарная и потому вполне доходчивая идея патологической бездарности правительства последнего царя, этой, по выражению А. И. Гучкова, «жалкой, дрянной, слякотной власти»², неплохо служила обоснованию необходимости замены ее другими лицами (естественно, связанными с буржуазной оппозицией). Было бы, конечно, упрощением объяснять все одним только «коварным» пропагандистско-политическим расчетом либерального и фрондирующего лагерей. Нельзя не учитывать общей атмосферы негодования, которое вызывалось тяжелыми поражениями русской армии, экономическими трудностями и неурядицами в стране. Интересно, что впоследствии, в эмиграции, многие из бывших либеральных «гонителей» правительства Николая II признавали, что поддались эмоциям, «переборщили» в своих нападках. Но это, доказывали они, стало ясно потом, спустя годы, а тогда, перед революцией, по словам кадет В. А. Оболенского, «ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем — предателями, было всеобщим»³.

После Февраля муссирование антиромановской версии еще больше усилилось. Но теперь она «работала» на доказательство завершенности революции и ненужности ее дальнейшего углубления: «бездарное правительство» и «темные силы» устранены, у власти, наконец, «цвет общественных сил» и потому отныне требуется одно: «единодушие», «классовый мир».

Романовско-распутинская тема разрасталась, как снежный ком. К ее нагнетанию подключились бульварные газеты, многочисленные борзописцы, быстро учуявшие возможность погреть руки на «сенсациях», потрафлявших мещанскому вкусу. Полился поток невероятных разоблачений «тайн дома Романовых» (сочинения различных Ковылей-бобылей, Труфановых и др.), из которых каждому (даже самому «несознательному») должно было стать ясно, что именно породило революцию в России. Обыватель впитывал их с жадностью, как губка воду: они освобождали его от самостоятельной умственной работы, удовлетворяли жадное любопытство. В. Шкловский, активно участвовавший в политической жизни летом 1917 г., довольно тонко подметил, что распространение литературы с распутинско-романовскими «разоблачениями», этот настоящий пропагандистский психоз, свидетельствовало о «духовном гниении» не только тех, кто этот психоз вызывал, но не в меньшей мере и тех, кто становился его жертвой⁴. И очень важно отметить, что революционно-демократическая, и прежде всего большевистская, печать не только не принимала участия во всей этой кампании, но и, как могла, противодействовала ей. И конечно, не случайно. Есть у В. И. Ленина замечательное высказывание, относящееся еще к 1911 г. «Не могу не сознаться, эта постановка вопроса, когда в объяснение политических явлений,— писал он,— приводятся *только* порочность одних и добродетельность других, всегда напоминает мне афишированно-благообразные физиономии, при виде которых невольно приходит мысль: „а, вероятно, это — шулер“»⁵. И стремление буржуазной пропаганды свести всю борьбу с царизмом только к разоблачению «гнили и маразма» последних Романовых и Распутина было, несомненно, политическим шулерством.

После Октября советская историография, и это закономерно, основное внимание сконцентрировала на истории революции и революционных сил; вместе с тем политические «верхи» (правительство и придворная камарилья) практически ушли из поля зрения исследователей. Между тем в 20-х годах сменовеховские публицисты и близкие к ним популяризаторы продолжали трактовать деятельность царского правительства, Николая II и его окружения «в ключе» предфевральской и послефевральской буржуазной пропаганды⁶.

В последующие годы беллетристика, драматургия, кино закрепили эту традицию (фильм «Конец Романовых», пьеса «Заговор императрицы» и др.). Пожалуй, в крайнем, доведенном до вульгаризации варианте это нашло выражение в «сенсационной» публикации «интимных дневников» А. Вырубовой⁷. Журнал «Историк-марксист» писал тогда, что «опубликование этой литературной подделки... заслуживает самого строгого осуждения не только потому, что „дневник“ может посеять заблуждения научного характера, а потому, что пользование этой фальшивкой компрометирует нас в борьбе с уцелевшими сподвижниками и защищаемым ими строем»⁸.

Практически лишь в 60-х годах советские историки приступили к фронтальному изучению проблемы крушения царизма. Именно к этому времени относится уже цитированное нами замечание В. С. Дякина о безосновательности трактовки деятельности царского правительства как некоего потока мероприятий, лишенного внутренней логики. Ныне эту точку зрения разделяют и другие историки, занимавшиеся проблемой истории крушения царизма (Е. Д. Черменский, А. Я. Аврех, В. И. Старцев и др.). В обобщающем труде «Кризис самодержавия в России» дана, на наш взгляд, правильная марксистско-ленинская трактовка особенностей внутреннего курса царизма в канун крушения. Этот курс «выводится» в книге не из «личной слепоты и фаталистического упрямства» последних Романовых, их министров и окружения. В ней убедительно показывается, что здесь проявились «исторические закономерности, свойственные периодам кризиса абсолютных (самодержавных) режимов»⁹. Но сугубо специальный характер научных монографий, их небольшие тиражи не позволяют существенно повлиять на укоренившиеся представления.

В частности, в советской печати отмечалось, что автор романа-хроники «У последней черты» В. Пикуль сместил акценты в оценке исторического процесса, утратил чувство меры и «отступил от единственно верного принципа — классового подхода в оценке прошлого»¹⁰. Отсутствие специальных исследовательских работ о правящих кругах перед свержением царизма, точнее, о соотношении в системе власти официального правительства и камарильи мешает изживанию искаженных представлений¹¹.

Великому материалисту Б. Спинозе, которого не раз цитировал К. Маркс, принадлежит афористическая фраза, обращенная к историкам: «не плакать, не смеяться, а понимать». Упор на деградацию последних Романовых как на фактор, чуть ли не определивший крушение монархии, есть, в сущности, не что иное, как оборотная сторона той части современной буржуазной литературы, которая изображает Романовых невинной жертвой «разнузданных политических страстей». В одном случае смеются, в другом плачут, но в обоих случаях не хотят даже попытаться понять истоки, масштаб и мощь того исторического вихря, в котором исчезли и царизм, и последние Романовы. Ключ к пониманию дает нам В. И. Ленин. «Классы не ошибаются,— разъяснял он,— в общем и целом они намечают свои интересы и свои политические задачи соответственно условиям борьбы и условиям общественной эволюции»¹². И еще одно очень важное ленинское замечание. «Нужно,— писал он,— все безграничное тупоумие российского кадета или беспартийно-прогрессивного интеллигента, чтобы вопить... о безумии правительства и убеждать его встать на конституционный путь». Правительство, подчеркивал В. И. Ленин, в целом *«не может поступать иначе»*¹³, чем так, как диктуют ему его интересы и интересы того класса, который оно представляет. Это, конечно, не означает отрицания ошибок и просчетов, которые вполне могут быть допущены «носителями власти», но речь здесь идет об общей линии, общем направлении.

Царствование Николая II совпало с таким периодом, когда историческая судьба России оказалась на перепутье. Две тенденции все явственнее, все напряженнее вели борьбу между собой: тенденция перемен, т. е. тенденция буржуазно-демократического развития, и тенденция «стабильности», т. е. тенденция удержания и сохранения самодержавия. От развязки этой борьбы зависело будущее страны, ее внутреннее и международное положение. У. Черчилль образно и точно определил суть альтернативы. На Николая II, писал он, «легла функция стрелки компаса. Война или нет? Наступление или отступление? Вправо или влево? Демократизировать или не уступать? Изменять или сохранять? Таковы были поля сражений Николая II»¹⁴.

И невозможно понять позицию царизма, позицию последнего царя, оказавшихся перед труднейшей исто-

рической проблемой, без учета по крайней мере трех определяющих факторов: монархической идеологии, сложившейся политической ситуации и в значительной степени личных качеств самого Николая II.

К сожалению, у нас нет работ, суммарно рассматривающих идейно-политическую доктрину монархизма, точнее говоря, самодержавия конца XIX — начала XX в. Обычно она трактуется упрощенно, чаще всего отождествляясь с черносотенством, представлявшим собой ультраправое, экстремистское и весьма одиозное крыло монархизма. Но монархическая идеология возникла задолго до появления Дубровиных, Пуришкевичей и Марковых-вторых и не являлась плодом их погромных уствований. Уже с середины XIX в. она приобрела характер воинствующего ответа на либеральную и революционно-демократическую идеологию и пыталась активно противодействовать им. Ее отправные положения формулировали далеко не бесталанные люди (К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, В. П. Мещерский, К. Н. Леонтьев, С. Ю. Витте и др.). В. И. Ленин никогда не игнорировал идеологию «охранителей», хорошо понимая всю ее опасность для дела освобождения и революционного преобразования России¹⁵. Для него Победоносцев, Катков, Суворин и другие «охранители» были веховцами, а веховство, проповедовавшее вредность, бессмысленность не только революции, но даже более или менее глубоких политических реформ, являлось серьезнейшим препятствием на ее пути. Таковым оно (пусть под другими названиями), находясь на вооружении современных буржуазных идеологов, остается и сегодня¹⁶.

Политические рекомендации «охранителей» с глубоким вниманием воспринимались «наверху» как в царствование Александра III, так и Николая II. Они требовали от правительства и его главы со всей решимостью «идти вперед» в деле укрепления «традиционной», якобы единственно соответствовавшей духу русского народа власти — самодержавия. Например, в 1906 г. князь Абамелек-Лазарев подал царю обширную записку, в которой «исторически» доказывал, что «благо и будущее России должны оставаться в руках самодержавного царя». Уступки либералам и революционерам, грозил Абамелек-Лазарев, приведут к повторению судьбы Людовика XVI, который «в шесть недель» потерял власть и «верг страну в пучину революции»¹⁷. Но «охранители»

не были настолько близоруки, чтобы не понимать, что в периоды кризисных ситуаций власть должна уметь лавировать и маневрировать. Однако и вынужденное маневрирование, по их представлениям, не должно было приводить к каким-либо политическим уступкам либеральным и тем более демократическим силам. Его содержанием должно было быть поддержание и сохранение статус-кво. Но только до минования критической ситуации, а затем — снова решительный натиск власти, всех правых сил¹⁸.

Социально-экономическая и политическая ситуация, в которой оказался царизм в начале XX в., как раз являла собой глубочайший кризис. Этот вопрос достаточно хорошо разработан в советской литературе. Доказано, что содержанием последнего периода существования царизма в России была напряженная борьба трех классовых лагерей: революционно-демократического, либерального и правительственного.

Революционно-демократический лагерь ставил вопрос о полной ликвидации царизма как главного препятствия на пути социально-экономического развития России. Это был путь революции, путь революционных преобразований. Либеральный лагерь видел выход в утверждении конституционной монархии, в буржуазной демократизации страны. Это был путь предотвращения революции посредством проведения некоторых реформ. Надо признать, что Николай II с порога не отвергал просьб и настояний либеральной оппозиции. Стала почти афористической его фраза о «бессмысленности» либеральных мечтаний и неизбежности «начала самодержавия», которую он произнес в начале своего царствования. Но история мало считается с декларациями даже коронованных особ. Им тоже приходится подчиняться ее диктату. Когда началась грозная пора первой российской революции, Николай II вынужден был пойти даже дальше тех рубежей, за которые, в представлениях идеологов-«охранителей», самодержавие не могло отступать. Статус-кво был поколеблен. С провозглашением манифеста 17 октября, учреждением Государственной думы и других «общественных организаций» самодержавие в своем «первозданном» виде перестало существовать. Возникло нечто вроде «конституционного самодержавия»¹⁹, что-то среднее, промежуточное между самодержавием и конституционной монархией.

Но как только революционная гроза прошла, кризис миновал, отсидевшаяся реакция во главе с царем снова «пошла вперед». В идеале правительственный лагерь хотел бы вернуть самодержавие в тот «неприкосновенный вид, в каком государь (Николай II) получил ее от своих царственных предков», но исторически такое попятное движение уже было невозможно.

Осенью 1915 г. новый, еще более глубокий кризис поразил режим. Война резко усилила революционное движение, во главе которого находился рабочий класс. Под влиянием этого движения активизировался и либеральный лагерь, политическим штабом которого стал думский «Прогрессивный блок». Выдвигая требование «министерства доверия» (со стороны Думы), блок фактически подготавливал себе плацдарм для продвижения к финальной позиции своей борьбы: к «ответственному министерству» (перед Думой). Как писал впоследствии один из активных деятелей «Прогрессивного блока» — В. В. Шульгин, суть конфликта, который возник между блоком и «короной», сводилась «к вопросу о назначении министров»²⁰. Однако этот на первый взгляд простой вопрос являлся вопросом кардинальным, коренным: вопросом о власти. Согласись царь на «министерство доверия» или тем более ответственность министров перед Государственной думой — и «конституционное самодержавие» практически превратилось бы в конституционную монархию, в которой монарх лишь царствует, но не управляет.

Мощный натиск революционных сил и давление либерального лагеря оттесняли царизм к его последнему рубежу. Вот тогда-то и лихорадочно заметалась «стрелка компаса» Николая II. Вправо или «влево»? Изменять или сохранять? Решение этих вопросов не было и не могло быть делом одного только свободного выбора.

Николай II, можно сказать, с молоком матери впитал охранительную идеологию, твердую веру в «органичность самодержавного принципа» для России. Поучения Победоносцева, Каткова, князя Мещерского и других идеологов монархизма полностью соответствовали его умонастроению. Из дневников Мещерского, которые давались ему на прочтение, он делал «вдохновлявшие» его выписки, одна из которых, к примеру, гласила: «Как в себе ни зажигать конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия. Оно требует самодер-

жавия, а конец самодержавия есть конец России»²¹.

Вообще следует сказать об одной примечательной черте, довольно определенно характеризующей последнее царствование и последних Романовых, но почему-то не замеченной исторической литературой. Обычным для нее являлся поиск указаний на германофильство Николая и Александры Федоровны, в то время как имеется ряд фактов, свидетельствующих об их прямой поддержке «антизападнических», славянофильских тенденций, так называемого «русского самобытничества», широко распространявшегося правыми кругами.

Сохранились интереснейшие воспоминания ответственного чиновника Государственного совета М. В. Шахматова (племянника академика А. А. Шахматова), раскрывающие эту малоизвестную сторону идеологических устремлений Николая II. Шахматов вспоминает, что в 1916 г. статс-секретарь Государственного совета Д. А. Коптев рассказал ему о том, что царя очень интересует «мысль об изгнании иностранных терминов из русского законодательства» и он, Коптев, получил указание заняться их заменой (для «Свода законов») «современными и древнерусскими словами»²² (интересно, что академик А. А. Шахматов, один из крупнейших знатоков русского языка, не посоветовал своему племяннику «связываться с этим»). Идеалом Николая II был Алексей Михайлович, Петра I он «не почитал». Это, в частности, находило выражение в его личной поддержке всех начинаний, направленных на реставрацию стиля и быта допетровской Руси, что особенно усилилось в канун и в годы мировой войны. Комендант Царского Села, друг Г. Распутина князь М. С. Путятин, говорил Шахматову, что при дворе всерьез рассматриваются вопросы о восстановлении придворных званий эпохи «допетровской Москвы» и о восстановлении в качестве национального «московского флага». Под непосредственным покровительством царя в Царском Селе в стиле XVII в. строился Федоровский «государев» собор и так называемый «Федоровский городок», одна из «палат» которого стала штаб-квартирой малозвестного теперь «Общества возрождения художественной Руси». Сам по себе этот замысел мог служить миссии сохранения исторических традиций, но, оказавшись под контролем придворных кругов и самого царя, с самого начала приобрел сугубо казенное, монархическое содержание. Даже наш мемуарист, человек правых убеждений, очень быстро по-

нял, что руководители Общества (князь А. А. Ширинский-Шахматов, граф А. Бобринский, князь М. С. Путятин и др.) ищут не столько удовлетворения «своему научному и эстетическому увлечению древней Русью», сколько осуществляют «политическую акцию» тех кругов, к которым принадлежат. Действительно, пропагандируя «Москву древнюю, православную», отвергая петровские реформы, искажившие «лик истинной России», и борясь за «возрождение древнерусского православного строя и быта», они стремились поставить препону на пути любых прогрессивных, демократических преобразований, укрепить «царский престол как средоточие русской самобытности». И вполне естественно, что Николай II поощрял деятельность Общества. В отрицании «европеизма» и приверженности к традициям «патриархальной Руси», как ни странно это может показаться на первый взгляд, царя полностью поддерживала Александра Федоровна. Воспитанная при дворе своей бабушки — английской королевы Виктории, изучавшая философию в Кембридже, она, оказавшись в России, впала в настоящий религиозный фанатизм, характерный для Руси XVI—XVII вв., прониклась несокрушимой верой в «божьих людей», отшельников, схимников и прорицателей. Этим, между прочим, во многом объясняется появление при дворе «божьего человека» Распутина, в котором Николай и особенно Александра Федоровна склонны были видеть символ «верноподданнического простого народа» (другой причиной, по-видимому, была болезнь наследника, которого Распутин пытался лечить знахарскими методами; владение гипнозом сам он отрицал).

Короче говоря, перед своим крушением царизм явно стремился облечься в кафтан XVII в. Этим идеологическим и политическим переодеванием хотели раздуть шовинизм и национализм, которыми реакция рассчитывала подкрепить расшатанные опоры самодержавия.

Николай II твердо верил в то, что самодержавие должно делать ставку на «простой народ», на «мужика», а не на «европеизированную общественность». Годы правления убеждали его, что всякий раз, когда под давлением «общественности» он поступался самодержавным принципом, «выходило плохо». Частичные уступки по линии «либерализации», на которые он шел (октябрьский манифест 1905 г. и др.), не улучшили положения в стране и не укрепили царскую власть. На-

против, они еще больше возбуждали ту же самую «общественность» и некоторые наиболее крайние ее представители становились еще требовательнее. Даже С. Ю. Витте однажды с раздражением заметил, что либералы напоминают ему шахматного игрока, который, выиграв партию, хватается доску и начинает бить ею своего противника по голове²³. Царь вообще считал, что при значительном сдвиге «влево» страна не остановится на «либеральной ступени». Он не раз говорил, что общественные деятели из думского лагеря, придя к власти, не сумеют долго продержаться у нее.

Такую точку зрения разделяли многие правые. Вспомним хотя бы знаменитую «записку Дурново», предсказывавшую в случае войны неизбежность крушения российского либерализма под натиском «анархических», т. е. революционных, сил²⁴.

В литературе высказывается мнение, что царизм требовал от буржуазии «полного отказа от каких-либо политических поползновений»²⁵. Но, видимо, это не совсем так. По крайней мере, в годы войны, по мнению царя, не время было возвращаться к тому состоянию, которое существовало до «смуты» 1905 г. «Общественность» в лице своих организаций много помогала царской армии; Государственная дума, хотя и была бельмом на глазу, все-таки потихоньку «выпускала пары» недовольства и раздражения, накопившегося в стране, создавала впечатление «представительности» в глазах западных союзников. Царь сознавал это. Противоречивое, в сущности говоря, неопределенное, неустоявшееся отношение Николая II к так называемым «общественным организациям» (центрам либерально-буржуазной оппозиции) хорошо видно из двух его собственноручных резолюций. В январе 1917 г. ему была подана записка «русских православных людей» г. Киева, требовавшая принятия решительных мер против «кадетско-еврейских, интеллигентских кругов», которые под руководством Государственной думы «дискредитируют порядок, действуют в противоположность политическим идеалам коренного народа». «Все несогласные,— настаивали авторы записки,— должны умолкнуть», все «общественные организации» должны быть взяты под строгий правительственный контроль. Прочитав записку, Николай II направил ее премьер-министру Голицыну с резолюцией: «Записка, достойная внимания»²⁶. Казалось бы, все ясно. Но примерно в то же время на за-

писке черносотенца Н. Н. Тихановича, в которой предлагалось ужесточить правительственный курс, Николай написал: «Во время войны общественные организации трогать нельзя»²⁷.

Впоследствии, размышляя о ситуации, в которую был поставлен последний русский царь, некоторые эмигрантские историки и публицисты характеризовали ее как «межумочную». Журналист И. Колышко писал: «...потеряв внешние атрибуты самодержавия (акт 17 октября), но не порвав с ним внутренне, Николай II повис между этими двумя идеалами...»²⁸. Действительно, режим практически находился в состоянии неустойчивого равновесия: любое неосторожное прикосновение к нему с любой стороны — слева или справа — могло толкнуть его вниз. В «верхах», по-видимому, это признавали. Государственную думу, в которой видели главный элемент «дестабилизации» и которую стремились «урезать», «обкарнить», «привести к послушанию» и т. п., все-таки вынуждены были терпеть как ставшую чем-то органическим в системе царского режима. В проекте манифеста о роспуске IV Государственной думы (январь 1917 г.) она обвинялась в том, что «вновь уклонилась в область политических стремлений... вступила в борьбу за власть с правительством». «России,— вещал манифест,— нужны не речи, смущающие народную душу и расшатывающие нашу государственность, а созидательная работа, укрепляющая государственный порядок». Исходя из такой установки, признавалось «за благо» распустить IV Думу, но назначить на декабрь 1917 г. выборы в новую Думу²⁹.

В целом правительственный курс в последний период перед Февралем 1917 г. можно, вероятно, оценить как попытку политического маневрирования между реакцией и буржуазно-дворянской оппозицией с осторожным сдвигом, сползанием в сторону реакции. Но сдвиг этот делался не столько в расчете на укрепление позиций самодержавного режима именно в данный момент, сколько на то, что легче будет укрепить эти позиции в будущем. В такую оценку, как нам кажется, вписывается даже знаменитая «министерская чехарда», которая обычно рассматривается в качестве сильнейшего аргумента в пользу тотального «разложения царизма». Лишь в какой-то степени это, вероятно, было так, но конкретный анализ процесса «чехарды» обнаруживает в ней вполне определенную политическую тенденцию: ми-

нистры менялись и тасовались с явным расчетом на «умиротворение» не только правых элементов, но также и думской оппозиции. Расчет на то, что новый кандидат сумеет лучше наладить контакт с Думой, почти всегда присутствовал при очередном назначении. Как бы там ни было, Николай II так и не решился на проведение чего-то вроде «контрреформ», которые свели бы на нет вынужденные нововведения периода первой российской революции, превратившие самодержавие в «самодержавие конституционное». Выждать, выиграть время до конца войны — это было главным. Победа, считал Николай II, поднимет патриотический дух, изменит положение, тогда и придет час нужных ему решений.

В этой связи заслуживает внимания письмо бывшего премьер-министра А. Ф. Трепова, опубликованное белоэмигрантской газетой «Новое время» (Белград) 20 апреля 1924 г. Трепов так характеризует политический курс царя, очерченный ему, Трепову, самим Николаем II в январе 1917 г.: Николай не считал возможным проведение каких-либо реформ до конца войны. Он утверждал, что «русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет» и что «только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений» ради осуществления чуждых народу собственных «вожделений». Поэтому, если эти группы не прекратят своих «подстрекательств», их «заставят успокоиться, хотя бы пришлось прибегнуть к репрессиям». Однако по окончании войны Николай «не отвергнет» реформ, которые «удовлетворяют интересы подлинного народа...».

В. И. Ленин писал, что тактика царизма обязательно «отчетливо сознаваема и систематически преследуема всеми или хотя бы даже несколькими членами правящей клики»³⁰, что эту тактику диктует царизму и «весь его громадный политический опыт и политический инстинкт»³¹. И не совсем правильно было бы считать, что такой курс, проводимый царизмом, являлся исключительно итогом трезвого политического анализа. Надо иметь в виду, что сама натура, сам характер Николая II удивительным образом гармонировали с таким курсом. О Николае II написано немало. Многочисленные свидетельства, исходящие из разных политических лагерей, содержат порой диаметрально противоположные оценки, часто противоречат друг другу. Вы-

сказывались даже мнения, что он — некий «сфинкс XX в.».

По словам поэта Андрея Вознесенского, «какое время на дворе, таков мессия». Эпохе заката царизма соответствовал царь, характер которого рассмотреть действительно пелегко: это был скрытный человек, в совершенстве владевший искусством не выдавать своих чувств и мыслей. Многим это казалось «страшным, трагическим безразличием»³². Другие видели в нем безволие, слабость характера, которые он тщательно старался замаскировать. Царь почти никогда не проявлял своей «царской воли»; не стучал кулаком по столу, не третировал министров и генералов и т. п. Он был хорошо воспитан и умел «очаровывать». Но если, писал хорошо знавший его генерал В. Гурко, он «и не умел повелевать другими, то собой он, наоборот, владел в полной степени»³³. «Стойко,— пишет Гурко,— продолжал он лелеять собственные мысли, передко прибегая для проведения их в жизнь к окольным путям»³⁴. Переубедить царя, навязать несвойственный ему образ мыслей было практически невозможно³⁵. Версии, согласно которым Николай II будто бы находился под безраздельным диктатом Распутина и еще более жены — Александры Федоровны, ничем не обоснованы. Наоборот, имеются некоторые данные, свидетельствующие о весьма скептическом отношении царя к Распутину. Было бы, вероятно, правильнее сказать, что он терпел его, считаясь в основном с истерическим характером своей супруги, твердо веровавшей в «благость» «нашего друга». Умел Николай II осторожно освобождаться и от слишком назойливого давления самой Александры Федоровны, если оно расходилось с его замыслами и намерениями.

Здесь уместно коснуться роли Распутина вообще. В получившей немалую популярность книге М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» задается вопрос: «Участвовал ли Распутин в управлении Российской империей? Какова была степень его причастности к государственным делам?» И дается ответ: «Неопровержимые факты свидетельствуют, что Распутин ездил в Царское Село как главный государственный консультант, как великий визирь, как член негласного императорского триумвирата»³⁶.

Вот, пожалуй, пример полного игнорирования «массовой литературой» тех заключений, к которым пришла

историческая наука! Почти все историки, изучавшие «распутинский сюжет», приходят к выводу о том, что «влияние Распутина преувеличивалось, роль Распутина раздувалась»³⁷, что Распутин «никакой политики не делал и не мог делать»³⁸, что «буржуазная литература выдвигала Распутина, чтобы свалить на него вину за разложение верхов»³⁹, что «значение Распутина преувеличено»⁴⁰, что царь «черпал поддержку своего политического курса не у Распутина, а у всей правой группы»⁴¹ и т. п. И все же представление о Распутине как подлинном правителе России перед Февралем 1917 г. живет...

Выше мы уже писали об истоках подобного рода утверждений. В предфевральский период Распутин стал весьма удобной и выгодной мишенью в политической игре оппозиции. Его чудовищный аморализм, факты безобразного поведения были теми сенсациями, которые буржуазно-либеральная и монархическая оппозиции умело использовали в целях политической компрометации Романовых.

Имеется, как нам кажется, весьма интересное свидетельство, подтверждающее это. В январе 1930 г. английский «россиевед» Б. Пэйрс (до революции он неоднократно бывал в России и имел тесные связи в либеральных кругах) отправил из Лондона письмо А. И. Гучкову в Париж. В нем он сообщал, что готовит к изданию свои «русские мемуары», и в связи с этим просил Гучкова «дать подтверждения по некоторым вопросам». Особенно его интересовал разговор, который они (Пэйрс и Гучков) вели на балконе гучковской квартиры на Фурштатдской улице летом 1916 г. Как писал Пэйрс, он тогда передал Гучкову мнение английского посла Дж. Бьюкенена, который советовал «людям Думы» продумать какой-либо «практический вопрос» и выдвинуть его в качестве главного в конфронтации с правительством. «Вы тогда сказали,— напомнил Пэйрс,— что для вас таким вопросом является Распутин, и весьма взволнованно говорили об этом весь вечер...»⁴²

По мере обострения конфликта в верхах «распутинский феномен» все более гипертрофировался. Лицо Распутина, с глубоко запавшими глазами и неопрятной бородой, казалось, прочно вплелось в императорский герб с двуглавым орлом. «Россия под хлыстом!» — этот каламбур, намекавший на нисобъятную власть Распутина,

которого подозревали в принадлежности к секте хлыстов, был известен в самых широких кругах. В правительственных и проправительственных кругах хорошо понимали политическую подоплеку антираспутинской кампании. В записке, направленной на «высочайшее имя» по поводу публикации в газете «Русская воля» «возмутительных статей об отце Григории», отмечалось: «Эта газетная кампания при настоящих условиях русской политической жизни приобретает особо важное значение и указывает на стремление создать искусственным путем... антидинастическое движение» (последние два слова Николай II подчеркнул при чтении)⁴³. Но, конечно, вся эта «распутиниада» вряд ли приобрела бы такой масштаб, если бы держалась только на одном сугубо «политическом корне». Как появление и пребывание Распутина при дворе, так и антираспутинская кампания, в сущности, имели одну — некую психопатологическую — основу. Если Романовы видели в Распутине «спасителя» и «целителя», то «общественность» видела в нем же ярчайший симптом разложения критикуемого ею строя. Выходило, что Распутин был нужен всем, что конфронтирующие стороны «хватались» за Распутина и тянули его каждый к себе. «Общественность» не только верила во всемогущество Распутина, но упорно хотела в это верить, все более возбуждая и разжигая себя. Один из наблюдательных мемуаристов довольно тонко заметил, что если бы исчез Распутин, вместе с ним «исчезла бы для тогдашнего общества наиболее заманчивая, волнующая сторона жизни...» и оно бы создало нового «героя и окружило бы его тем же усиленным вниманием и тем же любопытством»⁴⁴.

Никакой собственной политической линии Г. Распутин не проводил, да и не мог проводить. Не было абсолютно подавляющим и его влияние на Николая II. Распутин, скорее всего, немало преуспел в ином: сам черносотенец, он умело «улавливал» черносотенные склонности и желания «царствующих особ» и довольно тонко подыгрывал им. Этим умело пользовались другие «оборотистые» лица либо для проведения в жизнь своих политических планов, направленных на укрепление самодержавия, либо по большей части в карьеристских и других неблагоприятных целях. Распутин, таким образом, был скорее проводником определенных влияний на «носителей власти», но характер и размер этих влияний ни в коем случае не следует доводить до общегосудар-

ственных масштабов. Остается фактом, что Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, занимавшаяся выявлением так называемых «безответственных влияний», влияний «темных сил», в том числе и Распутина, не получила сколько-нибудь впечатляющих результатов⁴⁵. «Безответственные влияния» не были чем-то инородным, менявшим природу самодержавия. В большей или меньшей степени они существовали всегда как неотъемлемые спутники всякого режима личной власти. Распутин, может быть, свидетельствовал не столько против последних Романовых лично, сколько против всей той среды, которую порождает царизм и которая не гнушалась даже самыми подлыми средствами для достижения своих корыстных целей. Распутин в своей действительной ипостаси «нужного человека» у «паперти власти» был детищем ее рук, ее творения. В результате сама же эта среда давала буржуазно-либеральной оппозиции прекрасный материал для компрометации Романовых и монархии вообще. В. В. Шульгин в «Днях» со свойственной ему живостью языка обрисовал эту парадоксальную ситуацию. Некий его собеседник, «близкий к трону», так характеризовал место и роль Распутина: «Всё, что говорят, будто он влияет на назначения министров,— вздор: дело совсем не в этом... Я Вам говорю, Шульгин, сволочь — мы! И левые (имеется в виду буржуазная оппозиция.— Г. И.), и правые. Левые потому, что они пользуются Распутиным, чтобы клеветать, правые, т. е. прохвосты из правых, потому, что они, надеясь, что он что-то может сделать, принимают его каракули... А в общем плохо!»⁴⁶ Единственным настоящим неопровержимым фактом, решительно ставящим под сомнение особую «государственную роль» Распутина в системе власти, является то, что и после того, как он был убит, абсолютно ничего не изменилось в политике царизма и лично Николая II. И если бросить общий взгляд на все царствование Николая II, можно, пожалуй, согласиться с замечанием его флигель-адъютанта полковника А. Мордвинова, которое, на наш взгляд, верно определяет главную черту характера последнего царя и которое как-то ускользнуло от внимания историков. Мордвинов обратил внимание на тот факт, что Николай на протяжении почти всего царствования испытывал сильнейшее давление тех сил, которые требовали «конституции», «ответственного министерства». И что же? «Они все же

не смутили вплоть до собственного отречения „слабого“, „вечно колеблющегося“, „действовавшего по чужой указке“ императора Николая II... Это доказывает... глубокую продуманность и верность его политических убеждений»⁴⁷.

Но поставим теперь вопрос: насколько перспективным мог быть курс поддержания статус-кво, курс маневрирования, проводимый царизмом? Совершенно очевидно, что уход от решения проблем в конечном счете был способен лишь обострить их. Чем дольше царское правительство оттягивало проведение тех или иных реформ, призванных модернизировать режим, тем более увеличивалась пропасть между ним и социально-экономическими потребностями развития страны. В результате для преодоления этой пропасти требовались все более решительные, все более радикальные меры, на которые царизм был еще менее способен. Возможности для политического маневрирования режима, таким образом, неуклонно сокращались; превращаясь в анахронизм, он все больше и больше попадал в тупиковую ситуацию⁴⁸. Для «власть предержащих» она вела к изоляции, вернее, может быть, сказать — к самоизоляции, ибо отказ от реформ, да и вообще от каких-либо определенных шагов, «топтанье на месте» усиливали недовольство как «слева», так и некоторых кругов правого лагеря. Это обстоятельство, в свою очередь, определяло одну примечательную черту последнего царствования, а именно усиливавшуюся тенденцию к «вотчинному управлению», особенно явно выражавшуюся в сугубо частном, «приватном» подборе придворных и людей для аппарата власти. Все более четким становилось деление (выражение Александры Федоровны) на «наших» и «не наших», преимущественно по критерию личной симпатии и преданности. Естественно, что роль «наших», составлявших все более узкую группу (камарилью), возрастала, а вместе с этим в какой-то степени росла и роль пресловутого Г. Распутина как одного из главных «сортировщиков» на «наших» и «не наших». Действительно, некоторые лица, поднимавшиеся «наверх», предварительно проходили, как тогда говорили, «через переднюю» Распутина. И все же она никогда не была столь широкой, как это запечатлелось в расхожем представлении.

Тем не менее расширение масштабов «вотчинного управления» приводило к тому, что «к престолу» по

большей части пробивались люди, мягко говоря, лишенные твердых политических и моральных принципов, но занесенные в разряд «наших». Это были, как правило, люди «сегодняшнего дня». Они считали, что нужно «ловить момент», ибо совершенно неизвестно, что сулит день грядущий. Очень интересны в этом отношении наблюдения А. Блока, который работал в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, занимавшейся расследованием деятельности министров и других высших чинов свергнутого царизма. А. Блок был поражен ничтожеством и безыдейностью большинства из них⁴⁹. Вообще атмосфера «сегодняшнего дня» с характерными для нее мистицизмом, аморализмом, стремлением к наживе была особенно свойственна последнему периоду существования царизма. Распутин являл собой один из ее симптомов.

Политическая и моральная «осада», в которую все больше уходили последние Романовы и их ближайшее окружение, порождала в них чувство обреченности. Царица в последние годы была явно нервно больным человеком. На этот счет есть прямые свидетельства близко знавших ее, в том числе и личного врача С. П. Боткина. Начал сдавать и физически крепкий царь. Бывший премьер-министр В. Н. Коковцов позднее вспоминал о своей последней встрече с Николаем II в январе 1917 г.: «За целый год, что я не видел его, он стал просто неузнаваем; лицо страшно исхудало, осунулось и было испещрено мелкими морщинами. Глаза... совершенно выцвели и как-то беспомощно передвигались с предмета на предмет...» Коковцов спросил Николая о самочувствии, но тот ответил, что он «бодр и здоров»⁵⁰.

Что-то верно подмеченное есть в политическом и «личностном» портрете последнего царя, нарисованном уже упоминавшимся нами журналистом И. Колышко: «Так, переступая с ноги на ногу, переваливаясь с боку на бок, то цепляясь за призрак самодержавия, то бросая корону к ногам Гучкова, то опасаясь истерики жены, то глядя в лицо смерти... брел он, как сомнамбул, навстречу своему року...»⁵¹

Итак, курс выжидания и лавирования, который проводили Николай II и его правительство, с одной стороны, властно диктовался всей политической ситуацией, а с другой — столь же властно заводил режим в исторический тупик. Был ли все-таки выход из него?

В. И. Ленин указывал, что в том случае, если общественные слои, заинтересованные в изменении политического строя, не обладают достаточной силой, режим может сохраниться. Тогда, писал В. И. Ленин, «общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»⁵².

Исходя из этого ленинского положения, можно сказать, что, окажись царизм один на один с либеральным лагерем, он бы, возможно, мог удержаться с теми или иными изменениями: ведь либеральная оппозиция, смертельно боявшаяся революции, искала компромисса с царизмом. Но в России имелась сила, обладавшая непоколебимой решимостью покончить с самодержавием: революционный лагерь во главе с рабочим классом и его партией. В то самое время, когда правительственный и либеральный лагеря совершали сложные политические маневры, имевшие целью укрепить и расширить их позиции в обострявшемся между ними верхушечном конфликте, революционные массы нанесли царизму сокрушительный удар.

¹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 15.

² ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо А. И. Гучкова генералу М. В. Алексееву, 15 августа 1916 г.

³ Там же. Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. Ч. 2.

⁴ Шкловский В. Революция и фронт. Пг., 1921. С. 3.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 341—342.

⁶ См., напр.: Василевский М. (Не-буква). Николай II. Б. м., 1923; Канторович В. А. Александра Федоровна: Опыт характеристики. Л., 1927; и др.

⁷ Минувшие дни. Ленинград, 1927. Дек.; 1928. Янв.-февр., апр.

⁸ Историк-марксист. 1928. № 8. С. 172.

⁹ Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л., 1984. С. 626.

¹⁰ Пушкарева И. М. Когда утрачено чувство меры // Лит. Россия. 1979. 27 июля. С. 9.

¹¹ А. Я. Аврех пишет, что «камарилья — трудный объект для установления закономерностей существования и ее деятельности», но полагает все же, что «факты говорят о торжестве камарильи» (см.: Аврех А. Я. Царизм и IV Дума, 1912—1914. М., 1981. С. 256, 280).

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 347.

¹³ См.: Там же. Т. 14. С. 196.

¹⁴ Churchill W. The World Crisis. L., 1926. P. 696—697.

¹⁵ Подробнее см.: Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 7—10.

¹⁶ Логинов В. Т. В. И. Ленин о «Вехах» и современная идеологическая борьба // Интеллигенция и революция. XX в. М., 1985.

¹⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 601 (Николая II Романова). Оп. 1. Д. 1065. Л. 1—39.

- ¹⁸ Твардовская В. А. Указ. соч. С. 268.
- ¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 305, 306.
- ²⁰ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 8.
- ²¹ ЦГАОР СССР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 987. Л. 1—3. Подробнее см.: Соловьев Ю. Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археогр. ежегодник, 1972. М., 1974.
- ²² ЦГАОР СССР. Коллекция. Шахматов М. В. Последние дни Марининского дворца и Петрограда. Февральская революция и Временное правительство. Рукопись. 1927 г.
- ²³ Возрождение. Париж, 1926. 12 авг.
- ²⁴ Былое. Петроград, 1922. Т. 19; Красная новь. Петроград, 1922. Т. 6.
- ²⁵ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 251.
- ²⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1066. Л. 1—7.
- ²⁷ Цит. по: Мельгунов С. П. На пути к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 203.
- ²⁸ ЦГАОР СССР. Коллекция. Колышко И. И. Закат царизма. Николай II. Рукопись. 1931 г.
- ²⁹ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1003. Л. 1—2.
- ³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 30.
- ³¹ Там же. Т. 7. С. 56.
- ³² Волконский С. Мои воспоминания. Мюнхен, 1923. Т. 2. С. 160—162.
- ³³ Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 12.
- ³⁴ Там же. С. 23—24.
- ³⁵ Там же. С. 11, 25.
- ³⁶ Касвинов М. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 222.
- ³⁷ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 67.
- ³⁸ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение самодержавия в России. М., 1976. С. 236.
- ³⁹ Минц И. И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 291.
- ⁴⁰ Спирин Л. М. Крушение буржуазных и помещичьих партий в России. М., 1977. С. 221.
- ⁴¹ Пушкарева И. М. Февральская революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 107.
- ⁴² ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо Б. Пэйрса А. И. Гучкову. 27 января 1930 г.
- ⁴³ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1000. Л. 1—2.
- ⁴⁴ Там же. Коллекция. Мордвинов А. А. Из пережитого. Ч. 3: Отречение государя. Жизнь в царской Ставке без царя. Рукопись. Гарц, 1921 г.
- ⁴⁵ Там же. Мордвинов А. А. Каким я знал моего государя и каким знали его другие: Воспоминания о Николае II.
- ⁴⁶ Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 109—110. Сходную оценку дает В. Гурко (Указ. соч. С. 98).
- ⁴⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Мордвинов А. А. Каким я знал моего государя и каким знали его другие.
- ⁴⁸ Подробнее см.: Кризис самодержавия в России. С. 5; см. также: История СССР. 1985. № 5. С. 162.
- ⁴⁹ Иоффе Г. З. А. Блок — историк крушения царизма // История и историки: Исторический ежегодник. М., 1982. С. 176—195.
- ⁵⁰ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 2. С. 402.
- ⁵¹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Колышко И. И. Закат царизма.
- ⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 366—367.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРУШЕНИЕ ЦАРИЗМА

27 февраля революция в Петрограде победила. Это нашло широкое освещение в исторической литературе¹. Но ход событий между 27 февраля и 3 марта, событий, связанных главным образом с борьбой царских властей против революции, в традиционном представлении не столь полон и отчетлив. Скоротечность Февральской революции, поразительно быстрое крушение царизма явно заслоняют его контрреволюционные усилия в этот период...

Уже 23 февраля для разгона рабочих демонстраций в Петрограде применялись конная и пешая полиция, жандармерия и отдельные кавалерийские части. Правда, огнестрельное оружие пока в ход не пускалось. Как городские власти, так и находившаяся в Царском Селе императрица были вполне уверены, что они контролируют ситуацию. Александра Федоровна писала царю в Ставку, что беспорядки не имеют серьезного значения и положение «в руках Хабалова»². На следующий день, 24 февраля, войска стали оцеплять мосты, занимать главные перекрестки улиц, чтобы изолировать демонстрации и блокировать подступ к центру города. 25 февраля столкновения между силами революции и «силами порядка» участились, появились раненые и убитые.

А что происходило в Думе? Дебаты, ведшиеся здесь 23—25 февраля, были связаны преимущественно с продовольственным вопросом, который, правда главным образом левыми депутатами, использовался для критики правительства. Раздавались голоса о необходимости реорганизации последнего. Но даже самые резкие из них звучали в основном в тоне предостерегающей просьбы: необходимо удовлетворить требование «общественности» раньше, чем оно, по словам кадета Ф. И. Родичева, «раздастся из истерзанной груди всего русского

народа»³. В качестве первой меры «примирительного» характера правительство выразило согласие (утром 25 февраля) на передачу снабжения населения продовольствием органам городского управления. В «Прогрессивном блоке» придавали этому акту большое значение, рассматривая его с точки зрения дальнейшего усиления позиций «общественности» в ее конфронтации с царизмом.

В ночь с 25 на 26 февраля Совет министров под влиянием непрерывно расширявшейся забастовки рабочих (она уже стала всеобщей) решил детальнее обсудить положение совместно с военными властями, во главе которых стоял командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов. На состоявшемся совещании он и министр внутренних дел А. Д. Протопопов продолжали уверять, что смогут разгромить массовое движение вооруженной силой, но Протопопов пошел дальше: предложил распустить Думу. Однако Совет министров, не отвергая карательных мер воздействия, в то же время по-прежнему искал путей соглашения с думским «Прогрессивным блоком».

Министру иностранных дел Н. Н. Покровскому и министру земледелия А. А. Риттиху поручили начать переговоры с некоторыми лидерами партий, входивших в блок, выяснив их намерения. По свидетельству кадета В. А. Маклакова, правительству со стороны думцев была предложена примерно следующая программа: кабинет Голицына подает в отставку, назначается новый премьер — «популярный в стране» (конкретно речь шла о генерале Алексееве). Он формирует правительство «по своему усмотрению», причем на все время формирования (примерно три дня) заседания Думы прекращаются. В правительство вводятся не «общественные деятели», а «умные и популярные» представители «бюрократии», склонные к компромиссу с Думой (такие, как В. Н. Коковцов, С. Д. Сазонов, А. Н. Наумов и др.). Речь, таким образом, шла об осуществлении либеральной мечты: формировании «министерства доверия» (даже не «ответственного министерства»). Посланцы правительства Голицына были несколько удивлены скромностью думских претензий и заявили, что все это вполне «приемлемо»⁴.

Однако в этот день (26 февраля) стало казаться, что положение уже меняется в пользу царского правительства. Еще вечером накануне (а по другим данным,

утром 26 февраля) генерал Хабалов, поддерживавший связь со Ставкой, получил оттуда повеление «завтра же прекратить в столице беспорядки». По существу, этот приказ означал решительный запрет заигрывания с Думой и переход к курсу «кнута», причем «кнут» должен был ударить не только по забастовщикам и демонстрантам, но косвенно и по Думе. Когда 26-го Родзянко явился к премьер-министру Голицыну и стал убеждать его уйти в отставку, тот неожиданно заявил: «Вы хотите, чтобы я ушел, а Вы знаете, что у меня в папке?» И премьер показал председателю Думы царский указ о роспуске Думы, подписанный еще 13 февраля. Дату роспуска Голицын мог проставить сам. 26 февраля войска начали стрелять в народ согласно инструкции, данной Хабаловым: «Если толпа наступает, открывать по ней огонь после трехкратного сигнала, в остальных случаях действовать кавалерией». К вечеру 26 февраля стало казаться, что революция пошла на убыль. И правительство Голицына, решив (на основании указа царя), что пора от обороны переходить в наступление, в ночь на 27 февраля прервало «занятия» Государственной думы до апреля текущего года в «зависимости от чрезвычайных обстоятельств».

Когда 27 февраля Маклаков снесся с правительством, чтобы выяснить судьбу своей программы, ему ответили, что окончательное суждение правительство будет иметь в среду, т. е. 1 марта. Маклаков не понимал: может быть, это шутка? «Вы знаете, что теперь происходит? — спросил он.

— Что же?

— Войска взбунтовались!»

Ему ответили, что правительство об этом ничего не знает. «Так с вами больше не о чем разговаривать!» — бросил Маклаков.

Таким образом, можно предположить, что царская директива о «прекращении беспорядков», отданная между 25 и 26 февраля, положила конец переговорам правительства с Думой и поставила в порядок дня «штык». Но больше Совет министров уже не собирался. Один из мемуаристов (чиновник Государственного совета, так же как и правительство помещавшегося в Мариинском дворце, М. В. Шахматов) оставил довольно яркую картину конца последнего царского правительства, которую он наблюдал сам... Распахнулись настежь двери зала Совета министров, из которого бы-

стрыми шагами вышел премьер-министр Н. Д. Голицын. «Он тревожно озирался по сторонам, кусал свои длинные седые усы». После него вышел министр юстиции Добровольский и остановился «как вкопанный» в полутемной комнате между круглым залом и залом Совета министров. «Метеором промчался» министр внутренних дел А. Д. Протопопов, подошел к окну и, вглядываясь в море людей на площади, «схватил себя за волосы в отчаянии», махнул рукой и пошел быстрыми шагами обратно. Другие министры выходили «растерянно, суетливо»...⁵

Позднее, после того как революция победила, в либеральных кругах довольно активно начали создавать легенду, будто в ответ на указ царя о роспуске Дума не подчинилась, постановила не расходиться и тем совершила некий революционный акт, означавший начало ликвидации царской власти и переход к новой власти — власти так называемой «общественности». На самом деле произошло иное: решено было считать Думу «нефункционирующей», но думским депутатам собраться «на частное совещание». Этот шаг, строго говоря, содержал в себе два начала. С одной стороны, тут была очевидная покорность царской воле, с другой — все же некий элемент неподчинения, скорее, даже намек на него. Чем это объясняется? Ведь к концу дня 26 февраля стало создаваться впечатление, что революционные выступления в Петрограде пошли на убыль и власти берут контроль над положением в свои руки. Причина заключалась в том, что на другой день, 27 февраля, положение вновь изменилось: революция получила новый мощный импульс в результате того, что на сторону восставших рабочих стали переходить войска. Правительственные власти в столице, действуя согласно царской инструкции, по-прежнему пытались силой справиться с неожиданной для них новой революционной вспышкой. Однако с каждым часом становилось яснее, что революцию не остановить...

Полковник лейб-гвардии Преображенского полка А. П. Кутепов, в дни революции находившийся в Петрограде в отпуске и утром 27 февраля срочно вызванный в градоначальство, наблюдал там следующую картину: «Все они (т. е. находившиеся в градоначальстве представители гражданских и военных властей. — Г. И.) были сильно растеряны и расстроены. Я заметил, что у генерала Хабалова во время разговора дро-

жала челюсть»⁶. Хабалов сразу «схватился» за Кутепова: вся предыдущая и последующая биография того не оставляет ни малейшего сомнения в его «боевой прочности». Фронтовик, корниловец, в годы гражданской войны он зарекомендовал себя как один из беспощаднейших белогвардейских начальников. После бегства врангелевской армии из Крыма Кутепов как командир корпуса, расположившегося на Галлиполи, драконовскими порядками поддерживал его «боевой дух».

На протяжении 20-х годов он являлся одним из руководителей монархического «Российского общевойсковоего союза» (РОВС) и главой его боевой организации, вплоть до своего исчезновения в 1930 г. вел ожесточенную борьбу против Советской страны, используя методы шпионажа, провокаций и террора.

Но все это будет потом. А когда утром 27 февраля генерал Хабалов принял решение сформировать ударный карательный отряд, во главе он поставил Кутепова, по его аттестации, «храброго и решительного офицера»⁷. Кутепову было приказано потребовать от восставших сложить оружие, «а если не положат, то, конечно, самым решительным образом действовать против них»⁸.

Сам Кутепов заявил, что он не остановится перед расстрелом восставших рабочих и солдат. Его отряд насчитывал более 1 тыс. человек пехоты и кавалеристов, имевших на вооружении 15 пулеметов. Предполагалось также сформировать резервный отряд под командованием полковника князя Аргутинского-Долгорукова и часть его направить в поддержку Кутепова⁹. Это была серьезная сила, в руках решительного боевого командира способная нанести тяжелый удар по невооруженным рабочим, а также плохо вооруженным, недостаточно обученным и к тому же оставшимся без офицеров солдатам Петроградского гарнизона¹⁰. Но даже после революции, рассказывая в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о движении и действиях отряда Кутепова, Хабалов никак не мог понять, почему же этого не произошло. «Тут начинает твориться в этот день нечто невозможное! — с нескрываемым удивлением говорил он. — А именно: отряд двинут — двинут с храбрым офицером, решительным. Но как-то ушел, а результатов нет... Что-нибудь должно быть одно: если он действует решительно, то должен

был бы столкнуться с этой паэлектризованной толпой: организованные войска должны были разбить эту толпу и загнать эту толпу в угол к Неве, к Таврическому саду. А тут: ни да, ни нет!»¹¹

Что же случилось с отрядом Кутепова? Он начал действовать весьма энергично, расстреливая восставших на Литейном проспекте, на Сергеевской улице, в районе Орудийного завода и в других местах. Но все было тщетно. Огромный район, где действовал Кутепов, был буквально затоплен народом, в колышущейся массе которого «тонули» кутеповские каратели. «Когда я вышел на улицу,— вспоминал Кутепов,— было уже темно и весь Литейный проспект был затоплен толпой, которая хлынула со всех переулков... Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может. Я вошел в дом, приказав закрыть двери»¹².

Еще не зная об окончательной судьбе отряда Кутепова, не получая от него донесений, но, возможно, догадываясь о ней, к концу дня 27 февраля Хабалов предпринял новую попытку сколотить карательную группу для подавления революции — стянуть «возможный резерв» на Дворцовую площадь, «чтобы на Выборгской стороне рассеять толпу и открыть дорогу к источникам боевых запасов». Некоторые части явились на Дворцовую площадь, но скоро выяснилось, что и «на них рассчитывать нельзя». К вечеру 27-го, как показывал генерал Хабалов на допросе, «вопрос пошел об обороне — о том, чтобы удержаться!»¹³. По-видимому, тогда Хабалов вспомнил о тех силах, которые находились в Измайловских казармах и на которые, по его мнению, еще можно было положиться. Мы подробнее остановимся на второй попытке Хабалова противостоять революции, так как она менее известна.

Сохранились интересные воспоминания двух полковников запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка — П. В. Данильченко (командира батальона)¹⁴ и Б. В. Фомина (его заместителя)¹⁵ об этой попытке. Мемуары Фомина частично использовал только Э. Н. Бурджалов, мемуары же Данильченко пока не введены в научный оборот. Между тем они существенно дополняют (и в чем-то корректируют) картину февральских событий в Петрограде. К тому же эти мемуары (особенно Фомина) написаны людьми, владевшими пером. Иногда мемуаристам удается создать поч-

ти полный эффект присутствия читателя при совершавшихся событиях...

Между 6 и 7 часами вечера 27 февраля заменявший командира запасных батальонов гвардейских полков генерал-майора Чебыкина (перед самой революцией он убыл на лечение в Кисловодск) полковник Павленков (командир запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка) сообщил в штаб измайловцев, что он себя плохо чувствует, заболевает (у него была грудная жаба) и, по-видимому, передаст командование полковнику Михайличенко — командиру запасного батальона Московского полка. Но пока он еще не ушел, сообщает распоряжение генерала Хабалова: поскольку Измайловский батальон — единственная часть, «оставшаяся в руках начальства», Данильченко должен срочно сформировать отряд и, придав ему «кавалерию Ржевского и артиллерию, находящуюся в Измайловских казармах, привести этот отряд в градоначальство (Гороховая, 2. — Г. И.), где находится командующий округом»¹⁶.

Б. Фомин пишет, что для них это было прямо-таки «спасительное распоряжение». Удерживать солдат от «соприкосновения с революционной анархией» становилось все труднее, и он, Фомин, советовал Данильченко «уходить» из казарм как можно быстрее: «иначе будет хуже!»¹⁷.

Роты вышли примерно в 8 часов вечера. Ими командовали капитаны Есимантовский, Окулич и Гаскет. Всем отрядом (в составе 3 рот) командовал Фомин. Кавалерия подполковника Ржевского должна была следовать в хвосте колонны, а артиллерийские батареи решили поставить между 2-й и 3-й ротами. Данильченко пишет, что он не знал артиллерийского командира. Помнит только, что он находился верхом на лошади, так как одна нога у него была ампутирована, и что фамилия его как будто специально придуманная: Потехин.

Когда все уже было готово к движению, пришла новая телефонограмма Павленкова: идти не в градоначальство, а в Адмиралтейство, так как Хабалов и его штаб уже перебрались туда. Хабалов впоследствии показывал, что переход в Адмиралтейство произошел по его предложению. Он исходил из того, что отсюда можно «обстреливать три улицы: Вознесенский проспект, Гороховую и Невский проспект, т. е. подступы от трех вокзалов»¹⁸.

Между тем Измайловский проспект заполнился революционными рабочими и солдатами. Настроение их было приподнятым, боевым. Где-то играл военный духовой оркестр. Измайловские офицеры боялись, что кавалерийский эскадрон и артиллерийские батареи не сумеют «пробиться» к пехоте и занять отведенные им места. И действительно, прибежавший подполковник Ржевский сообщил, что к ним во двор казармы ворвалась толпа солдат, не давала седлать лошадей. Все же кавалерия «пробилась» (артиллерия догнала отряд уже в пути).

Двинулись окольным путем, чтобы избежать возможных столкновений с «засадами» на Садовой: через Измайловский мост, по набережной Фонтанки, Никольским переулком, Екатерининским проспектом, улицей Гоголя; через Поцелуев мост вышли на Благовещенскую улицу, затем по Галерной улице и Сенатской площади — на Адмиралтейский проезд.

Было уже совсем темно. Улицы почти не освещались, и люди встречались редко. Только у Мариинского театра колонну неожиданно обстреляли «редким огнем». У Поцелуева моста встретилась группа вооруженных рабочих. Они шли четким строем и, когда увидели измайловцев, «взяли штыки наперевес»¹⁹. Но и те и другие предпочли разойтись мирно...

Очертания Адмиралтейства тонули в темноте. У входа и в самом здании попадались небольшие группки солдат запасного батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка. Как они оказались здесь — никто не знал, но было видно, что положиться на них уже невозможно. Навстречу Данильченко и Фомину вышел генерал, одетый в форму лейб-гвардии Павловского полка. Им оказался генерал-квартирмейстер управления Генерального штаба Занкевич. Теперь уже он командовал запасными батальонами Петрограда. Несчастливый для царского правительства пост: сначала на этом посту заболел Чебыкин, затем Павленков, куда-то исчез Михайличенко...

Как свидетельствует Данильченко, Занкевич тут же приказал «разбросать» орудия, направив большую часть их в разные места города. Недовольный Данильченко пошел жаловаться Хабалову, и тот отменил приказ Занкевича.

Когда измайловцы вошли внутрь здания, выяснилось, что там уже находится какое-то подразделение

1-го пулеметного полка с 40 пулеметами (!), прибывшее из Ораниенбаума. Вскоре подошла и рота 2-го стрелкового Царскосельского полка во главе с поручиком Нарбутом²⁰. Ждали еще остатки кутеповского отряда, рассеявшегося по улицам Петрограда, и две роты запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка, но они так и не явились. Тем не менее в Адмиралтействе сосредоточился довольно значительный отряд с артиллерией, пулеметами и кавалерией. Чтобы изолировать его от соприкосновения с революционными массами, решили организовать оборону не вокруг здания, а внутри него. У окон расставили пулеметы, во дворе — орудия; в ход в качестве укреплений пошли бревна и дрова. Солдат развели по комнатам и коридорам второго этажа. При этом разводе произошел любопытный эпизод. На одной из площадок неожиданно появился морской министр Григорович. Он был болен гриппом, хрипло кашлял и сморкался. Перегнувшись через перила, сердито крикнул Фомину:

— Полковник, прошу Вас убрать отсюда Ваших людей! Мне не нужна никакая охрана.

Фомин столь же сердито ответил, что никто не собирается охранять его, Григоровича, что измайловцы прибыли сюда по приказу командующего округом для охраны здания Адмиралтейства. Проворчав что-то, Григорович скрылся, хлопнув дверью²¹.

Но для чего в самом деле Хабалов стянул сюда измайловский отряд и другие части? Здесь в воспоминаниях Данильченко и Фомина имеются расхождения. Данильченко утверждает, будто генерал Хабалов сразу же сказал ему, что главная задача отряда — «оборона Зимнего дворца» и надо немедленно перебираться туда²². Фомин излагает свой разговор с Хабаловым несколько иначе. Он пишет, что для него лично с самого начала была ясна бесцельность пребывания войск в Адмиралтействе; если утром 28 февраля массы восставших хлынут к Адмиралтейству, удержать его будет невозможно, тем более что среди измайловцев и других солдат уже стали проявляться признаки «разложения». Поэтому Фомин якобы предложил Хабалову свой план: немедленно покинуть Адмиралтейство и вообще Петроград и отойти в Пулковое. Это маневр, как считал Фомин, позволил бы выйти «из зоны восстания», занять близлежащие к Петрограду станции на Балтийской, Варшавской и Виндавско-Рыбинской железных дорогах и здесь

ожидать подхода карательных войск с фронта. Когда подойдут эти войска и где они находятся — никто в Адмиралтействе в это время знать не мог. Но еще в 12 часов дня и 7 часов вечера Хабалов и Беляев телеграфировали Николаю II в Ставку о необходимости прислать фронтовые части для подавления революции, и у них не было никаких оснований сомневаться в его решении. Действительно, между 8 и 9 часами 27 февраля Николай назначил генерала Н. И. Иванова командующим Петроградским военным округом (вместо Хабалова). В его распоряжение передавались несколько полков с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов, а также находившийся в Ставке Георгиевский батальон. С этими войсками Иванов должен был «восстановить порядок» в столице. Однако сообщение об «экспедиции» генерала Иванова военный министр получил только ранним утром 28 февраля. Трудно сказать, выдвигал ли в действительности Фомин план отхода из города для соединения с фронтовыми карателями, или он родился в его голове уже в момент писания мемуаров. Некоторые сомнения в данном случае вызывает тот факт, что полковник Данильченко об этом «пулковском плане» не упоминает ни слова (ничего не говорили о нем на допросах ни Хабалов, ни Беляев). Впрочем, дело, в конце концов, не в этом. Если бы Хабалов и принял предложение Фомина, положение вряд ли бы изменилось. Как мы увидим дальше, Георгиевский батальон — авангард карательных войск Иванова — дальше Царского Села, куда он прибыл утром 1 марта, не дошел. Но, как пишет Фомин, Хабалов решительно отклонил «пулковский план». По-видимому, он еще не верил в окончательный крах царского режима и боялся, что уход из Петрограда будет рассматриваться царем как дезертирство «с поля боя». Хабалов заявил Фомину, что Адмиралтейство является резиденцией правительства России и отступление в Пулково будет означать не что иное, как его капитуляцию.

— Но ведь правительства здесь нет! — пробовал возразить Фомин.

— Я теперь правительство! — оборвал его Хабалов.

Тут же он распорядился обзвонить всех министров и пригласить их собраться в Адмиралтействе. Однако, когда начали звонить, выяснилось, что телефоны отключены.

Но один член правительства все-таки находился с отрядом — военный министр Беляев (по другим данным, Беляев прибыл уже в Зимний дворец). Помимо него (а также генералов Хабалова и Занкевича), тут были петроградский градоначальник А. П. Балк, его помощник генерал Вендорф, начальник штаба Хабалова генерал М. К. Тяжельников и еще несколько жандармских и армейских генералов. Фактически только эта кучка людей олицетворяла теперь царский режим в Петрограде...

Время шло. К измайловцам вновь вышел генерал Занкевич. Отозвав Данильченко и Фомина, он сообщил им, что только «адмиралтейская часть города» еще не занята восставшими и только отдельные части, ядро которых составляет отряд измайловцев, остаются «верными долгу». Тактика этих последних «защитников престола» должна быть теперь иной: о наступательных действиях нечего и думать, надо держать оборону Адмиралтейства до вечера 28 февраля, когда по расчетам «адмиралтейских» генералов в Петроград начнут прибывать фронтовые войска. Расчеты эти были неверными. Как мы уже писали, генерал Иванов с Георгиевским батальоном (800 человек) прибыл в Царское Село только утром 1 марта (и вскоре отвел батальон на станцию Вырицу). Что же касается других частей, то в ночь на 28 февраля и в первую половину 28 февраля они только начали грузиться в эшелоны. Лишь к концу 1 марта они находились на станциях между Лугой и Псковом, Псковом и Двинском, а также в районе Полоцка. Только «головной» 67-й Тарутинский полк в это время находился на станции Александровская. Но Занкевич уверял, что каратели с фронта «в самый короткий срок наведут в столице порядок и будут расстреливать не только взбунтовавшиеся запасные батальоны, но и просто толпы демонстрантов»²³.

Итак, последний «бастион» царизма должен был во что бы то ни стало простоять до подхода карательных войск, посланных царем с фронта. Как пишет Фомин, «следовало сидеть, не показываться и ждать каких-то избавителей»²⁴. Но в 2 часа в ночь с 27 на 28 февраля Занкевич неожиданно отдал новый приказ: срочно покинуть Адмиралтейство и идти на охрану Зимнего дворца. В чем был смысл такого приказа, не объясняют ни Данильченко, ни Фомин. По-разному описывают они этот «исторический поход». «Бравый» Данильченко

и спустя много лет представил его чуть ли не гвардейским парадом. Когда отряд шел мимо Александрийской колонны, он, Данильченко, якобы отдал команду и солдаты продефилировали мимо нее, «четко печатая шаг»: «чувствовалось, что отряд верных государю-императору войск идет в его дворец»²⁵. Фомин же воссоздает почти зримую картину этого «похода» в иных красках. «Был крепкий мороз, кругом — насколько хватало глаз — не было видно ни души. С нашим движением мертвая тишина Дворцовой площади огласилась шумом фыркающих лошадей и металлическим звоном режущих снег колес орудийных упряжек. Белый снег делал все предметы черными, но, благодаря ему и несмотря на отсутствие горящих фонарей, было совершенно светло». Впереди отряда, сгорбившись, шагал военный министр Беляев, за ним — Хабалов, Занкевич, Тяжельников и другие генералы...²⁶

Ночь поглотила мощное каре Зимнего дворца. Только из некоторых окон шел слабый свет, выхватывая из темноты суетившихся людей, лошадей, которые, помахивая хвостами, мирно стояли у армейских повозок. Было что-то фантастическое в этой картине: Фомину на мгновение даже почудилось, будто творение Растрелли из огромного европейского города вдруг переместилось в степь, по которой движутся кочевники. Усилием воли он отогнал наваждение...

Во дворец вошли через главные ворота. Там находилась рота главного караула дворца — солдаты из запасного батальона лейб-гвардии Петроградского полка и часть Запасного кавалерийского полка, еще раньше вызванная сюда из Новгорода.

Эти «пополнения», конечно, усилили отряд, но не так уж существенно.

Измайловская пехота расположилась на втором этаже, у окон, выходящих на Дворцовую площадь, несколько орудий поставили у ворот, а остальные и кавалерию «отвели в резерв». В общем, готовились к осаде. Хабалов даже официально назначил Данильченко на новую должность — «коменданта обороны Зимнего дворца».

Весь беляевско-хабаловский штаб (а по свидетельству Данильченко, он теперь увеличился примерно до 60 человек) разместился в двух «покоях»: «голубом» и «бордо», в которых в общей сложности стояло 7 телефонов. «Комендант обороны» тут же начал названивать

министрам и «лицам царской фамилии»: они приглашались в Зимний дворец. Никто, однако, не отозвался. Только ранним утром 28 февраля, когда еще не начало светать, к Зимнему подъехали два автомобиля. Из первого вышел великий князь Михаил Александрович — брат царя. Но и он явился не по приглашению Данильченко. Еще днем 27 февраля его срочно вызвал из Гатчины председатель Государственной думы М. В. Родзянко с тем, чтобы, связавшись со Ставкой по прямому проводу, он попытался оказать на царя давление и склонить его к уступкам думской оппозиции. Николай II не внял, однако, советам брата, решив, как мы уже знаем, направить в Петроград карательные войска. Ввиду неудачи своей миссии Михаил собрался было вернуться в Гатчину, но дороги из Петрограда уже были блокированы. Тогда Михаил и направился в Зимний дворец.

С прибытием великого князя в штабе «адмиралтейского отряда» сумятица и неразбериха, пожалуй, усилились. Все теперь охотно готовы были передать бразды правления в его руки, чтобы сложить ответственность с себя. Неизвестно было, кто же тут командует. Хабалов и Занкевич начали понемногу «самоустраняться», Тяжельников с самого начала пребывал «в нетях». Некоторую активность еще проявлял Беляев. Все страшно боялись захвата революционными рабочими и солдатами Петропавловской крепости: в этом случае дворец оказывался бы под угрозой удара с двух сторон. По телефону связались с помощником коменданта крепости В. И. Стаалем. Тот ответил, что крепость революционными войсками пока не занята (это случилось в полдень 28 февраля), но Троицкий мост и Троицкая площадь уже блокированы вооруженными рабочими и солдатами, у которых имеются и броневики. Тогда, как пишет Данильченко, созвали «военный совет» с участием Беляева, Хабалова, Занкевича и его, Данильченко. Обсуждался один вопрос: способен ли «адмиралтейский отряд» пробиться через Троицкий мост и «взять» Петропавловскую крепость? Данильченко, по его словам, решительно ответил, что такая задача ему не по силам.

Между тем Фомин снова решил вернуться к своему «пулковскому плану» и доложил его самому Беляеву. Тот пошел совещаться с Михаилом Александровичем и, вернувшись, якобы ответил отказом.

Около 5 часов утра в покой «бордо», где находились «верховные чины» штаба, поступило сообщение: кавалерия Запасного гвардейского полка самовольно снялась «с позиций» и ушла из Зимнего. Это был удар. Возможно, он-то и сломил храброго «коменданта обороны» полковника Данильченко. Наступил черед «заболеть» и ему. Относительно начала этого «заболевания» наши мемуаристы расходятся. Фомин пишет, что Данильченко «заболел» и ушел в госпиталь (благо он находился тут же, в Зимнем дворце) ранним утром, когда никакого определенного решения о дальнейшей судьбе отряда еще не было. Сам же Данильченко изображает дело таким образом, что он почувствовал «переутомление» после того, как Хабалов, вернувшись от великого князя, отдал «ошеломляющий» приказ о возвращении в Адмиралтейство. «Этим приказом,— пишет Данильченко,— моя должность „коменданта обороны“ ликвидировалась», и он мог «пойти в лазарет для получения медицинской помощи»²⁷.

Напоследок, правда, по его словам, у него явилась дерзкая мысль: арестовать Беляева, Хабалова и Занкевича, самому встать во главе войск и... Но что делать дальше, Данильченко, видимо, представлял себе плохо. Во всяком случае, выбор между возможностью стать «русским Монком» и желанием потихоньку уйти в госпиталь довольно быстро был решен Данильченко в пользу госпиталя.

Вслед за Данильченко двинулись в госпиталь также «заболевшие» Есимантовский и Окулич...

Как утверждает Фомин, после ухода Данильченко командиром отряда Беляев назначил его. Оба мемуариста — и Данильченко и Фомин — связывают приказ об уходе из Зимнего дворца с Михаилом. Он якобы не хотел, чтобы говорили, что Романовы опять (как в 1905 г.) стреляли в народ у Зимнего. Имеются, однако, любопытные воспоминания некой М. Алекиной (сестры коменданта Зимнего дворца генерала Комарова), в которых позиция Михаила характеризуется несколько иначе. «Великий князь,— пишет Алекина,— сначала долго не соглашался вмешаться, заявляя, что он не имеет полномочий своего брата и не знает, что бы предпринял государь в этом случае...»²⁸ Но главная причина заключалась, конечно, в другом. Ощущение безнадежности — вот что гнало отряд. В 6-м часу утра 28 февраля колонна последних защитников царизма

вновь потянулась через Дворцовую площадь к Адмиралтейству.

Возвращение в Адмиралтейство плохо подействовало на моральное состояние измайловского отряда. Признаки «разложения» усиливались и по мере того, как к зданию подходили все новые массы революционных рабочих и солдат. С раннего утра весь сад перед Адмиралтейством и прилегающие улицы были заполнены восставшими. Первой «колебнулась» 2-я рота: ее солдаты заявили, что в Адмиралтействе больше не останутся, уйдут в свои казармы. Удержать роту удалось с большим трудом. В половине девятого Хабалов передал в Ставку на имя генерала Алексеева фактический сигнал «sos»: «Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях... Положение до чрезвычайности трудное»²⁹. По существу, то же самое доложил Хабалов и генералу Иванову, который перед отъездом из Ставки сумел связаться с Адмиралтейством и запросить Хабалова о положении в городе³⁰. Больше Иванов на связь с Хабаловым уже не выходил... Заметно сдал сам военный министр Беляев. Фомин вспоминает, что им то овладевало желание без умолку говорить, то он «впадал в какую-то прострацию». Во время одного из «приступов многословия» Беляев вдруг стал размышлять вслух о том, что он всего лишь полтора месяца как министр и потому революционеры не могут предъявить ему каких-либо обвинений. Как бы между прочим, он сказал Фомину, что разговаривал по телефону с Родзянко и тот посоветовал ему распустить отряд. Беляев, пишет Фомин, «явно склонялся к этому»... Около часу дня пришло известие, которого страшились еще в Зимнем дворце: революционные отряды рабочих и солдат овладели Петропавловской крепостью. Прошел слух, что крепость готовится открыть огонь по Адмиралтейству и как бы в предупреждение этого по окнам здания было сделано несколько «шальных выстрелов».

Среди документов Ставки, относящихся к февральским событиям 1917 г., имеется телеграмма Беляева, отправленная в Могилев в 13 часов 30 минут 28 февраля. В ней говорится, что «около 12 ч. дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей... по требованию морского министра были выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергать разгрому здание». «Перевод этих войск в другое место,— докладывал далее Беля-

св.— не признан соответственным ввиду неполной их надежности. Части разведены по казармам...»³¹. В этой телеграмме весь Беляев: он явно стремился снять с себя ответственность за уход войск из Адмиралтейства, переложив ее на морского министра Григоровича. Из воспоминаний Фомина мы знаем, что попытка больного Григоровича выдворить измайловцев из Адмиралтейства еще вечером 27 февраля не удалась. Предпринял ли он вторую попытку утром следующего дня — сказать трудно. Скорее всего, предпринял: имеется телеграмма капитана 1-го ранга Капниста, доносившего из Петрограда в Могилев адмиралу Русину (начальнику Морского штаба верховного главнокомандующего): «Хабалов засел в Адмиралтействе, организует оборону как последнего редута. Опасаюсь, что это послужит только бесполезному истреблению драгоценных документов штаба и кораблестроения...»³² Фомин пишет, что вторичный уход отряда из Адмиралтейства решили два обстоятельства: захват восставшими Петропавловской крепости и требование Григоровича³³. В показаниях Хабалова также говорится о требовании морского министра «очистить здание Адмиралтейства»³⁴.

В датировке ухода отряда из Адмиралтейства 28 февраля Фомин расходится с упомянутой телеграммой Беляева. Из телеграммы следует, что войска были выведены в 12 часов 28 февраля, а Фомин определенно утверждает, что это произошло днем, между 14 и 15 часами. Подробности и детали, которые сопровождают рассказ Фомина, дают основания верить ему. По всей вероятности, Беляев в своей телеграмме несколько опередил события: сообщил не об уже состоявшемся выводе войск, а о своем решении начать этот вывод...

Перед уходом отряд саморазоружился. Опасаясь, как пишет Фомин, «ярости толпы», решили сдать все оружие (винтовки, пулеметы и замки орудий) «смотрителю здания». Было приказано выходить из Адмиралтейства организованно, «ни на кого не обращая внимания». «Момент был жуткий,— вспоминает Фомин.— Выйдя на тротуар, я повернулся к толпе спиной и стал пропускать солдат. С суровыми лицами, не глядя по сторонам, они, наседая один на другого, выходили из подъезда... Моя спина почти касалась штыков, торчавших из толпы... Через минуту все построения были сделаны, и мы двинулись сдвоенными рядами по Адмирал-

тейскому проезду». Но восставшие не проявили к «последним защитникам престола» никакой враждебности. Напротив, «минутное оцепенение» толпы «прорвалось и вылилось в форму шумных приветствий: винтовки опустились, толпа кричала «ура» и кидала в воздух свои шапки». Фомин подал команду, и роты, четко печатая шаг, грянули песню: «Взвейтесь, соколы, орлами». Они шли назад, в свои казармы, а навстречу им неслись автомобили с вооруженными солдатами и рабочими...

Так бесславно закончилась эпопея защитников «последнего бастиона», или, как выразился Капнист, «последнего редута» царизма. Ясно, что он пал под сокрушающими ударами революции. Но очевидно также и другое: бессилие царских властей, их растерянность и безволие в тот момент, когда они, казалось бы, должны были проявить максимум энергии. Военный министр Беляев на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии говорил, что он якобы полностью сознавал «историчность минуты», понимал, что «история скажет: а что же сделали эти господа?»³³. «Адмиралтейский эпизод», как нам кажется, отвечает на этот вопрос: увидев, что романовский корабль начал тонуть, «эти господа» поспешили его покинуть...

Так же как правительство готово было искать контакты с Думой, точно так же и она со своей стороны долго не решалась порвать с царской властью. На «частном совещании» думских депутатов, начавшемся около 3 часов дня 27 февраля, обсуждался один мучительный вопрос: что делать, если признать очевидным распад столичной власти, ее полную неспособность справиться с положением, с восстанием рабочих и солдат гарнизона? После длительных прений, в ходе которых выдвигались различные предложения, решили создать «особый комитет», назначение которого ясно отражалось в его длинном названии — «Временный комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями». Название это ясно декларировало, что Дума не поддерживает начавшуюся революцию, что она желает с ней покончить («водворение порядка») и готова искать соглашение с остатками старых властей («сношения с лицами и учреждениями») и с находившимся в Ставке царем.

Первым шагом в этом направлении, как мы уже знаем, была попытка председателя Государственной

думы М. В. Родзянко и некоторых других ее членов войти в контакт с еще официально существовавшим правительством Н. Д. Голицына и все же сговориться с ним на основе объявления нового состава Совета министров, так называемого «министерства доверия». Это произошло днем 27 февраля (сразу после «частного совещания» Думы), но Голицын, руководствуясь указаниями из Ставки, отклонил предложение³⁶. Родзянко, по-видимому, стало ясно, что в деле спасения монархии развалившийся Совет министров уже не партнер. Нужно было действовать иными путями. Пожалуй, главным из них стал план, связанный с так называемым «великокняжеским манифестом». На нем, как нам представляется, следует остановиться подробнее. Дело в том, что в исторической литературе он обычно рассматривается как некий изолированный эпизод, сводившийся к совершенно бесплодной попытке некоторых великих князей спасти монархию путем пустой «конституционной» уступки, но сразу же затерявшийся в стремительном вихре революционных событий. Между тем более внимательное рассмотрение позволяет увидеть в этом эпизоде нечто большее, а именно проявление той напряженной борьбы, которую вел Временный комитет Государственной думы за спасение монархии.

Временный комитет не был однороден, так же как не был однороден весь «Прогрессивный блок», из которого он вышел. Правая часть комитета, возглавляемая октябристом М. В. Родзянко, вплоть до 2 марта практически не допускала мысли об отречении Николая II. Другая, «левая» часть, лидерство в которой все более и более переходило к кадету П. Н. Милюкову, по-видимому, уже к 28 февраля начала склоняться к такой оценке ситуации, в которой «уход» Николая II и замена его другим монархом становились неизбежными. Родзянко, конечно, не мог не знать об этом и явно пытался предотвратить второй исход. С этой точки зрения следует признать, что он был прав, когда позднее, в эмиграции, гневно отклонял обвинения монархистов в том, что это он, Родзянко, был чуть ли не «автором революции», приведшей к отречению царя³⁷.

Для того чтобы осуществить свой план — сохранить Николая II на троне, Родзянко, как это следует из его телеграмм 26 и 27 февраля (еще до образования думского Временного комитета) в Ставку, намеревался добиться согласия царя на «министерство доверия» (ло-

зунг «Прогрессивного блока»), причем в качестве главы этого министерства он, по-видимому, не исключал и себя. Еще 26 февраля английский военный агент генерал А. Нокс встретил Родзянко в Думе и в состоявшемся разговоре заметил, что в условиях, когда правительство Голицына уже проявило полное бессилие, «хорошим выбором» на пост премьера был бы, очевидно, Кривошеин. Родзянко отрицательно покачал головой, а на вопрос: «Ну, а Вы?» — ответил утвердительно³⁸.

Однако на призывные, даже умоляющие телеграммы Родзянко в Ставку Николай II не ответил. Не удалась Родзянко и попытка воздействовать на царя через его брата, великого князя Михаила Александровича. Михаила, как мы уже знаем, срочно вызвали тогда из Гатчины в Петроград, и он по прямому проводу связался с царем, советуя ему пойти на уступки, согласившись на формирование нового кабинета, пользующегося «доверием страны». Николай решительно отклонил и эти рекомендации.

Между тем революционная волна нарастала. В такой обстановке верноподданный октябрист Родзянко все явственнее начинал выглядеть «вчерашним человеком», почва уходила из-под его ног. Напротив, кадет Милюков и его сторонники во Временном комитете набирали силу. Можно полагать, что, сознавая это, Родзянко и предпринял тот шаг, который и привел к появлению упомянутого «великокняжеского манифеста». В литературе нет точного указания на то, кто был инициатором и автором этого манифеста. Конечно, прав Э. Н. Бурджалов, полагающий, что инициатива исходила от думского Временного комитета (т. е. от Родзянко)³⁹. Но вопрос об авторстве оказался у него обойденным⁴⁰. Между тем имеются воспоминания адвоката Н. Н. Иванова, которые проливают дополнительный свет на историю с манифестом. Воспоминания эти опубликованы 19 декабря 1926 г. в белоэмигрантской берлинской газете «Путь» под заголовком «Манифест великих князей. Из архива Н. Н. Иванова».

Но мы располагаем несколько более полным архивным экземпляром этих воспоминаний и будем опираться на него⁴¹. Прежде всего, кто такой Н. Н. Иванов? Этот присяжный поверенный в дни февральских событий решил, по-видимому, что настала пора и для политической карьеры. Он и впоследствии, уже после победы Октября, проявлял довольно большую активность:

в конце 1917 — начале 1918 г. был одним из руководителей подпольной антисоветской организации, ориентированной на Германию⁴², а в 1919 г. играл видную роль в политических кругах северо-западной контрреволюции (при генерале Н. Н. Юдениче)⁴³. В конце же февраля 1917 г. Н. Н. Иванов, тесно связанный по адвокатским делам с великим князем Павлом Александровичем (тот командовал гвардейскими полками и жил в Царском Селе), оказался в Петрограде в окружении председателя Думы М. В. Родзянко. Очень интересны его наблюдения об атмосфере, царившей в думских кругах. Родзянко и многих из его думских друзей, вспоминал Иванов, били «страх и внутренняя дрожь». Они были почти уверены, что «сегодня придут и перевешают их». Чтобы рассеять туман неизвестности и выяснить, «что же происходит за порогом вокзалов», Родзянко рано утром 28 февраля направил Иванова в Царское Село на связь с великим князем Павлом Александровичем. Иванов прибыл в Царское Село и был тут же принят Павлом Александровичем и его супругой — княгиней О. Палей. Выяснилось, что никаких определенных сведений о царе и его намерениях у них нет, с чем Иванов и вернулся в Петроград. Это подбодрило думских лидеров, но Иванову было предложено продолжать поддерживать связь с Павлом. При второй поездке Иванова в Царское Село политический замысел Родзянко выявляется полностью. Как пишет Иванов, великий князь и Родзянко всемерно стремились избежать «столкновения верховной власти с думским Временным комитетом». Хотя слово «отречение» (Николая II.—Г. И.) уже было «произнесено в массе», Родзянко по-прежнему стремился к «почетному миру» на условии «министерства доверия». Иванов перед отъездом постарался поставить все точки над «i».

— А если царь поручит Вам составить кабинет и даст карт-бланш? — спросил он.

— Разумеется, приму, — без колебаний ответил Родзянко.

В Царском Селе Павел Александрович с удовлетворением принял план Родзянко, привезенный Ивановым. «Будет положено начало конституционному управлению, — радовался он, — и все придет к миру». Поскольку уже стало известно об отъезде царя из Ставки в Царское Село, решено было, что Павел Александрович встретит его прямо на вокзале и тут же изложит ему

«спасительное» предложение Родзянко. Эта вокзальная встреча должна была предварить свидание царя с Александрой Федоровной: опасались, что она, будучи врагом всякого «конституционализма» и сторонницей «твердого курса», помешает реализации родзянковского замысла. Если верить Иванову, это он предложил «облечь в определенную форму» предложение Родзянко: встретить Николая II на вокзале уже с текстом манифеста, объявляющим о «конституции». Но 28 февраля царский поезд, ушедший из Могилева, не прибыл в Царское Село: из-за опасения попасть в зону действия революционных войск он от Малой Вишеры через Бологое и Дно пошел на Псков. Решено было поэтому подготовить задуманный манифест до приезда царя (его все-таки еще ждали в Царском Селе), скрепив подписями Александры Федоровны и имевшихся «в паличии» великих князей. Текст манифеста, по словам Иванова, должны были «изготовить лица из окружения государыни». Здесь в ивановских воспоминаниях обнаруживается некоторое противоречие. Если инициаторы «конституционного манифеста» хотели упредить встречу Николая II с императрицей из-за боязни, что именно она может помешать этому замыслу, то как они могли рассчитывать на то, что в ее окружении такой манифест все же будет «изготовлен»? Частичным объяснением может служить только сумятица и паника, охватившая царскосельских «спасителей» царизма... И действительно, хотя сама Александра Федоровна «в резкой форме» отказалась участвовать в составлении манифеста, текст его, по видимому, все же был написан кем-то из высокопоставленных обитателей Александровского дворца.

Когда приехавший в Царское Село утром 1 марта Иванов прочитал его, «у него подкосились ноги». Там «не было ни одного конкретного мероприятия», «только высокопарная лирика», что было следствием явного влияния императрицы. От имени царя объявлялось о поручении Государственному совету и Государственной думе «безотлагательно приступить к рассмотрению имеющего быть внесенным правительством нашим, опирающимся на доверие страны, проекта новых основных законов Российской империи». Каким правительством, каких новых законов, кем выработанных?! — недоумевал Иванов. Тут же текст был переделан. Иванов приписывает это своей инициативе и решительности, поддержанных Павлом Александровичем. Но вряд ли он

был бы столь «смелым», если бы за его спиной не стоял еще кто-то. Впрочем, сам Иванов называет его: Родзянко. Был еще кто-то (четвертый), имя которого Иванов в воспоминаниях, написанных в 1925—1926 гг., назвать не пожелал. Можно предположить, что второй раз Иванов явился в Царское Село уже с каким-то вариантом манифеста в руках. Переделанный текст гласил: «Поручаем Председателю Государственной думы немедленно составить Временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи»⁴⁴. Это уже было нечто более конкретное. Тут же перепечатали текст на машинке, и Павел Александрович (дядя царя), перекрестившись, поставил свою подпись внизу, оставив место для подписей великих князей Михаила Александровича (брата царя) и Кирилла Владимировича (двоюродного брата царя), шедших впереди него по праву престолонаследия.

Забрав манифест, Иванов днем 1 марта помчался обратно в Петроград. Кирилл Владимирович поставил свою подпись сразу, без колебаний: к этому времени он как командир Гвардейского экипажа уже побывал в Думе и засвидетельствовал ей свою лояльность. Сложнее оказалось с Михаилом. Иванов пытался найти его в Зимнем дворце, где, как мы знаем, он действительно находился по время пребывания там «адмиралтейского воинства» Хабалова—Беляева. Но затем Михаил Александрович покинул Зимний. Под большим секретом комендант Зимнего дворца генерал Комаров сообщил Иванову, что Михаил находится на Миллионной, дом 12, на квартире княгини Путятиной. Тот бросился туда. Прочитав манифест, Михаил заколебался, просил отсрочки до совета со своей супругой, графиней Брасовой, которая находилась в Гатчине, но в конце концов все-таки подписал. Пробираясь с манифестом в кармане в Таврический дворец по улицам Петрограда, заполненным ликующими толпами народа, Иванов, как он пишет, уже понимал, что «комбинация Родзянко» безнадежно запоздала, что ею одной уже «не отделаться». Между тем в Таврическом дворце, во Временном комитете Государственной думы, в это время лихорадочно решался вопрос о поездке Родзянко сперва на станцию Бологое, а затем на станцию Дно для личной встречи с царем.

Некоторые мемуаристы (например, Шидловский) утверждали впоследствии, что во время этой встречи Родзянко должен был якобы предложить Николаю II отречение. Но здесь допускалась явная путаница в событиях. 28 февраля и по крайней мере в первой половине 1 марта вопрос об отречении Николая II во Временном комитете вообще еще не ставился. Он лишь намечался в «левой» — кадетской — части комитета, но Родзянко в любом случае в это время был противником такого решения. Задержка поездки Родзянко, а затем и срыв ее, как нам кажется, связаны с «великокняжеским манифестом». В мемуарах английского посла Дж. Бьюкена имеется свидетельство о том, что 1 марта он побывал у великого князя Михаила на Миллионной и тот сказал ему следующее: несмотря на то что Родзянко не сумел встретиться с царем в Бологом, все же есть надежда на то, что эта встреча состоится (может быть, даже в Царском Селе) и «Родзянко предложит его величеству для подписи манифест, дарующий конституцию и возлагающий на Родзянко избрание членов нового правительства. Сам он (т. е. Михаил.— Г. И.) вместе с великим князем Кириллом приложили свои подписи к проекту манифеста, чтобы придать просьбе Родзянко больше весу»⁴⁵. По всему видно, что речь шла об «ивановском» манифесте. Его-то, по-видимому, и спешили передать Родзянко, который готовился к встрече с царем в Бологом, а затем на станции Дно и скорее всего ждал Иванова, метавшегося между Павлом Александровичем, Кириллом и Михаилом. И вот наконец Иванов в Таврическом дворце с манифестом в руках. Родзянко, пишет Иванов, выглядел теперь «жалким возницей, теряющим вожжи». Он внимательно прочитал манифест: «„Что вы думаете?“. Я ответил: „Думаю, что это приходит слишком поздно“. М. В. Родзянко: „Я того же мнения...“ Иванов все же передал манифест Милюкову как представителю Временного комитета, и тот написал: „С подлинным, переданным Временному комитету Государственной думы 1 марта 1917 г., верно. Милюков“».

Фактически это был конец «эпопеи» с «великокняжеским манифестом». Расписавшись в получении, Милюков попросту положил его под сукно. Но сам факт передачи манифеста именно Милюкову, по-видимому, не был случайным. В нем, как нам кажется, проявилось признание Родзянко и всем правым крылом Временно-

го комитета все возраставшего влияния другой его части во главе с Милюковым. В этих кругах все более укреплялась мысль о том, что одним созданием «правительства доверия» или даже «ответственного министерства» дело не обойдется и что, если Дума с ее Временным комитетом хочет как-то удержаться на гребне событий, она должна пойти дальше: пределом этого «дальше» считалось отречение Николая II в пользу наследника Алексея при регентстве великого князя Михаила. По воспоминаниям П. Н. Милюкова, 1 марта (т. е. в день, когда Н. Н. Иванов явился в Таврический дворец с «великокняжеским манифестом») этот политический курс становится фактически предпрешенным⁴⁶. Родзянко, как мог, сопротивлялся этому курсу, вся затея с манифестом и была задумана как средство противодействия ему. Но соотношение сил непрерывно менялось в пользу сторонников Милюкова, причем Родзянко в немалой степени становился помехой на их пути. По-видимому, он начинал понимать это сам и, чтобы вообще не оказаться за бортом, решил плыть по новому течению. В таких условиях его поездка к царю для утверждения «великокняжеского манифеста» становилась ненужной, политически неоправданной, почему и была отменена. Но свою роль Родзянко еще не считал исчерпанной. До сих пор именно он являлся посредником между Думой и Ставкой, верхи командования прислушивались именно к нему и вряд ли столь же охотно вступили бы в контакт, например, с Милюковым.

Чтобы смягчить возможное обострение отношений Временного комитета и генералитета и окончательно не потерять влияния, Родзянко выпущен был перейти на позиции «милюковцев». Утром 2 марта он писал Михаилу, все еще отсиживавшемуся на Миллионной: «Теперь все запоздало. Успокоит страну только отречение от престола в пользу наследника при Вашем регентстве. Прошу Вас повлиять, чтобы это совершилось добровольно, и тогда сразу все успокоится...»⁴⁷. Тогда же в разговоре по прямому проводу с генералом Рузским, у которого в Пскове находился царь, именно он и поставил вопрос об отречении. Но на встречу с Николаем теперь должны были ехать другие люди, придерживавшиеся более радикального решения вопроса, т. е. готовые принять и идею отречения. Одним из таких людей был А. И. Гучков, известный своим личным неприязненным отношением к Николаю II и разрабаты-

вавший план его устранения от власти еще до начала революции. Другим стал В. В. Шульгин, полагавший, что если уж речь шла или пойдет об отречении, то будет лучше, если его примет монархист.

Как Гучков и Шульгин, особенно последний, так и некоторые другие мемуаристы из числа лиц, присутствовавших при отречении Николая II, позднее утверждали, что решение срочно выехать в Псков, в сущности, было принято чуть ли не без ведома Временного комитета Думы и что никаких формальных полномочий у думских посланцев в Псков не имелось. Трудно поверить в эту версию. Гучков и Шульгин, конечно, отдавали себе полный отчет в значении своей миссии и вряд ли решились бы на «партизанские» действия. Между прочим, имеется свидетельство, подтверждающее это. Кадет В. Н. Пепеляев, будущий премьер-министр правительства Колчака, в рукописи своих неопубликованных воспоминаний рассказывает следующее. Утром 2 марта он, Пепеляев, был назначен комиссаром Думы в восставший Кронштадт. Поздно вечером того же дня в приемной Временного правительства он ждал приказа о командировании его в крепость. В этот момент, пишет Пепеляев, была получена телеграмма из Пскова от Гучкова о том, что «поручение выполнено» и что об отречении Николая II «составляется шифрованная депеша»⁴⁸.

С большой долей вероятности можно предположить, что Гучков и Шульгин осуществляли в Пскове тот политический план, который 1 марта был признан во Временном комитете необходимым: компромисс с царем на базе «великокняжеского манифеста», инспирированного Родзянко и другими, уже вряд ли возможен; лучший выход — отречение царя в пользу наследника при регентстве великого князя Михаила Александровича. Но подробнее об этом — тогда, когда февральские события приведут нас в Псков.

Многочисленные свидетельства, уже широко использованные в исторической литературе, показывают, что практически только во второй половине 27 февраля (точнее, к его концу) в Ставке в полной мере стали осознавать все значение событий, происходивших в Петрограде. Вся сумма полученной за 23—27 февраля информации ставила Николая II, его свитское окружение и высших чинов Ставки перед дилеммой: либо пойти на уступки в духе программы «Прогрессивного бло-

ка», либо направить в Петроград карательные войска с фронта и подавить революцию силой.

В дневнике придворного историографа Дубенского зафиксировано, что к концу дня 27 февраля у царя будто бы состоялось экстренное совещание с участием начальника штаба Ставки верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, министра двора Фредерикса и дворцового коменданта Воейкова. Обсуждалась вся информация, полученная из Петрограда и Царского Села, и с учетом ее намечался характер ответных действий. Алексеев якобы высказался за принятие требований Родзянко, т. е. за согласие на «министерство доверия». Старец Фредерикс по своему обыкновению молчал, Воейков же рекомендовал «твердый курс», что соответствовало его принципу, о котором он охотно разглагольствовал в офицерской среде: «Знаем мы их (т. е. либералов.— Г. И.), дай им палец, а они захотят отнять и всю руку». Других сведений, подтверждающих это свидетельство Дубенского, нет. Отметим, однако, что Александр Блок, работавший в Чрезвычайной следственной комиссии и написавший на ее материалах интересную книгу «Последние дни императорской власти», верил Дубенскому и упомянул о совещании как о реальном факте. Некоторую ясность в вопрос, как нам кажется, вносят мемуары флигель-адъютанта А. А. Мордвинова, который как раз вечером 27 февраля был дежурным при Николае II. Он отрицает факт специального совещания, но вспоминает, что царь в эти часы о чем-то подолгу беседовал с Алексеевым, а затем с явившимися к нему Фредериксом и Воейковым⁴⁹. По-видимому, эти два события каким-то образом и соединились у Дубенского в одно, приняв вид «специального совещания». Так или иначе, скорее всего в этот момент решался вопрос о способах действий Ставки против «бунтующего» Петрограда и Николай избрал путь вооруженной борьбы. Через Алексеева великому князю Михаилу Александровичу, который находился в Петрограде, было передано, что «все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе (Совета министров.— Г. И.), его императорское величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село»⁵⁰. В этом ответе все же можно усмотреть слабую попытку тактического маневра: выходило, что царь как бы не отвергал с порога возможность правительственных перемен; он, по-видимому, давал понять, что переговоры о них не исключены,

по только после его приезда. Это мог быть какой-то расчет на оппозицию, с которой в Петрограде был связан Михаил Александрович. Но телеграмма председателю Совета министров Голицыну не оставляла никаких сомнений в подлинных намерениях царя: «Относительно перемен в личном составе,—телеграфировал Николай,—при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми»⁵¹.

Между 9 и 10 часами вечера 27 февраля Николай приказал назначить генерал-адъютанта Н. И. Иванова, находившегося в резерве Ставки, главнокомандующим Петроградским военным округом «с чрезвычайными полномочиями». В сопровождении отборного Георгиевского батальона он должен был выехать в Царское Село. Одновременно с Северного и Западного фронтов распоряжением Ставки туда направлялись по два пехотных, по два кавалерийских полка и по одной пулеметной команде. 28 февраля утром Алексеев дополнительно телеграфировал и на Юго-Западный фронт о подготовке к отправке на Петроград еще трех полков⁵².

Вся деятельность Ставки сосредоточилась на борьбе с врагом «внутренним». Генерал Алексеев вскоре после революции вспоминал: «В дни переворота мне сильно нездоровилось. Клембовский вел переписку, размеры которой возросли до крайности. Оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта, впереди всего стали внутреннеполитическая сторона, судьба войск, двинутых к Петрограду под начальством Иванова, удержание всей армии в порядке»⁵³.

Однако изначально совершенно четкий замысел «экспедиции Иванова» под перьями эмигрантских и советологических историков превратился чуть ли не в свою прямую противоположность. Стали утверждать, что у царя, а следовательно, и у Иванова и мысли не было о расправе с революционным Петроградом, что генерал был настроен миролюбиво и намеревался восстановить нарушенный порядок главным образом посредством перетасовки правительства на основе все того же «министерства доверия». К тому же вся экспедиция была якобы организована во многом случайно, наспех, так, что более походила на некий водевиль и даже при желании вряд ли могла бы привести к разгрому революции.

Но разве не видно в замысле экспедиции Иванова некой копии «операции», которую царское правитель-

ство осуществляло еще в 1905 г.? Тогда карательные эшелоны генералов Реннекампа и Меллер-Закомельского, двигаясь по Сибирской магистрали, привели «к порядку» все, что попадалось на их пути. Николай II либо сам вспомнил об этом «опыте», либо кто-то из окружения услужливо напомнил о нем.

Как же в таком случае могла возникнуть версия о «либеральных» целях экспедиции Иванова? Истоки ее лежат в сложном переплетении событий 28 февраля и 1 марта, резко менявших всю ситуацию. И хотя они довольно подробно освещены в литературе, здесь необходимо их вкратце описать. Итак, эшелон генерала Иванова, в который погрузили Георгиевский батальон, 5-ю роту Сводного полка и полуроту Железнодорожного полка (всего примерно 800 человек), ушел из Могилева ранним утром 28 февраля, держа курс на Царское Село. Солдаты находились в полном боевом снаряжении, каждый из них получил по 120 патронов. Почти сразу же по выходе из Могилева эшелон утратил устойчивую связь со Ставкой, получая лишь отрывочные сведения о движении навстречу ему каких-то поездов, переполненных солдатами, «дебоширящими на станциях», отбирающими у офицеров оружие и т. п. Иванов сразу же решил приступить к «усмирению», используя свой богатый опыт времен первой революции.

По его приказу поезда останавливались, начиналась проверка билетов и документов, часть пассажиров, главным образом солдат, высаживалась. На некоторых станциях разыгрывались, например, такие сцены: один из задержанных смело кричал солдатам-георгиевцам: «Братцы, помните: свобода! Не помешайте, братцы! Помните: свобода, ура!» Нечто подобное повторялось не раз⁵⁴. Иванов самолично расправлялся со смутьянами: приказывал ставить на колени, завязывать рот платком и т. п. Это выглядело несколько комедийно — Иванов напоминал гоголевского героя, который считал, что достаточно ему послать свою форменную фуражку, чтобы бунтующие мужики разбежались. Тем не менее личное буффонство старорежимного генерала не следует смешивать со всем замыслом его карательной экспедиции.

Около 9 часов вечера 1 марта эшелон Иванова пришел в Царское Село. Вскоре Иванов был принят императрицей. Остается фактом, что именно после этой беседы он решил отвести свой батальон на станцию Вы-

рицу (около 30 км от Царского Села). Известно, что в ходе разговора с Ивановым Александра Федоровна спрашивала у него о местопребывании царя, с которым она потеряла связь после его отъезда из Могилева. Имеются свидетельства о том, что императрица будто бы убеждала Иванова атаковать революционный Петроград, но вероятнее другое: скорее всего речь могла идти о попытке соединиться с царем с целью оказания ему помощи. Во всяком случае, в одном из писем Александры Федоровны царю (не полученном им) говорится: «Я думала, что он (т. е. Иванов.— Г. И.) мог бы проехать к тебе через Дно, но сможет ли он прорваться? Он надеялся провести твой поезд за своим»⁵⁵. Если этот план и возник, то почему он отпал? До Иванова дошли сведения о подходе к царскосельскому вокзалу, где стоял его эшелон, частей 3-го стрелкового полка. Кто-то бросил гранату, раздались выстрелы. Не имея еще подкреплений, шедших к нему, Иванов решил предусмотрительно уклониться от возможного столкновения. К тому же некоторые железнодорожные служащие стали пытаться чинить ему препятствия в свободе маневрирования по путям. То же самое отмечалось и в других местах дислокации некоторых частей ивановского карательного отряда. Революционные волнения стали касаться и их. Иванов телеграфировал в Ставку: «До сих пор не имею никаких сведений о движении частей, назначенных в мое распоряжение. Имею негласные сведения о приостановке моего поезда. Прошу принятия экстренных мер для восстановления порядка среди железнодорожной администрации, которая, несомненно, получает директивы Временного правительства».

Между тем положение эшелонов, которые должны были сосредоточиться в районе Царского Села и поступить под команду Иванова, было следующим. Головной эшелон (с частями Тарутинского полка) дошел до места назначения — станции Александровской, эшелоны Бородинского полка находились в Луге, остальные растянулись между Лугой и Псковом и Псковом и Двинском. Эшелоны с частями, направлявшимися с Западного фронта, миновали Полоцк. Требовались примерно еще одни сутки для завершения «подтягивания» всех этих карательных сил к Царскому Селу. Но именно в течение этих суток (с вечера 1 марта и до позднего вечера 2 марта) произошли события, сорвавшие первона-

чальную задачу, поставленную перед генералом. Ивановым.

Исходным пунктом этих событий было происходившее в Петрограде. Там старая власть пала, правительство перестало существовать (к вечеру 27 февраля), возник Временный комитет Государственной думы, фактически находившейся в зависимости от Петроградского Совета. В ночь с 1 на 2 марта между ними было достигнуто соглашение о создании Временного правительства. История его образования изучена довольно детально⁵⁶, и поэтому нет необходимости повторяться. Важно лишь отметить, что «левое» крыло Временного комитета Государственной думы, на наш взгляд, получило преобладающую роль в правительстве. Родзянко же вообще не вошел в него. Его претензии на премьерство были отведены, во главе Временного правительства оказался князь Г. Е. Львов.

Впоследствии Милюков сожалел о таком выборе, считая, что Родзянко, как более «сильная личность», оказался бы лучшим лидером. На склоне лет, в эмиграции, Милюков давал понять, что тут сыграли свою роль «старые масонские связи», которые в известной степени и определили создание во Временном правительстве группы в составе Г. Е. Львова, А. Ф. Керенского, Н. В. Некрасова и А. И. Коновалова. Некоторые данные, введенные в последнее время в научный оборот⁵⁷, дают основание предположить, что политическое масонство (возникшее в начале XX в.) могло здесь сыграть какую-то роль, посредством личных связей повлиять на формирование части Временного правительства. Но, конечно, не масонство определяло ход событий и выбор решений, как это утверждал, пожалуй, наиболее активный пропагандист «масонской концепции» английский советолог Дж. Катков. Не масонство определяло характер буржуазно-либеральной оппозиции, а, напротив, эта оппозиция полностью вбирала в себя немногочисленных масонов и использовала их в своих интересах. Львов, а также исподволь набиравшая силу «группа Керенского» (Некрасов и др.) оказались в верхних эшелонах власти отнюдь не по причине своих масонских связей. Главную, решающую роль здесь играл фактор политический. Несмотря на принадлежность к различным партийным группировкам, Львова, Керенского, Некрасова, Коновалова и др. еще до революции объединяло стремление к созданию центра, кото-

рый мог бы сомкнуть либеральную оппозицию с соглашательским крылом массового движения. Теперь, в условиях быстрого развития революции, приведшего к возникновению меньшевистско-эсеровского Исполкома Петроградского Совета, влияние этого, по определению В. И. Старцева, буржуазного радикально-демократического блока, безусловно, должно было расти⁵⁸. Не говоря уже о Родзянко, даже Милюков оказывался правее этого блока. Что касается Львова, то он представлял собой наиболее приемлемую фигуру для различных течений, которые все явственнее обозначались во Временном комитете Думы и формировавшемся Временном правительстве.

Впоследствии Родзянко, защищаясь от нападок монархистов, в уже цитированном нами письме в газету «Руль» уверял, что он «не возражал против экспедиции генерала Иванова», но узнал о ней «только тогда, когда она подходила к Вырице». А за это время ситуация изменилась так, что «не возражать» против «экспедиции Иванова» было уже просто невозможно. Все, кто оттеснили Родзянко, хорошо понимали это. На Иванова, по видимому, решено было оказать соответствующее давление. Подтверждением этого может служить факт направления к нему двух полковников генштаба — Тилле и Доманевского, миссия которых сводилась к тому, чтобы убедить генерала-карателя в том, что вооруженная борьба с восставшими только осложнит и ухудшит положение, что порядок легче восстановить путем соглашения с думским комитетом и намечаемым им правительством. Об этом, по всей вероятности, хотел говорить с Ивановым и Гучков, который направился с Шульгиным в Псков к царю и который телеграфно согласовывал свою встречу с Ивановым (она не состоялась). Давление на Иванова оказывалось и кружным путем с другой стороны — через Ставку, которая, как увидим дальше, к концу дня 28 февраля совершила важный тактический поворот.

В таких условиях «экспедиция» генерала Иванова «забуксовала». В ней совершенно ясно просматриваются два момента: замысел (занести железный кулак над Петроградом и «размозжить череп» революции) и финал (замахнувшаяся рука бессильно опускается и падает). Между ними прошли бурные революционные события, решительно ломавшие планы, расчеты и намерения контрреволюции. Но именно этот безрезультат-

ный финал «экспедиции Иванова» сразу же после революции попытались выдать за ее изначальную цель. Учрежденная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия явно не была заинтересована в раскрытии подлинной сути всего этого дела: царизм был свергнут, буржуазия оказалась у власти, дальнейшее углубление революции не соответствовало ее классовым целям, напротив, лозунгом дня стал призыв к единению всех «общественных сил». В таких условиях восстанавливать истинные цели «миссии Иванова» значило лишь разжигать ненужные Временному правительству страсти. И комиссия на удивление легко принимала на веру то, что говорили ей организаторы и исполнители этой «миссии». А они, естественно, всемерно старались обелить себя, затушевать свою роль как царских карателей и, напротив, представить себя в виде борцов против «павшего режима».

Перепуганный Иванов твердил, что ему поручено было действовать в контакте с Думой, помогая ей в формировании «министерства доверия», что он и в мыслях не имел действовать оружием, думал только о том, чтобы произвести «моральное впечатление». Начальник его гражданской части А. А. Лодыженский уверял, что власть «генерал Иванов хотел с первых шагов своих использовать в том смысле, чтобы немедленно устранить прежнее правительство и привлечь к управлению государством новые живые силы. Лицами этими, которым, по мнению генерала Иванова, можно было бы поручить задачу формирования нового кабинета, могли бы быть Кривошеин или Самарин». Офицеры Георгиевского батальона чуть ли не в один голос уверяли, что их командир генерал Пожарский с самого начала заявил, что не разрешит стрелять в народ. Генерал-майор Апушкин, ведущий следствие, с готовностью воспринимал показания такого рода⁵⁹.

Любопытно, что даже члены свиты Николая II, допрашивавшиеся в той же комиссии, в один голос утверждали, что, как только в Ставке были получены телеграммы Родзянко с просьбой о «даровании» «министерства доверия», они сразу же прониклись необходимостью такого шага и к этому склонили царя сразу по его выезде из Ставки. А между тем в распоряжении Апушкина имелись и иные показания. Например, фельдфебель 1-й роты Георгиевского батальона С. Оглоблин сообщил, что командир роты при отъезде из Могил-

лева объяснил солдатам, что «мы едем сопровождать царя и в случае, если встретим какую-либо преграду, мы должны выполнять присягу». Некоторые офицеры говорили солдатам, что «из Петрограда идет бронированный поезд с немцами, которые грабят и бесчинствуют по дороге, и что нужно их остановить»⁶⁰. Но все это не вписывалось в миротворческую картину «экспедиции Иванова», которую Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства готова была принять...

Получила хождение версия, согласно которой Николай II чуть ли не добровольно отказался от власти. Историографический и источниковый анализ довольно быстро приводит нас к ее истокам. Они — в послереволюционных свидетельствах и показаниях как некоторых бывших «верноподданных», так и бывших либеральных оппозиционеров. Первые считали, что поношением свергнутого режима и свергнутого царя они скорее добьются «места» при новом режиме; вторые — версией о «самоубийстве» царизма поддерживали политическую проповедь о «единодушии» Февраля. Вот, к примеру, коннозаводчик и по совместительству царский историограф Н. Дубенский. Если верить его дневнику, который он вел, разъезжая вслед за Николаем II в «свитском» поезде, то именно ему, Дубенскому, принадлежала весьма важная роль в решениях, принимавшихся Ставкой и царем. Так, это он, оказывается, «заронил» мысль об «экспедиции» генерала Иванова в Петроград, но исключительно с «миротворческими целями». Ему также принадлежит ставшая афористической фраза о том, что Николай II отказался от власти, как будто «сдал эскадрон». Все эти свидетельства, естественно, были сделаны после того, как с царизмом было покончено. И не так уж не прав был Родзянко, когда в эмиграции, отвечая монархистам на обвинения в «революционности», писал: «Ну, хорошо, пусть я по-вашему автор революции... Но позвольте вас спросить: где же вы и ваши единомышленники были, когда вспыхнула революция?.. Вы, господа... сделали хуже. Вы не просто уклонились от борьбы, но еще и укрылись под красными бантами на груди и продолжали служить на теплых местечках ненавистному вам Временному правительству»⁶¹.

А вот показания А. И. Гучкова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 2 августа 1917 г. (Гучков был одним из шести свидетелей от-

речения в Пскове): «Такой важный акт в истории России...— крушение трехсотлетней династии, падение трона. И все это прошло в такой простой, обыденной форме, я бы сказал, настолько без глубокого трагического понимания всего события со стороны того лица, которое являлось главным деятелем в этой сцене, что мне прямо пришло в голову, да имеем ли мы дело с нормальным человеком... Человек этот просто до последнего момента не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал...»⁶²

Оставим в стороне просто нелепое утверждение Гучкова о том, что отречение для Николая II означало «крушение трехсотлетней династии» (дело обстояло как раз наоборот!). Но ведь спустя почти полгода после февральских событий Гучкову просто не могло быть неизвестно, что для того, чтобы подвести Николая II к отречению, потребовалась тяжелая борьба и что он, Николай II, боролся за власть, можно сказать, до последнего предела своих возможностей. И если тем не менее Гучков упрямо твердил о полном непонимании бывшим царем положения, то тут, несомненно, был прежде всего политический расчет, усилившийся, вероятно, и соображением личного порядка: перед лицом крепнувшей контрреволюции (шел август 1917 г.) вчерашние «борцы с царизмом» уже начинали поменьку «реабилитировать» себя и Гучкову важно было подчеркнуть, что никто «не принуждал» царя к отречению.

Любопытно, как трансформировалась версия о «самоустранении» царизма и «самоотречении» Николая II после Октября, уже в эмиграции. Мотив, компрометирующий царя, из нее полностью исчез. Например, «конституционный монархист» Н. Н. Чебышев говорил в одном из своих выступлений: «А иные говорят, что у нас вообще не было революции. Так ли уж это глупо? Смотрите: у нас было длительное отречение от власти. Государь снял с себя венец... Императору Николаю II угодно было отречься не только за себя, но и за сына, что противоречило закону. Потом и великий князь Михаил Александрович после беспорядочной беседы с каким-то случайным сборищем... отказался принять престол...»⁶³

Политическая подоплека всех этих версий ясна. И тем не менее отголоски их довольно долго звучали в исторической литературе. Сказывалось отмеченное нами

определенное игнорирование «верхов» в ходе изучения истории революции и опасение преувеличить значение царского отречения в ходе революционных событий. Интересно, как «непрофессионал», свободный от давления историографической традиции и именно потому, может быть, более способный непредвзято взглянуть на события, с некоторым педоумением обнаруживал просчет историков. В июне 1928 г. В. В. Шульгин, один из двух думских посланцев, «принимавших» отречение царя, вспоминая прошлое, писал другому думскому посланцу, А. И. Гучкову: «Мне иногда приходит в голову, что было бы хорошо собрать все записи, касающиеся отречения, и издать их одной книгой... Это мог быть большой труд под заглавием „Отречение“»⁶⁴. Шульгин не знал, что труд, о котором он так пекся, уже вышел в Советском Союзе. В 1927 г. в Ленинграде под редакцией П. Е. Щеголева был издан сборник воспоминаний очевидцев (и некоторых документов) под названием «Отречение Николая II». Ему была предпослана интереснейшая статья Михаила Кольцова, в которой он, анализируя поведение царя в критические для него дни, с удивлением спрашивал: «Где же тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самого Николая. Он стоек и меньше всех струсил»⁶⁵. Да, царь боролся до конца: даже в свое отречение он, как мы увидим, «вложил» политический маневр, рассчитанный на спасение монархии и династии...

Николай II покинул Могилев в ночь с 28 февраля на 1 марта. По железнодорожному графику его поезд должен был прибыть в Царское Село днем 1 марта. Несколькими часами раньше здесь, как мы знаем, уже должен был находиться генерал Иванов с Георгиевским батальоном в ожидании направлявшихся с разных фронтов частей. Если бы все это произошло, силы царистской контрреволюции получили бы большой импульс. Но до Царского Села Николай II не доехал, оказался в Пскове. Почему? Если верить некоторым мемуаристам, принадлежавшим к либеральному лагерю, это было результатом тонко продуманного манипулирования движением «литерных поездов», осуществляемым из думских кругов. Возможно, что распоряжения блокировать приезд Николая II в Царское Село и Петроград действительно отдавались теми, кто был связан с Временным

комитетом Государственной думы. И все-таки «блуждание» царского поезда по железнодорожным путям 28 февраля и 1 марта определялось совсем не ими. В события властно вмешивались обстоятельства, вызванные стремительным развитием революции. Именно они прежде всего и срывали намерения царя и его окружения. Когда на станции Малая Вишера в шедшем впереди «свитском» поезде («литер Б») получили тревожное сообщение, что следующие станции — Любань и Тосно — как будто бы уже в руках революционных войск, решено было немедленно повернуть назад. Дождавшись прихода в Малую Вишеру царского поезда («литер А»), оба поезда через Старую Руссу и Дно пошли на Псков, где находился штаб главнокомандующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. Почему именно сюда? Надо учитывать, что, выехав из Могилева, царь уже 28 февраля утратил непосредственную связь со Ставкой. Эту связь можно было восстановить только из пункта, где имелся телеграфный аппарат Юза. «Ближайший Юз» имелся в штабе Рузского: этим и объясняется решение Николая II повернуть в Псков. На наш взгляд, оно было связано с планом карательной экспедиции Иванова: «по Юзу» из Пскова можно было форсировать движение других карательных войск. Таким образом, если думский комитет, по выражению Керенского, и пытался играть с царем в «кошки-мышки», уводя «кошку» подальше от революционной столицы, то игра эта шла вхолостую...

К концу дня 1 марта оба царских поезда прибыли в Псков. Это был тот момент, когда Ставка в Могилеве, возглавляемая генералом Алексеевым, изменила свою политическую позицию.

Если до 1 марта она, как мы знаем, поддерживала курс на военное подавление революции и усиленно работала над организацией карательной экспедиции генерала Иванова, то уже к концу 28 февраля генералу Алексееву, непрерывно получавшему новые сведения о событиях в Петрограде, все более очевидной становилась необходимость соглашения с Временным комитетом Думы. Представители комитета убеждали его, что выполнение их требования об «ответственном министерстве» остановит революцию и, таким образом, позволит, сохранив монархию, продолжать войну с Германией до победного конца. В Ставку одна за другой поступали телеграммы, которые сообщали о мощном размахе ре-

волюции, о переходе все новых и новых войск в ее лагерь, об аресте министров и других царских чиновников. Из этой информации становилось ясно, что для подавления революции сил отряда Иванова может и не хватить. Вставал вопрос о подготовке новых воинских соединений и отправке их на Петроград, на что, по расчетам генерала А. С. Лукомского, потребовалось бы не менее 10 дней⁶⁶.

В ночь на 1 марта Алексеев решил, что необходимо пойти навстречу буржуазным лидерам Думы, полагая, что большинство его помощников и командующих фронтами должны поддержать это намерение. Но испросить санкции царя Алексеев не мог: его уже не было в Могилеве и приблизительно до 3 часов дня 1 марта в Ставке точно не знали, где он находится. Для Алексеева наступил момент тяжелого выбора: либо ждать связи с царем, либо, взяв ответственность на себя, действовать самостоятельно. И Алексеев решился: в ночь на 1 марта он направил в Царское Село (куда должен был прибыть генерал Иванов, а затем и царь) две телеграммы. Подчеркнув, что в воззваниях думского комитета речь идет о «незыблемости монархического начала», он предлагал пойти навстречу либералам Думы в их требовании «необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства». В связи с этим, писал Алексеев, должны измениться и «способы действий» генерала Иванова, т. е. поставленная ему задача подавить революцию в столице вооруженным путем отменялась⁶⁷.

Только около 3 часов 1 марта Ставке удалось наконец выяснить местонахождение царского поезда: в этот момент он стоял на станции Дно. Телеграмму Алексева о необходимости дарования «министерства доверия» или «ответственного министерства» немедленно направили туда⁶⁸. И снова напрасно: царские поезда уже ушли в Псков. Как только в Ставке поздно вечером получили сообщение из штаба Рузского, что Николай II в Пскове, Алексеев перенес «телеграммный огонь» туда. Но теперь он был значительно более «массированным».

Пока царские поезда маневрировали на железнодорожных путях, Алексеев не терял время зря. Он уже запросил мнение некоторых высших генералов и получил от них ответы, в которых выражалась поддержка его позиции и выходом из положения признавался компромисс с Думой (телеграммы адмирала А. И. Непе-

нина, генерала А. А. Брусилова, великого князя Николая Николаевича и др.). Более того, с помощью генерала А. С. Лукомского, находившегося в Ставке великого князя Сергея Михайловича и начальника дипломатической канцелярии Ставки Н. А. Базили Алексеев даже составил проект манифеста, от имени царя провозглашавшего создание «ответственного перед представителями народа министерства» во главе с Родзянко. В 11-м часу вечера 1 марта все это было передано в Псков⁶⁹. Но Псков молчал. В вагоне «литера А» генерал Рузский никак не мог убедить Николая II принять новую позицию Ставки. Позднее Рузский вспоминал, что царь «возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения». Он, писал Рузский, уверял, что «общественные деятели», получив власть, «не сумеют справиться со своей задачей» и что формула «ответственного министерства» «ему непонятна, что надо быть иначе воспитанным, переродиться...»⁷⁰. Только в первом часу ночи 2 марта Николай II сдался. Согласие царя на ответственное министерство, по существу, означало отказ от карательной экспедиции генерала Иванова. В Ставку пошло распоряжение о прекращении движения его войск на Петроград.

Казалось, наконец достигнут долгожданный компромисс между думским Временным комитетом и царем. Но революция ломала и крушила все эти политические сделки «верхов», совершавшиеся за ее спиной. Когда генерал Рузский со станции поехал к себе в штаб, чтобы по прямому проводу сообщить Родзянко «радостную весть», он еще не знал, что положение в Петрограде круто изменилось, что движение масс приобрело новый мощный импульс. Разговор Рузского с Родзянко начался в 3 часа 30 минут утра 2 марта и продолжался четыре часа. То, что услышал Рузский, потрясло его до глубины души. В ответ на сообщение, что уже заготовлен манифест об «ответственном министерстве», Родзянко заявил, что этот манифест запоздал, что он никого уже не удовлетворит, потому что «настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко», и что «династический вопрос поставлен ребром»⁷¹. Действительно, днем 2 марта, когда Милюков, выступая в Таврическом дворце (в это время царь еще не отрекся, но Милюков уже знал, что в Псков выехали Шульгин и Гучков, чтобы добиваться отречения Николая II), заявил, что престол перейдет к

наследнику царя Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича, в городе поднялась настоящая буря возмущения. Начались митинги протеста на заводах и в полках гарнизона. Орган Петроградского Совета газета «Известия» писала: «Династия Романовых ныне свержена... к ней возврата быть не должно»⁷².

Напрасно Рузский в просительном тоне доказывал Родзянко, что царь пошел на все возможные уступки (отменил карательную экспедицию Иванова, согласился на «ответственное министерство»), и взывал к тому, чтобы «почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар». Родзянко определенно дал понять, что только в случае отречения в пользу наследника Алексея «переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех и тогда кончится в несколько дней...». Этот разговор дорого обойдется Родзянко. В эмиграции вплоть до самой смерти (февраль 1924 г.) монархисты будут травить его за то, что он якобы ввел в заблуждение армейскую верхушку и под его влиянием генералы склонили царя к отречению. Но Шульгин в некрологе бывшему председателю IV Государственной думы напишет: «Главное, что ставят ему в вину,— это, конечно, то, что он советовал государю отречение... А что же, если бы Родзянко не советовал отречься, молчал бы, трон удержался бы?.. Я же думаю и теперь, что иного исхода не было. Чтобы не отречься, надо было залить кровью Петроград. Кто мог это сделать тогда? Где был тот человек и те люди?»⁷³

Разговор Рузского и Родзянко тут же передавался в Ставку, в Могилев. Реакция Ставки была мгновенной: отступать уже было нельзя и армейская верхушка сделала новый шаг навстречу думскому комитету. Генерал Алексеев тут же подписал циркулярную телеграмму главнокомандующим фронтами, в которой кратко информировал о новой позиции Временного комитета Государственной думы, выдвинувшего требование об отречении Николая II в пользу сына при регентстве Михаила Александровича, и подчеркивал, что «обстановка, по-видимому, не допускает иного решения». Этот вывод Алексеев мотивировал необходимостью «продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии»⁷⁴. В заключение Алексеев просил главнокомандующих сообщить свое мнение в Псков,

явно ориентируя их на поддержку высказанной им точки зрения. К 2 часам дня у Алексева уже были нужные ему ответы великого князя Николая Николаевича (Кавказский фронт), Брусилова (Юго-Западный фронт) и Эверта (Западный фронт). Почти тут же Алексеев передал их в Псков, от себя умоляя царя «безотлагательно принять решение», которое ему «внушит господь бог»⁷⁵. Но было совершенно ясно, что решением «господа бога» Алексеев считал то, о котором телеграфировали все главнокомандующие.

Чем объяснить смену позиции Ставки и вообще военных верхов? В зарубежной литературе встречаются утверждения о связях Алексева, Рузского и некоторых других генералов с политическим масонством, установленных якобы главным образом через А. И. Гучкова⁷⁶. Однако никаких убедительных данных в пользу такого утверждения не приводится. Но если даже предположить, что такие связи существовали, то в основе их лежала не принадлежность к некоей «военной ложе», а общая политическая оппозиционность режиму, возникшая на почве военных неудач. Можно ли считать ее неожиданной? Имеем в исторической литературе данные, позволяющие утверждать, что лидеры оппозиции установили контакты с генералом Алексеевым и некоторыми другими высшими армейскими чинами еще в дофевральский период. Некомпетентность руководства, развал в области промышленности и снабжения, «распутищина» — все это раздражало генеральскую верхушку, настраивало ее против последних Романовых. Именно против последних Романовых, а не против монархии как системы — это следует подчеркнуть.

Пройдут годы, но генералы (почти все они станут вождями «белого дела»), так или иначе причастные к «псковской драме», будут nervозно оправдываться за прошлое. В начале 20-х годов между генералами А. И. Деникиным и А. С. Лукомским (в дни Февральской революции он занимал пост генерал-квартирмейстера Ставки, и через него шла вся связь) развернулась довольно острая полемика о роли, сыгранной М. В. Алексеевым в отречении Николая II. Полемика шла «закрyto»: генералы обменивались письмами в связи с подготовкой Деникиным его многотомных «Очерков русской смуты». Прочитав рукопись первого тома, Лукомский критически высказался в адрес Алексева, который якобы мог тогда «подавить петроград-

ское действо», но не сделал этого, «будучи прирожденным соглашателем»⁷⁷. Деникин в своем ответе защищал Алексеева. «Нет, не мог,— писал он,— по слабости своего характера и по неустойчивости государева характера». Но далее он указывал на глубокую противоречивость «антиалексеевской» позиции Лукомского: «Вы же сами пишете, что подавить революцию силой оружия нельзя было... Это могло бы временно приостановить революцию, но она бы, конечно, вспыхнула бы с новой силой»⁷⁸. В этом замечании Деникина и заключается подлинное объяснение позиции высших генералов в февральские дни. Согласие на «ответственное министерство», а затем и отречение Николая II они рассматривали как дорогую, но все же наиболее приемлемую цену за ликвидацию революции. Да, Алексеев, по характеристике Лукомского, был «соглашателем», по иному пути, кроме как соглашение с думским комитетом, у него не было: царского Совета министров в Петрограде уже не существовало, Николай II был отрезан от Петрограда и Ставки. В такой обстановке единственной точкой опоры для Алексеева и других генералов становилась Государственная дума в лице ее Временного комитета.

Это потом битые белые генералы начнут выяснять, кто из них бросил наиболее «увесистый булыжник в государя»⁷⁹, и горевать о случившемся в Пскове: Алексеев, например, будет сожалеть о том, что «поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя»⁸⁰. А 1 и 2 марта 1917 г., склоняя Николая II к компромиссу с Думой, а затем и отказу от власти, они не колебались в своих намерениях.

В 10 часов утра 2 марта, еще не получив из Ставки телеграмм Алексеева и главнокомандующих фронтами, генерал Рузский направился к царю. Как он писал впоследствии, «стиснув зубы», он положил перед ним ленту своего разговора с Родзянко. Николай II молча читал ее, затем начал говорить, что лично готов отойти «в сторону для блага России», но опасается, что «народ этого не поймет». На эту новую уступку, лишившую его всякой власти, он идти не желал. Не решаясь брать всю ответственность на себя, Рузский предложил отложить разговор до получения ответов всех главнокомандующих и Алексеева. Когда он вернулся в штаб, телеграмма Алексеева, содержащая ответы главнокомандующих, уже

пришла. Теперь он мог говорить от имени их всех. Тем не менее, готовясь вновь встретиться с Николаем, он решил взять с собой двух своих помощников — начальника штаба генерала Данилова и начальника снабжения генерала С. С. Савича. Около 3 часов дня 2 марта три генерала вошли в салон-вагон императорского поезда. Рузский и Николай II сели друг против друга, Данилов и Савич стояли навтыжку. Рузский показал царю телеграмму с ответами главнокомандующих и от себя добавил, что выход один: отречение в пользу Алексея.

«Наступило,— вспоминал Савич,— общее молчание, длившееся одну-две минуты. Государь сказал: „Я решил. Я отказываюсь от престола“ — и перекрестился...»¹¹

Днем были составлены две телеграммы (Родзянко и Алексееву), сообщавшие о принятом решении. Оставалось отправить их адресатам, как вдруг в 4-м часу дня Николай II приказал задержать их отправку. На это событие историки обычно обращают мало внимания. Что же произошло?

Существуют две версии истории с задержкой телеграмм об отречении в пользу Алексея. По одной из них задержка была связана с известием о предстоящем прибытии в Псков думских посланцев — Гучкова и Шульгина — и необходимостью ознакомиться с целью их миссии. По другой версии Николай задержал отправку телеграмм под давлением «взбунтовавшейся» свиты, настаивавшей на отказе от отречения вообще. Трудно отдать предпочтение какой-либо из этих версий. Возможно, их следует соединить, и тогда получится, что телеграммы были задержаны в результате советов кого-либо из свитского окружения, указывавших на необходимость до отречения выслушать Гучкова и Шульгина. Но то, что произошло поздно вечером 2 марта при встрече этих думских посланцев с Николаем II в вагоне его поезда, дает основание предполагать, что он «остановил» отречение не столько под каким-либо влиянием извне, сколько по своим собственным соображениям. Совершенно неожиданно для всех присутствовавших он заявил, что меняет свое первоначальное решение и отрекается в пользу брата, великого князя Михаила. Это было нарушением закона о престолонаследии. Некоторые буржуазные авторы утверждают, что Николай якобы руководствовался только одним желанием: спасти своего больного сына, не разлучаться с ним. Его иногда даже противопоставляют Петру I, ко-

торый, напротив, пожертвовал сыном ради высших государственных интересов. Но, например, П. Н. Милюков усматривал в «переотречении» коварный политический шаг. Николай, писал Милюков, «изменил условия отречения, устранив (вопреки закону) от наследования сына и назначив своим преемником брата Михаила. Из писем царицы видно, что при этом имелась в виду задняя мысль — впоследствии при благоприятных условиях объявить отречение недействительным и восстановить права и неограниченную власть наследника»⁸². Действительно, в письме императрицы от 3 марта есть места, дающие некоторые основания для подобного рода предположений⁸³. Впоследствии многие мемуаристы утверждали, что своим «незаконным отречением» Николай осложнил обстановку, поскольку «назначением» Михаила спутал карты всем тем, кто боролся за сохранение монархии. «Назначение Михаила,— писал Милюков,— было последним даром Распутина и первым ударом по мирной революции»⁸⁴.

Действительно ли Николай II вложил в свое «переотречение» какой-то задний политический смысл или действовал только «из родительских побуждений», со всей определенностью сказать трудно. Из опубликованных воспоминаний непосредственных участников событий, в том числе прибывших в Псков Гучкова и Шульгина, нельзя также составить отчетливое представление о том, как думские делегаты оценили новый вариант царского отречения. Правда, в письме Шульгина к Гучкову, написанном уже в эмиграции, в июне 1928 г., и посвященном главным образом Пскову начала марта 1917 г., Шульгин писал: «Что же касается того, что мы будто бы не знали основных законов, то я лично знал их плохо. Но не настолько, конечно, чтобы не знать, что отречение в пользу Михаила Александровича не соответствует закону о престолонаследии»⁸⁵.

Так или иначе, Шульгин с Гучковым пришли к заключению, что юридические тонкости в сложившейся ситуации уже ни к чему, и приняли «незаконный» акт отречения. Позднее оба они подвергнутся нападкам монархистов и оба будут оправдываться ссылкой на то, что иного выхода у них не было. Гучков перед смертью уверял, что действовал из лучших монархических побуждений, что для него важнее было добиться добровольного отречения царя, потому что он боялся, что в противном случае Николай II «будет низложен Советом

рабочих и солдатских депутатов»⁸⁶. Точно так же и Шульгин на склоне лет, оглядываясь на далекое прошлое, писал о неизбежности отречения: «И государь, и верноподданный, дерзнувший просить об отречении, были жертвой обстоятельств, неумолимых и исотвратимых...»⁸⁷. Последнее, что сделал Николай,— это по просьбе делегатов подписал указы о назначении главой правительства князя Г. Е. Львова, верховным главнокомандующим — своего дядю, великого князя Николая Николаевича, и командующим Петроградским военным округом — генерала Корнилова. Это является лишним свидетельством того, что ни делегаты Думы, ни Николай II еще совершенно не понимали реальных последствий развернувшихся событий...

На другой день, 3 марта, когда поезд уносил бывшего царя в Могилев, он записал в свой дневник: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман»⁸⁸. Это, пожалуй, единственное, но зато вполне определенное признание, опровергающее все последующие утверждения о якобы «добровольном отречении» царя. Никогда впоследствии Николай в своем дневнике не возвращался к событиям в Пскове. Есть, пожалуй, только одно свидетельство, показывающее, что бывший царь не примирился с тем, что тогда произошло. Воспитатель наследника П. Жильяр, пользовавшийся безусловным доверием Романовых, писал, что уже в Тобольске, после провала корниловского мятежа Николай открыто «пожалел о своем отречении»⁸⁹.

Но запоздало не только согласие Николая II на «ответственное министерство». Оказалось, что запоздали и оба последовавших затем отречения: в пользу наследника и в пользу Михаила Александровича. Это обнаружилось сразу, как только сведения о псковских событиях, изложенные в телеграмме Гучкова, дошли до Петрограда. Думские лидеры и Временное правительство находились под впечатлением мощных антидинастических и антимонархических выступлений революционных масс, что особенно наглядно проявилось во время дневного выступления Милюкова 2 марта в Таврическом дворце. И «переотречение» Николая, вероятно, сыграло свою роль в политических расчетах «группы Керенского».

Если Родзянко вплоть до 2 марта боролся за сохранение Николая на престоле, а Милюков шел дальше,

требуя отречения царя в пользу законного наследника, то Керенский со своими единомышленниками стояли на буржуазно-республиканских позициях. До поры до времени они выжидали, блокируясь с Милюковым, но теперь, учитывая бурные антидинастические настроения масс, решили, что для них наступил благоприятный момент. Непосредственно вступить в переговоры с монархической генеральской верхушкой они не могли: тут лужен был только Родзянко, который поддерживал с генералами контакты и которому они еще верили как «верноподданному». Но позиции Керенского и его «масонских» друзей явно усиливались. Это хорошо видно из небольшой истории с передачей шифрованной телеграммы об отречении царя из Пскова в Петроград. Как только Гучков с Шульгиным «приняли» отречение, генерал Рузский сообщил, что примерно через час начнется передача текста отречения для сообщения его Родзянко. Около часу ночи на 2 марта текст этот приняли на телеграфе Варшавского вокзала, расшифровали и немедленно попросили прислать из министерства путей сообщения (там в тот момент находился Родзянко) машину для вручения ее адресату. Через некоторое время к вокзалу подошли два автомобиля с двумя офицерами и 15 солдатами. Офицеры, сообщавшие в министерство о предстоящей передаче телеграммы и расшифровавшие ее, были арестованы и доставлены в Таврический дворец к... Керенскому. Несмотря на сопротивление офицеров, заявивших, что обязаны вручить телеграмму только Родзянко, Керенский решительно изъял у них телеграмму²⁰.

Родзянко, ранее уже потерпевший поражение в борьбе с Милюковым, совершил политический вольт: выступил за отказ Михаила от престола. Две причины, возможно, лежали в основе этого неожиданного шага: новый подъем революционных, антицаристских настроений в массах (так называемая «вторая волна революции») и стремление Родзянко, переориентируясь на новую политическую группировку, удержаться на гребне событий. Так или иначе, 3 марта Родзянко и новый премьер-министр Г. Е. Львов бросились к прямому проводу для разговора с Рузским и Алексеевым. Говорил Родзянко. Волнуясь и торопясь, он утверждал, что решение, принятое в Пскове, неприемлемо. С воцарением наследника Алексея при регентстве Михаила, по его мнению, еще «помирились бы», но с

воцарением Михаила, безусловно, не согласятся. Не объясняя, почему дело обстоит именно так, Родзянко сообщил, вероятно, оторопевшему Рузскому, что все дело в том, что неожиданно вспыхнул «солдатский бунт», которому ничего подобного он не видел, что к этому бунту присоединились рабочие и уже новая, только что образованная власть повисла на волоске. Тем не менее все же удалось прийти к соглашению с Исполкомом Совета, «которое заключалось в том, чтобы было создано через некоторое время Учредительное собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления...». Успокаивая генералов, Родзянко заверил их, что «при предложенной форме возвращение династии не исключено», но примерно до окончания войны власть должна остаться у Временного правительства⁹¹.

Манифест Николая об отречении в пользу великого князя Михаила повисал в воздухе, хотя текст его уже кое-где начал «спускаться» по нижестоящим армейским инстанциям для принятия присяги.

В генеральских верхах началась сумятица, зрело раздражение. Рузский с явной досадой заметил Родзянко, что «депутаты, присланные вчера, как видно, не были в достаточной степени освоены с ролью и вообще с тем, для чего приехали». Алексеев мрачно телеграфировал Рузскому, что все сообщенное «далеко не радостно», потому что «неизвестность и Учредительное собрание — две опасные игрушки в применении к действующей армии»⁹².

Последовавшие действия Алексеева еще раз опровергают послереволюционные монархические версии об его «измене» и т. п.; напротив, они свидетельствуют о том, что Алексеев да и другие генералы делали все возможное, чтобы спасти монархию. В отказе Родзянко поддержать такую, по мнению генералитета, сверхрадикальную меру, как отречение царя, раздраженный Алексеев, вероятно, усмотрел новый политический трюк, а во всем предыдущем — чуть ли не обман, рассчитанный на то, чтобы толкнуть командование на принятие требований думских лидеров.

Еще бы! Сколько сил было положено на то, чтобы сдвинуть упрямого царя с «мертвой точки», склонить его к уступкам, — и все это пошло прахом. Мы уже приводили белоэмигрантские свидетельства о том, что Алексеев будто бы признавал ошибочность своей пози-

ции в дни отречения царя от престола. Сожалелся якобы о содеянном и Рузский, который потом, оказывается, понял, что ему следовало «вооруженной силой подавить бунт». Вероятнее всего, это реабилитирующие заявления либо самих участников событий, либо их апологетов, сделанные постфактум, в новых политических условиях и обстоятельствах. Но так или иначе, а в течение первой половины 3 марта Алексеев направил всем главнокомандующим тревожные телеграммы. В них говорилось, что «в сообщениях Родзянко нет откровенности и искренности», что «неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста могут повлечь шатание умов в войсковых частях». Поэтому Алексеев предлагал «потребовать осуществления манифеста», а для установления единства «созвать совещание главнокомандующих в Могилеве». «Коллективный голос высших чинов армии и их усилия,—убеждал Алексеев,—должны... стать известными всем и оказать влияние на ход событий». Вырисовывался план организации нового карательного похода на Петроград.

Однако добиться полного согласия главнокомандующих Алексееву не удалось. Только что назначенный новый верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (он с осени 1915 г. находился в Тифлисе) высказывался против перехода престола к Михаилу, но в то же время отвергал и идею Учредительного собрания, как совершенно неприемлемую «для блага России». Брусилов считал, что задача армии — «охранять грудью матушку Россию» и не вмешиваться в политику. Пожалуй, только Эверт требовал немедленного объявления «высочайшего манифеста». По-видимому, возобладало мнение генерала Рузского, который в эти два дня находился в центре различных политических влияний и воздействий, направленных на находившегося у него в Пскове Николая Романова. Он полагал, что сбор главнокомандующих «несоответственен», так как они недостаточно ориентированы в обстановке, и главная задача состоит в том, чтобы установить «полный контакт с правительством».

Но этого-то Алексееву как раз и не удавалось сделать. Родзянко вдруг куда-то «исчез», и добиться его вызова к прямому проводу в течение всего дня 3 марта оказалось невозможным. Теперь мы знаем, где находился Родзянко: рано утром с другими членами Временного комитета и Временного правительства он

отбыл на Миллионную, 12, где квартировал Михаил Романов. Примечательно, что ни Алексееву, ни Рузскому об этом сообщено не было. Новая власть, по-видимому, посчитала, что «дело сделано» и дальнейшее вмешательство армейской верхушки в политику может стать неуместным. Только к вчеру 3 марта Алексееву удалось соединиться с Гучковым. Начальник штаба просил нового военного министра передать Родзянко, что, по мнению армии, выход все же должен быть найден «путем соглашения с лицом, должностующим вступить на престол». Ради этого Алексеев даже делал шаг навстречу думскому комитету: предлагал указать в манифесте о воцарении Михаила, что «окончательное решение вопросов государственного управления будет выполнено в согласии с народным представительством» позднее, по окончании войны. То, что услышал Алексеев в ответ, потрясло его. Гучков сообщил, что на совещании с некоторыми министрами Временного правительства Михаил отказался от престола. В растерянности Алексеев произнес: «Неужели нельзя было убедить великого князя принять временно до созыва Собрания власть?.. Через полгода же все выяснится ближе, лучше и всякие изменения протекнут не столь болезненно, как теперь...» Преобладала все та же мысль оттянуть, отложить, переждать, пережить «смуту», а там, может быть, все уляжется, перемелется, переменится к лучшему. «Вполне разделяю Ваши опасения... — говорил из Петрограда Гучков, — в интересах быстрого успокоения страны... явилось бы крайне важным, чтобы престол был безотлагательно замещен кем-либо, хотя бы временно, до санкции Учредительного собрания»⁹³. К концу дня 3 марта Алексеев все же связался и с Родзянко⁹⁴. Выслушав сообщение председателя Думы об отказе Михаила от престола, он безнадежно заметил: «Прибавить ничего не могу, кроме слов: боже, спаси Россию»⁹⁵.

Но мы несколько забежали вперед. Вернемся к Михаилу, на которого Николай, а затем и Алексеев с генералами делали свою последнюю ставку. Как мы уже знаем, вызванный Родзянко из своей резиденции в Гатчине, он приехал в Петроград к концу 27 февраля. Здесь думские лидеры предложили ему до приезда Николая II в Ставку сформировать временное правительство из общественных деятелей во главе с каким-либо «популярным генералом». Предлагалось, таким образом,

что-то вроде диктатуры, которая должна была покончить с революцией. Михаил, однако, не решился действовать самостоятельно. После совещания с министрами во главе с Голицыным он из военного министерства связался со Ставкой и через генерала М. В. Алексеева просил царя распустить Совет министров и дать согласие на создание нового правительства, пользующегося «доверием страны».

Через того же Алексеева Николай II решительно отверг эту просьбу. В сопровождении близких ему лиц Михаил из военного министерства перешел в Зимний дворец. Из его окон было видно, как на Дворцовой площади сгущались толпы революционного народа. Генерал Хабалов и полковник Данильченко, сконцентрировавшие здесь остатки верных царскому правительству войск, готовились к осаде.

Однако, как мы уже писали выше, Михаил высказался за то, чтобы очистить Зимний дворец. Хабалов со своим воинством вновь перешел в Адмиралтейство. Дворец опустел, двери его уже не охранялись. Михаил решил вернуться к себе в Гатчину, но и это оказалось невозможным: с утра 28 февраля улицы Петрограда были сплошь заполнены народом. Тогда через дворы Эрмитажа и дома великого князя Николая Михайловича кандидата в российские монархи тайно переправили на Миллионную улицу, 12, в квартиру княгини О. П. Путятиной. В тот же день на квартиру Путятиных был доставлен «великокняжеский манифест». Напомним, что манифест от имени Николая II объявлял о «даровании ответственного министерства» и конституционного строя. Под ним уже стояли подписи Павла Александровича и Кирилла Владимировича. Теперь он ждал подписи Михаила, после чего его предполагали предложить Николаю II сразу по приезде в Царское Село. Михаил подписал манифест.

Посредством переписки он поддерживал связь с находившимся в Таврическом дворце Родзянко. Именно из письма последнего вечером 2 марта Михаил узнал о плане отречения Николая II в пользу Алексея при регентстве его, Михаила (как мы знаем, Гучков и Шульгин уже находились на пути в Псков).

Рано утром 3 марта в квартире Путятиных раздался телефонный звонок. Звонил А. Ф. Керенский, который первым получил телеграмму из Пскова с сообщением о новом варианте отречения Николая II — в поль-

зу Михаила. Керенский просил великого князя срочно принять членов Временного комитета Думы и Временного правительства. Михаил решил, что они едут предлагать ему регентство, на что он уже готов был согласиться⁹⁶.

Около 10 часов утра в квартире на Миллионной появились члены Временного правительства и Временного комитета Думы: Родзянко, Львов, Милюков, Керенский, Некрасов, Терещенко, Ефремов и др. Следует отметить, что сама по себе эта миссия фактически являлась неправомерной, идущей в обход уже принятых решений. Ведь еще 1 марта думский комитет постановил образовывать «Временный общественный Совет министров» «впредь до созыва Учредительного собрания, имеющего определить форму правления Российского государства»⁹⁷. Затем на переговорах членов думского комитета с членами Исполкома Петроградского Совета в ночь на 2 марта и 2 марта было достигнуто соглашение, по которому форму правления должно установить Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Пока же — ни республики, ни монархии⁹⁸. Правда, в соглашении специально не оговаривалось, что его участники не могут «не предпринимать шагов, определяющих форму правления».

В данном случае использовалась «фигура умолчания», но, по сути, по духу соглашения — предрешение формы правления исключалось до Учредительного собрания — это было очевидно. В самом деле, если новое правительство берет на себя миссию созыва Учредительного собрания, тогда зачем нужен новый монарх? Если же, напротив, на престол восходит новый монарх, в общем-то теряло смысл решение о созыве Учредительного собрания. Таким образом, делегирование думских лидеров и членов только что сформированного Временного правительства к Михаилу, в сущности, являлось закулисным маневром, попыткой в обход Совета и революционной демократии спасти монархию, поставив массы перед совершившимся фактом. Правда, не все члены этой делегации занимали одинаковую позицию, но, по свидетельству Милюкова, было признано, что в случае принятия решения Михаилом ему подчиняется все.

На «благоусмотрение» великого князя решено было представить две точки зрения: большинства, считавшего

невозможным вступление Михаила на престол, и меньшинства, видевшего в воцарении Михаила единственный шанс «на спасение». Позицию большинства излагал Родзянко. Он говорил, что Михаил процарствует всего лишь несколько часов, так как известие о его восшествии на престол приведет к «огромному кровопролитию», к началу гражданской войны, которая неминуемо закончится победой восставших. Изменение позиции Родзянко не должно вызывать особого удивления. В этом он был далеко не одинок. Тот же Милюков, уверявший 3 марта, что без монархии Россия обречена на «гибель и разложение», что Михаил — последняя «соломинка», которая не даст России утонуть⁸⁹, ровно через неделю на съезде кадетской партии «глубоко радовался» принятию кадетами резолюции о введении республики. Все это отражало быстро менявшуюся обстановку в условиях революции и свидетельствовало о «приспособляемости» буржуазных лидеров к политической атмосфере. Всеми силами они старались удержаться на поверхности.

Но 3 марта Милюков от имени «меньшинства» уверял, что необходим «привычный для масс символ власти», что «Временное правительство одно, без монарха... является утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений еще до созыва Учредительного собрания».

В это время на Миллионную прибыли Гучков и Шульгин, только что вернувшиеся из Пскова. После небольшого перерыва заседание возобновилось. Заговорил Керенский, который со свойственной ему патетикой стал убеждать великого князя «принести себя в жертву» антимонархическим настроениям масс. В случае отказа Михаила, говорил Керенский, он не сможет поручиться за его жизнь. «Псковский гонец» Гучков пытался повлиять на Михаила в обратном направлении, призывая его к «патриотическому мужеству», к выступлению в качестве «национального вождя», по крайней мере до избрания Учредительного собрания. Еще раз говорил Милюков, убеждая Михаила в том, что «вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты великого князя». Он предлагал Михаилу бежать в Москву и оттуда начать действия против революционного Петрограда.

Таким образом, Временное правительство и Временный комитет Государственной думы раскололись в воп-

росе о переходе власти к новому императору — Михаилу. Только что сформированное правительство сразу же оказалось в кризисе¹⁰⁰. Милюков и Гучков в случае отклонения их требования грозили отставкой. Все это оказывало сильное влияние на принятие Михаилом решения: он явно колебался.

После того как все желающие высказались, Михаил выразил желание побеседовать наедине с Родзянко и Львовым (по некоторым свидетельствам, только с Родзянко). Трое удалились в соседнюю комнату. В мемуаристике нет свидетельств о том, что там происходило. Можно предположить, что была «заострена» мысль об Учредительном собрании, о котором заходила речь уже во время предварительного обсуждения. Вероятно, Михаилу разъясняли, что эта формула, явившаяся компромиссом между думским комитетом и Исполкомом Совета, может быть вполне приемлемым компромиссом и между тремя сторонами, участвовавшими в совещании на Миллионной: большинством, меньшинством и самим Михаилом. Ведь юридически она оставляла вопрос о монархии открытым, и, таким образом, правительственный кризис (возможный уход Гучкова и Милюкова из правительства из-за несогласия с отказом Михаила от престола) мог быть безболезненно разрешен. Расчет делался на то, что при наличии формулы Учредительного собрания Милюкова и Гучкова можно будет уговорить (так оно и произошло в дальнейшем).

Через полчаса Михаил вышел к ожидавшим его решения. По одним свидетельствам, «твердым голосом», по другим — «со слезами на глазах» он заявил, что его «окончательный выбор склонился в сторону мнения, защищавшегося председателем Государственной думы». Впоследствии эмигрантские мемуаристы много спорили о том, что привело Михаила к принятию именно этого решения. Некоторые обвиняли его в трусости, боязни за свою жизнь и т. п., другие утверждали, что он был взят «мертвой хваткой» участниками совещания, жаждавшими его отречения. Вряд ли все это соответствует действительности.

Дело скорее всего заключалось в том, что те, кто стоял за воцарение Михаила, не предлагали и в условиях революционного Петрограда не могли предложить ему конкретного плана для реализации своей точки зрения. Принять позицию Гучкова и Милюкова означало бы перейти к прямым контрреволюционным дейст-

виям против революционных масс при явном в данный момент соотношении сил в их пользу. Согласно с точкой зрения Родзянко и других, учитывая приемлемую для всех формулу Учредительного собрания, давало (пусть даже теоретически) возможность выигрыша времени, надежду на изменение обстановки, на спад революционной волны, когда вопрос о монархии можно будет решать не по законам революции, а по законам обычного, мирного времени. Нельзя исключить, что к этим соображениям могла прибавиться и очевидная незаконность отречения Николая II в нарушение прав прямого наследника.

Для оформления акта отречения Михаила на Миллионную улицу вызвали юристов-государствоведов В. Д. Набокова и Б. Э. Нольде. В основном их усилиями был выработан манифест, суть которого заключалась в словах о том, что Михаил решил «воспринять верховную власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы государства российского». В ночь на 4 марта в Таврическом дворце были окончательно оформлены для публикации два документа: «Акт об отречении императора Николая II от престола государства российского в пользу великого князя Михаила Александровича» и «Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Государственной думы».

В период белой эмиграции бывшие думские деятели много спорили, стараясь докопаться до того «просчета», который определил «роковой» исход событий. Некоторые, например В. А. Маклаков, считали, что Михаилу 3 марта следовало вести себя иначе: если он сам не в состоянии был принять престол, нужно было передать его следующему в порядке престолонаследия великому князю. Взвешивая этот вариант, В. В. Шульгин писал Маклакову 10 декабря 1924 г.: «И было бы это с точки зрения юридической наукой гораздо правильнее, но по существу же... гораздо более безысходно. Ибо объявление великого князя Михаила Александровича есть только личное мнение его высочества, никому, кроме его особы, не обязательное...»¹⁰¹

Могучий размах Февральской революции парализовал усилия монархической контрреволюции в обоих ее проявлениях: самодержавном, царистском и конституционно-монархическом. Но вопрос о судьбе отрекшегося царя, его семьи и других членов династии Романовых продолжал волновать всех. В неустойчивой атмосфере первых послереволюционных дней, полной тревожных ожиданий, при отсутствии сколько-нибудь надежной информации и распространении различных слухов трудно было предположить, что по крайней мере на фронте не найдутся силы, готовые сплотиться под знаменем реставрации. Бывшая царская Ставка в Могилеве представлялась для многих центром, штабом возможных монархических заговоров. Такое подозрение усиливалось прежде всего тем, что туда, в Могилев, из Пскова вернулся отрекшийся царь; далее — туда с Кавказа направлялся великий князь Николай Николаевич, 2 марта (еще до отречения) назначенный Николаем II верховным главнокомандующим. Там и во фронтовых штабах находились некоторые великие князья и немало высших офицеров, настроенных откровенно «верноподданнически». Спустя много лет белоэмигрантские историки, ссылаясь на отсутствие сколько-нибудь определенных реставрационистских проявлений в послефевральские дни, склонны были даже иронизировать над «контрреволюционными страхами» революционной демократии. Но то, что становится так очевидно после событий, бывает далеко не столь ясно в те дни, когда они происходят. К тому же (и это главное) почва для произрастания реставрационно-монархических вожделений, безусловно, была. Даже несмотря на то, что высшее командование, действовавшее теперь заодно с Временным правительством, старалось не допустить возможных антиправительственных эксцессов справа, со стороны неразоружившихся монархистов, монархическая пропаганда прорывалась сквозь завесу показного «всеобщего признания» нового строя.

В делах Ставки сохранился, например, любопытный документ, датированный началом марта, — листовка, предназначенная для командиров кавалерийских корпусов и дивизий и вообще «господ офицеров». В листовке, подписанной «Комитетом», выражалось сомнение в подлинности и законности отречения. «Мы не знаем, — писали анонимные члены „Комитета“, — под каким давлением произошло мнимое отречение нашего монарха.

Здесь ведь возможен и подлог, и принуждения, чего можно ожидать от изменников». Далее намечалась программа действий: «1) грудью будем защищать веру, царя и отечество... 2) категорически отклоняем всякую мысль о солидарности нашей с бунтовщиками и изменниками, совершившими переворот... 3) коленопреклоненно, всеподданнейше молим нашего обожаемого монарха взять свой отказ обратно... 4) послать всюду телеграммы, что мы по-прежнему верим нашему государю Николаю Александровичу»¹⁰². Нет, угроза царистско-реставрационистских всплесков была вполне реальной, и потому вопрос о Романовых не мог уйти с повестки дня.

Все мемуаристы из числа тех, кто находился с Николаем II в Пскове, утверждают, что, принимая решение об отречении, сам он предполагал «удалиться» в Крым (в Ливадию) и жить там как «частное лицо». Согласно Воейкову, еще утром 3 марта, когда литерный поезд, покинув Псков, шел в Могилев, отрекшийся царь не изменил своих намерений. «Я счел долгом коснуться вопроса о необходимости царю с семьей покинуть пределы России,— пишет Воейков,— но государь ответил отрицательно»¹⁰³.

Вечером 3 марта поезд бывшего царя подошел к вокзалу Могилева. Генерал Алексеев, как и прежде, выстроил на перроне почетный караул, но это было последним, что могло напоминать о прежних временах. Прошло всего лишь три дня со дня отъезда Николая, но город совершенно преобразился. Повсюду развсвались красные флаги, маршировали воинские части с оркестрами, игравшими «Марсельезу». «Настроение мирное и тоскливое»,— записал Николай в своем дневнике...

По-видимому, утром 4 марта через генерала Алексева он направил Временному правительству записку, в которой просил гарантий для беспрепятственной отправки всей своей семьи в Англию¹⁰⁴. Что же заставило его изменить первоначальное намерение? Можно думать, манифест Михаила об отказе вступить на престол, о чем Николай впервые узнал от начальника дипломатической канцелярии Ставки Н. Базили, выехавшего навстречу царскому поезду 3 марта. «В разговоре по поводу этого манифеста,— пишет Воейков,— государь выразил глубокое огорчение как отказом августейшего брата взойти на престол, так и формой, в которую он

был облечен»¹⁰⁵. Действительно, Николаю не могло быть неясно, что вопрос о сохранении монархии теперь становится по крайней мере проблематичным. Тогда-то, может быть, и возникла мысль об отъезде в Англию, зароненная Воейковым или кем-либо еще из ближайшего окружения царя и всецело поддержанная начальником английской военной миссии генералом Хэнбри-Вильямсом и другими военными представителями союзников при Ставке¹⁰⁶.

Полную поддержку поначалу нашла она и у Временного правительства. 6 марта премьер-министр Г. Е. Львов сообщил Алексею в Ставку, что правительство примет для отправки Николая Романова в Англию «все меры, имеющиеся в его распоряжении»¹⁰⁷. На другой день, выступая в Москве, министр юстиции А. Ф. Керенский открыто заявил, что он лично отвезет Николая II в «определенную гавань» и отправит его с семьей в Англию¹⁰⁸.

Почему же в таком случае план этот в первые мартовские дни не осуществился? В годы эмиграции Г. Е. Львов, П. Н. Милюков и А. Ф. Керенский, т. е. все те, от кого в силу занимаемого ими положения прежде всего зависело его осуществление, давали на этот вопрос невразумительные, противоречивые ответы. Писали и говорили о не вполне определенной позиции англичан, «гуманизме», о желании правительства избежать возможных «революционных эксцессов», уверяли даже, что по прошествии многих лет просто запамятовали, что же именно помешало тогда отправить бывшего царя и его семью в Англию. В чем же заключалась подлинная причина? Очень скоро выяснилось, что бодрые заявления некоторых министров о предстоящем отъезде Романовых носят скоропалительный, самонадеянный характер. Становилось все более очевидным, что реальным «контролером» положения является не столько Временное правительство, сколько Петроградский Совет, опиравшийся на революционные массы. А его позиция в вопросе о Романовых была определена.

По воспоминаниям члена Исполкома Совета Б. Любарского, уже 1 марта Исполком на закрытом заседании обсуждал вопрос о мерах, которые должны быть приняты по отношению к Николаю II и всей царской фамилии. Поручили члену «Союза офицеров-республиканцев» эсеру Филипповскому рассмотреть вопрос «в узком кругу». На этом совещании, состоявшемся

3 марта, присутствовало 6 человек — все представители от солдат: Линде, Утгоф, Филипповский, Любарский, Скобейко и «неизвестный». Предложение Линде об убийстве царя было отвергнуто; решено было предложить Исполкому Совета арестовать Романовых¹⁰⁹. В тот же день Исполком, еще точно не зная о местонахождении царя, постановил арестовать Романовых и предложил Временному правительству произвести арест совместно. В случае же отказа предполагалось запросить, каково будет отношение правительства, если Совет сам арестует царя и его семью¹¹⁰.

Некоторая нерешительность этого заявления (согласительский Исполком явно не стремился пока действовать самостоятельно), по всей вероятности, и придавала Временному правительству уверенность в том, что в вопросе о Романовых оно может действовать по собственному усмотрению. Но с каждым днем все настойчивее звучал голос революционных масс, только что свергнувших царизм. 7 марта 150 депутатов Петроградского Совета, в который непрерывно поступали резолюции рабочих и солдатских митингов о немедленном аресте бывшего царя, сделали следующее заявление: «В широких массах рабочих и солдат, завоевавших для России свободу, существует крайнее возмущение и тревога вследствие того, что низложенный с престола Николай II Кровавый, уличенная в измене России жена его, сын его Алексей, мать его Мария Федоровна, а также все прочие члены дома Романовых находятся до сих пор на полной свободе и разъезжают по России и даже на театре военных действий, что является совершенно недопустимым и крайне опасным для восстановления нормального порядка и спокойствия в стране и в армии...» В связи с этим в заявлении выражалось категорическое требование арестовать Николая II и всех членов дома Романовых¹¹¹. Подобные резолюции принимались многими собраниями и митингами рабочих, солдат и матросов¹¹².

Давление революционных масс — рабочих и солдат — подталкивало Исполком на более решительные заявления и действия, что, в свою очередь, не могло не влиять и на позицию Временного правительства. Там в вопросе об отправке Романовых в Англию, по-видимому, начались колебания. 6 марта на заседании Исполкома Н. С. Чхеидзе, докладывая о своих переговорах с правительством по вопросу о совместном аресте бывше-

го царя и его семьи, заявил, что «правительство до сих пор окончательно ответа не дало»¹¹³. Но, по всей вероятности, именно в этот день, по крайней мере в «левой» части правительства (лидером которой становился Керенский), уже созрела мысль об отмене «апплианского плана» и замене его своего рода «домашним арестом» Романовых.

Такой маневр, будучи выпущенным, мог вместе с тем принести Временному правительству определенные политические дивиденды. Он мог подчеркнуть «революционность» правительства в глазах масс и тем укрепить его положение. Не исключено, что в этих демагогических целях Керенский (как министр юстиции и «генерал-прокурор») рассматривал даже возможность некоего показательного суда над бывшим императором¹¹⁴. Еще 4 марта была создана не раз уже упоминавшаяся нами Чрезвычайная комиссия «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц старого строя». В сферу ее деятельности предполагалось включить и расследование о «темных силах», подозревавшихся в германофильстве и стремлении к сепаратному миру с Германией. Эта часть следствия не могла не коснуться и самих Романовых, особенно Александры Федоровны, которую открыто подозревали в «измене». Подозрения эти росли. В первых числах марта в штабе одного из батальонов 1-го стрелкового полка (дислоцировался в Царском Селе) было получено сообщение о том, что бывший помощник начальника военно-походной канцелярии Николая II капитан Ден хочет вывезти из Екатерининского дворца какие-то ящики. Командир батальона капитан Аксютя приказал прапорщику С. Лабенскому взять грузовик, 3 стрелков, немедленно ехать в Екатерининский дворец; арестовать Дена и привезти ящики в батальон. Только после решительного требования Лабенского Ден передал солдатам 4 многопудовых нескороаемых ящика с документами и ключи к ним. Эти ящики (вместе с Деном) переправили в канцелярию батальона, где и открыли. Позднее, уже в июле 1917 г., Лабенский на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии показал, что, как он слышал, «в ящиках заключались документы, касающиеся русско-японской войны, нынешней, шифры Николая Романова, телеграммы его и, кажется, телеграммы Вильгельма»¹¹⁵. Эти «как слышал» и «кажется» оставляют воп-

рое о содержимом «деповских ящиков» совершенно открытым... Но имеется документ, свидетельствующий о том, что министр юстиции Керенский проявил к ним повышенное внимание. В предписании на имя капитана Аксюты приказывалось доставить «4 железных ящика, содержащие секретные документы», в его личное распоряжение. Ящики следовало возить на автомобиле под охраной, ключи к ним держать в «запечатанном конверте»¹¹⁶. Согласно этому распоряжению, ящики и ключи были доставлены в здание министерства юстиции и сданы караульному начальнику, что официально засвидетельствовал он сам (ефрейтор Параничев) и чиновник министерства Сомов¹¹⁷. Арестованный капитан Ден в Петроград не явился. Он заявил, что болен и ему разрешили остаться в Царском Селе, взяв с него подписку о невыезде. Но через несколько дней Ден скрылся...

Что было в ящиках и куда они делись из министерства юстиции — мы не знаем. Но важно другое: история с ящиками (как и доходившие из Царского Села сведения о том, что там жгут какие-то бумаги) усиливала подозрения и настораживала. Расчет на обнаружение каких-то компрометирующих Романовых документов, кажется, становился обоснованным. А это укрепило идею возможного суда над бывшим царем...

Однако эффективность «антицаристского» замысла некоторых министров Временного правительства могла проявиться лишь в том случае, если бы оно в вопросе о судьбе Романовых перехватило инициативу у Петроградского Совета и предупредило его вмешательство.

7 марта Временное правительство приняло постановление, пункт 1 которого гласил: «Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село»¹¹⁸. Но постановление это, действительно приведшее к аресту Николая и Александры Федоровны, отнюдь не означало окончательной ликвидации плана отправки Романовых в Англию. Он только откладывался, и, как мы увидим дальше, вплоть до конца июня Временное правительство не прекращало закулисных переговоров о его реализации в подходящий, благоприятный момент...

Первой аресту подверглась находившаяся в Царском Селе императрица. Осуществил эту миссию тот самый генерал Л. Г. Корнилов, который в августе 1917 г. возглавил контрреволюционный мятеж, а после Октяб-

ря встал во главе белогвардейской Добровольческой армии. Напомним, что еще 2 марта Корнилов по просьбе Родзянко и с согласия генерала Алексева был назначен царем (до отречения) командующим Петроградским военным округом (вместо отозванного в Могилев генерала Н. И. Иванова) и 5 марта прибыл с фронта в Петроград. Буржуазная пресса рекламировала его как «первого революционного командующего округом», и, по-видимому, для поддержания этого «образа» военный министр Гучков и приказал Корнилову лично арестовать бывшую императрицу¹¹⁹.

7 марта Корнилов назначил полковника Е. С. Кобылинского, служившего в лейб-гвардии Петроградском полку и после ранения лечившегося в царскосельском госпитале бывшей императрицы, начальником Царскосельского гарнизона. Одновременно комендантом Александровского дворца — резиденции Романовых — был назначен ротмистр Коцебу, принадлежавший к аристократическим кругам; его брат долгое время состоял адъютантом великого князя Николая Николаевича. Монархистам Кобылинскому и Коцебу поручалась охрана бывшего монарха и его супруги. Утром 8 марта Корнилов, его начальник штаба генерал Рубец-Массальский, Кобылинский и Коцебу прибыли в Царское Село. Приказав всем «остаться за дверью», Корнилов вошел к Александре Федоровне и объявил ей об аресте¹²⁰.

В интервью, опубликованном в газетах (например, в «Русской воле»), Корнилов изображал эту акцию в «революционных» красках: рассказывал, как он «сурово» объявил правительственное распоряжение и как «билась в истерике» императрица. Но, по свидетельству некоторых придворных, дело обстояло совсем иначе. Корнилов держался с большой светскостью, уверял, что арест — чисто предупредительная мера, действующая только до момента предстоящего отъезда в Англию, и т. п. В ответ Александра Федоровна выразила надежду, что Корнилов понимает ее положение, так как сам долгое время был лишен свободы, находясь в австрийском плену¹²¹.

7 же марта Временное правительство направило в Могилев за отрекшимся императором четырех своих комиссаров: А. А. Бубликова, С. Ф. Грибунина, В. М. Вершинина и С. А. Калинина.

Ставка устроила Николаю Романову торжественные проводы. В помещении дежурного генерала были собра-

ны офицеры, к которым отрекшийся царь обратился с прощальной речью. В ней, между прочим, он подчеркнул, что решение об отречении принято им «бесповоротно». Это дает основание думать, что во время пребывания Николая в Могилеве (после приезда из Пскова) среди чинов Ставки могли вестись какие-то разговоры о «незаконности» отречения, о его отмене и т. п. Конечно, в Ставке существовали антицаристские настроения, вызванные раздражением против Распутина, Александры Федоровны, слухами о сепаратном мире и т. д.¹²² Так, явно в угоду им Алексеев почти сразу же удалил из Ставки Фредерикса и Воейкова, подозревавшихся в принадлежности к «немецкой партии». Тем не менее верно также и то, что дофевральский критицизм многих генералов и офицеров в отношении Николая II и его окружения начал быстро таять уже в первые дни революции, когда им становилось ясно, что события приобретают совсем не тот характер, какой бы им хотелось. По воспоминаниям очевидцев, во время прощания Николая с офицерами Ставки раздались рыдания, один офицер-конвоец упал в обморок, с другим случилась истерика¹²³. И это отнюдь не «живописания» оставшихся у разбитого корыта монархистов. Сцена прощания Николая Романова в Ставке идентично описывается разными мемуаристами.

8 марта комиссары Временного правительства, приняв Николая II и 47 сопровождавших его лиц, двинулись в обратный путь, в Царское Село. «При отъезде поезда,—сообщали они в докладе Временному правительству,—не было ни приветствий, ни враждебных возгласов»¹²⁴. Бывший царский поезд с арестованным полковником Николаем Александровичем Романовым отошел от станции Могилев буднично, как отходили отсюда другие многочисленные поезда... С момента отъезда из Могилева комиссары со всех станций телеграфно сообщали Временному правительству о движении поезда. Этот факт дополнительно свидетельствует о том, что в Петрограде серьезно опасались монархической контрреволюции на фронте.

В пути в вагон комиссаров приходили депутации, вручавшие пожертвования «на пользу революции». Такие жертвования внесли даже бывшая царская прислуга и чины дворцовой полиции, ехавшие в поезде вместе с отрекшимся царем. Еще несколько дней тому назад холуйствовавшая перед Николаем Романовым,

эта мелкая царедворческая сошка сегодня уже холуистовала перед Временным правительством. Впрочем, не только лакеи и охранники бросили своего вчерашнего повелителя. Точно так же вскоре поступили и царедворцы «с положением». Когда утром 9 марта поезд с арестованным Николаем пришел в Царское Село, бывшие свитские, по словам начальника Царскосельского гарнизона полковника С. Кобылинского, «посыпались на перрон и стали быстро, быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо проникнутые чувством страха, что их узнают... Сцена была весьма некрасивая»¹²⁵.

Сепаратные действия Временного правительства подлили масла в огонь. По Петрограду с быстротой молнии распространился слух, что посланцы Временного правительства везут Николая в Царское Село для последующей отправки с семьей за границу. 8 марта Исполком Совета вновь постановил арестовать царскую семью и для ареста послать свою делегацию¹²⁶. На следующий день Исполком Петроградского Совета разослал радиотелеграмму по всем железным дорогам и другим путям сообщения, всем комиссарам, местным комитетам, воинским частям. «Всем сообщается вам,— говорилось в ней,— что предполагается побег Николая II за границу. Дайте знать по всей дороге вашим агентам и комитетам, что Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов приказывает задержать бывшего царя...»¹²⁷ Одновременно Исполком вынес постановление о занятии революционными войсками всех вокзалов, а также о направлении своих комиссаров с чрезвычайными полномочиями на станции Царское Село, Тосно и Званка. «Местом водворения Николая Романова,— объявлялось в постановлении,— решено назначить Трубецкой бастион Петропавловской крепости, сменив для этой цели командный состав последней. Арест Николая Романова решено произвести во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом сношений с Временным правительством»¹²⁸.

Для проведения этого постановления в жизнь в Царское Село был направлен специальный отряд во главе с членом Военной комиссии С. Мстиславским и членом «Союза офицеров-республиканцев» А. Тарасовым-Родноповым¹²⁹.

Примечательно, что Мстиславский, объясняя причины, заставившие Совет направить его отряд в Царское

Село, подчеркивал, что в революционных кругах царский манифест об отречении рассматривался как документ, который сознательно оставлял известную возможность для его аннулирования и последующей реставрации¹³⁰.

Отряд Мстиславского и Тарасова-Родионова отправлялся в Царское Село как на боевую операцию: никто точно не знал, как поведут себя стрелки охраны царскосельского дворца. Мстиславский вспоминал, что на последних перегонах к Царскому Селу солдаты его отряда сурово замолкали, примыкали к винтовкам штыки¹³¹.

Ранним утром 9 марта в напряженной тишине подъехали к вокзалу. Оставив солдат на станции, Мстиславский с Тарасовым-Родионовым направились в городскую ратушу, а затем в Александровский дворец. В архиве сохранилось донесение (от 10 марта 1917 г.) коменданта царскосельского дворца ротмистра Коцебу Керенскому, в котором, в частности, говорится: «Доношу Вашему превосходительству, что 9-го сего марта в 4 ч. дня прибыл в Александровский дворец полковник Масловский (Мстиславский.— Г. И.), предъявил предписание на бланке комитета рабочих и солдатских депутатов за подписью члена Государственной думы Чхеидзе, в коем было указано, что отреченного императора Николая II надлежит немедленно выдать и препроводить под охраной полковника Масловского и прибывшей с ним команды из 100 нижних чинов при нескольких пулеметах в город Петроград. Полковник Масловский заявил мне, что в Петрограде распространили слух о побеге отреченного императора, что нет секунды на размышление, солдаты взбунтовались, вышли частью из казарм и заняли вокзал. Ежеминутно на улицах может вспыхнуть мятеж, и всякое промедление грозит новым кровопролитием...»¹³².

Начальник Царскосельского гарнизона полковник Е. С. Кобылинский впоследствии более определенно высказался о цели миссии Мстиславского: «Назвавший себя Масловским заявил мне, что по поручению Исполнительного комитета он должен сейчас же взять государя и доставить его в Петропавловскую крепость»¹³³. Но до этого дело не дошло. Командованию охраны дворца удалось убедить Мстиславского, что Романовых не следует никуда переводить, так как и здесь их караулят достаточно надежно. В этом посланцев Совета

уверяли и солдаты. Для того чтобы Мстиславский мог удостовериться в том, что Николай никуда не сбежал, было решено, что бывший император пройдет в нескольких шагах от них. В воспоминаниях Мстиславского, содержащих сильный налет беллетристики, это описывается так. Дверь одной из комнат отворилась, и Николай Романов двинулся по коридору в направлении Мстиславского, который запомнил его «застылый — желтый, как у усталого, затравленного волка, взгляд». Этот взгляд «вдруг оживился; в глубине зрачков — словно огнем колыхнула растопившая свинцовое безразличие их — яркая, смертная злоба... Николай приостановился, переступил с ноги на ногу и, круто повернувшись, быстро пошел назад, дергая плечом и прихрамывая»¹³⁴. Возможно, необычность обстановки и нарисовала Мстиславскому такую картину, но другая сторона изображает эту сцену иначе. Кобылинский, например, утверждал, что выход Николая был организован таким образом, что посланцы Совета видели его, а он их нет.

Возвратившись в Петроград, Мстиславский и Тарасов-Родионов информировали Исполком Петроградского Совета о том, что, по их мнению, Николай Романов и его семья находятся под надежной охраной и что перевода их в Петропавловскую крепость не требуется. Исполком принял к сведению это сообщение, постановив, что «вопрос о выезде Николая и других членов императорской фамилии за границу будет разрешен не иначе как по согласованию между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов»¹³⁵. Это был своего рода компромисс, вытекавший из общей линии меньшевистско-эсеровского Совета на соглашение с буржуазным Временным правительством. В результате Романовы избежали Петропавловской крепости, но не сумели уехать и за границу. Началось их царскосельское заключение. Но и в дальнейшем, как мы уже отмечали, Временное правительство не прекращало попыток вывезти бывшего царя в Англию. Любопытна при этом позиция правой печати.

Буржуазные газеты прибегали к обходному маневру, выдвигая в пользу эвакуации Романовых в Англию интересы «безопасности революции». Так, газета «День» в марте 1917 г. писала: «Для русской революции опасен этот низложенный узник. Ибо к месту его заточения будут тянуться монархические чувства, достаточно еще сильные в некоторых слоях населения... Удалите Нико-

лая II из России, очистите се раз и навсегда от бранных остатков монархизма». Перепечатав эту «тираду» «Дня», «Новое время» от себя подчеркивало, что «с этим призывом нельзя не согласиться»¹³⁶. «Русская воля» также требовала «сурово» наказать Романовых, для чего выдворить их как людей недостойных новой России за пределы страны¹³⁷.

Большевистская «Правда» разоблачила и высмеяла этот примитивный маневр реакции, рассчитанный на доверчивость масс, одержавших победу над царизмом. Реакция, писала «Правда», хочет не «выдворить», а «вводворить» Романовых за границу. «Не потому ли настаивает она, чтобы Романовых скорее отправили за границу, где у них хранятся выколоченные из народа миллиарды?— писала „Правда“.— Нет! Романовых выпустить за границу нельзя! Это было бы государственное преступление. Это измена отечеству!»¹³⁸

Арест Романовых, на который Временное правительство пошло под давлением революционных масс, но по собственным политическим расчетам, срыв попытки отправить их за границу сыграли немалую роль в дезорганизации царистской контрреволюции.

¹ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Он же. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971; Минц И. И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1; Лейберов И. П. На штурм самодержавия. М., 1979; и др.

² Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 214—215.

³ Цит. по: Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975. С. 203; см. также: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 277—291.

⁴ Черменский Е. Д. Указ. соч. С. 279—280.

⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Шахматов М. В. Последние дни Маринского дворца и Петрограда: Февральская революция и Временное правительство. Рукопись. 1927 г.

⁶ Генерал Кутепов: Сб. ст. Париж, 1934. С. 161.

⁷ Падение царского режима. Л., 1924. Т. 1. С. 198.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 200.

¹⁰ Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 6—22.

¹¹ Падение царского режима. Т. 1. С. 198—199.

¹² Генерал Кутепов. С. 169; см. также: Русское слово. Харбин, 1934. 19, 20 апр.

¹³ Падение царского режима. Т. 1. С. 230—231.

¹⁴ Данильченко П. Для истории государства Российского // Военная быль. Париж, 1974. № 126.

- 15 ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда, находившегося в распоряжении старого правительства в дни Февральской революции в Петрограде, 1922 г.
- 16 Данильченко П. Указ соч. С. 6.
- 17 ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...
- 18 Падение царского режима. Т. 1. С. 232—233.
- 19 ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Данильченко П. Указ соч. С. 7.
- 23 ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...; см. также: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. С. 199.
- 24 ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...
- 25 Данильченко П. Указ соч. С. 3.
- 26 ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...
- 27 Данильченко П. Указ соч. С. 8.
- 28 Алейкина М. Трагические дни Зимнего дворца // *Сегодня*. Рига, 1927. 18 сент.
- 29 Красный арх. 1927. № 2(21). С. 19.
- 30 Падение царского режима. Л., 1925. Т. 2. С. 230.
- 31 Красный арх. 1927. № 2(21). С. 27.
- 32 На крутом переломе. М., 1984. С. 323.
- 33 ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...
- 34 Падение царского режима. Т. 1. С. 235.
- 35 Там же. Т. 2. С. 235.
- 36 Ознобишин Д. В. Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // *Ист. зап.* 1965. Т. 75. С. 277.
- 37 Руль. Берлин. 1922. 1 дек.
- 38 Клох А. With the Russian Army, 1914—1917. N. Y., 1921. Vol. 2. P. 531.
- 39 Бурджалов Э. Н. Указ соч. С. 308.
- 40 Английский историк Дж. Катков приписывает авторство манифеста великому князю Павлу Александровичу (см.: *Katkov G.* Russia, 1917: The February Revolution. L., 1967. P. 291—293), американский историк Ц. Хасегава — Родзянко (см.: *Hasegawa Th.* Rodzianko and the Grand Dukes Manifesto of March 1917 // *Canadian Slavonic Papers*. 1976. Vol. 18. N 2. P. 162).
- 41 ЦГАОР СССР. Коллекция. Иванов Н. Н. Манифест великих князей.
- 42 Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 121—122.
- 43 Там же. С. 271.
- 44 Полный текст манифеста см.: *Огонек*. М., 1923. № 1.
- 45 *Buker J.* My Mission to Russia and other Diplomatic Memories. Boston, 1923. Vol. 2. P. 68; см. также: *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 г. Париж, 1956. С. 57.
- 46 Милуков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 309.
- 47 Цит. по: *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 60—61.
- 48 ЦГАОР СССР. Коллекция. Пепеляев В. Н. Крошгадт, 28 февраля — 16 мая 1917 г. Рукопись.

- ⁴⁹ Там же. Мордвинов А. А. Из пережитого. Ч. 3. Отречение государя. Жизнь в царской Ставке без царя. Рукопись. Гарц, 1921.
- ⁵⁰ Февральская революция 1917 г.: Документы Ставки верховного главнокомандующего // Красный арх. 1927. Т. 2(21). С. 12.
- ⁵¹ Там же. С. 13.
- ⁵² Там же. С. 24.
- ⁵³ Из дневника генерала М. В. Алексева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 53.
- ⁵⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 1467 (Чрезвычайной следственной комиссии). Оп. 1. Д. 467 (О действиях генерала Н. И. Иванова). Л. 4, 5.
- ⁵⁵ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 343.
- ⁵⁶ Из новейших укажем книгу В. И. Старцева «Внутренняя политика Временного правительства первого состава» (Л., 1980. С. 72—111).
- ⁵⁷ См., напр: *Слонимский А. Г.* Указ. соч. С. 137—267; *Старцев В. И.* Революция и власть. М., 1978. С. 204—207; *Он же.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 121—124.
- ⁵⁸ *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 117.
- ⁵⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 467. Л. 6, 7 об., 25, 92, 92 об. и др.
- ⁶⁰ Там же. Л. 12.
- ⁶¹ Руль. Берлин, 1922. I дек.
- ⁶² Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 268—269.
- ⁶³ ЦГАОР СССР. Коллекция. Доклад Н. Н. Чебышева на конференции конституционно-монархического союза, 26 марта 1922 г. Берлин.
- ⁶⁴ Там же. Письмо В. В. Шульгина А. И. Гучкову, 18 июня 1928 г.
- ⁶⁵ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев и документы. Л., 1927. С. 20.
- ⁶⁶ *Лукомский А.* Из воспоминаний // Февральская революция: Мемуары. М.; Л., 1925. С. 213.
- ⁶⁷ Красный арх. 1927. Т. 2(21). С. 31, 39—40.
- ⁶⁸ *Пронин В. М.* Последние дни царской Ставки. Белград, 1929. С. 19—22.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Отречение Николая II. С. 147.
- ⁷¹ Красный арх. 1927. Т. 2(21). С. 56.
- ⁷² Известия. Петроград, 1917. 2 марта.
- ⁷³ Русь. Белград, 1924. 21 февр.
- ⁷⁴ Отречение Николая II. С. 202.
- ⁷⁵ Красный арх. 1927. Т. 2(21). С. 73.
- ⁷⁶ *Norton B.* Russian Political Masonry and February Revolution of 1917 // International Review of Social History. Amsterdam, 1983. Vol. 28. Pt 2. P. 255—256.
- ⁷⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо А. И. Деникина А. С. Лукомскому, 24 ноября 1921 г.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Письмо А. И. Деникина А. С. Лукомскому, 31 мая 1929 г.
- ⁸⁰ Цит. по: *Мартынов Е.* Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 176.
- ⁸¹ Отречение Николая II. С. 176—177.
- ⁸² ЦГАОР СССР. Коллекция. Милюков П. Н. Мартовская революция. Рукопись.
- ⁸³ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 232.
- ⁸⁴ Последние новости. Париж, 1924. 23 февр.

- 85 ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо В. В. Шульгина А. И. Гучкову июнь 1928.
- 86 Последние новости. Париж, 1936. 16 сент.
- 87 ЦГАОР СССР. Коллекция. Шульгин В. В. Императрица. Рукопись. 1966 г.
- 88 Дневник Николая Романова // Красный арх. 1927. Т. 1(20). С. 137.
- 89 Русская летопись. Париж, 1921. Кн. 1. С. 121.
- 90 Общее дело. Париж, 1921. 19 марта.
- 91 Красный арх. 1927. Т. 2(21). С. 74.
- 92 Там же.
- 93 Пикигин Б. Роковые годы. Париж, 1957. С. 41.
- 94 Красный арх. 1927. Т. 2(21). С. 78.
- 95 Там же.
- 96 Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 240.
- 97 Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 311.
- 98 Там же. С. 328—329; см. также: Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 19—22.
- 99 Долгоруков П. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 19.
- 100 Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 111.
- 101 ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо В. В. Шульгина В. А. Маклакову, 10 декабря 1924 г.
- 102 ЦГВИА. Ф. 2003 (Ставки). Оп. 2. Д. 825. Л. 118.
- 103 Воейков В. Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936. С. 230.
- 104 Красный арх. 1927. Т. 3(22). С. 54—55.
- 105 Воейков В. Н. Указ. соч. С. 240.
- 106 Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II as I knew him. L., 1922. P. 216.
- 107 Красный арх. 1927. Т. 3(22). С. 54, 55.
- 108 Kerensky A. F. Russia and the History's Turning Point. N. Y., 1965. P. 238.
- 109 ЦГАОР СССР. Коллекция. Любарский Б. Воспоминания о заседании Временного ИК СДР 1 марта 1917 г. Июль 1924 г.
- 110 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполкома и Бюро ИК. М.; Л., 1925. С. 9.
- 111 Красный арх. 1937. № 2(81). С. 123.
- 112 Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1968. С. 117—122.
- 113 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. С. 17.
- 114 Завадский С. В. На великом изломе // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 49—50.
- 115 ЦГВИА. Ф. 366 (кабинета военного министра). Оп. 2. Д. 1. Л. 13—14 об.
- 116 Там же. Л. 15.
- 117 Там же. Л. 16—17.
- 118 Там же. Л. 1; см. также: Вест. Временного правительства. 1917. 8 марта.
- 119 ЦГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
- 120 Там же. Л. 3.
- 121 ЦГАОР СССР. Коллекция. Воспоминания флигель-адъютанта Николая II А. А. Мордвинова.
- 122 См., напр.: Лемке М. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С. 561, 649 и др.
- 123 Сергеевский Б. Семь лет тому назад // Новое время, Белград. 1924. 13 апр.

- ¹²⁴ ЦГИАЛ. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 1354. Л. 24—26; Новое время. Петроград, 1917. 10(23) марта.
- ¹²⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Из показаний С. Кобылинского следователю Н. Соколову, Апрель 1919 г.; см. также: Волков А. Около царской семьи. Париж, 1928. С. 52.
- ¹²⁶ Красный арх. 1927. Т. 3(22). С. 67.
- ¹²⁷ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. С. 29.
- ¹²⁸ Тарасов-Родионов А. Февраль. М.; Л., 1928. С. 398—418; см. также: Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 376—377.
- ¹²⁹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. С. 28.
- ¹³⁰ Мстиславский С. Пять дней. М., 1922. С. 78.
- ¹³¹ Там же. С. 84.
- ¹³² ЦГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 4—5.
- ¹³³ Историк и современник. Берлин, 1924. Т. 5. С. 173.
- ¹³⁴ Мстиславский С. Указ. соч. С. 103—104.
- ¹³⁵ Известия Петроградского Совета. 1917. 10 марта.
- ¹³⁶ Новое время. Петроград, 1917. 11 марта.
- ¹³⁷ Русская воля. Петроград, 1917. 17 марта.
- ¹³⁸ Правда. 1917. 28 марта.

БОНАПАРТИСТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по монархизму в России. Черносотенный самодержавный монархизм, потерявший престиж еще в дореволюционное время, был отброшен с политической арены и ушел в подполье. Потребовалось несколько месяцев, чтобы разгромленное черносотенство начало оживать на волне антибольшевизма. Конституционные монархисты правого толка (националисты, октябристы) также ступали и перестали играть ту активную роль, которую играли раньше.

Из конституционных монархистов лишь кадеты не только удержались «на плаву», но практически на какое-то время превратились в правящую партию. Однако на своем 7-м съезде уже в марте 1917 г. они формально отказались от монархизма, объявив себя республиканцами.

Все это, казалось бы, свидетельствует в пользу того, что после Февраля политическая основа для монархической реставрации практически перестала существовать, а свергнутые Романовы потеряли какую бы то ни было политическую перспективу. Признанный авторитет эмигрантской (да и советологической) историографии П. Н. Милюков решительно отвергал наличие в стране контрреволюции, выросшей на почве отрицания Февраля. Долгое время ссыла на «контрреволюционную опасность» оставалась, по Милюкову, лишь «демагогическим приемом, лишенным реального основания»¹. Правда, Милюков признавал, что в то время контрреволюция существовала «потенциально», но даже летом 1917 г., когда она начала обнаруживаться более или менее явно, ее никак нельзя было соединять «с попятным старого режима и вообще с каким-либо классовым интересом». Речь шла якобы только о борьбе с развалом в армии и в тылу, вызванным «революционной

апархией», посредством создания «твердой власти». Когда же появилась контрреволюция? Только «в связи с классовой Октябрьской революцией»².

Собственно говоря, эта «концепция» была не чем иным, как историографическим вариантом той политической пропаганды, которую после Февральской революции развернули Временное правительство и буржуазная печать. Но Милюков и его последователи допускали здесь передержку, определенный подлог, который еще в 1917 г. разоблачил В. И. Ленин. Об отсутствии какой контрреволюции вели они речь? О той, на знамени которой открыто провозглашалась бы полная реставрация «старого режима», под которым подразумевался режим последних Романовых, свергнутых в Феврале. Эту контрреволюцию В. И. Ленин называл царистской и даже по меркам 1917 г. много позднее (в августе 1917 г.) писал, что она «ничтожна, ни тени политического значения не имеет, никакой политической роли не играет»³. Причина такого положения совершенно ясна: было бы политическим безумием в обстановке только что победившей антицаристской революции поднимать знамя реставрации царизма. Компрометация последних Романовых и их правительства зашла так далеко, что сразу после Февраля даже самые ярые черносотенцы принуждены были помалкивать, а их напористые и крикливые лидеры (например, Пуришкевич) клялись в вечной верности Временному правительству. Но на первый взгляд совершенно удивительным образом буржуазная и частично мелкобуржуазная пресса пугала именно этой царистской контрреволюцией! Сообщалось об учащающихся погромных выступлениях в Москве, в ходе которых толпы собравшихся требовали «вернуть к власти царя», который якобы даст хлеба. Рассказывалось о подозрительных «оживлениях по трактирам и чайным», где велась погромная агитация черносотенного характера, и т. п. Основываясь на этих фактах, «Биржевка» многозначительно предупреждала: «Черная сотня мобилизуется. Между погромщиками нет разногласий»⁴.

Погромно-черносотенное «оживление» действительно усилилось летом 1917 г., но отнюдь не оно представляло действительную угрозу не только дальнейшему развитию революции, но и демократическим завоеваниям уже победившего Февраля. В статье «За деревьями не видят леса» В. И. Ленин писал: «Пугало царистской

контрреволюции нарочно выдвигают и раздувают шарлатаны, чтобы пугать дурачков, чтобы потчевать политической сенсацией филистеров, чтобы отвлекать внимание народа от настоящей серьезной контрреволюции». И В. И. Ленин разъяснял, что настоящая серьезная контрреволюция — это буржуазная контрреволюция бонапартизма⁵. Этот российский бонапартизм базировал свой политический курс на двух основных принципах: с одной стороны, на признании того, что рухнувший «старый режим», режим последних Романовых восстановить уже невозможно; с другой — на решительном отрицании перспективы дальнейшего расширения и углубления революции, ее перерастания в социалистическую. Часы революции должны были быть остановлены «твердой рукой», «сильной властью» и переведены затем назад настолько, насколько это позволили бы реальная обстановка и политическая целесообразность. Будет ли в результате восстановлена монархия или установлена буржуазная республика — для российских бонапартистов имело второстепенное значение. В лагере бонапартистской контрреволюции кристаллизовалась идея «непредрешения» формы будущего государственного строя. Она была «удобна» контрреволюционерам всех мастей: не отбрасывала тех, кто считал себя сторонником Февральской революции (кадеты и поддерживавшие их соглашатели), и давала шанс тем, кто ненавидел ее и мечтал о реставрации царизма. Она и легла в основу кадетско-монархического блока, скрепляющим звеном которого стали кадеты. «Кадетская партия, — писал В. И. Ленин, — есть главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России. Эта сила великолепно сплотила вокруг себя всех черносотенцев...»⁶

Да, весной и летом 1917 г. черносотенная, царистская контрреволюция составляла только резерв широкого потока бонапартистской контрреволюции и предпочитала держаться в тени. Еще в апреле 1917 г. В. И. Ленин опубликовал брошюру о политических партиях в России. После Октября, осенью 1918 г., он написал к ней очень важное предисловие, в котором подчеркивал, что правильность содержащихся в брошюре характеристик «подтверждена всем ходом русской революции», что они верны для всех ее этапов — от весны 1917 г. до Октябрьской революции и даже после нее⁷. Это позволяет нам распространять ленинские характеристики и на тот период, о котором идет речь. Среди россий-

ских политических партий В. И. Ленин особо выделял «партии и группы правее кадетов», представлявшие интересы «крепостников-помещиков и самых отсталых слоев буржуазии»⁸. Они, писал В. И. Ленин, хотят «конституционной монархии, всевластия чиновников и полиции», они за восстановление монархии Романовых, но «действуют тайком и осторожно, боясь народа»⁹. Но контрреволюция (как и революция) никогда не стоит и не может стоять на месте. Взяв старт, она последовательно выдвигает вперед все более крайние, реакционные элементы, оттесняя тех, кто склонен к умеренности и компромиссам.

Итак, лозунгом, спланивавшим разношерстную, бо-напартистскую контрреволюцию после Февраля, было требование не восстановления Романовых, а создания «сильной власти», власти «твердой руки». Это требование шло по двум направлениям: во-первых, в направлении укрепления единовластия Временного правительства; во-вторых, в направлении установления военной (генеральской) диктатуры, что предполагало «коренную перестройку» или даже полное устранение Временного правительства. По мере развития событий, по мере углубления революции второе направление завоевывало себе все больше и больше сторонников: разочарование в возможностях Временного правительства «справиться» с революцией росло.

Идея военной диктатуры с самого начала была связана с именем генерала Л. Г. Корнилова (правда, не только его одного). Напомним, что 2 марта 1917 г. по просьбе Родзянко он был назначен еще не отрекшимся царем командующим Петроградским военным округом. Большое значение в этом выборе сыграло бегство Корнилова из австрийского плена летом 1916 г., после чего казенная и буржуазная пресса пропагандировали его как «народного героя». 5 марта он прибыл с фронта в Петроград и через несколько дней по распоряжению своего шефа, военного министра А. И. Гучкова, арестовал царицу в царскосельском Александровском дворце.

Главная задача, которую перед Корниловым поставил Гучков, по собственным словам Гучкова, заключалась в восстановлении дисциплины в революционном гарнизоне и постепенном создании «отдельных надежных частей, на которые Временное правительство могло бы опереться в случае вооруженного столкновения»¹⁰.

Такое столкновение действительно вскоре произо-

шло. 20 апреля все петроградские газеты опубликовали так называемую «ноту Милюкова», провозглашавшую неизбежность милитаристской, империалистической политики Временного правительства. Война совместно с союзниками до полной победы над Германией — таков был ее лейтмотив. Но широкие массы рабочих, солдат, крестьян поддерживали в то время внешнеполитический курс эсеро-меньшевистского Исполкома Петроградского Совета, требовавшего заключения всеми воюющими странами мира без аннексий и контрибуций. Милюковская нота прозвучала для них вызовом со стороны правящих буржуазных кругов. Как писал В. И. Ленин, они почувствовали, что оказались обмануты¹¹. Реакция последовала незамедлительно. Уже во второй половине 20 апреля первыми с резкими протестами выступили солдаты Петроградского гарнизона, затем начались рабочие демонстрации. Временное правительство зашаталось.

Из воспоминаний А. И. Гучкова следует, что в эти «горячие» дни он непрерывно совещался с Корниловым. Выяснилось, что в их распоряжении — «три с половиной тысячи надежных войск». Это все, что Корнилову как командующему округом удалось сколотить в качестве кулака против возможной «солдатской анархии». Тем не менее Гучков и Корнилов не теряли оптимизма, считая, что пусть небольшая, но вполне дисциплинированная часть устоит против «бунтующей солдатни».

На квартире у Гучкова (он был болен) состоялось срочное заседание Временного правительства. Решался вопрос: пустить ли в ход гучковско-корниловский кулак «вооруженной защиты» или искать политические пути выхода из кризиса? Гучков, по его словам, на этот раз предлагал действовать максимально решительно: «во что бы то ни стало ликвидировать Совет рабочих и солдатских депутатов», для чего необходимо «пройти через серьезное вооруженное столкновение и произвести кровавую расправу». Однако большинство министров колебались. «Они,— вспоминал Гучков,— были непрочь, если кто-нибудь другой, помимо них, подавил бы восстание (так Гучков именует апрельские демонстрации.— Г. И.), но брать на себя ответственность и риск они ни за что не хотели... Я увидел, что выставляемая перед нами задача — необходимость контрреволюции и военных действий — с этим составом Временного правительства неосуществима»¹². Впоследствии Гучков считал нерешен-

тельность, проявленную в апреле, одной из своих крупнейших ошибок. И не только он один. Когда Гучков и Милюков в эмиграции вспоминали апрельские дни, Милюков говорил: «В одном я Вас обвиняю, Александр Иванович, в том, что Вы тогда не арестовали Временное правительство». «Конечно,— самодовольно комментировал эту беседу Гучков,— это сделать я мог, но не вызвало ли бы это еще большей смуты»¹³.

Вот это опасение «еще большей смуты» и сдерживало Временное правительство. Оно лихорадочно искало политические средства борьбы с революционными массами, встречая на этом пути полную поддержку соглашателей из Исполкома Петроградского Совета. Собственно говоря, жертвой этих маневров и пал Корнилов. Сохранился его пространный рапорт за № 1576 (от 23 апреля 1917 г.) Гучкову, в котором он описывал, что же произошло в гарнизоне в эти дни.

Днем 21 апреля в штабе округа были получены сообщения о движении «больших вооруженных масс» к центру города и о стрельбе, начавшейся на Невском проспекте. Корнилов немедленно отдал приказ о вызове на Дворцовую площадь «нескольких частей гарнизона» для предотвращения «возможных насилий». Тут-то и произошел его первый прямой конфликт с ненавистным Советом рабочих и солдатских депутатов. Узнав о приказании командующего округом, председатель Исполкома Совета Н. С. Чхеидзе по телефону заявил Корнилову, что его опрометчивые действия могут лишь «осложнить положение». Вслед за тем в штаб округа прибыли представители Исполкома. Корнилов в рапорте Гучкову уверял, что после того, как получил от них заверения, что Совет «примет все меры к прекращению беспорядков», его приказ был отменен и частям было предписано «оставаться в казармах». Но вечером того же дня на Невском вновь произошла стрельба, а утром 22-го в газетах появилось воззвание Исполкома, в котором заявлялось, что только ему, Исполкому, принадлежит право «располагать» гарнизоном и «устанавливать порядок вызова воинских частей на улицу».

«Находя,— докладывал Корнилов,— что таковым обращением Исполнительный комитет принимает на себя функции правительственной власти и что я при таком порядке никоим образом не могу принять на себя ответственность ни за спокойствие в столице, ни за порядок в войсках, я считаю необходимым просить Вас об

освобождении меня от исполнения обязанностей главнокомандующего Петроградским военным округом»¹⁴.

Но Корнилов уходил отнюдь не по «собственному желанию». Это было его поражение: события Апрельского кризиса ясно показали, кому фактически подчиняется Петроградский гарнизон. Корнилову не только не удалось вывести его из столицы, но даже поставить под свой сколько-нибудь ощутимый контроль. Корнилову нужно было уходить, впрочем, как и его шефу — военному министру А. И. Гучкову. Пути их расходились. Как впоследствии рассказал Гучков, он решил уехать на фронт, «чтобы подготовить там кадры для похода на Москву и Петроград». «Словом,— писал он,— я ставил себе задачу, которую так неудачно пытался потом осуществить генерал Корнилов»¹⁵. Имея в виду свои новые замыслы, Гучков, по всей вероятности, не прочь был «закрепить» Корнилова поближе к столице. Он обратился к верховному главнокомандующему генералу Алексееву с просьбой назначить Корнилова командующим Северным фронтом (вместо уходившего в отставку генерала Н. В. Рузского). Гучков прямо мотивировал это учетом «политических возможностей в будущем»¹⁶. Но Алексей не внял гучковской просьбе, сославшись на недостаток у Корнилова авторитета в войсках Северного фронта. По некоторым косвенным данным можно предположить, что в этот момент Алексей для подкрепления своей позиции запрашивал следственный материал о разгроме в Карпатах 48-й (корниловской) дивизии весной 1915 г.¹⁷ Но дело было прошлое, утёкло с тех пор много воды... Армию, сообщал Алексей в Петроград, «Корнилов может получить любую»¹⁸.

30 апреля в петроградских газетах в потоке самой разнообразной информации промелькнуло сообщение, состоявшее всего из 2—3 строчек: «Вчера стало известно, что генерал Корнилов покидает свой пост командующего Петроградским военным округом»¹⁹. Вряд ли эта новость могла произвести большое впечатление. Время было такое, что привычными, обыденными стали падения и не таких «фигур». Со времени крушения царизма прошло всего лишь два месяца, а сколько «все-российских» имен уже сошло с политической сцены! Революция стремительно сметала вчерашних «небожителей». Последних по времени — Милюкова и Гучкова. Мало кто мог тогда предположить, с какими событиями

уже в близком будущем, в конце лета того же 1917 г., окажется связанным имя не стяжавшего себе лавров на посту командующего Петроградским военным округом и покидавшего теперь столицу генерал-лейтенанта Лавра Георгиевича Корнилова. Во всяком случае, известный журналист С. Любош, успокаивая публику пасчет угрозы послефевральскому режиму «справа», в статье, опубликованной в той же «Биржевке» 3(16) мая, писал: «К счастью нашему, в стане естественных врагов революции нет ни одной крупной, сильной фигуры, которая могла бы возглавить контрреволюцию». Это было написано примерно за 4 месяца до начала контрреволюционного корниловского мятежа! Но эти месяцы не прошли бесследно для тех, кто готовился ударить по революции железным кулаком.

В 1936 г. уже смертельно больной Гучков диктовал в Париже свои мемуары. Вспоминая время после своего ухода в отставку, он, между прочим, говорил: «В это время по инициативе А. И. Путилова образовался негласный комитет из представителей банков и страховых обществ. В этот комитет вошел и я. Чтобы официально оправдать наше существование, мы назвали себя «Общество экономического возрождения России». На самом же деле мы поставили себе целью собрать крупные средства на поддержку буржуазных кандидатов при выборах в Учредительное собрание, а также по борьбе с влиянием социалистов на фронте. В конце концов, однако, мы решили собираемые нами крупные средства передать целиком в распоряжение ген. Корнилова для организации вооруженной борьбы против Совета рабочих депутатов»²⁰. Это было все, что сказал тогда Гучков об «Обществе экономического возрождения России».

Воспоминания Гучкова вызвали прилив интереса к делам «давно минувших дней», к 1917 г., к корниловщине... Зимой 1937 г., когда вся белоэмигрантская печать справляла шумные «поминки» по 20-летию событий 1917 г., корреспондент милюковских «Последних новостей» (выходили в Париже с 1921 г.) Н. Вакар направился на небольшую тихую улочку Пасси. Поднявшись на 2-й этаж старого дома и пройдя темным, захламленным коридором, он постучался в крайнюю дверь. Долго никто не отвечал. Потом послышалось старческое покашливание, скрип половиц под шаркающими шагами. Дверь открыл маленький, суетливый ста-

ричок со слегка трясущейся седенькой головой. Видно было, что он уже давно не выходит из дома: палка с большим набалдашником помогала ему держаться на ногах. Удивление отразилось на лице Вакара: перед ним стоял не кто иной, как сам упомянутый в мемуарах Гучкова Александр Иванович Путилов, бывший промышленный магнат, финансовый воротила, имя которого когда-то гремело по всей России. Заметив смущение Вакара, старичок оживился, заулыбался. «„*Sic transit gloria mundi*“, — скороговоркой произнес он, разводя руками, — прошу Вас!»

То, о чем Путилов рассказал милюковскому посланцу и что почти сразу же было напечатано в «Последних новостях», вызвало настоящий ажиотаж в застоявшемся белоэмигрантском болоте. Посыпались письма в газету, разъяснения, дополнения, опровержения. Путилов коснулся болевой точки российской контрреволюции: ее провалившейся попытки покончить с революцией путем корниловского военного переворота. При этом он раскрыл долгое время скрывавшуюся, фактически неизвестную вовлеченность буржуазных кругов в прямую подготовку этого неудавшегося генеральского путча.

Сердцевиной «откровений» Путилова был рассказ о возникновении и деятельности той самой организации под невинным названием «Общество экономического возрождения России», о которой глухо вспоминал Гучков в 1936 г.

Настоящая, подлинная цель этого «общества» (и это подтвердил Путилов) была отнюдь не экономической, а четко политической: провести в Учредительное собрание, созыв которого был декларирован Временным правительством, «как можно больше правых». Предполагалась, следовательно, легальная, парламентская борьба с «революционной демократией». И финансово-промышленные тузы (Н. Н. Кутлер, Н. А. Белоцветов, Б. А. Каминка, А. П. Мещерский, А. И. Вышнеградский и сам А. И. Путилов), «цвет» российского капитала, создали соответствующий комитет, с помощью которого сразу же в короткий срок собрали кругленькую сумму в 4 млн рублей. Путилов довольно точно датировал этот сбор: «к этому времени Гучков вышел из правительства» и члены «общества» обратились к нему за руководством. Гучков согласился²¹. Из этого мы вправе сделать вывод, что создание «общества» можно смело

относности ко второй половине апреля. Но в воспоминаниях Гучкова да и Путилова очень мало говорилось о связях этого «общества» с Корниловым в апрельский период. У Путилова, правда, мелькнуло имя В. С. Завойко, который в апреле 1917 г. состоял при Корнилове в роли не то ординарца, не то адъютанта. Но существуют другие данные, свидетельствующие о том, что одним из главных «соединительных звеньев» между банковскими и финансовыми воротилами, с одной стороны, и генералом Корниловым — с другой, был именно В. С. Завойко. Об этом в эмиграции писали ранее связанный с Корниловым некий журналист Е. Семенов²² и особенно — А. Ф. Керенский²³. О Завойко по литературе известно немного; его роль обычно ограничивают составлением речей и воззваний для Корнилова, а самого оценивают в основном как мелкого авантюриста. Это скорее всего упрощение. Те, кто лучше знал отношения Корнилова и Завойко и самого Завойко, отмечали «властность и честолюбивость этого человека», считали его «очень решительным, активным, с большой изобретательностью, смелостью и фантазией», правда не без авантюризма²⁴. Влияние Завойко на Корнилова было весьма значительно.

Имеется его довольно пространная автобиография, написанная для Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства «по делу Корнилова» и названная «Кое-что из моего прошлого».

Карьера Завойко началась в середине 90-х годов, когда он был «причислен» к лондонскому и парижскому посольствам. Формулировку эту Завойко не раскрывает, но в материалах ЧСК имеются некоторые данные, позволяющие предположить какую-то связь будущей «правой руки» Корнилова с охранным отделением. Позднее он завязывает связи в деловых и финансовых кругах (Керенский утверждал, что Завойко был племянником Путилова) и сам становится оборотистым дельцом, крупно наживавшимся на нефтяных разработках. Завойко в своей автобиографии утверждал, что в конце 1916 г. в «высших сферах» он котировался ни много ни мало на пост премьер-министра, но... был выслан из столицы за поданую царю записку «с предложением неотложных реформ». Это утверждение не подтверждается никакими другими источниками. Скорее всего, Завойко был выслан (или уехал сам) из Петрограда в связи с какими-нибудь финансовыми махина-

циями, которых было так много в канун крушения царизма. Февраль 1917 г. застал Завойко на нобелевских промыслах «Санто» в Ферганской области. В Петроград он вернулся в начале апреля 1917 г. с вполне определенными взглядами на послефевральские события, излагавшимися в издаваемом им же журнальчике «Свобода в борьбе».

По мнению Завойко, с приходом к власти Временного правительства Россия вступила в «не встречающуюся еще во всемирной истории эпоху сверхномпадуства», от которого ее спасут «чудо и отдельные люди, а не партии и их организации, ибо вся история говорит за то, что партийность и государственность — понятия несовместимые...»²⁵. С этой «философией» уже в первых числах апреля Завойко оказался в окружении командующего Петроградским военным округом Корнилова. Как это произошло конкретно — неизвестно. Сам Завойко пишет: «Я явился к генералу Корнилову и предложил ему свои услуги и свою работу в качестве человека, знающего страну почти от края и до края... искусившегося в политической деятельности, располагающего словом и способностью письма»²⁶. Учитывая напористость и безапелляционность этого авантюриста, можно предположить, что дело обстояло именно таким образом. Завойко, кажется, правильно оценил Корнилова. Это, писал он, человек большой решительности в «исполнении раз принятого им решения»; вместе с тем он «человек крайне бесхарактерный в течение всего периода выбора того или иного решения»²⁷.

Итак, уже с начала апреля 1917 г. Завойко состоял при Корнилове: формально он был зачислен в состав Кабардинского полка, «одел форму», но «ничего не делал», только являлся к Корнилову «поговорить и изложить ему свою точку зрения».

Я, писал Завойко в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии, говорил ему, что Петроград — это «яма политического разгула и разврата», что пребывание его в этой яме бесцельно, что «его место — на фронте», что там и нужно начинать борьбу за «личную диктатуру», чтобы спасти Россию от губящей ее «партийности»²⁸.

Таким образом, по всей вероятности, к концу апреля 1917 г. первые очертания контрреволюционных, прокорниловских настроений начали проявляться организационно. Действовало уже «Общество экономического

возрождения России»; банковские воротилы и промышленные тузы готовы были «отсчитать» Корнилову немалые деньги; через Завойко налаживалась связь между ними и Корниловым.

Говоря военным языком, Корнилов убыл на Юго-Западный фронт в тот самый момент, когда контрреволюционные элементы, жаждавшие «сильной власти», существенно продвинулись вперед. Их безусловно подстегнул Апрельский кризис, из которого Временное правительство, как они считали, хотя и выпуталось, но еще больше сдав позиции Советам и всей «революционной анархии».

Именно в начале мая в Петрограде, в Могилеве (в Ставке) и на Румынском фронте возникли три относительно крупные организации, деятельность которых к концу лета практически и подготовила корниловский мятеж. Известно, что главной корниловской партией В. И. Ленин считал кадетов²⁹. «...Корниловское восстание,— писал он,— представляло из себя поддержанный помещиками и капиталистами, с партией к.-д. во главе, военный заговор...»³⁰ Лидер партии П. Н. Милюков, как и некоторые другие кадеты, позднее (в годы гражданской войны и эмиграции) стремились преуменьшить роль кадетской партии в подготовке корниловщины. «Сочувствие к Корнилову,— писал Милюков,— росло в рядах партии. Но члены партии, ближе знавшие обстановку, в которой готовилось корниловское движение, не могли возлагать надежды на это движение...»³¹ Такого рода утверждения вызывали протесты со стороны хорошо осведомленных белоэмигрантов более «левого» толка. Так, старейшая эсерка К. Брешко-Брешковская опубликовала открытое письмо Милюкову. В нем, между прочим, говорилось: «Вы делаете вид, будто вся закулисная сторона подготовки посягательства реакции на революцию Вам была неизвестна... Павел Николаевич! Вы... никак не могли не знать о полном сочувствии и фактическом участии значительной части верхов к.д. в попытках замены... власти Временного правительства властью диктаторской, опирающейся на „государственно-зрелый“ строй, т. е., попросту говоря, на старое, до-революционное господствующее меньшинство, пополненное лишь кадетскими элементами»³².

Действительно, многочисленные факты, содержащиеся в ряде новейших исследований советских историков о кадетской партии, свидетельствуют о том, что именно

она идеологически и политически готовила контрреволюционную военную диктатуру и что многие кадеты были вовлечены и в организационную подготовку корниловщины. Здесь мы сосредоточимся на характеристике тех организаций и групп, которые непосредственно, практически готовили мятеж. Эта сторона корниловщины, как нам представляется, менее известна.

Одной из упомянутых организаций был так называемый «Республиканский центр», о котором в исторической литературе известно очень немного и роль которого в истории российской контрреволюции, на наш взгляд, недооценена. Вероятно, в значительной мере это явилось следствием провала корниловщины в конце августа 1917 г., нанесшего «Республиканскому центру» (как и другим прокорниловским организациям и группам) непоправимый удар. По более поздним свидетельствам белоэмигрантской прессы, многие документы «Республиканского центра» находились у его председателя — К. В. Николаевского. Николаевский умер в 1936 г. под Парижем, и на его архив был наложен арест до решения наследственных споров. Дальнейшая судьба этого архива неизвестна³³.

Но вернемся в Петроград весны и начала лета 1917 г. На доме № 104 по Невскому проспекту стала уже привычной большая вывеска: «Общество Бессарабской железной дороги». Мало кто знал, что тут, в помещении «Общества», находится штаб-квартира политической организации, именовавшей себя «Республиканским центром», и еще меньше было известно о том, что происходит в этом «центре»...³⁴

В бумагах генерала А. И. Деникина сохранилась довольно обширная записка (без подписи), озаглавленная «О Республиканском центре». По некоторым данным можно предположить, что ее автор — уже упоминавшийся К. Николаевский и написана она была по просьбе Деникина, когда в 20-х годах он готовил к печати свои «Очерки русской смуты». Некоторые сведения из этой записки вошли в «Очерки», но отнюдь не все. Деникин, например, опустил следующее, на наш взгляд, очень важное место. «Организаторы Республиканского центра, — говорится в записке, — были близки к той части петроградского общества, которая делала в стране промышленность, торговлю, деньги; от нее же Республиканский центр пользовался денежной помощью. Это была небольшая по числу, но очень

влиятельная группа. Довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах, она нередко оказывала давление на правительство старого (т. е. царского.— Г. И.) режима и в известных случаях влияла на экономическую политику государства. К ней примыкали аналогичные группы московские, а затем многочисленный третий элемент из среды промышленников и торговцев всей России... Наконец, к ней же тяготели по духу и наклонностям — зажиточное крестьянство, оборотистые землевладельцы и некоторые другие. Назвать их консервативными, а тем более монархическими нельзя. Напротив, последующие события русской революции показали, что эти элементы существенно помогали перевороту и первые деньги восставшей Думе были даны именно из этой среды. Эти группы мало замечались на поверхности русской жизни и, за редким исключением, вели свою работу спокойно, без особого шума»³⁵.

Из этой длинной цитаты можно сделать вывод, что «Республиканский центр» являлся детищем тех буржуазных кругов (в другом месте записки они именуется «людьми практической складки»), которые стремились «политически самоорганизоваться» и влиять на события в обход кадетской партии, претендовавшей и на представительство торгово-промышленных групп. Вместе с тем в этой же цитате чувствуется какое-то, на наш взгляд, нарочитое затуманивание конкретного источника, давшего начало «Республиканскому центру»...

В руководящее ядро «Республиканского центра» входили: директор Бессарабской железной дороги путейский инженер К. Николаевский — глава центра — и его заместители: инженер П. Финисов, А. Богдановский, Л. Рума. Имена для широкой публики малоизвестные, но люди, стоявшие за «Республиканским центром», не стремились к рекламе, а, напротив, предпочитали действовать «без особого шума». В деловых же кругах К. Николаевского знали хорошо, и потому в средствах, как уже отмечалось, недостатка у «центра» не было с самого начала: банковские воротилы «для начала» выдали Николаевскому и Финисову 150 тыс. руб. «на пропаганду».

Есть свидетельство, в соответствии с которым «Республиканский центр» с самого начала был связан с генералом Корниловым. Речь идет о беседе корреспондента милюковских «Последних новостей» Н. Вакара

с уже упоминавшимся П. Н. Финисовым. Предыстория этой беседы вкратце такова. Как мы уже отмечали, «Последние новости» опубликовали воспоминания А. И. Гучкова. Они «всколыхнули» эмиграцию. Многие из тех, кого так или иначе упомянул Гучков, поспешили «отреагировать». Среди них был и Финисов, в 1937 г. проживавший в Париже и являвшийся там главою так называемого «Русского технического института». Финисов утверждал, что в начале мая 1917 г. на квартире промышленника и финансиста Ф. А. Липского состоялось своего рода организационное совещание «Республиканского центра», на котором среди других присутствовал и «свойственник» Липского — генерал Корнилов. Однако в других источниках мы не встречаем прямого подтверждения ни этого факта, ни факта наличия связей между «Республиканским центром» и Корниловым весной 1917 г. Да и сам Финисов говорил Вакару, что до середины июля в «Республиканском центре» ничего не знали об «Обществе экономического возрождения России» и его руководителях — Путилове, Вышнеградском, Гучкове, имевших контакты с Корниловым. Связь этого общества с «Республиканским центром» установилась будто бы только в июле, когда Финисов побывал у Путилова в Гурзуфе, где они договорились о совместных действиях³⁶.

Возможно все же, что Корнилов действительно присутствовал на совещании у Липского в начале мая, но после отъезда на фронт связи его с деятелями «Республиканского центра» или временно прекратились, или осуществлялись через третьи лица. Иначе трудно объяснить свидетельство того же Финисова, согласно которому в начале августа 1917 г. «Республиканский центр» получил указание из Ставки (уже корниловской), требующее от руководителей «центра» «полной готовности». Такое указание вряд ли бы последовало, если бы связи между «Республиканским центром» и Ставкой до этого времени не существовало. Во всяком случае, Врангель позднее писал, что Корнилов, «уехав на фронт, продолжал поддерживать связь с целым рядом лиц в Петербурге...»³⁷.

С какой же, однако, целью «Республиканский центр» был создан и какова была его программа?

Вступавших в «Республиканский центр» не спрашивали: «Како веруешь?» Главное, что требовалось, — это желание бороться с революцией, с большевизмом.

Поэтому в «центр» записывались все — от монархистов до правых эсеров. Сохранившиеся материалы дают не вполне четкую, на первый взгляд даже несколько противоречивую, характеристику программных установок «центра». С одной стороны, утверждается, что «Республиканский центр» «имел исключительно проправительственное направление» — стремился «помочь Временному правительству создать для него общественную поддержку путем печати, собраний и проч.». И позднее, уже в эмиграции, бывшие участники «Республиканского центра» и лица, с ним связанные, как и все корниловцы, клялись и божились, что они и в мыслях не имели борьбу с «Зимним дворцом» (т. е. Временным правительством) — только со «Смольным». «Какая апельсиновая корка, — говорил Финисов Вакару, — случайно упавшая или нарочно кем-то подброшенная, испортила начертанный план — судить не берусь». С другой стороны, в тех же материалах признается, что «люди практической складки», создавшие «центр», хорошо понимали, что Временное правительство «не способно удержать власть», и не рассчитывали на его «государственные способности». Поэтому в «Республиканском центре» очень скоро возобладала мысль о военной диктатуре, «которая помогла бы правительству, хотя и реформированному, довести страну до Учредительного собрания». Итак, через военную контрреволюционную диктатуру к Учредительному собранию! Примечательно, что сами руководители «Республиканского центра» сознавали парадоксальность своей задачи: «навязать правительству против его воли в сотрудники военного диктатора для спасения самого же правительства»³⁸. Но выход все же был найден. Официально «центр» существовал как проправительственная организация, действовавшая строго в рамках законности, и с ним, по имеющимся данным, сотрудничали такие лица, как А. Г. Струве, П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, П. Долго-руков, Н. В. Чайковский, а в дальнейшем и некоторые военные из окружения самого Керенского — Барановский, Туманов, Клерже, Багратуни и др. Вместе с тем «люди практической складки», создавшие «центр» под вполне легальным покровом, сколачивали и сколотили конспиративное ядро, которое могло обнаружить себя только при определенных обстоятельствах. Важным, если не главным, элементом этого ядра был военный отдел, который к середине лета практически свя-

зывает многочисленные военные организации, сыгравшие потом важную роль в корниловском выступлении («Военная лига», «Совет союза казачьих войск», «Союз георгиевских кавалеров», «Союз бежавших из плена», «Союз инвалидов», «Комитет ударных батальонов», «Союз воинского долга», «Лига личного примера» и др.).

Военным отделом «Республиканского центра» вначале руководил полковник Доманевский, тот самый, который в дни Февральской революции вместе с другим полковником — Тилли — был командирован Временным комитетом Государственной думы для связи с подходившим к Петрограду царским карателем генералом Ивановым. Позднее, по некоторым данным, на короткое время Доманевского сменил приехавший из Севастополя А. В. Колчак. После отъезда Колчака за границу отдел возглавлял корниловский порученец полковник Л. П. Дисеметьер, а в «корниловские дни» — специально прибывший из Ставки (корниловской) полковник В. И. Сидорин.

В военном отделе «Республиканского центра» обрелось немало будущих белогвардейских «вождей» и авантюристов, получивших известность в годы гражданской войны. Среди них, например, А. И. Дутов — будущий оренбургский атаман, одним из первых поднявший мятеж против Советской власти; П. Бермонт-Авалов, позднее командовавший «русско-германскими белогвардейцами» в Прибалтике. Числился тут и капитан М. Муравьев — будущий главком Восточного фронта, летом 1918 г. изменивший Советской власти и поднявший антисоветский мятеж. Всего под контролем отдела находилось до 4 тыс. человек, преимущественно офицеров³⁹.

В военном отделе, как и в руководящей верхушке «Республиканского центра», велась конспиративная работа, направленная не только «против Смольного» и большевиков, но и «против Зимнего дворца». Здесь преобладала такая точка зрения: «Если царский режим был во многих отношениях неудобен, то режим Временного правительства становится нетерпимым... Необходимо с ним покончить»⁴⁰.

П. А. Кропоткин, к которому официальные руководители «Республиканского центра» также обращались за сотрудничеством, сразу понял истинную подоплеку нового «начинания». В нем он усмотрел «попытку про-

известии *coup d'état* и глубоко возмущался мыслью пресечь насильственным порядком революционное движение, а в том числе и большевизм»⁴¹.

Декларативно «Республиканский центр» отвергал «для России необходимость быть под царями»⁴². И тем не менее название «центра» — «республиканский» — во многих отношениях было прикрывающим. Монархист-черносотенец полковник Ф. Винберг, являвшийся одним из руководителей связанного с «Республиканским центром» «Союза воинского долга», вспоминал, как он вступал в «центр». Меня, писал Винберг, «беспокоило название «республиканский», которое абсолютно не соответствовало моим политическим идеалам, взглядам и надеждам». Но глава «Республиканского центра» К. Николаевский успокоил Винберга, объяснив, что это название не имеет особого значения, так как главное состоит в сплочении людей «с патриотическим духом» под знаменем сильной, диктаторской власти. «После такого объяснения, — пишет далее Винберг, — мы, президиум союза, сочли возможным действовать и работать совместно с центром и принять от него финансовую помощь»⁴³.

Выше мы высказывали предположение, что «деловые люди», создававшие «Республиканский центр», возможно, делали это «в обход» кадетской партии. Но отсюда отнюдь не следует, что они хотели и могли игнорировать политические установки кадетизма. Эти установки в послефевральской ситуации были единственно возможными для всех тех, кто ставил своей целью блокирование дальнейшего развития революции. Поэтому прав П. Финисов, который в беседе с Н. Вакаром говорил, что цели «Республиканского центра» примерно соответствовали «платформе кадетской партии»⁴⁴. Действительно, если сопоставить эти цели с платформой кадетов, сформулированной, например, на 8-м съезде кадетской партии (май 1917 г.), между ними можно обнаружить немало общего⁴⁵. В это время многие кадеты хотя и поддерживали коалицию с меньшевиками и эсерами, но в глубине души уже считали ее лишь промежуточным этапом на пути к установлению единовластия буржуазии, предпочтительно в форме военной диктатуры⁴⁶. Член ЦК кадетской партии В. А. Оболенский в своих мемуарах писал, что после ухода из правительства (конец апреля 1917 г.) Миллюков пришел к выводу о бесперспективности борьбы с

углубляющейся революцией и большевизмом под руководством Временного правительства. Он доказывал, что «революция сошла с рельс» и потому кадетам «не следует больше связывать себя с революцией, а нужно готовить силы для борьбы с ней, и не внутри возглавляющей ее власти, а вне ее»⁴⁷.

Рискнем высказать предположение, что некоторые кадетские лидеры смотрели на «Республиканский центр» как на своего рода «филнал», которому отводилась особая роль: он должен был осуществлять такую деятельность, которую «партийные» кадеты по тем или иным причинам официально не могли осуществлять (они ведь входили в правительство). Позднее, после Октября, примерно ту же функцию в какой-то мере выполнял созданный кадетами «Национальный центр». Через такого рода «центры» удобнее было сколачивать по возможности более широкий контрреволюционный фронт, втягивая в него разнородные партийные элементы. Они же маскировали классовые интересы этих элементов вывеской «надпартийных», «общенациональных» целей, направленных на «спасение» и «возрождение» России⁴⁸. Но даже Керенский впоследствии признавал, что «национальная идеология с самого начала была лишь щитом, прикрывавшим вождения тсх, чья социальная мощь была уже в прошлом»⁴⁹. Короче говоря, в «Республиканском центре», в его политике и тактике просматривается кое-что из того, что впоследствии нашло широкое воплощение в «белом деле». Нельзя также не отметить существенное обстоятельство, которое как-то ускользнуло от внимания историков: через «Республиканский центр» «прошли» два главных «вождя» будущего «белого движения»: один из его основателей — Л. Г. Корнилов и «верховный правитель» будущей белогвардейской России адмирал А. В. Колчак (не исключено, что и третий «вождь» — Врангель — через Завойко мог быть связан с людьми «Республиканского центра», во всяком случае на начальном этапе его деятельности).

Летом 1917 г. Корнилов и Колчак были двумя основными кандидатами в диктаторы для проектируемой «центром» «твердой власти», военной диктатуры. Случилось так, что сначала на первое место вышел Колчак. Корнилов в мае уже находился на Юго-Западном фронте, а Колчак в июне прибыл в Петроград, уйдя с поста командующего Черноморским флотом,

Естественно, пишет автор записки «О Республиканском центре», «к нему первому и обратился комитет центра»⁵⁰.

В белоэмигрантской печати имеются сообщения, что Колчак, собственно, и был приглашен в Петроград «Республиканским центром», где замесил уехавшего на Дальний Восток руководителя военного отдела полковника Доманевского. Но в этом все-таки есть определенная доля преувеличения. Колчак ехал в Петроград по вызову Временного правительства, что, по-видимому, и намечалось использовать «Республиканский центр».

Выдвигалось еще имя генерала М. В. Алексеева, но очень быстро оно отпало. Алексеев был стар, болен и вообще, по словам Деникина, по своему характеру совершенно не подходил «для выполнения насильственного переворота»⁵¹.

Первое свидание представителей «центра» с Колчаком состоялось на Васильевском острове, где приехавший из Севастополя адмирал жил на частной квартире. Колчак без колебаний заявил, что готов принять предложение «центра», но пожелал узнать, какими средствами он располагает, каковы основные линии плана действий и т. п. «После этого свидания,— говорится в записке „О Республиканском центре“,— Колчак начал бывать на совещаниях комитета Республиканского центра, куда специально приглашались разные полезные лица и совместно вырабатывался план действий. Со стороны Колчака были и его сотрудники...»⁵² Происходили встречи и частного порядка, в которых принимали участие П. Н. Милюков, В. В. Шульгин и др. Впоследствии, когда Колчак, вернувшись из США, находился на Дальнем Востоке в составе «хорватовского правления», Шульгин в письме, написанном из Киева (июнь 1918 г.), напоминал ему об одной из таких встреч. «Разговор был в гостиной, около окна»,— уточнял Шульгин с тем, чтобы Колчак не сомневался в том, что писал именно Шульгин. А далее в письме речь шла о том, что позволяет косвенно представить себе содержание этого «разговора около окна».

«Нужны ли мы Вам,— спрашивал Шульгин.— Но нужно выяснить одно обстоятельство: наша группа (речь идет о так называемом „Южно-русском национальном центре“.— Г. И.) непоколебимо стоит на союзнической ориентации, и мы все — монархисты»⁵³. По-видимому, еще летом 1917 г. визитеры Колчака обсуж-

дали с ним «больной» вопрос о политических целях готовившегося выступления и эти цели «шли» правее Временного правительства. По всей вероятности, через «Республиканский центр» были предприняты пропагандистские усилия по поднятию имени Колчака как знамени сил контрреволюции. В кругах тех, кто не видел революцию, ходили восторженные рассказы о том, как Колчак «рыцарски» бросил свой адмиральский кортик в волны Черного моря в знак протеста против «анархии» на флоте.

Образованный в начале мая 1917 г. «Союз офицеров армии и флота» (см. об этом ниже) решил «поднести» Колчаку новый кортик с надписью: «Рыцарю чести от Союза армии и флота». Почетный дар по поручению «союза» повез его председатель полковник Л. Новосильцев. Но кортик, конечно, являлся только благовидным предлогом. По воспоминаниям Новосильцева, написанным уже в эмиграции, у него состоялась «совершенно секретная» беседа с Колчаком. Дело заключалось в том, пишет Новосильцев, что «Союз офицеров» вскоре после своего возникновения установил тесные связи с «Военной лигой», которая возникла в Петрограде еще при Корнилове (т. е. не позднее начала мая). Она вела «двойную» работу: «надводную» и «подводную», причем в «подводную» входил поиск будущего военного диктатора. В «эти дни» (т. е. в середине июня) лига остановилась на Колчаке.

Мы позволим себе высказать предположение, что Новосильцев, по-видимому, отождествил «Воспную лигу» с упоминавшимся военным отделом «Республиканского центра». Он пишет, что уже при Корнилове в Ставку приезжали от «Республиканского центра» К. Николаевский и от «Военной лиги» — полковник Дисеметьер⁴⁴. Но мы знаем по другим источникам, что Дисеметьер возглавлял военный отдел «Республиканского центра». Есть и косвенные подтверждения. В числе членов «Военной лиги» Новосильцев называет будущего добровольческого генерала, а тогда полковника Г. Покровского. Это имя встречается и в воспоминаниях Врангеля: по его словам, Покровский (наряду с Паленом и др.) весной 1917 г. входил в некую «военную организацию».

Политически и организационно контрреволюционные группы еще не вполне оформились, границы между ними «расплавившись» — отсюда и некоторая путаница в

мемуарах, тем более написанных спустя несколько лет...

Таким образом, можно думать, что «Союз офицеров армии и флота» «вышел» на Колчака через военный отдел «Республиканского центра». Новосильцев сообщает очень интересные данные о своей беседе с Колчаком. Колчак, пишет Новосильцев, интересовался, что, собственно, уже сделано, каковы дальнейшие планы, и говорил, что если надо, то он не примет сделанного ему предложения о поездке в США и останется в России, «но только, если есть что-либо серьезное, а не легкомысленная авантюра». «Колчак соглашался даже перейти на нелегальное положение, если бы это было надо...»⁵⁵

«Республиканский центр» и, вероятно, «Союз офицеров» усиленно популяризировали имя Колчака. По словам меньшевика Н. Иорданского, его имя становилось «боевым кличем желтой — большой и малой прессы». Правые газеты выходили с призывами через всю полосу: «Адмирал Колчак — спаситель России», «Вся власть адмиралу Колчаку» и т. п.⁵⁶ И Колчак постепенно начинал держаться, «как сознательный вождь контрреволюционной военщины». Он сблизился с монархистом генералом Гурко и «другими монархистами»⁵⁷. В число «других» входил, по-видимому, и Бермонт-Авалов. Во всяком случае, как утверждает в его мемуарах, летом 1919 г. он писал Колчаку в Омск о том, что рассматривает свою деятельность в Прибалтике как продолжение «совместной работы летом 1917 г.»⁵⁸.

Однако примерно к середине июля 1917 г. контрреволюционная ажиотация вокруг имени Колчака постепенно пошла на убыль. Что же произошло?

В личной папке «верховного правителя», оказавшейся наряду с другими документами колчаковского правления у эсеровского Политцентра в Иркутске, а затем поступившей в советские архивы, сохранилась автобиография (правда, незаконченная) Колчака. Там он написал, что летом 1917 г. правительство Керенского, «желая избавиться» от его присутствия в Петрограде, охотно согласилось «на мой отъезд» в США по приглашению миссии Э. Рута (летом 1917 г. она находилась в России). Несколько яснее о том же самом писал некий «Анк» в статье о Колчаке, опубликованной 2(15) июня 1919 г. в «Сибирской речи» (Омск). Еще летом 1917 г., говорится в статье, когда адмирал находился в Петрограде, именно с ним «как-то сама собой

связывалась надежда-ожидание — не он ли сметет паяца Керенского». Но «его тогда испугались и выслали в Америку». В слове «выслали» имеется, конечно, определенная передержка. Надо, однако, отметить, что в уже упоминавшейся статье Н. Иорданского имеется свидетельство, в известной мере близкое тому, о чем писал «Анк». Иорданский утверждал, что «левые министры возбудили вопрос о привлечении его (Колчака.— Г. И.) к ответственности»⁵⁹. Но у нас нет каких-либо документальных данных, могущих подтвердить это. Скорее всего, было другое: с подозрением относясь к «активности» Колчака и той контрреволюционной шумихе, которая развевалась вокруг его имени, Временное правительство решило не препятствовать его отъезду в США во главе небольшой военно-морской миссии. Он уехал из Петрограда в конце июля и вернулся в Россию только весной 1918 г. для того, чтобы вести борьбу с уже победившей Советской властью. Но, уезжая, в комитете «Республиканского центра» Колчак оставил своего связного — некоего лейтенанта Фомина. Этому лейтенанту Фомину в дни корниловского выступления будет поручено затопление морского канала баржами с камнем, для того чтобы блокировать возможный проход судов из Кронштадта в Петроград⁶⁰. Что касается самого Колчака, то, несмотря на его отсутствие в России (в это время он еще находился в США), он будет включен в список проектируемого «корниловского» правительства.

В то самое время (начало мая 1917 г.), когда в Петрограде промышленно-финансовые воротилы — штатские люди «практической складки» — сговаривались о создании «Республиканского центра», в Могилеве (в Ставке) генералы и офицеры — военные люди не менее «практической складки» — готовились к открытию съезда, который должен был положить начало «Союзу офицеров армии и флота». Летом 1917 г. этот «союз» наряду с «Республиканским центром» станет еще одной крупной контрреволюционной организацией, через которую будет осуществляться практическая подготовка корниловского мятежа. И так же, как «Республиканский центр», он будет еще одним зерном, из которого позднее произрастет «белое дело»...

О «Союзе офицеров» известно значительно больше, чем о «Республиканском центре». Он издавал свою газету «Вестник» (с июля 1917 г.), распространял листов-

ки, обращения и т. п. Часть этих материалов была приобщена к материалам Чрезвычайной следственной комиссии по корниловскому делу. Но архив «Союза офицеров», точнее, его главного комитета, который позволил бы судить о нем не только по официальным заявлениям, но и по тому, что происходило «за кулисами», отсутствует. Если верить одному из членов главного комитета «союза» — полковнику С. Н. Ряснянскому, этот архив при ликвидации Ставки осенью 1917 г. был увезен из Могилева в Новочеркасск, где он хранился на чердаке одного из домов. Но когда Добровольческая армия во главе с Корниловым зимой 1918 г. уходила с Дона в «Ледяной поход», хозяйка этого дома, по-видимому, уничтожила архив⁶¹. Однако сохранившиеся мемуары уже упоминавшегося нами полковника Новосильцева (он являлся председателем главного комитета «союза»), самого полковника Ряснянского и других активных членов «Союза офицеров» позволяют, как нам кажется, внести некоторые важные дополнения в то, что уже известно об этом «союзе» по исторической литературе.

Все началось в апреле. Приблизительно в середине месяца по фронту стало распространяться «обращение к офицерам», которое, как свидетельствует Новосильцев, было написано двумя офицерами Ставки — полковниками Проппиным и Лебедевым. Проппин находился в Ставке еще тогда, когда верховным главнокомандующим был Николай II. Позднее, главным образом в эмиграции, его мысли и чувства вылились в ряд брошюр и статей верноподданнического, крайне монархического толка. Помимо этого, он активно подвизался в такого же рода эмигрантских организациях. Лебедев, по всей вероятности, в годы гражданской войны одно время занимал пост начальника штаба колчаковской армии и заявлял о себе как о беспощадном враге революции и большевизма. Эти краткие биографические данные в какой-то мере дают возможность судить о подлинных целях инициативы Проппина и Лебедева, проявленной весной 1917 г. Но официальное обращение, вполне легально распространявшееся по фронту и в тылу, не могло, конечно, содержать и намеков на их истинные замыслы. В нем провозглашалось, что «могучий Союз офицеров», создать который они призывали, должен строиться исключительно на началах аполитизма (армия вне политики!). Его главная задача — укрепляя

«новые начала» в армейской жизни, не допускать в то же время потрясения «незыблемых основ военной организации», помогать командованию в борьбе против «разложения армии», укреплять «власть начальника»⁸². Короче говоря, дело изображалось таким образом, что речь идет о создании некоей «профессиональной офицерской организации», защищающей интересы офицерства и армии от проникающей в нее «анархии». Что касается отношения к Временному правительству, то «Союз офицеров» должен, безусловно, поддерживать его. Обращение содержало также призыв образовывать офицерские союзы на местах и делегировать их представителей на съезд в Могилеве, который должен собраться в мае.

14 апреля в офицерской столовой гостиницы «Бристоль» (Могилев) собралась инициативная группа. Ее член полковник Ряснянский пишет, что никто тут не задавал вопроса: «Како веруешь?» (т. е. не интересовался политическими взглядами), но «более-менее известно было, что, за исключением одного, все члены группы были монархистами».

С прониинско-лебедевским обращением, исходившим из Ставки, конкурировало обращение, подписанное неким полковником Генерального штаба Гушиным. Этот Гушин был из тех офицеров, которые после свержения царизма «поставили на революцию», но не на ту, которую делали народные массы во главе с большевиками, а на «революцию» Временного правительства и мелкобуржуазных, соглашательских партий. Он объявил себя «офицером-республиканцем» и, подделываясь под дух времени, пытался создать в Петрограде «Совет офицерских депутатов». Инициаторы могилевского съезда, будучи, как мы видели, почти сплошь скрытыми монархистами «старого образца» или, в лучшем случае, правыми кадетами, хмуро смотрели на гушинскую затею, видя в ней попытку повести хотя бы часть офицерства за ненавистным «Совдепом». В силу своей реакционности и реставраторских наклонностей они просто не поняли политической сути гушинского маневра. Между тем Новосильцев пишет в своих мемуарах, что А. И. Гучков впоследствии признался ему, что гушинский «совет» находился под его, Гучкова, покровительством и сам Гушин работал с его ведома и согласия. Истинная же цель этого «совета» состояла в том, чтобы «путем признания Совдепа провести в него офи-

церов во главе с самим Гущиным». Затем офицеры должны были расколоть «Совдеп», отделив солдатских депутатов от рабочих и превратив их в «опору Временного правительства»⁶³. Впрочем, из намерений Гущина и Гучкова мало что получилось.

Могилевский офицерский съезд открылся 7-го и завершил свою работу 22 мая. На съезде выступили генерал М. В. Алексеев, бывший в то время верховным главнокомандующим, и его начальник штаба генерал А. И. Деникин — будущие создатели и «вожди» Добровольческой армии. Словно бы забыв о провозглашенном «аполитизме» образующегося «Союза офицеров», Алексеев прямо поставил вопрос о необходимости «сильной власти», способной остановить «анархию» в стране и «развал армии». «Внутри,— говорил он,— где та сильная власть, о которой горюет все государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед родиной?»⁶⁴ «Мы все,— говорил далее Алексеев,— должны объединиться на великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасти ее»⁶⁵. Деникин в своем выступлении «громил» демократические и революционные организации. «Под флагом демократизации,— вещал он,— бурной волной врываются в армию начала анархии», «безумной вакханалии»⁶⁶. Смысл такого рода сентенций был ясен: генералы призывали вновь образуемый офицерский «союз» блокировать процесс демократизации армии, превратив ее в средство создания «сильной власти», способной покончить с революционным движением в стране. И хотя, естественно, прямо ничего не говорилось, но власть Временного правительства, опиравшегося на меньшевистско-эсеровский Совет, тут явно ставилась под вопрос. И все присутствовавшие на съезде не только хорошо понимали «намерения», но и полностью сочувствовали ему. Полковник Ряснянский рассказывает: многие офицеры — делегаты съезда — привезли с собой указы, в которых говорилось о лояльности к Временному правительству, но «от души эти пожелания и требования не шли»⁶⁷. Еще ошутимее стало настроение на съезде, когда 20 мая в Могилев прибыл «сам» Керенский. Приветствовавший его Новосильцев, в сущности, повторил основные положения речей Алексеева и Деникина. Он также говорил о «железной дисциплине» и необходимости установления «сильной, единой власти».

«Приезд Керенского,— пишет Ряснянский,— и его отношение к съезду оставили тяжелый осадок; если раньше еще были офицеры на съезде, которые рассчитывали на помощь Керенского в делах возрождения армии, то после его приезда таковых, вероятно, уже не было»⁶⁸. Что же так разочаровало присутствовавших в Керенском? Видимо, хорошо зная аудиторию, Керенский в выступлении позволил себе сказать, что полного возврата к «началам» старой армии не будет, что офицеры должны понять те глубокие перемены, которые произошли в связи с крушением царизма, и искать пути для сближения с солдатами и армейскими комитетами. Керенский предлагал создать не офицерский, а общевойсковой союз. Это было истолковано как попытка «еще больше углубить... революцию и пропасть между солдатами и офицерами»⁶⁹. Так с самого начала «Союз офицеров» и Керенский встали по отношению друг к другу в недружелюбную, неприязненную позицию, если не сказать больше, едва скрываемую под маской официальных отношений.

Совсем по-другому съезд встретил прибывшего в Могилев старого черносотенного «зубра» В. Пуришкевича. Для многих он был почти что «свой». Делегаты жаждали послушать его выступление на съезде, но это было признано политически и дипломатически некорректным. Решили поэтому устроить встречу «неофициально», на «частном заседании» и в другом помещении.

Как всегда это было с Пуришкевичем, и на сей раз не обошлось без скандала. Объявив себя человеком, который убийством Распутина в декабре 1916 г. «дал сигнал к революции», Пуришкевич обрушился на «анархию», в которую она якобы перерастает, и взывал к «твердой, сильной власти». Присутствовавший на съезде некий Федор Баткин («черный южанин со сверкающими белками», которого Керенский под видом «матроса второй статьи» возил с собой для митинговых выступлений) обрушился на Пуришкевича и на офицеров, слушающих речи «погромщика». Офицеры вступились, и «матрос второй статьи» едва не был избит.

22 мая состоялось последнее заседание съезда. По времени оно совпало со смещением Алексеева с поста верховного главнокомандующего и заменой его генералом А. А. Брусиловым. В признание особых заслуг Алексеева в деле создания офицерского «союза» он был избран первым почетным его членом.

И в дальнейшем «союз» считался «детищем» генерала Алексева.

На последнем заседании делегаты избрали руководящий орган «союза» — главный комитет (из 26 человек) и его президиум. Председателем главного комитета, как уже упоминалось, избрали Новосильцева, его «товарищами» (заместителями) — Пронина и В. И. Сидорина и секретарем комитета — капитана Роженко.

Новосильцев был выходцем из московской аристократической семьи, кадетом самого правого толка, членом IV Государственной думы. Он имел связи как в финансово-промышленных, так и в политических кругах кадетско-монархического направления, но большой энергией и организационными способностями не отличался. По характеристике Ряснянского, «большое значение придавал слову, а не силе оружия». О Пронине мы уже писали. Заурядный штабной офицер, позднее не менее заурядный черносотенно-монархический журналист, автор плоских и серых брошюр. Сидорин к началу корниловского выступления выдвинулся на первые роли, но впоследствии некоторые корниловцы считали его во многом ответственным за провал всего дела и даже обвиняли в присвоении денег, ассигнованных на офицерское восстание в Петрограде, приуроченное ко времени подхода к нему войск генерала Крымова. В годы гражданской войны Сидорин будет командовать Донской армией в составе деникинских вооруженных сил, но никаких лавров как полководец не стяжает. Такова была руководящая верхушка главного комитета, разместившегося в нескольких комнатах могилевской гостиницы с пышным названием «Париж».

Характеризуя политическую физиономию главного комитета, его член полковник Ряснянский отмечает в нем две основные группы. Первая (значительно большая по составу) считала «необходимыми решительный образ действий, резкость критики по отношению к реформам, „демократизирующим“, а вернее, разваливающим армию, и постепенное уничтожение комитетов и комиссаров (Временного правительства.— Г. И.) в армии». Те, кто стояли на крайнем фланге этой группы, считали, что нужно даже «силой требовать от правительства» уничтожения комитетов и восстановления дисциплины. Люди этой группы вообще смотрели на офицерский «союз» как на «кадр будущей возрожденной армии в

руках сильного правительства и верховного командования».

Вторая группа (меньшая) склонялась к мысли о возможности некоторых компромиссов «ради сохранения мира в армии» и видела в «Союзе офицеров» «пассивное средство» сопротивления армейской демократизации. Это был своего рода квазигуштинский вариант в составе главного комитета. Президиум комитета во главе с имевшим некоторый политический опыт Новосильцевым, считавшим, что резкие меры «пока вредны», пытался нащупать среднюю линию. Поэтому в принятой заключительной резолюции, несомненно санкционированной Алексеевым, в общих словах выражалась лояльность Временному правительству, но требовалось проведение энергичных и конкретных мер по обеспечению «власти начальника» в армии.

Организационно «союз» состоял из отделов и подразделов, которые создавались при штабах воинских частей, военных округов и военных ведомств. Они имелись, в частности, в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Севастополе, Саратове и других городах. Через них очень быстро были установлены связи с фронтом, военным министерством и другими ответственными военными учреждениями. Особое внимание было уделено налаживанию связей с правыми, или, как говорили в главном комитете, «национально настроенными группами» — политическими, общественными, торгово-промышленными. Взаимоотношения с ними предлагалось строить по следующей общей формуле: офицерский «союз» дает «физическую силу», а «национальные круги» — деньги плюс, в случае необходимости, «политическое влияние и руководство»⁷⁰. Используя личные знакомства Новосильцева, главный комитет обратил свое внимание на таких лиц, как Рябушинский, Гучков, Милюков, Суворин, Бурцев и др.

Все они, в том числе и Милюков, обещали «союзу» полную поддержку.

Известное затруднение в деятельности «союза» вызвал уход Алексеева. По свидетельству Новосильцева, Ряснянского и др., новый верховный главнокомандующий генерал Брусилов не слишком жаловал офицерский «союз». По-видимому, он мыслил вполне логично: если «союз» требовал ликвидации «всяких комитетов» в армии, то какое право на существование имел он сам? Впрочем, на оценку белоэмигрантскими мемуаристами

отношения Брусилова к офицерскому «союзу» могла повлиять и последующая его биография: как известно, он не пошел с белыми, вступил в Красную Армию. Но во всяком случае, вряд ли правильным было бы считать, что именно сдержанная позиция Брусилова являлась основным фактором, не позволявшим главному комитету «союза» активно развернуть свою работу до июля—августа 1917 г. Требовался естественный организационный период, и он, по-видимому, занял весь остаток мая и июнь. Но и в это время главный комитет, отделы и подотделы офицерского «союза» «не дремали». Их легальная деятельность развернулась по нескольким направлениям. Прежде всего по линии противодействия тому, что в кругах, связанных с «союзом», называлось «развалом армии». В этих видах составлялись доклады и записки верховному командованию, в которых выражались требования точно определить права комитетов в частях (если эти комитеты нельзя пока вообще ликвидировать), прекратить вмешательство «разных Советов» в дела армии и прежде всего покончить с большевистской пропагандой. К большевикам «союз» проявлял особую ненависть. В листовках и обращениях, распространявшихся в тылу и на фронте, они клеймились как «изменники» и... «враги революции!» В главном комитете завели даже специальную «черную доску», на которую заносились фамилии тех офицеров, которые подозревались в «симпатиях» к большевикам. Их затем преследовали и травили. Так, нашумело дело поручика Ахтырцева, который одним из первых попал в списки «черной доски». Что же совершил Ахтырцев? В июне на заседании фронтового комитета в Минске присутствовал главком Брусилов. Делегат с Кавказского фронта Ахтырцев в своем выступлении, обратившись к нему, заявил: «В Ставке готовится контрреволюция»⁷¹. Это и было расценено как «проявление большевизма», оскорбление главкома и всего офицерского корпуса. Ахтырцева изгнали из «офицерской среды». Позднее, когда в июле 1917 г. стал выходить «Вестник главного комитета», списки «черной доски» публиковались на его страницах.

Контрреволюционная, антибольшевистская и антисоветская пропаганда главного комитета неуклонно разрасталась, принимая все более грубую и разнузданную форму. Как пишет Ряснянский, большую помощь в этом деле комитету оказал «Союз младших преподавателей

Московского университета», который доставлял в Могилев книги, брошюры, направлял лекторов.

Помимо пропагандистской деятельности, главный комитет сосредоточил усилия на сплочении всех уже существовавших, так сказать, на «общественных началах» военных организаций, таких, как «Военная лига», «Союз георгиевских кавалеров», «Совет союза казачьих войск» и др. Мы уже упоминали о них. Здесь скажем несколько подробнее. «Военная лига» была создана еще в конце марта 1917 г.; председателем ее главного совета состоял генерал-майор Федоров. Своей основной целью «лига» провозглашала борьбу за установление дисциплины в армии, «внедрение здоровых воинских начал в солдатскую массу»⁷². Политика официально отвергалась: «лига» объявляла себя полностью лояльной Временному правительству, но требовала создания «сильной власти», что означало освобождение правительства от влияния «Совдепа». Антисоветизм и патологический антибольшевизм «лига» демонстрировала открыто. Главному совету «лиги» принадлежала инициатива формирования добровольческих («ударных») батальонов, которые должны были стать опорой контрреволюционного генералитета в борьбе с революционными солдатскими массами. Вокруг «лиги» концентрировались другие, менее значительные военные и «гражданские» организации, такие, как «Добровольцы народной свободы», «Честь родины и порядок», «Союз воинского долга», «Организация князя Мещерского», «Женский комитет», «Союз инвалидов», «Лига личного примера». Мы уже отмечали, что «Военная лига» была теснейшим образом связана с «Республиканским центром». И можно предположить, что его военный отдел являлся частью «лиги».

Связанный с «Военной лигой» по «духу своего устава одними и теми же целями» «Союз георгиевских кавалеров» был дореволюционной монархической организацией (председатель — черносотенец капитан Скаржинский), возглавлялся исполнительным комитетом, который опирался на комитеты, существовавшие в различных городах. Деньги исполкому давали промышленники и банкиры. Так, например, московский комитет субсидировался Московской купеческой управой⁷³.

«Совет союза казачьих войск» возглавлял войсковой старшина А. Дутов, впоследствии атаман Оренбургского казачьего войска, поднявший в 1918 г. мятеж про-

тив Советской власти. А в дни корниловщины он был одним из наиболее активных ее участников.

Вот в эти и другие подобные им контрреволюционные организации главный комитет «Союза офицеров» направлял своих представителей, поскольку все они ставили перед собой задачи, абсолютно тождественные задачам «Союза офицеров армии и флота».

И еще на одну сторону деятельности главного комитета «союза» нужно обратить внимание. Речь идет об упоминавшейся уже идее создания «ударных батальонов», в которых видели не столько ударную силу в боях с противником на фронте, сколько ударную силу против революционного движения в армии и стране. Это было настолько очевидно, что не менее контрреволюционно настроенные, но политически более гибкие офицеры предлагали закамouflировать «ударные батальоны» под «революционные ударные батальоны». Один из авторов этого проекта был полковник генерального штаба В. К. Манакин. В «Союзе офицеров» не все поняли замысел Манакина. Ряснянский пишет в своих воспоминаниях, что по секрету Манакин разъяснял ему, что он хотел «только использовать все внешнее, что модно было с точки зрения „революционизирования армии“, тем самым привлечь благосклонность Временного правительства... а затем постепенно привести батальоны в нормальный вид ударных батальонов»⁷⁴. Однако, рассмотрев проект Манакина, главный комитет высказался против создания «революционных батальонов», как способствующих «внесению деморализации в армию»⁷⁵. Главный комитет требовал осуществления проекта «ударных батальонов», видя в них на случай «полного развала армии» ядро новой армии, которая и примется за дело «спасения России» от «революционной анархии». Здесь, по мнению Ряснянского, уже прослеживалась идея будущей белогвардейской Добровольческой армии⁷⁶.

Вся описанная выше деятельность главного комитета офицерского «союза» протекала, как уже отмечалось, в рамках легальности. Временное правительство и сам Керенский как военный министр не могли, конечно, не видеть, что в «союзе» и его главном комитете концентрируются элементы, весьма мрачно оценивающие послефевральскую политическую ситуацию и ищущие выход из нее «через правую дверь». Керенский прямо говорил, что «главный комитет занимал далеко не

нейтральную, а часто просто петерпимую позицию в отношении самого Временного правительства»⁷⁷. И все же на многое правительство сознательно смотрело сквозь пальцы: оно само было крайне озабочено нарастанием революционного движения в стране и в контрреволюционных организациях типа «Союза офицеров» видело своего рода барьеры, с помощью которых его можно будет блокировать или канализировать в нужном для себя направлении. Недоверие и подозрительность Керенского в отношении главного комитета питались не столько текущей деятельностью этого офицерского «профсоюза», сколько возможной перспективой ее дальнейшей эволюции вправо, опасением потери контроля над ней и, самое главное, вероятностью существования в недрах «союза» какой-то антиправительственной конспиративной группы.

Как показывал Керенский в Чрезвычайной следственной комиссии, сведения о подозрительной деятельности главного комитета стали поступать к нему примерно с июля месяца⁷⁸. Однако в этих показаниях, точно так же, как и в более поздних заявлениях, мы не находим сколько-нибудь точных, конкретных фактов. Так, например, в 4-часовом докладе, прочитанном зимой 1924 г. в Праге, Керенский упрямо доказывал, что уже в мае 1917 г. внутри «Союза офицеров» (в Ставке) «образовалась конспиративная группа» с целью установления военной диктатуры путем переворота. Эта группа, уверял аудиторию Керенский, имела «смычку» с «кругами цензовой общественности в Петрограде и Москве»⁷⁹. Но никаких имен он не назвал. Вероятно, поэтому «разоблачения» Керенского долго воспринимались как стремление оправдаться и обосновать собственную версию корниловщины. Действительно, очень важно было бы получить подтверждение о существовании конспиративной группы в «Союзе офицеров» от самих ее участников или хотя бы от связанных с ними лиц, которые публично отрицали антиправительственные цели корниловского выступления. Частично такое подтверждение промелькнуло на страницах «Очерков русской смуты» А. И. Деникина, но и он не назвал ни одной фамилии и ничего конкретного из деятельности конспираторов главного комитета офицерского «союза». А по-видимому, мог бы. У него в руках находилась рукопись Новосильцева, написанная в октябре 1921 г., по всей вероятности, специально по просьбе Деникина,

готовившего свои «Очерки». В этой рукописи Новосильцев сообщал, что уже в ходе заседаний могилевского съезда завязался первый узелок будущей конспиративной работы некоторых членов главного комитета. В эти дни состоялось строго секретное совещание, на котором присутствовали знакомые нам Пронин, Сидорин, Роженко, Новосильцев и два новых для нас лица — капитан Родионов и хорунжий Кравченко. Речь шла о «схеме работы», в соответствии с которой следовало приступить к «подготовке почвы для того, чтобы генерал Алексеев мог стать диктатором». Конкретные пути установления диктатуры Алексеева не обсуждались. Высказывалось только соображение, что при таком исходе событий созыв Учредительного собрания — этого венца буржуазной демократии — вряд ли будет желательным и необходимым. Едва ли можно предположить, что это «секретное» выдвижение Алексеева в качестве возможного военного диктатора держалось в секрете от него самого. Скорее всего, он санкционировал его, и потому, возможно, не так уж неправ Керенский, когда утверждает, что «действительным инициатором и организатором военного заговора» был не Корнилов, а именно Алексеев, работавший над этим, во всяком случае, с мая»⁸⁰.

Опасаясь «утечки информации», решили не посвящать в тайную работу не только «Союз офицеров», но и не всех членов главного комитета. Образовалась, таким образом, очень узкая по составу (8—10 человек) конспиративная группа, замышлявшая переворот для установления военно-контрреволюционной диктатуры.

Мы уже отмечали, что свидетельства Новосильцева частично использовал Деникин в своих «Очерках русской смуты». Но в его распоряжении, по всей вероятности, не было всех мемуаров Новосильцева, составляющих довольно объемистый машинописный том и хронологически охватывающих период 1914—1918 гг. Между тем в них имеются некоторые дополнительные данные о законспирированной группе главного комитета и его деятельности «при Брусилове», т. е. уже после закрытия могилевского съезда и ухода Алексеева с поста верховного главнокомандующего⁸¹.

Новосильцев пишет, что эта группа теперь смотрела на легальный офицерский «союз» как на «хорошую ширму» и, прикрываясь ею, сосредоточила свою работу

на «подготовке отрядов, создании кадров» и выработке «ориентировки в политическом отношении»⁸².

Уже в начале июня Новосильцев, Сидорин и Кравченко направились в Москву, чтобы завязать сношения с «общественными деятелями». На квартире князя П. Долгорукова состоялась встреча с группой членов кадетского ЦК. Сам Долгоруков, как пишет Новосильцев, «находил перемену и правительства, и курса желательной»⁸³. Другие присутствовавшие высказывались более сдержанно: считали нужным поддерживать Временное правительство и даже меньшевистско-эсеровский Совет как важную силу, сдерживающую «анархию». Новосильцев следующим образом суммировал позицию кадетских участников совещания: «Они хотят какого-нибудь переворота, но как и когда это делать — вот вопрос»⁸⁴.

В середине июня Новосильцев и Сидорин прибыли уже в Петроград для встречи с Колчаком и Милюковым. О встречах с Колчаком мы писали, когда речь шла о «Республиканском центре», имевшем контакты с «Союзом офицеров». Здесь отметим, что встречи эти в свете тех данных, которые нам теперь известны, в какой-то мере были связаны с потерей Алексеева как кандидата в диктаторы (напомним, что он уехал из Ставки) и приходом нового главнокомандующего — Брусилова, с которым «комитетчикам» не удавалось наладить взаимопонимания. В Колчаке они (как и члены «Республиканского центра») увидели возможную замену Алексеева как потенциального диктатора.

Встреча с Милюковым несколько разочаровала Новосильцева. Милюков, по его словам, соглашался с тем, что необходимо «что-то сделать». «Работайте, — менторски говорил он Новосильцеву и Сидорину, — ставьте нас в известность, и мы поможем». Было видно, пишет Новосильцев, что кадеты не намерены «рисковать своей головой», предпочитают ждать и, если бы что-либо удалось, они, конечно, «помогли бы своими знаниями»⁸⁵.

Этот рассказ Новосильцева подтверждается хранящимся в Коллекции ЦГАОР СССР письмом бывшего октябриста Н. Савича, присутствовавшего на том же совещании. «Милюков, — пишет он, — сделал от лица общественных деятелей кадетского направления заявление о том, что они сердечно сочувствуют намерениям Ставки остановить разруху и разогнать Совет».

Был произведен зондаж и правее кадетов. Новосильцев и Сидорин в те же дни встретились с Родзянко. Беседа с ним, изложенная Новосильцевым, весьма интересна и с точки зрения уяснения позиции правого офицерства по отношению к Февральской революции. Родзянко было сказано, что фронтовые генералы и офицеры «не ожидали такой революции и считали ее пагубной»; они ждали дворцового переворота, но то, что произошло и происходит, «внушает опасения». Положение необходимо исправить. «Мы ему говорили,— пишет Новосильцев,— что мы считаем возможную форму правления в России только монархией, но это — вопрос будущего, а теперь необходима военная диктатура...» Родзянко согласился с этим и кандидатом в диктаторы назвал Брусилова, что не нашло поддержки у его собеседников⁸⁶.

Полное понимание посланцы главного комитета нашли только в военных кругах Москвы и Петрограда. В Москве они выступали в штабе округа и в Александровском военном училище. В Петрограде по рекомендации Роженко Новосильцев познакомился с генералом Васильковским, сменившим Корнилова на посту командующего округом. Васильковский говорил, что в Петрограде очень легко захватить власть, но высказывал опасение относительно возможности ее удержать, ибо в гарнизоне, по его выражению, не было воинских частей, «готовых на что-нибудь»⁸⁷.

В общем выходило, что июньские зондажи в «общественных кругах» касательно подготовки к военному перевороту не обнадеживали конспиративную группу из главного комитета. Как мы видели, Новосильцев в своих воспоминаниях (да и другие мемуаристы из того же лагеря) видел в этом результат слишком колеблющейся, нерешительной позиции кадетов и близких к ним партийных кругов. Но дело было сложнее. Второразрядные офицеры из комитета просто не понимали изощренных кадетских политиканов, которые, «прощупав» посланцев из Ставки и взвесив их реальные возможности, трезво решили, что плод еще не созрел: среди генералов нет человека, способного возглавить «дело», да и самое «дело» находится лишь в стадии первоначальной разработки. Делать ставку на пока еще неизвестную карту правые «общественные круги» считали преждевременным. К тому же в среде кадетов, политически лидировавших в правом лагере, не было полного единства

в вопросе о коалиции с «революционной демократией» (меньшевиками и эсерами). Сам глава партий П. Н. Милюков (и некоторые другие кадеты) после ухода из правительства отвергал коалицию. Член ЦК кадетской партии В. А. Оболенский пишет, что Милюков уже в мае 1917 г. так характеризовал положение: «революция сошла с рельс» и «нам (т. е. кадетам.— Г. И.) не следует больше связывать себя с революцией, а нужно готовить силы для борьбы с ней, и не внутри возглавляющей ее власти, а вне ее»⁸⁸. Отсюда и происходили зондажи Милюкова вокруг Колчака и представителей офицерского «союза» и Ставки. Но, пишет далее Оболенский, Милюкова тогда, к сожалению, не поддержали. Значительная часть кадетов все еще не изжила коалиционных иллюзий, смотрела на блок с мелкобуржуазными, соглашательскими партиями как на средство все-таки способное канализировать революцию в буржуазное русло. Рост и усиление милюковской тенденции в кадетской среде придет несколько позднее, в июле-августе. Перед Государственным совещанием, писал В. Оболенский, Милюков уже «недвусмысленно давал понять, что в той фазе, в которую вступила революция, Временное правительство обречено и что спасти Россию от анархии может только военная диктатура». Эта перспектива, свидетельствует Оболенский, «не пугала большинство членов ЦК» партии кадетов.

Но и в июне посланцы главного комитета офицерского «союза» возвращались в Ставку отнюдь не с капитулянтскими настроениями. Как писал Ряснянский, «выяснилось, что рассчитывать на изменение политики Временного правительства в сторону укрепления власти и уменьшения вредной деятельности Советов р. и с. депутатов не приходится». Поэтому рассчитывать приходилось только на «вооруженную борьбу с Совдепом и его присными»⁸⁹.

Вторым человеком корниловского мятежа, безусловно, являлся генерал А. М. Крымов. Именно Крымов повел на Петроград авангард корниловских войск — 3-й конный корпус, который должен был развернуться в Особую петроградскую армию. Именно ему, Крымову, была поручена «расчистка» столицы, т. е. кровавый разгром революции. Даже некоторые из кадетов трепетали при мысли о резне, которую могли учинить в столице крымовские войска. Но провал мятежа и последовавшее самоубийство Крымова отодвинули его в тень

истории, и мы, к сожалению, не так уж много знаем об этой неясной и в чем-то даже загадочной личности. А между тем такие знания могли бы пролить важный дополнительный свет на ход подготовки корниловщины, ее характер и, главное, на подлинные цели ее участников. Дело в том, что сохранившиеся материалы (главным образом архивные неопубликованные мемуары людей, близких к Крымову) показывают, что он уже с ранней весны 1917 г. возглавлял контрреволюционную офицерскую организацию, которую по значимости в подготовке корниловщины следует, пожалуй, поставить рядом с «Республиканским центром» и «Союзом офицеров армии и флота»...

На политическом горизонте командир Уссурийской казачьей дивизии генерал Крымов впервые появился в 1915 г. В конце лета этого года он оказался втянутым в заговорщическую группу А. И. Гучкова, в которой вынашивались планы дворцового переворота с целью предупреждения назревавшей революции⁹⁰. Он был, пожалуй, единственным военным, напрямую связанным с теми кругами либеральной оппозиции, которые от политических методов борьбы готовы были перейти к методам дворцовых переворотов. Английский советолог Дж. Катков, склонный объяснить важнейшие события 1917 г. «масонскими происками», рассматривает «феномен Крымова» как результат принадлежности генерала к одной из «армейских масонских лож»⁹¹. Но никаких доказательств существования этих лож Катков, естественно, не приводит. Находившийся в могилевской Ставке историк и литературовед М. Лемке записывал в своем дневнике, что, по его наблюдениям, «очень умный, дельный и ловкий» Крымов был близок к генералу Алексееву, который (по наблюдениям Лемке) находился в тесной связи с оппозиционными кругами⁹². Но Лемке в Ставке был «маленьким человеком», и его наблюдения носили гипотетический характер, хотя, конечно, не могли возникнуть совершенно на пустом месте.

Другой участник заговорщической группы, будущий министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко, позднее, уже после Февральской революции, изображал Крымова чуть ли не наиболее мощным мотором «гучковского» заговора. Он писал, что Крымов «неоднократно приезжал в Петроград и со всем авторитетом глубокого знатока военного дела пы-

тался убедить сомневающихся, что медлить больше нельзя. Он и его друзья сознавали, что, если не взять на себя руководство дворцовым переворотом, его сделают народными массы, и прекрасно понимали, какими последствиями и какой гибельной анархией это может грозить»⁹³.

Надо, конечно, учитывать, что Терещенко писал в тот момент, когда Временное правительство после провала корниловщины всячески стремилось «приглушить» это этого события и даже реабилитировать некоторых его участников. И Терещенко в своей статье о покойном Крымове явно стремился подчеркнуть его антицаристские настроения, его прошлые связи с той средой, из которой вышло Временное правительство...

Но так или иначе, из гучковско-крымовских планов дворцового переворота ничего не вышло⁹⁴. Февральская революция поломала все эфемерные расчеты заговорщиков. Однако имя напористого командира Уссурийской дивизии не было забыто теми, кто так неудачно в 1916 г. пытался предотвратить революцию, а после Февраля 1917 г. готовился к борьбе с уже победившей революцией. На первом месте среди них был все тот же А. И. Гучков, успевший стать военным министром. В 20-х числах марта Крымов был вызван в Петроград Гучковым и предлагал «в два дня расчистить Петроград одной дивизией, конечно, не без кровопролития». Предложение, однако, было признано «несвоевременным», но Крымов в конце марта убыл на Румынский фронт с повышением: он заменил генерала Ф. А. Келлера на посту командира 3-го конного корпуса (в него входили Уссурийская казачья дивизия, Туземная («дикая») дивизия и 1-я Донская казачья дивизия). Врангель, которому после возвращения Крымова в Кишинев в новой роли была передана Уссурийская дивизия, рассказывает, что Крымов носился теперь с «новой идеей». Он пришел к мысли, что только казачество может стать надежным оплотом в борьбе с революцией и потому «теперь надо делать ставку на казаков»⁹⁵. Казачьи офицеры «с места» учли новую увлеченность комкора, всячески отодвигая на задний план офицерство из неказачьих регулярных кавалерийских частей. Честолюбивый барон Врангель, не принадлежавший к казакам, предпочел с согласия Крымова уйти из корпуса. Ушел он, по-видимому, в то самое время, когда Крымов все более разочаровывался в способности Временного

правительства остановить революционное движение («анархию») и, памятуя о своем гучковско-заговорщическом прошлом, начал сам создавать в частях Румынского и Юго-Западного фронтов тайную офицерскую организацию. Но теперь задумывался уже не дворцовый переворот, осуществляемый кучкой заговорщиков, а нечто помасштабнее...

На Крымова, безусловно, работала его популярность в фронтовой среде, а он умел поддерживать амплуа «отца-командира». Во время похода мог спать на соломе, укрывшись собственной шинелью, есть из общего котла; способен был изрядно выпить и в присутствии офицеров и солдат не говорил двух слов без площадной брани. Но Крымову нельзя было отказать и в храбрости и решительности.

О созданной им военной организации мы, к сожалению, знаем мало. Сыграло свою роль то обстоятельство, что на заключительном этапе подготовки корниловского выступления эта группа сомкнулась с конспиративной ставочной группой главного комитета «Союза офицеров» и как бы растворилась в ней. Самоубийство Крымова вообще перекрыло главный канал информации об этой «крымовской организации». Но не все и не навсегда ушло в небытие...

В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Керенский, перечисляя прокорниловские организации и группы, по его убеждению подготовлявшие мятеж, упомянул и «крымовскую организацию». И много позднее, спустя десятки лет, в своих мемуарах он категорически утверждал: «Я знал, что Крымов и офицеры дикой дивизии были глубоко вовлечены в конспиративную группу в армии»⁹⁶. Ничего более конкретного ни в 1918 г., ни позже Керенский так и не привел. Но может быть, именно этим убеждением или подозрением во многом объясняется тот факт, что Керенский и Савинков (в то время управляющий военным министерством) в своих переговорах с Корниловым о подводе 3-го конного корпуса к Петрограду (в конце августа 1917 г.) будут особенно настаивать на одном условии: корпус должен возглавить не Крымов. Впрочем, об этом дальше...

То, о чем Керенский в 1917 г. располагал только смутными сведениями, значительно лучше знал генерал Деникин. Он прямо писал в своих «Очерках», что созданная по инициативе Крымова офицерская организация охватывала части 3-го конного корпуса и Киевский

гарнизон (полки 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, училища, технические школы и т. д.). Организация своей первоначальной целью ставила превращение Киева в центр «будущей военной борьбы». Что это означало? Деникин пишет, что Крымов уже весной 1917 г. считал «фронт конченным и полное разложение армии вопросам даже не месяцев, а недель». Поэтому он предполагал в момент окончательного «падения фронта» форсированным маршем двинуть свой корпус к Киеву, занять его и отсюда «кликнуть клич» к офицерам, не желающим быть «раздавленными солдатской волной». Сбрав их вокруг себя, сколотив «отборные части», Крымов предполагал затем отходить в глубь страны, наводя там жесткий «порядок» и одновременно ведя с немцами и австрияками арьергардные бои⁹⁷. Вопрос о том, какую форму правления следует установить после выполнения этой цели, Крымов, по словам Деникина, определять не решался: он считал это делом будущего. Комментируя эту оценку политических намерений «крымовской организации» (в которой явно сквозит стремление смягчить ее правизну), В. Чернов, принимая ее, объясняет «непредрежденчество» Крымова «антидинастической гирей», якобы висевшей на нем с дофевральских времен⁹⁸ (участие в заговорщической группе Гучкова). В современной западной литературе эта версия полностью повторяется. Так, биограф Деникина Д. Лехович отвергает «монархические наклонности» Крымова на том основании, что он «конспирировал вместе с Гучковым» в канун Февраля⁹⁹. Но ведь дворцовый переворот, который, по некоторым данным, замышляла гучковская группа, отнюдь не имел антимонархической направленности! Наоборот, цель его заключалась именно в спасении монархии путем смены монарха. Впрочем, дело даже не в этом. В нашем распоряжении имеются данные, позволяющие считать, что «крымовская организация», по крайней мере ее верхушка, с самого начала исповедовала не «непредрежденные», а монархические принципы и вообще на корниловском фронте занимала, пожалуй, крайне правый фланг. Думается, что это обстоятельство впоследствии сыграло определенную роль в ходе самого мятежа и его провале... Но какие же это данные?

Мы уже писали, что, работая «на покое» над своими пятитомными «Очерками», Деникин запрашивал многих бывших участников корниловского выступления и свя-

занных с ним лиц об их деятельности в 1917 г. и позже. И в данном случае небольшой кусок о «крымовской организации» был написан им, по-видимому, на основании рукописи «Воспоминания о Крымове», автором которой, по некоторым предположениям, являлся ротмистр Шапрон (между прочим, зять генерала М. В. Алексеева). Но как в большинстве других случаев, так и в этом Деникин кое-что существенное, несоответствующее его концепции из этой рукописи намеренно опустил. А рукопись гораздо ярче и выпуклее рисует Крымова, его политические взгляды и планы, чем это дано у Деникина.

Автор рукописи рассказывает о своей встрече с Крымовым в начале мая 1917 г. на железнодорожной станции Киева, где стоял генеральский вагон. Они прохаживались по платформе. Большой и толстый Крымов шел неторопливо, грузно переваливаясь с ноги на ногу, руки за спиной. Ему было жарко: он распахнул тужурку, сдвинул фуражку на затылок; кривая кавказская шашка при ходьбе била его по запыленным сапогам и ярко-красному галифе; Крымов любил одеваться красочно, обратить на себя внимание. Он последними площадными словами ругал комиссию генерала Поливанова, которая по указаниям Гучкова готовила реформы в армии. «Эту подлую собаку Поливанова надо повесить,— говорил он.— Да и в Гучкове я здорово ошибся, черт его побери. Мы с ним недавно встретились на Румынском фронте. Полез целоваться. До сих пор горит щека от его поцелуя. Ну, да черт с ним; все эти люди нам не по пути».

Потом Крымов стал расспрашивать о настроениях солдат и офицеров в Киеве, реальном значении войсковых комитетов и т. п. Затем, помолчав, сказал: «Я решил с налета занять Киев и перерезать там все Совдепы, восстановить в Киеве твердую власть. Из Киева выпустить воззвание о том, чтобы все честные и любящие родину присоединились ко мне с оружием в руках». Дальнейшее сказанное Крымовым сжато изложено у Деникина: отборная армия, созданная Крымовым, будет отходить в глубь страны и все, что попытается сопротивляться ей, «будет разбиваться, как о гранит». Нужны деньги? Крымов не сомневался, что достанет их в два счета: «вывернем» все киевские банки! Но это в дальнейшем. А пока, наставлял он, нужно вести незаметную, секретную работу во всех частях, повсюду,

что очень важно, заранее выявляя «кандидатов на виселицу». В заключение о правительстве злобно сказал: «Черт с ним, с этим правительством, с этой сволочью!»

Весьма возможно, что Крымов все это говорил после хорошего обеда с изрядной дозой горячительного, но все равно в искренности его высказываний сомневаться не приходится. Наоборот, такого рода свидетельства, лишённые всякой официальной, дипломатической условности, особенно ценны для историка: они приоткрывают кулисы... Кроме встречи на станции, у автора состоялось еще несколько встреч и бесед с Крымовым в киевской гостинице, где он остановился. Условились поддерживать тесную связь телеграммами. Вскоре Крымов уехал, но примерно в 20-х числах июня от него в Киев прибыл посланец, «какой-то полковник», который передал: «Крымову удалось получить полное доверие Корнилова, пользуясь которым в наше дело можно будет сразу ввести гораздо большее количество частей, чем предполагалось ранее». Затем автор рукописи делает важное признание: «Крымов о своих планах не говорил Корнилову ни слова»¹⁰⁰. (Очень ценное свидетельство, и мы к нему еще вернемся.) Но кто был этот полковник, выполнявший в Киеве роль крымковского связного? В архиве сохранилась обширная рукопись «Поход генерала Крымова», составленная, как сказано в предисловии, по «записям дневника». Ее автор — бывший полковник генерального штаба Г. И. Дементьев, в 20-е годы живший в Софии (где рукопись и была написана). А в дни корниловского мятежа он был начальником штаба Уссурийской конной дивизии, входившей, как мы знаем, в состав 3-го конного корпуса. После провала мятежа Дементьев Чрезвычайной следственной комиссией привлекался к дознанию, но, как и другие корниловцы, не моргнув глазом, твердил, что ни в какие планы Корнилова (и Крымова) посвящен не был, ни в каких антиправительственных организациях не состоял и об их существовании ничего не знал¹⁰¹. Но одно дело показание на следствии, и совсем другое — несколько лет спустя, в эмиграции, где уже ничто не грозило... Как можно предположить из дневниковых записей Дементьева, полковником, приезжавшим в июне в Киев связным от Крымова, по всей вероятности, был он¹⁰². По приказу Крымова 18 июня он выехал в Киев «для переговоров с офицерами штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии», а затем для поездки

с письмами в Ставку (Могилев), к генералу Лукомскому. Перед отъездом Крымов ознакомил его с политическим положением и своими планами. Он говорил о «развале» в стране и армии, о «ничтожестве Керенского», «преступной работе Петроградского Совета» и «высказался за необходимость восстановить на престоле великого князя Михаила Александровича»¹⁰³.

Крымов был явно недоволен деятельностью Ставки. Ставка, говорил он, «кажется, не учитывает положения вещей». Надо, чтобы она «поняла и оценила истинную действительность и перестала заниматься умершим фронтом». Все внимание должно быть сосредоточено на внутреннем положении в стране. Исходя из этого, Крымов просил передать Лукомскому (начальнику штаба Ставки) настоятельную просьбу о «немедленном сосредоточении его корпуса на путях, ведущих к Петрограду, Москве и Могилеву». Иначе «я полезу на рожон,— грозил Крымов,— заварю такую кашу, что ее не скоро удастся расхлебать». Однако на случай отказа Лукомского перебросить 3-й конный корпус на север, поближе к революционным центрам, предлагался другой вариант: включение всего 3-го корпуса в состав 8-й армии Корнилова.

Помимо Ставки, Дементьев должен был побывать в Киеве для выяснения настроений офицеров гвардейской кавалерийской дивизии и их ориентировки в замыслах Крымова («для исполнения нашей задачи»,— сказал Крымов).

18 июня Дементьев выехал из Кишинева (там находился штаб 3-го конного корпуса) и 20-го был уже в Киеве. Секретное собрание офицеров состоялось у ротмистра Шапрона, бывшего сослуживца Крымова. Дементьев записал: узнав, что дивизия может оказаться в составе корпуса Крымова для исполнения задачи по восстановлению монархии, офицеры выразили полную готовность служить «не за страх, а за совесть».

На другой день Дементьев уже прибыл в Могилев и остановился у капитана А. П. Брагина, работавшего в политотделе Ставки и являвшегося членом главного комитета «Союза офицеров». Брагин нарисовал картину «работы» Ставки, вполне сходную с тем, что Дементьеву говорил о ней Крымов: все плывут по течению, преобладают личные интересы, сплетни, интриги. Главный комитет пытается преодолеть «пассивность» Ставки, но для этого нужно время. Чрезвычайно интересны

записи Дементьева о его беседе с Лукомским. Тот полагал, что «Крымов — фантазер», носится с какими-то миражами гражданской войны, а дела идут совсем неплохо. Тем не менее Лукомский согласился на передачу корпуса Крымова в состав армии Корнилова. Миссия Дементьева заняла неделю. 25 июня он вернулся в Кишинев. А еще через неделю, 2 июля, Дементьев записал то, что ему сообщил начальник штаба 3-го корпуса генерал Солнышкин: Крымов сам ездил в штаб Юго-Западного фронта, но ему не удалось склонить Корнилова к принятию задуманного плана. Он якобы все еще одержим манией побед над немцами. Сначала «несколько побед на фронте, а уже после этого расправиться с керенщиной и Петроградским Совдепом»¹⁰⁴. Мы столь обильно цитировали дементьевский дневник не случайно. Это, пожалуй, единственный документ, проливающий какой-то свет на планы «крымовской организации» и, главное, позволяющий уточнить ее место в системе других «прокорниловских» организаций. Если верить дневнику Дементьева, то следует прежде всего признать, что Крымов и его группа были настроены наиболее решительно в смысле «темпа действий». Крымов, как мы видели, склонялся к тому, чтобы «махнуть рукой» на развалившийся фронт, сколотить отборные воинские части и немедленно повернуть их против революционного тыла. «Республиканский центр» да и «Союз офицеров», будучи более «политизированными», проявляли известную осторожность («пассивность», по мнению «крымовцев»), считая необходимым создание определенных условий для решительного контрреволюционного выступления. Крымовская группа, далее, занимала наиболее правый фланг в вопросе о политической системе, которая должна была возникнуть в результате разгрома революции. Большинство ее членов (да и сам Крымов) склонялись к реставрации монархии. «Республиканский центр», «Союз офицеров», а впоследствии и корниловское окружение предпочитали придерживаться лозунга «непредрешения»: сначала военная диктатура, «а там будет видно». Во всяком случае, полной ясности в этом вопросе у них не было. Здесь также, видимо, сказывалась более тесная связь этих двух организаций с правыми политическими кругами Петрограда и Москвы.

Наконец, из дементьевских записей явствует, что Крымов до какого-то времени (по-видимому, до конца

июня — начала июля) предпочитал идти особняком, не посвящая Корнилова в свои намерения. Тут могло быть несколько причин. По некоторым сведениям, честолюбивый Крымов сам мечтал стать главнокомандующим и не склонен был признавать первенство Корнилова. Но, пожалуй, наиболее вероятная причина состояла в том, что до этого времени Корнилов не проявлял себя таким образом, чтобы внушить Крымову какое-то доверие. Лишь после назначения Корнилова командующим Юго-Западным фронтом — а это произошло в начале июля — между ними устанавливается связь и Крымов добивается перевода своего корпуса под командование Корнилова. В этой связи подчеркнем одно важное обстоятельство: инициатором переброски 3-го конного корпуса с юга на север для возможного удара по Петрограду был не Корнилов, а Крымов. Но здесь мы забегаем вперед...

Бросим теперь самый общий, так сказать, «подытоживающий» взгляд на деятельность тех правых сил, которые решительно отвергали не только процесс углубления революции (т. е. ее начавшееся перерастание в социалистическую), но и коренные демократические завоевания Февраля. В период, рассмотренный нами (примерно, вторая половина марта — середина июня 1917 г.), ее можно, пожалуй, в целом охарактеризовать выражением «вялый старт». Надо признать, что, хотя эти контрреволюционные элементы в указанное время уже проявили стремление к консолидации и организации, они пока не имели серьезных шансов реально противостоять развивавшемуся революционному движению. В апреле—мае 1917 г. они, правда, начали создавать собственные организации и группы, из которых, безусловно, крупнейшими являлись «Республиканский центр», «Союз офицеров армии и флота», «крымовская организация». Но в них (может быть, за исключением «Республиканского центра») преобладали военные элементы, мало искушенные в политике. В развернувшихся событиях большинство из них не видело острейшей борьбы классовых интересов. Революция представлялась им анархическим движением масс, вызванным слабостью власти. Поэтому в выработке политической программы они не могли придумать ничего лучшего, чем выдвижение расплывчатых лозунгов «твердой власти» и «непредрешенчества», не имевших шансов на сколько-нибудь широкий отклик. Сознвая это, члены контр-

революционных группировок, прикрываясь легальностью своего положения (если не считать «крымовской организации»), создавали законспирированные ячейки, делавшие ставку не на политическую борьбу, а на заговорщический военный переворот.

Нельзя не учитывать, что руководящую верхушку этих кругов составляли люди «второразрядного» или «третьеразрядного калибра». Сколько-нибудь крупных личностей среди них не было; их лихорадочно искали и видели то в Алексееве, то в Колчаке, то в Брусилове, то в Корнилове. И все же главная причина «вялого старта» крайне правых заключалась в их послефевральской общественно-политической изоляции. В самом деле, на кого они могли опереться? Пролетариат все решительнее шел за большевистской партией. Мелкобуржуазные слои (крестьянство, солдаты и др.) в большинстве своем пока поддерживали соглашательские партии меньшевиков и эсеров, претендовавшие на роль выразителей «революционной демократии». Буржуазия в основном была кадетской и кадетствующей, но сами кадеты еще не склонны были бесповоротно повернуть на крайне правый фланг, как они это сделали позднее. С одной стороны, они еще верили в блок с соглашателями, рассматривая его как достаточный барьер на пути дальнейшего развития революции, а с другой — довольно трезво оценивали ограниченные возможности тех, кто стоял правее их. Что могло изменить эту послефевральскую политическую ситуацию, «сдвинуть» ее вправо, создав атмосферу, благоприятную для активизации контрреволюционных элементов и, наоборот, способствующую отливу революционной волны? Вопрос этот во многом зависел от позиции огромной мелкобуржуазно-обывательской массы, политические настроения которой особенно подвержены колебаниям и переменам. После Февраля эта масса, обладающая мощным естественным механизмом приспособленчества, «революционизировалась». Но при определенном стечении обстоятельств она легко могла и «контрреволюционизироваться», поддавшись реакционной пропаганде. Национализм и шовинизм — лучшее опробованное средство для такого рода метаморфоз...

Еще в декабре 1916 — январе 1917 г. царское правительство по согласованию с антантовскими союзниками приняло решение о проведении весной 1917 г. генерального наступления на русско-германском фронте.

В сочетании с активными действиями союзных войск на Западе оно должно было привести к полному разгрому Германии. Николай II и его окружение связывали с победой в войне все свои надежды. Они полагали, что победа все «спишет». Подняв волну казенного патриотизма в духе формулы «православие, самодержавие, народность», она могла «снять» давление либеральной оппозиции и серьезно ослабить революционное рабочее движение. Февральская революция нарушила эти планы. Но по мере развития событий идея наступления русской армии оживала вновь. Временное правительство и поддерживавшие его буржуазные и мелкобуржуазные партии она привлекала с различных точек зрения (стратегической, внешнеполитической и др.), но главное — с точки зрения внутрисполитической. Сконцентрировав усилия на подготовке наступления, правительство рассчитывало отвлечь внимание масс от нерешенных социальных проблем, а в случае победы на волне все тех же национализма, милитаризма и шовинизма укрепить послефевральский режим. Буржуазные и мелкобуржуазные лидеры не скрывали этих расчетов. Член ЦК кадетов В. Маклаков говорил: «Если нам действительно удастся наступать... и вести войну так же серьезно, как мы ее вели раньше, тогда быстро наступит полное выздоровление России. Тогда оправдается и укрепится наша власть...»¹⁰⁵ Близкий к эсерам В. Станкевич вспоминал, что в интересах внутренней политики было бы наступление противника, «но он не наступал. Значит, надо было двинуться на него и ценою войны на фронте купить порядок в тылу и армии. Круг развития идей оказался законченным. Война поглотила нестройную толпу разнокалиберных, разноречивых деятелей мартовской революции. Во имя „мира всего мира“ был дан лозунг: „вперед на врага“. И все пошло на службу этому лозунгу»¹⁰⁶.

Короче говоря, Временное правительство с успехом наступления готовилось пожать лавры победителей, которых, как известно, не судят. Но ведь в каждом наступлении (тем более в наступлении, готовившемся в революционных условиях 1917 г.) всегда есть риск: оно может обернуться не только победой, но и поражением. Что тогда? Ведь Временное правительство не могло не знать настроений солдатских масс, их усилившейся тяги к миру, выражавшейся во все учащавшихся отказах от боевых действий, неподчинения командованию, слу-

чаях братания, дезертирства. Солдат еще стоял с винтовкой наперевес, но он уже готов был воткнуть штык в землю. Однако правительство, опиравшееся на меньшевистско-эсеровские Советы и армейские комитеты, еще имевшие значительное влияние, рассчитывало преодолеть эти пацифистские настроения оглушительной агитационной кампанией, массовой идеологической обработкой. Десятки газет и сотни митинговых ораторов вбивали в головы мысль, что после свержения царизма война перестала быть империалистической, захватнической, что теперь она ведется не во имя аннексий и контрибуций, а во имя защиты революционных завоеваний России. Возглавлял эту кампанию «революционного шовинизма» сам Керенский. Он без устали разъезжал по фронту и с автомобильных сидений, с пушечных лафетов, с повозок, с наспех сколоченных трибун говорил, говорил, говорил до хрипоты, до потери голоса. Сохранились десятки фотоснимков Керенского в «наполеоновской» позе с поднятым подбородком и открытым ртом в окружении офицеров и солдат. Он уговаривал их наступать во имя «свободной России», во имя «завоеваний революции», убеждая, что иного пути нет. «Главнoуговаривающий» — прозвали его фронтовики. Керенский «не щадил себя»: с наступлением он связывал не только надежды на укрепление власти Временного правительства, но и своей собственной. Он был честолюбив и не случайно принимал «наполеоновскую» позу.

Все, что говорил Керенский, и все, что писали буржуазные и эсеров-меньшевистские газеты, было обманом, который разоблачали только большевики, решительно боровшиеся против наступления. Но обман еще действовал. Временному правительству удалось добиться своего. «Свою задачу,— писал В. И. Ленин,— правительство могло выполнить лишь потому, что ему поверила, за ним пошла армия. Пошла на смерть, веря, что жертвы ее приносятся во имя свободы, во имя революции, во имя скорейшего мира»¹⁰⁷.

Но даже выиграв идеологическое и политическое сражение «за наступление», невозможно было получить стопроцентную гарантию успеха самого наступления. И что же в случае провала? Вот тогда-то наряду с правительством крупные политические дивиденды могли извлечь крайне правые контрреволюционные группировки. В обстановке военных поражений, вызванных ими

недовольства и озлобления крайне правые, в том числе и царистские, элементы (для которых всегда чем хуже, тем лучше) получили бы неплохой шанс обвинить «во всех грехах» большевиков, «Совдепы» и Временное правительство, якобы неспособное навести «порядок». Идея «твердой власти», военной диктатуры, которую они вынашивали, была бы решительно выдвинута ими как единственное средство «спасения страны». Сознавало ли Временное правительство возможность активизации крайне правых сил в случае провала своей политики наступления? По всей вероятности, да. Но, с одной стороны, оно рассчитывало «удержать» их с помощью соглашательских Советов, а с другой — в определенной мере само нуждалось в них в качестве «противовеса» силам революции, шедшим за большевиками. Вскрывая классовый смысл политики наступления, В. И. Ленин в статье «Союз для остановки революции» писал: «Кадеты знают, где раки зимуют. Они знают, что вопрос о наступлении вовсе не как стратегический вопрос *поставлен жизнью* сейчас, а как политический, как вопрос *перелома всей русской революции*»¹⁰⁸. За наступление — значит «за избиение русских рабочих и крестьян», «за оживление и укрепление контрреволюции». Против наступления — «значит за переход всей власти к Советам, за пробуждение революционного почина угнетенных классов»¹⁰⁹.

В. И. Ленин прямо указывал, что наступление «при всех возможных исходах его с военной точки зрения» означает «укрепление духа империализма, настроений империализма... укрепление старого, не смененного, командного состава армии... укрепление *основных позиций контрреволюции*»¹¹⁰. Но очень важен был исход. В случае победы выигрывала контрреволюция кадетско-эсеро-меньшевистская, выигрывал блок, подпиравший Временное правительство. В случае поражения неизбежна была активизация крайне правых сил, российских «ультра» из «Республиканского центра» с его «спутниковыми» организациями, «Союза офицеров армии и флота», «крымовской организации», всех тех, кого В. И. Ленин называл в это время «закулисной контрреволюцией»¹¹¹. Все это объясняет позицию большевиков — единственной партии, выступавшей против наступления...

По плану, разработанному Ставкой, наступление было назначено на июнь. Главный удар наносил Юго-

Западный фронт (командующий — генерал А. Е. Гутор), поддерживаемый Северным, Западным и Румынским фронтами. Ударная группировка Юго-Западного фронта состояла из 7-й и 11-й армий, которым предстояло прорвать фронт противника и устремиться к Львову. 8-я армия, которой после ухода с поста командующего Петроградским военным округом командовал генерал Л. Г. Корнилов, наносила вспомогательный удар в направлении на Калуш и Болехов. Особая армия своими действиями должна была лишить противника возможности маневрировать резервами. В прорыв на направлении главного удара должны были пойти 1-й, 2-й, 14-й пехотные и 5-й кавалерийский корпуса.

16 июня в 100-верстной полосе 7-й, 11-й и правого фланга 8-й армий загрохотали 1200 орудий (примерно по 40 на 1 версту). Мощные огневые валы через русские окопы один за другим обрушивались на австрийские позиции. Кромешный ад разверзся на той стороне. Траншеи, укрепления, ближние тылы — все крушилось, сравнилось с землей. Рубашки артиллеристов взмокли от пота. Почти двое суток не отходили они от орудий, стволы которых иногда раскалялись так, что с них летела краска. В грохоте разрывов тонули слова команд...

Утром 18 июня огонь достиг максимальной силы. Заранее сосредоточенные в траншеях первой линии войска 7-й и 11-й армий изготовились для атаки. Офицеры и унтер-офицеры по ходам сообщений, пригнувшись, перебегали от одной роты к другой. Они не приказывали, не кричали, охрипшими голосами уговаривали: «Ребята, не подкачайте! Не выдайте, братцы! Как артиллерия смолкнет, по команде сразу с богом вперед!»

Орудийный гул смолк. В казавшейся неестественной тишине команды «вперед!» прозвучали как выстрелы. Крестьясь, прикладами винтовок опираясь на брустверы, солдаты выпрыгивали из окопов. Старая русская армия пошла в свое последнее наступление...

Политические последствия «наступления Керенского» не замедлили сказаться, и именно так, как это предсказывали В. И. Ленин, большевики.

Как раз в первый день наступления, 18 июня (известия о нем еще не поступили), Петроград был потрясен полумиллионной антиправительственной демонстрацией. Близкая к меньшевикам газета «Новая жизнь» констатировала: «Столичная демонстрация дала отри-

цательный вотум доверия существующему правительству»¹¹². Напомним, правительство в это время уже не было чисто буржуазным: в него входили также меньшевики и эсеры, и, таким образом, демонстрация 18 июня поставила под вопрос существование коалиционного правительства, сформированного в начале мая. Прямое недоверие было высказано «министрам-капиталистам», а косвенное — министрам-соглашателям состоявшим с ним в блоке. В. И. Ленин, давая оценку демонстрации, писал, что она не оставляла сомнений в победе большевистских лозунгов «среди организованного авангарда рабочих и солдатских масс России»¹¹³.

Из июньского кризиса коалиционное Временное правительство сумело благополучно выйти только благодаря наступлению на фронте¹¹⁴. Уже 19 июня, когда первые вести об успешно начавшемся наступлении дошли до Петрограда, контрреволюционные элементы, до сих пор не решавшиеся выступать открыто, хлынули на улицы и площади города. С лозунгами: «Война до победного конца!», «Не изменим союзникам!», «Доверие Временному правительству!» — они двигались к Марининскому дворцу (резиденции правительства). Это был своего рода камень, брошенный в уже застывающее мешанское болото. Шовинизм расшевелил и его. Контрреволюционные митинги и демонстрации ширились, шли до глубокой ночи. Идеологически направляющую роль в них играли кадеты.

В эти два дня — 18 и 19 июня — чаши классовой борьбы колебнулись дважды: сначала в сторону революции пролетариата и шедшего за ним крестьянства (солдаты), затем в сторону контрреволюции (буржуазия и мелкобуржуазно-обывательские массы). Здесь важно отметить, что если революционная демонстрация имела откровенно антиправительственный характер, то контрреволюционная демонстрация в целом пока была сугубо проправительственной. Несомненно участвовавшие в ней крайне правые элементы, враждебно настроенные не только по отношению к Советам, но в определенной мере и к правительству, еще не выделялись из общего контрреволюционного потока; ни «Республиканский центр» и связанные с ним военные организации, ни «Союз офицеров армии и флота», ни «крымовская организация» не выступили 19 июня с лозунгом «военной диктатуры»: момент для этого еще не наступил. Но долго ждать себя он не заставил...

Уже к 23 июня продвижение 7-й и 11-й армий Юго-Западного фронта остановилось. Лишь в полосе 8-й, «корниловской», армии, по плану командования выполнявшей вспомогательную операцию, обозначился значительный успех. 12-й корпус этой армии, которым командовал генерал Черемисов, в конце июня овладел городами Калуш и Галич, захватив массу пленных и боевой техники. В целом войска 8-й армии продвинулись вперед на 25—30 км по фронту шириной почти в 50 км. Пленные офицеры показывали, что столь стремительного удара русских они не видели с самого начала войны. Военный министр Керенский и главковерх Брусилов направили поздравительные телеграммы командарму Корнилову и командующему 12-м корпусом Черемисову с «блестящим успехом наступления». Брусилов распорядился выдать до 6 Георгиевских крестов на каждую отличившуюся роту, батарею и сотню. Имя Корнилова замелькало в газетах... Ставка в Могилеве предпринимала срочные меры для перегруппировки сил: теперь уже 8-я армия, усиленная за счет других, выдвигалась на роль главной ударной силы и именно с ней связывались расчеты на успех дальнейших боевых действий. Но 7-я и 11-я армии так и не сумели поддержать ее, и к 30 июня наступление русских войск захлебнулось на всем Юго-Западном фронте. 3 июля был оставлен Калуш и части 12-го корпуса 8-й армии с западного берега реки Ломницы отошли на восточный. Еще более безуспешными оказались наступательные действия Румынского, Западного и Северного фронтов. Фактически к середине июля они были повсюду прекращены. Между тем 6 июля переброшенные с Западного фронта германские войска нанесли мощный контрудар в стык 7-й и 11-й армий Юго-Западного фронта. Начался так называемый «Тарнопольский прорыв», превратившийся в беспорядочный, порой панический отход русских войск. Самовольно, оставляя позиции, они брели по пыльным дорогам и проселкам, бросая артиллерию и другое оружие. Черный дым пожаров низко стлался над землей. Разбитые обозы застревали где-то позади. Измученные и голодные солдаты отдельных частей оказались захлестнуты мародерством и анархией. Некоторые городки и села по пути отступления подверглись ужасам грабежей и погромов. Никакие приказы не действовали...

Восточнее оставленного Тарнополя, на обочине разбитого большака Корнилов верхом на коне, в окруже-

нии личного конвоя наблюдал страшную картину беспорядочного отступления. На другой день на видных местах дорог, по которым в тыл беспорядочно откатывались войска, появились страшные картины: горячий сухой ветер раскачивал висящие на деревьях и столбах обезображенные трупы. Это Корнилов железной рукой наводил «порядок». Позднее, в ЧСК, он показывал: «Я приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных на дорогах, на видных местах с соответствующими надписями»¹¹⁵. Кто мог в хлещущем потоке отступления отделить грабителя и дезертира от солдата, влекомого в тыл страшным разгромом? Хватали правого и виноватого, лишь бы «прекратить», остановить отходящие войска, закрыть прорыв... Но на устрашающие картины мало кто обращал внимание. Войска продолжали почти безостановочное движение на восток...

«Тарнопольский прорыв» по времени почти совпал с драматическими событиями в Петрограде, приведшими к глубокому кризису не только Временного правительства, но и всего послефевральского режима двоевластия. Речь идет о хорошо известных июльских событиях¹¹⁶, и потому здесь мы только воспроизведем их канву.

В конце июня — первых числах июля уже стало известно, что июньское наступление, в подготовку которого Временное правительство и эсеро-меньшевистские Советы вложили столько сил и средств, обречено на провал. В сочетании с резким ухудшением продовольственного положения и угрозой расформирования революционного Петроградского гарнизона это накаляло обстановку в городе, резко усиливало антиправительственные настроения масс. Уже 1 и 2 июля в Гренадерском и 1-м Пулеметном полках, а также на Путиловском заводе проходили бурные митинги, в ходе которых все настойчивее звучали призывы о переходе власти в руки Советов. Петроград был явно накануне мощного революционного взрыва... Кадеты, составлявшие правый (буржуазный) фланг Временного правительства, решили использовать это обстоятельство в качестве средства политического давления на левый правительственный фланг — меньшевиков и эсеров.

1 июля правительственная делегация достигла соглашения с украинской Центральной радой о признании ее Генерального секретариата органом краевой власти

на Украине. Кадеты заявили, что в этом они усматривают «узурпацию» прав будущего Учредительного собрания, и в знак протеста 2 июля подали в отставку, вызвав тем самым правительственный кризис. В информационном сообщении русским представителям за границей министр иностранных дел М. Терещенко назвал этот шаг «неожиданным», так как речь шла всего лишь «о сравнительно неважных изменениях текста (соглашения)»¹¹⁷. Впрочем, никто не делал секрета из подлинных намерений кадетских министров. Сам премьер-министр князь Г. Е. Львов открыто признал, что причиной их ухода является вовсе не «украинский вопрос». «Это не больше чем повод,— говорил он,— причину надо искать значительно глубже...»¹¹⁸ Подлинную причину раскрыл лидер партии прогрессистов И. Н. Ефремов. Намерения кадетов он объяснил так: вызванный ими кризис может перейти «в болезненный процесс якобинства и террора и затем усмирения...»¹¹⁹. Несмотря на уход кадетов, было решено (официально — 7 июля), что правительство сохраняет «всю полноту принадлежащей ему власти». Это означало, что на какой-то момент образовалось практически «однородное» «социалистическое» правительство (из меньшевиков и эсеров), поставленное перед сложной перспективой. Как писал В. И. Ленин, теперь они одни оказались перед необходимостью «расплатиться за поражение и за возмущение масс»¹²⁰ и, по расчетам кадетов, волей-неволей должны были занять более решительную позицию в борьбе с углубившейся революцией и большевистской партией. Кадетская «Речь» так и писала: меньшевики и эсеры должны проявить «решимость власти покончить наконец с анархистскими нарушениями порядка»¹²¹. В известном смысле этот маневр удался, хотя более отдаленные последствия тех событий, которые провоцировали кадеты, оказались для них пагубными...

Уже вечером 2-го, а особенно 3 и 4 июля весь Петроград охватили стихийные демонстрации рабочих, солдат и прибывших из Кронштадта матросов. Главным требованием масс был немедленный переход всей власти в руки Советов. Но, как часто бывает в таких случаях, на могучей волне массового революционного движения поднялась анархистская и ультралевая пена. Раздавались призывы к вооруженному восстанию, реквизиции предприятий, банков, складов, магазинов. В некоторых районах открывалась стрельба, появились

первые жертвы. Демонстранты направлялись в Таврический дворец, где заседал ВЦИК, появлялись в зале заседаний и бурно требовали покончить «сделки с буржуазией», немедленно взять власть.

Накал страстей создавал реальную угрозу революционным силам: воспользовавшись проявлениями анархии, «беспорядками» как предлогом, правительство, поддержанное всеми, кто взывал к «порядку», могло перейти в наступление и нанести революции тяжелый удар. Так и произошло. Активизация крайне левых, анархических элементов тут же привела к активизации крайне правых, в частности тех, кто состоял в разного рода полуправовых и нелегальных организациях, группировавшихся вокруг уже известного нам «Республиканского центра» («Военная лига», «Союз воинского долга» и т. п.). Ожились и бывшие и новые черносотенцы. Их газетки приветствовали начавшиеся события как «очистительное светопреставление», которое покончит с большевиками, Советами, либералами и Временным правительством. Громилы и подонки из рядов черносотенцев, поддерживаемые буржуазной публикой и монархически настроенными офицерами, провоцировали вооруженные столкновения, погромы и грабежи. В такой ситуации большевики решили возглавить начавшееся движение, чтобы придать ему мирный, организованный характер. «Если бы наша партия,— разъяснял В. И. Ленин,— отказалась от поддержки стихийно вспыхнувшего, вопреки нашим попыткам удержать его, движения масс 3—4 июля, то это было бы прямой и полной изменой пролетариату, ибо массы пришли в движение, законно и справедливо возмущенные затягиванием империалистской, т. е. захватной и грабительской, в интересах капиталистов ведущейся, войны и бездействием правительства и Советов против буржуазии, усиливающей и обостряющей разруху и голод»¹²². Но большевистская партия считала решительные действия против правительства несвоевременными. «Политически,— писал В. И. Ленин,— мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинции, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер»¹²³.

Министры-«социалисты» и меньшевистско-эсеровский ВЦИК стояли перед альтернативой: либо действительно покончить «сделки с буржуазией» и взять власть, как это требовали массы, либо солидаризоваться с кадетами и другими буржуазными элементами в репрес-

сивной политике против революционных выступлений. И уже 4 июля окончательно выяснилось, что кадеты, ушедшие в отставку два дня тому назад, правильно спрогнозировали возможные действия своих «социалистических» партнеров по коалиции: на совместном заседании ВЦИК и Исполкома Совета крестьянских депутатов была принята резолюция, которая рассматривала демонстрации в Петрограде как «удар в спину» воюющей армии, а их инициаторов и руководителей — как «врагов революции»¹²⁴. Находившийся на фронте военный министр Керенский, по-видимому считая премьер-министра Г. Е. Львова «нерешительным либералом», в направленной ему телеграмме требовал немедленного прекращения «предательских выступлений» всеми средствами¹²⁵. На революционные массы и большевиков обрушились репрессии. В разных местах города демонстранты подверглись вооруженным нападениям, по ним открывали огонь из пулеметов. Редакция «Правды» была разгромлена, многие видные большевики арестованы, В. И. Ленин вынужден был уйти в подполье. В Петроград вступили вызванные с Северного фронта войска, которыми командовал поручик эсера Ю. П. Мазуренко. Началась яростная кампания по обвинению большевиков в «государственной измене», в «шпионаже в пользу германского генерального штаба». Антибольшевистская печать связала воедино германский «Тарнопольский прорыв» на фронте с июльскими событиями в столице, которые изображались «большевистской попыткой прорвать внутренний фронт»¹²⁶. Контрреволюция торжествовала победу...

Теперь «победителям» — меньшевикам и эсерам, а также стоявшим за их спиной кадетам — предстояло ликвидировать последствия политического кризиса, разрушившего коалиционное Временное правительство, сформированное еще в начале мая (правительство Г. Е. Львова).

Поскольку из июльских событий страна вышла с явным «правым уклоном», казалось бы, что теперь правые силы должны и могут заявить собственные претензии на власть. Так сказать, на официальном, правительственном уровне их представляли кадеты, но они после июльских событий на первый взгляд неожиданно предпочли занять осторожную позицию. С одной стороны, Милюков и другие кадетские лидеры еще после Апрель-

ского кризиса склонялись к мысли о том, что пужно начать «подготавливать силы» для борьбы с революцией, но «не внутри возглавляющей ее власти, а вне ее»¹²⁷. С другой стороны, тот же Милюков, как опытный и проницательный политик, понимал, что даже после июльского «разгрома» революционных сил правые, контрреволюционные силы остаются не вполне консолидированными и организованными. Так же как пролетарская революция не могла победить в июльские дни, так и реакция не была в состоянии окончательно взять верх сразу после июльских дней. При таком положении для кадетов имел смысл в той или иной форме возобновить коалицию с меньшевиками и эсерами, 3—4 июля, по существу, скатившимися на кадетские позиции. Выступая на 9-м съезде кадетской партии (проходил в Москве в двадцатых числах июля), Милюков говорил, что в июльские дни меньшевики и эсеры отбросили свою «срединную линию спасения революции» и заменили ее другой: «спасение родины и республики». «И вот эта последняя формула есть наша формула, и мы входим в правительство»¹²⁸. Вместе с тем Милюков совершенно определенно пригрозил, что это кадетское решение есть «временное, неполное и несовершенное» и что если влияние Советов не будет падать и дальше, если «большевики опять появятся на улицах Петрограда... то речь будет другая»¹²⁹.

Кадеты позволяли себе говорить с меньшевиками и эсерами языком ультиматума потому, что своими «июльскими делами» эти «социалисты» сами поставили себя в такое положение: практически разорвав с революционным народом, изолировав себя от него, они должны были теперь покорно дрейфовать по кадетскому курсу. И хотя их газеты еще напыщенно писали, что «социалисты» не позволят буржуазии «урезывать» демократические требования, «припнжать» революционные задачи и т. п., на самом деле меньшевикам и эсерам не оставалось ничего другого, как палету схватить руку, которую кадеты милостиво протягивали им.

Наиболее полным выражением нового кадетско-соглашательского компромисса стало выдвижение на пост премьер-министра А. Ф. Керенского. Во время июльских событий он находился в Ставке, но и оттуда, как когда-то Николай II, требовал прекратить «беспорядки», разоружить солдат, предать суду «зачинщиков». 6 июля, вечером, Керенский вернулся в Петроград.

а уже 8-го, после ухода в отставку Г. Е. Львова, возглавил правительство, сохранив за собой к тому же пост военного и морского министра. Но главное заключалось не в этом соединении важнейших постов, а в том, что ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и ИК Совета крестьянских депутатов предоставили Керенскому «неограниченные полномочия». Это означало, что то правительство (и все министры в отдельности), которое сформирует Керенский, могло быть полностью свободно от контроля со стороны Советов (что являлось одним из важнейших требований кадетов).

24 июля был объявлен состав нового правительства, в которое вошло 7 эсеров и меньшевиков, 4 кадет, 2 члена радикально-демократической партии и 2 беспартийных. Кадетский официоз подвел итог: «Самый метод составления правительства помимо Советов и комитетов уже указывает на начало эмансипации правительства от полноправных органов революционной демократии. В этой эмансипации политический смысл со-
вершившейся перемены»¹³⁰.

Уже в процессе формирования нового коалиционного правительства Керенский испытывал сильнейшее давление всего правого лагеря, начиная с самых его «низов» и кончая кадетскими политиками правого толка. При всей расплывчатости, неоформленности этого давления в нем все-таки можно усмотреть некую ведущую тенденцию: требование перейти к режиму «сильной», «твердой» власти, осуществляемой кем-либо из «военных деятелей» или, по крайней мере, при самом активном его участии. Очень интересны письма (преимущественно анонимные), которые после июльских событий сотнями поступали в канцелярию нового премьера¹³¹. Это был, так сказать, голос контрреволюционной, обывательской массы, решившей, что ее время уже не за горами. Вот несколько писем на выбор.

«Не пора ли Вам понять,— писал некий аноним,— что из того состояния анархии и произвола, в котором очутилась Россия, из состояния полной потери и совести, и разума единственный выход — диктатура. Конечно, диктатура — не пролетариата... Я не монархист, но я не боюсь сказать, что нужна диктатура военная, что необходимо участие в ней честного, но непременно военного и твердого человека»¹³².

«Если будет продолжаться истерическое метание из стороны в сторону,— писал Керенскому другой аноним—

ный корреспондент,— то монархическая реакция будет так же неизбежна в сердце народа-простака, как неизбежен день после ночи»¹³³.

Подписавший письмо псевдонимом «Доброжелатель России» взывал: «Спасите родину, введите смертную казнь, восстановите дисциплину в войсках и подымите авторитет офицеров, как было до переворота... Россию можно спасти от гибели только кулаком, палкой и плетью. Разгоните Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а вместо этого составьте Всероссийский военный совет»¹³⁴.

Активизация такого рода «спасателей» России взбодрила лидеров царской Государственной думы и ее Временного комитета, казалось бы навсегда сошедших с политической сцены. Но 8 июля этот Временный комитет вдруг заявил о своих «правах» на непременно участие в формировании нового правительства. Примерно через неделю Временный комитет уже указывал, какое это должно быть правительство: оно должно обладать «твердой властью». Оба заявления подписал бывший председатель Думы октябрист М. В. Родзянко¹³⁵. А вслед за представителями октябристов — этой бывшей (при царизме) «правительственной партии» — заговорили и еще более правые — бывшие черносотенцы. Опять на трибуне фиглярствовал Пуришкевич, призывая проявить «боевую силу власти, беспощадно карать, игнорируя партию испуганной интеллигенции». Он доказывал, что «единственным очагом порядка» должна стать дореволюционная IV Дума с ее Временным комитетом, и требовал даже перенести Думу в Новочеркасск, под охрану монархически настроенной казачьей верхушки¹³⁶.

Примечательна демагогия, к которой при этом прибегали Пуришкевичи и т. п. Утверждалось, что если не будет покончено с Советами и большевиками, если власть не проявит силу, то «грядет» контрреволюция и «она приведет к тому режиму, перед которым покажется сладким режим Штюрмера, Распутина и Протопопова»¹³⁷. Во времена революции и контрреволюционеры нередко делают свое дело под маской революционеров...

Отражая значительную консолидацию правых сил, их нараставшую активность, лидер кадетов П. Н. Миллюков также требовал ввести в состав нового правительства «решительных, волевых людей». «Мы счита-

ем,— прямо заявлял он,— чтобы министр-председатель или уступил место, или во всяком случае взял бы себе в помощники авторитетных военных деятелей и чтобы эти авторитетные деятели действовали с подобающей самостоятельностью и независимостью»¹³⁸.

Мысль о военной диктатуре для наведения «твердого порядка» витала в воздухе...

18 июля по представлению правительственного комиссара Юго-Западного фронта эсера Б. В. Савинкова и комиссара 8-й (бывшей «корниловской») армии, также эсера и верного савинковского «оруженосца» М. М. Филоненко Керенский назначил генерала Корнилова верховным главнокомандующим. Почти одновременно Савинков был выдвинут на пост управляющего военным министерством, а Филоненко назначен верховным комиссаром Временного правительства в Ставке («комиссарверхом»). Все трое (тандем Филоненко—Савинков и Керенский), несомненно, связывали с выдвижением Корнилова собственные планы. Керенский под напором правых сил делал откровенный жест в их сторону, рассчитывая укрепить свое положение. Планы Савинкова, надо полагать, имели более далекий прицел. Путем сложной игры он рассчитывал «соединить» разваливавшуюся керенщину с поднимавшейся корниловщиной и создать таким образом новую политическую структуру (по его словам, «под красным знаменем Керенского и крепкой рукой Корнилова»). В. Шкловский, по своему комиссарству на Юго-Западном фронте хорошо знавший Савинкова и особенно Филоненко, позднее писал, что игра их главным образом состояла в том, чтобы «пугать Корниловым Временное правительство», а Временным правительством блокировать черносотенное влияние, которое оказывалось на Корнилова в Ставке¹³⁹. Вряд ли при этом Савинков не понимал, что эти два честолюбца — Керенский и Корнилов — недолго смогут идти вместе и что новая «структура» потребует и нового человека. И не виделась ли ему за создавшимся им искусственным симбиозом (Керенский—Корнилов) растущая тень собственной фигуры?

Корнилов, однако, не желал быть послушным орудием в руках прожженных политиканов, которых он глубоко презирал в душе. Прорываясь к креслу верховного главнокомандующего, он имел собственные планы, вынашиваемые еще с апрельских дней и разрабатываемые его окружением во главе с уже известным нам Завой-

ко. Керёнский, Савинков и Филоненко сознавали потенциальную опасность Завойко. Не случайно во время пребывания на Юго-Западном фронте Савинков и Филоненко настояли на том, чтобы Корнилов «убрал» «ординарца». То же требование было предъявлено ему при назначении «верховным». Слова Корнилов подчинился, но, как только все улеглось, Завойко сразу же объявился в Ставке...

Вскоре после прибытия Корнилова в Могилев весь состав президиума главного комитета «Союза офицеров армии и флота» появился у него. Вспомним, что Керёнский в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии, а затем и в эмиграции упорно говорил о существовании в главном комитете некоей «конспиративной группы», имевшей связи в промышленных и финансовых кругах Петрограда и Москвы. Теперь в нашем распоряжении имеются материалы, подтверждающие это. По воспоминаниям члена президиума полковника С. Ряснянского, Корнилову на встрече с членами главного комитета был прямо поставлен вопрос: не считает ли он возможным «принять на себя единоличное правление»? В ответ Корнилов сказал, что «подобный вопрос ему уже задавали некоторые лица и даже предлагали сделать переворот, но что он не считает подобное выступление сейчас полезным». На вопрос «а в будущем?» Корнилов ответил: «При известных условиях, возможно». «Эта фраза,— писал далее Ряснянский,—была принята нами как согласие стать в будущем правителем и придавала уверенность в работе»¹⁴⁰. Председатель главного комитета полковник Л. Новосильцев в своих воспоминаниях передает ответ Корнилова в более развернутом виде. На вопрос о его отношении к реставрации Романовых Корнилов ответил, что «лично ему ничего не надо; кроме хорошего царская семья ему ничего не сделала, но не только реставрации, но даже вообще появления у власти Романовых он бы не желал... Власти он не ищет, но сам понимает, что диктатура только и могла бы спасти положение, и если придется взять власть в свои руки, то он этого избегать не будет...»¹⁴¹.

Большая часть членов главного комитета образовала после этой встречи конспиративную группу, получившую название «корниловской». Примечательно, что о ее возникновении и деятельности ничего вначале не было сказано даже самому Корнилову! Объяснялось это,

по-видимому, тем, что многие участники «корниловской организации», будучи монархистами, не желали афишировать своих намерений.

Вскоре же в Ставку прибыли представители «Республиканского центра» К. Николаевский и полковник Десиметьер. Они были приняты Корниловым, который выделил Новосильцева и полковника В. И. Сидорина в качестве связных между Ставкой и «Республиканским центром». Почти одновременно через посланца генерала Крымова полковника Г. Дементьева была установлена связь Ставки и с «крымовской организацией»¹⁴². Так в конце июля начал завязываться корниловский заговор, участниками которого были члены конспиративной группы главного комитета «Союза офицеров армии и флота» (Ставка), офицеры «крымовской организации» и члены «Республиканского центра». Видную роль в этом заговоре несомненно играл Завойко, поскольку, как мы уже знаем, он имел тесные связи с «деловыми кругами», связанными, в свою очередь, с «Республиканским центром». А финансировали все «дело» именно они.

Несмотря на довольно обширную литературу о корниловщине как движении, наиболее полно воплотившем в себе идею контрреволюционной военной диктатуры, мы все же недостаточно знаем ее подлинное социально-политическое существо, точнее, те политические потенции, которые были в ней заложены, и те импульсы, которые могли их развернуть, в том случае, если бы ей сопутствовал успех. В общем это можно понять. Корниловщина являлась исходным пунктом, началом будущего «белого движения», и ей в полной мере были присущи все его черты, в том числе маскирующий, прикрывающий политический лозунг «непредрешения». Кроме того, корниловщина выросла из заговора, имела заговорщическую основу, которая всегда трудно поддается историческому анализу. Провал корниловщины еще больше усугубил эту трудность. Но В. И. Ленин прямо указывал на возможность поворота корниловского движения в монархическом направлении. «Относительно целей корниловщины,— писал он,— мы все знаем, и никто из демократии не оспаривает, что эти цели состояли в диктатуре помещиков и буржуазии, в разгоне Советов, в подготовке восстановления монархии»¹⁴³. Вся сложность состоит, однако, в том, чтобы раскрыть эту глубоко законспирированную и не всегда организа-

ционно оформленную работу. Не все страницы истории, к сожалению, прочитываются легко...

Совершенно очевидно, что силы сторонников военной диктатуры были неоднородны. Мы старались показать это на примере главного организационного центра растущего корниловского движения — Ставки. Две тенденции довольно отчетливо прослеживаются в ее контрреволюционной деятельности. Первая — в лице «упрвоенмина» Савинкова и «комиссарверха» Филоненко — развивалась в направлении сотрудничества с правительством, с Керенским, рассчитывая «законно» сдвинуть его вправо, преобразовать в «сильную власть». Эта тенденция, естественно, «устраивала» Керенского, и именно в этом смысле Керенского следует считать «корниловцем»: вся его политика лавирования практически поощряла прокорниловские силы, содействовала их консолидации. Вторая тенденция, олицетворявшаяся Завойко и другими авантюристами из ставочного окружения Корнилова, уже готова была идти к военной диктатуре в обход Временного правительства и самого Керенского. Можно считать, что вплоть до Государственного совещания (середины августа) генерал Корнилов либо еще не определил своей позиции во взаимодействии и соперничестве этих двух тенденций, либо сознательно до поры до времени не выявлял ее...

Государственное совещание в известном смысле стало переломным пунктом. Созывая Государственное совещание в Москве, Керенский рассчитывал на демонстрацию единства между «демократической Россией» и «Россией правой», Россией корниловской. Но произошло это только символически, когда один из лидеров «демократической России» — меньшевик И. Церетели и представитель финансово-промышленных кругов А. Бубликов пожали друг другу руки на сцене Большого театра. Если же обратиться к тому, о чем говорили представители «правой России» на совещании, станет ясно, что рука, которую им протягивал Керенский, повисала в воздухе. В слегка завуалированной форме Гучков, Родзянко, Шульгин, Маклаков, Каледин, Корнилов и др. фактически ставили правительству ультиматум, требовавший решительно покончить с «революционной анархией» и встать на позиции «национальной России». «Россия, господа, — говорил Маклаков под бурные аплодисменты справа, — за революцию себя не продаст! Для России пужно — спасти ее, а не революцию...

И те, кто дрожит сейчас над этими захватами и завоеваниями революции, увидят очень скоро, как они в своей политике ошибались». Открыто сказать большего было попросту невозможно, но и эти слова вдохновляли тех, кто за стенами Большого театра, по словам Керенского, готовил «безумную попытку кучки офицеров и политических авантюристов взорвать Временное правительство».

После Государственного совещания конспиративная, «завойковская» тенденция в корниловщине явно взяла верх, что привело к оживлению и активизации крайне правых, черносотенно-монархических элементов.

Но как ни конспирировались члены «корниловской организации», савинковское око в Ставке — верховный комиссар М. Филоненко — не дремало. Специальными шифровками Филоненко доносил своему шефу о подозрениях, которые внушали ему некоторые события и некоторые люди в Ставке. Под его подозрение попали Завойко, Аладьин, некоторые «ставочные» генералы (Лукомский, Тихменев, Кисляков, Плющик-Плющевский) и полковники (Сахаров, Пронин и др.), тесно связанные с «корниловской организацией» главного комитета «Союза офицеров армии и флота». Какие-то сведения об этой конспиративной группе Филоненко, по-видимому, получал. Особое его беспокойство вызывало решение Ставки о переброске частей 3-го конного корпуса Крымова с Румынского на Западный фронт, причем таким образом, что корпус должен был двигаться через Могилев. Условленным шифром Филоненко доносил о своих тревогах Савинкову в Петроград. Вот образчик этих донесений: «То, что Ваня, Федор, Генрих, Эрн, Жорж делали тогда с запада, теперь может быть в шатре с востока. Конь бледный близко, так мне кажется. Пожалуйста, исполните все то, что завтра утром Вам передам». Для Савинкова расшифровка не представляла трудностей. Названные лица были героями его романа «Конь бледный», готовившие «с запада» революционный переворот в России; теперь те же люди готовили переворот «с востока», т. е. противоположный, контрреволюционный переворот «в шатре», т. е. в Ставке.

Но Савинков, по-видимому, требовал от Филоненко более конкретных сведений, и снова Филоненко сообщал, что уже «ведут под уздцы коня бледного для Лавра» и, хотя он (Филоненко) не хочет «есть неспелую

грушу», вместе с тем надо помнить, что «созревший фрукт, падая с дерева... может больно ушибить...». Филоненко, таким образом, рекомендовал принятие превентивных мер против заговорщиков. Позднее в Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова он показывал: «Полагаю, что заговор был военный по преимуществу, и склонен думать, что он был направлен не только против Временного правительства данного состава, но и Временного правительства демократической ориентации вообще. Определенных указаний не было, но и у моих сотрудников по комиссариату, и у меня создавалось единообразное мнение... что заговор есть»¹⁴⁴.

Савинков в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова показывал, что сведения о заговоре в Ставке он получал, помимо Филоненко, и от начальника контрразведки Миронова. Когда 22 августа Савинков выехал в Ставку, чтобы сговориться с Корниловым о совместных действиях по введению в Петрограде военного положения, он «захватил» с собой и Миронова. Это, безусловно, означало, что Ставка у правительства на подозрении. Корнилов был явно недоволен присутствием Миронова и гневно говорил, что не допустит в Ставке «политического сыска». Савинкову пришлось прямо заявить, что у него имеются сомнения «в лояльности поддержки Временного правительства со стороны чинов штаба»¹⁴⁵. Почему же в таком случае Савинков практически ничего не предпринимал? Сказывалось, по-видимому, некоторое буффонство филоненковских сообщений, отсутствие в них чего-то более конкретного. Но главное все-таки было в другом. Савинков вел сложную игру, стремясь «сомнуть» Корнилова с Керенским, направить все силы Ставки в «правительственное русло», использовать ее для «легального» контрреволюционного переворота. При таком положении всякий неосторожный шаг по отношению к Ставке и Корнилову мог «взорвать» всю его игру и спровоцировать наиболее крайние элементы корниловцев, усилить позиции «партии Завойко».

24 августа Савинков и Миронов вернулись в Петроград. По воспоминаниям П. Н. Макарова (того самого, что по поручению Керенского сопровождал Романовых в Тобольск), Савинков был очень обеспокоен обстановкой в Ставке, говорил, что дела плохи, так как Корнилов не верит Керенскому. «Чувствовались волнение, заговоры, близость переворота», — пишет Макаров¹⁴⁶.

Развязка наступила через два дня после возвращения Савинкова в Петроград и была вызвана «неожиданным» появлением у Керенского бывшего министра Временного правительства В. Н. Львова, через своего брата Н. Н. Львова связанного с правыми, корниловскими кругами. Далеко не все еще ясно в этом визите Львова и во всей этой «львовиаде», которая привела к разрыву Керенского с Корниловым, к началу корниловского мятежа, к движению частей 3-го конного корпуса генерала Крымова на Петроград...¹⁴⁷

Провал корниловского мятежа резко изменил всю политическую ситуацию. До сих пор правительство Керенского кое-как держалось на блоке, коалиции более или менее уравновешивавших друг друга политических сил — правых, буржуазно-помещичьих элементов (представленных кадетами и корниловцами) и мелкобуржуазных слоев (представленных меньшевиками и эсерами). Теперь этот блок дал глубокую трещину, которая все больше и больше расширялась. Союзом с Корниловым и прокорниловцами Керенский разоблачил себя не только в глазах сознательного пролетариата, но и широкой революционно-демократической и просто демократической среды. В результате Временное правительство все быстрее теряло опору в «левом секторе». С другой стороны, своим внезапным «отходом» от Корнилова в дни мятежа, своим «предательством» тех, кто совместно с ним пытался покончить с «революционной анархией» и установить «сильную власть», Керенский отвратил от себя и правых. Если Корнилов до своего выступления еще колебался в вопросе о союзе с Керенским, то теперь в правом лагере мысль о контрреволюционной диктатуре фактически с Керенским уже не связывалась.

Временное правительство, старавшееся сидеть в основном на «правом стуле», но частично и на «левом», теперь явно проваливалось между ними. Все активные сознательные политические силы стягивались к противоположным классовым полюсам: большевистскому (с его лозунгами диктатуры пролетариата, власти Советов) и кадетско-монархическому (с его лозунгом контрреволюционной, буржуазно-помещичьей диктатуры).

Между этими полюсами лихорадочно метались «верные поборники» обанкротившейся идеи коалиции «всех живых сил» — меньшевики и эсеры. Но что они теперь могли? Продолжать политику блока с буржуазией, с ка-

детами, скомпрометированными сотрудничеством с корниловцами, значило полностью скомпрометировать и себя. Поддержать курс, предлагавшийся большевиками, курс на создание подлинно революционной власти — власти Советов, также было выше их сил. Этому, во-первых, мешали их теоретико-догматические шоры (они считали революцию буржуазной и не мыслили себе разрыва с буржуазией) и, во-вторых, соображения чисто практической политики (после корниловщины быстрым темпом шел процесс большевизации Советов).

В этой действительно сложной для них ситуации искушенные в политических комбинациях меньшевики и эсеры пошли на новый маневр. Отвергнув большевистское требование о передаче власти Советам, они выдвинули лозунг «сильной революционной власти, созданной демократией». Практически это означало попытку «растворить» Советы в рыхлой, эфемерной среде «демократии вообще», демократии с размытыми классовыми и политическими очертаниями. Конкретно вопрос о власти, по мысли соглашателей, должны были решать не Советы, не съезд Советов, а Демократическое совещание, включавшее в себя, помимо представителей Советов, и представителей профсоюзов, кооперативов, органов местных самоуправлений и т. п., в которых большинство все еще принадлежало меньшевикам и эсерам и где значительную роль по-прежнему играли буржуазные, «цензовые» элементы. Главную задачу, которую должно было решить Демократическое совещание, заседавшее в середине сентября, а затем избранный им (22 сентября) «предпарламент» точно сформулировал меньшевик М. И. Либер: «Нам надо будет выбрать: или провозгласить власть Советов, или открыто сказать, что мы стоим за коалицию, стоящую на более широкой базе». Демократическое совещание и «предпарламент» являлись, таким образом, не чем иным, как практическим выражением стремления противников социалистической революции остановить ее развитие «демократическим» путем; в Демократическом совещании и «предпарламенте» было заложено то зерно, из которого уже после Октября выросла так называемая «демократическая» контрреволюция, прикрывавшая до поры до времени буржуазно-помещичью контрреволюцию...

Но политическое бессилие этой новой меньшевистско-эсеровской комбинации было очевидно: Демократическое совещание и «предпарламент», даже несмотря на

их подтасованный, подобранный состав, принимали путаные, порой противоречивые резолюции, на которые уже попросту мало кто обращал внимание. Демократическое совещание и «предпарламент» уже не могли стать подпоркой для правительства Керенского. Под ним все больше и больше зияла пустота. Означало ли это, что оно должно было рухнуть само собой? Напомним ленинские слова о том, что ни одно правительство не может упасть, «пока его не уронят».

Большевистская партия, как известно, уже после июльских событий взяла курс на вооруженное восстание против Временного правительства. Когда в конце августа — начале сентября, в дни корниловщины, меньшевики и эсеры заявили о разрыве с кадетами, вновь возникла возможность мирного перехода власти в руки Советов. Но затея с Демократическим совещанием показала, что меньшевики и эсеры не желают этого, что они снова начинают сколачивать (пусть в завуалированной форме) коалицию с буржуазией, с кадетами, с вчерашними корниловцами. 10 и 16 октября ЦК партии большевиков принял решение о практической подготовке вооруженного восстания против Временного правительства с целью установления Советской власти.

На другом, кадетско-корниловском полюсе исподволь вырабатывалась своя тактика устранения Временного правительства во главе с Керенским. Сам Керенский впоследствии настойчиво утверждал, что после провала корниловщины правые элементы разработали план борьбы с правительством. «Общественные группы, поддерживавшие «диктатора» (Корнилова.— Г. И.) и связанные с ним,— писал он,— постановили: не оказывать правительству в случае столкновения его с большевиками никакой помощи. Их стратегический план состоял в том, чтобы сначала не препятствовать успеху вооруженного восстания большевиков, а затем после падения ненавистного Временного правительства быстро подавить большевистский „бунт“. Таким образом, должны были быть достигнуты, наконец, цели, поставленные корниловскому восстанию»¹⁴⁸. Уверенность в существовании такого плана Керенский сохранил до конца своих дней. Незадолго до смерти в разговоре с бывшим белогвардейцем, биографом генерала Деникина Д. Леховичем он яростно доказывал, что в 1917 г. против него действовала «большая конспирация» корниловцев,

в которую были вовлечены такие люди, как Путилов, Гучков, Миллюков, Набоков и др.¹⁴⁹

Был ли у правых в действительности такой план, или Керенский сам создал его в своем воображении для собственной реабилитации, для доказательства того, что он был свергнут из-за ударов как «слева», так и «справа»? Один из активных деятелей Демократического совещания и «предпарламента» — меньшевик Ф. Дан сильно сомневался в наличии такого плана. «Мне, — писал он, — со стороны „правых“ о таких планах слышать не приходилось»¹⁵⁰. Но Дан считал, что в правых, прокорниловских кругах выкристаллизовывалось определенное умонастроение, определенная политическая тенденция. Сущность ее он определяет так: «Правые, несомненно, мечтали (и не скрывали этого) „о сильной власти“ в корниловском духе, но добиться этой власти они думали не тем, что свергнут Временное правительство руками большевиков, а тем, что „спасут“ его силами военщины и уже затем, как победители мятежа, продиктуют ему свою волю и преобразуют в своем духе»¹⁵¹.

Это свидетельство Дана, безусловно, заслуживает внимания. Несомненно, что реакционный лагерь, потерпевший поражение в корниловские дни, пребывал в состоянии некоторого оцепенения, некоего выжидания дальнейшего развития событий. А перспектива этого развития вырисовывалась довольно четко. Паралич режима Временного правительства усиливался, что углубляло экономическую разруху, продовольственный кризис, ухудшало положение на фронте. Страна быстрыми темпами приближалась к развалу. В таких условиях в реакционных, правых кругах всегда получает преобладание «политическая доктрина», суть которой определяется известной формулой: «чем хуже, тем лучше». Политические лидеры правого лагеря были убеждены, что, если даже растущая «анархия» приведет к власти большевиков, они лишь усугубят ее и тем создадут почву для своего падения. В. И. Ленин в канун Октября указывал, что черносотенцы иногда злорадно желают победы большевиков, «уверенные, что большевики не удержат власти»¹⁵². Буржуазно-помещичья реакция, писал он, «всегда будет злобно кричать: „лучше бы всего сразу и на „долгие годы“ избавиться от большевиков, если бы подпустить их к власти и затем разбить наголову“. Такие крики — тоже „провокация“, если

хотите, только с противоположной стороны»¹⁵³. Ленинский политический гений улавливал тончайшие нюансы в настроениях и расчетах контрреволюции. В «Письме к товарищам», написанном в канун Октября, анализируя и опровергая доводы противников восстания и колеблющихся, Ленин остановился, в частности, и на таком доводе: «...Вот если бы корниловцы опять начали, тогда бы мы показали! А начинать самим, к чему рисковать?..» ...А если корниловцы второго призыва научились кое-чему? Если они *дождутся* голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор? Что тогда?»¹⁵⁴

Перед лицом растущей реакции меньшевики и эсеры призывали... к умеренности, к сдерживанию, к торможению революционного темпа с тем, чтобы не «провоцировать» правых, не давать им предлога для консолидации своих сил. Из страха перед реакцией они хотели блокировать революцию! Другой, прямо противоположный путь предлагали большевики. Чтобы парализовать контрреволюцию, не допустить реакционного путча, они требовали доведения революции до полной победы пролетариата и трудящегося крестьянства, до установления диктатуры пролетариата в форме Советской власти.

Гарантией от реставрации, писал В. И. Ленин, «является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца...»¹⁵⁵. И еще яснее становится политическая мудрость Ленина, сумевшего определить момент «созревания плода», начала вооруженного восстания против Временного правительства. «История,— писал он,— не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все... Безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение революции...*»¹⁵⁶. В. И. Ленин призывал не ждать повторения «корниловских попыток», не «ждать, пока буржуазия задушит революцию»¹⁵⁷.

¹ Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1926. Т. 1. С. 42.

² Там же. См. также: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т. 1, вып. 1. С. 122—123.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.

- ⁶ Биржевые ведомости. Петроград, 1917. 25 апр. (8 мая).
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83, 84.
- ⁸ Там же. С. 83.
- ⁷ См.: Там же. Т. 31. С. 193.
- ⁸ Там же. С. 194.
- ⁹ Там же. С. 195—196.
- ¹⁰ Из воспоминаний А. И. Гучкова // Последние новости. Париж, 1936. 23 сент.
- ¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 316.
- ¹² Из воспоминаний А. И. Гучкова // Последние новости. 1936. 23 сент.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ЦГВИА. Ф. 366 (Кабинета военного министра). Оп. 2. Д. 7. Л. 50—51.
- ¹⁵ Из воспоминаний А. И. Гучкова // Последние новости. 1936. 30 сент.
- ¹⁶ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 1, вып. 1. С. 191.
- ¹⁷ ЦГВИА. Ф. 2003 (Ставки). Оп. 1. Д. 1028. Л. 62.
- ¹⁸ Мартынов Е. Корнилов: Попытка военного переворота. М.; Л., 1925. С. 19.
- ¹⁹ Биржевые ведомости. Петроград, 1917. 30 апр. (13 мая).
- ²⁰ Из воспоминаний А. И. Гучкова // Последние новости. 1936. 30 сент.
- ²¹ Путилов А. И. Заговор Корнилова // Там же. 1937. 24 янв.
- ²² Русская неделя. Париж, 1925. № 1, 3; см. также: Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 г. и ее разгром. М., 1977. С. 34.
- ²³ См.: Kerensky A. F. Russia and the History's Turning Point. N. Y., 1965. P. 360.
- ²⁴ ЦГАОР СССР. Коллекция. Новосильцев Л. Воспоминания. Рукопись; Там же. Телеграмма В. Маклакова послу Б. Бахметьеву. Вашингтон, 18 октября 1918 г.
- ²⁵ Там же. Ф. 1780 (Чрезвычайной следственной комиссии). Оп. 1. Д. 3 (показания В. С. Завойко). Л. 40.
- ²⁶ Там же. Л. 13.
- ²⁷ Там же. Л. 31.
- ²⁸ Там же. Л. 13, 16.
- ²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 217.
- ³⁰ Там же. С. 215.
- ³¹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Милюков П. Н. При свете двух революций. Рукопись.
- ³² Голос России. Берлин, 1922. 18 авг.
- ³³ Последние новости. Париж, 1937. 27 февр.
- ³⁴ Галич Ю. Генерал Крымов: Из личных воспоминаний // Сегодня. Рига, 1928. 10 апр.
- ³⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Записка «О Республиканском центре».
- ³⁶ Беседа с П. Финисовым. Генерал Корнилов и Керенский // Последние новости. 1937. 27 февр.
- ³⁷ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969. Ч. 1. С. 33.
- ³⁸ ЦГАОР СССР. Коллекция. Записка «О Республиканском центре».
- ³⁹ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 68.
- ⁴⁰ Галич Ю. Указ. соч.
- ⁴¹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Записка «О Республиканском центре».
- ⁴² Там же. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 79. Л. 54.

- ⁴³ Цит. по: Милоков П. Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1, вып. 1. С. 117.
- ⁴⁴ Беседа с П. Финисовым. Генерал Корнилов и Керенский.
- ⁴⁵ Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 173—211.
- ⁴⁶ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 24.
- ⁴⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Ч. 2. Рукопись.
- ⁴⁸ Иоффе Г. З. К вопросу о межпартийных объединениях российской контрреволюции // Великий Октябрь и пролетарские партии. М., 1982. С. 11—21.
- ⁴⁹ Дни. Берлин, 1924. 21, 22 дек.
- ⁵⁰ ЦГАОР СССР. Коллекция. Записка «О Республиканском центре».
- ⁵¹ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 74.
- ⁵² ЦГАОР СССР. Коллекция. Записка «О Республиканском центре».
- ⁵³ Там же. Письмо В. В. Шульгина А. В. Колчаку, 8(21) июня 1918 г.
- ⁵⁴ Там же. Новосильцев Л. Воспоминания.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Иорданский Н. Адмирал Колчак // Путь. Гельсингфорс, 1921. 11 февр.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Бермонт-Авалов П. В борьбе с большевизмом. Гамбург, 1925. С. 152; см. также: Самсонов М. Дела монархические // Дни. Берлин, 1926. 23 мая.
- ⁵⁹ Иорданский Н. Указ. соч.
- ⁶⁰ Беседа с П. Финисовым. Генерал Корнилов и Керенский.
- ⁶¹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Ряснянский С. Н. Очерк «Союз офицеров в 1917 г.»
- ⁶² Там же. Обращение к офицерам. 13 апреля 1917 г.
- ⁶³ Там же. Новосильцев Л. Воспоминания.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 336 (следственной комиссии при Петроградском Совете р. и с. депутатов). Оп. 1. Д. 34а (дело о монархических организациях). Л. 36.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. Л. 37.
- ⁶⁷ Там же. Коллекция. Ряснянский С. Н. Очерк «Союз офицеров в 1917 г.»
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Новосильцев Л. Воспоминания.
- ⁷⁰ Там же. Ряснянский С. Н. Очерк «Союз офицеров в 1917 г.»
- ⁷¹ Там же. Ф. 1480 (Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках). Оп. 1. Д. 97. Л. 2.
- ⁷² Там же. Д. 78 (материалы «Военной лиги»). Л. 3, 7—8, 11 и др.
- ⁷³ Там же. Д. 77 (материалы «Союза георгиевских кавалеров» и «Союза земельных собственников»). Л. 2—7.
- ⁷⁴ Там же. Коллекция. Ряснянский С. Н. Очерк «Союз офицеров в 1917 г.»
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918. С. 45.
- ⁷⁸ Там же. С. 47.
- ⁷⁹ Дни. Берлин, 1924. 21, 22 дек.
- ⁸⁰ Там же.

- ⁸¹ Керенский впоследствии утверждал, что существование конспиративной группы вообще держалось в секрете от Брусилова. См.: *Kerensky A. F.* Op. cit. P. 364.
- ⁸² ЦГАОР СССР. Коллекция. Новосильцев Л. Воспоминания.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же. Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Ч. 2.
- ⁸⁹ Там же. Ряснянский С. Н. Очерк «Союз офицеров в 1917 г.»
- ⁹⁰ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. С. 188.
- ⁹¹ *Katkov G.* Russia, 1917: The Kornilov affair. L., 1981. P. 118.
- ⁹² Лемке М. 250 дней в царской Ставке. М.; Пг., 1920. С. 545.
- ⁹³ Русские ведомости. Петроград, 1917. 3 сент.
- ⁹⁴ Подробнее см.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967. С. 301—304.
- ⁹⁵ Врангель П. Н. Воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 28.
- ⁹⁶ *Kerensky A. F.* Op. cit. P. 343.
- ⁹⁷ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 25—26.
- ⁹⁸ Чернов В. «Подполье» и «надполье» в подготовке корниловского движения: (По поводу «Очерков русской смуты» генерала Деникина) // Воля России. Прага, 1923. № 4. С. 29.
- ⁹⁹ *Lehovich D.* While against Red: The Life of general A. I. Denikin. N. Y., 1974. P. 138—139.
- ¹⁰⁰ ЦГАОР СССР. Коллекция. Воспоминания о Крымове. Рукопись.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 4 (протоколы допросов). Л. 36—36 об.
- ¹⁰² В его дневниковой записи под 20 июня 1917 г. значится: «Киев. Свидание с группой офицеров 1-й гвардейской кав. дивизии. Собирались у Шапрона...»
- ¹⁰³ ЦГАОР СССР. Коллекция. Дементьев Г. И. Поход генерала Крымова.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Речь. Петроград, 1917. 4 июня.
- ¹⁰⁶ Станкевич В. Б. Воспоминания, 1914—1919 гг. Л., 1926. С. 61—62.
- ¹⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 366.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 300—301.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 298.
- ¹¹⁰ Там же. С. 302.
- ¹¹¹ Там же. С. 416.
- ¹¹² Новая жизнь. Петроград, 1917. 20 июня.
- ¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 360.
- ¹¹⁴ Подробнее см.: Минц И. И. История Великого Октября. М., 1978. Т. 2; Революционный Петроград, год 1917. Л., 1977.
- ¹¹⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 5 (показания ген. Корнилова). Л. 3.
- ¹¹⁶ См., напр.: Знаменский О. Н. Июльский кризис. М.; Л., 1964; Минц И. И. Указ. соч. Т. 2.
- ¹¹⁷ Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис. М., 1959. С. 289.
- ¹¹⁸ Русское слово. Петроград, 1917. 4 июля.
- ¹¹⁹ Цит. по: Революционный Петроград, год 1917. С. 193.
- ¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 45.
- ¹²¹ Речь. Петроград, 1917. 4 июля.
- ¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 145.

- ¹²³ Там же. С. 244.
- ¹²⁴ Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 16.
- ¹²⁵ Там же. С. 290.
- ¹²⁶ Керенский А. Ф. Дело Корнилова. С. 4.
- ¹²⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Ч. 2.
- ¹²⁸ Речь. Петроград, 1917. 26 июля.
- ¹²⁹ Там же. 27 июля.
- ¹³⁰ Там же. 25 июля.
- ¹³¹ ЦГАОР СССР. Ф. 3 (канцелярии министра-председателя). Оп. 1. Д. 362 и др.
- ¹³² Там же. Д. 373. Л. 145.
- ¹³³ Там же. Л. 148.
- ¹³⁴ Там же. Д. 362. Ч. 3. Л. 158.
- ¹³⁵ Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 295, 308.
- ¹³⁶ Буржуазия и помещики в 1917 г. М.; Л., 1932. С. 200.
- ¹³⁷ Там же. С. 204.
- ¹³⁸ Цит. по: Минц И. И. Указ. соч. Т. 2. С. 533.
- ¹³⁹ Шкловский В. Революция и фронт. Пг., 1921. С. 60—61.
- ¹⁴⁰ ЦГАОР СССР. Коллекция. Ряснянский С. Н. Записка «Союз офицеров в 1917 г.»
- ¹⁴¹ Там же. Новосильцев Л. Воспоминания.
- ¹⁴² Там же. Дементьев Г. И. Поход генерала Крымова.
- ¹⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 217.
- ¹⁴⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 30 (доклад Чрезвычайной следственной комиссии...). Л. 23—25; Д. 23 (протокол допроса М. М. Филоненко). Л. 10.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 30. Л. 102 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Коллекция. Макаров П. Н. Воспоминания. Рукопись. Константинополь, 1921 г.
- ¹⁴⁷ Подробнее об этом и мятеже Корнилова см.: Старцев В. И. Крах керенщины. Л., 1982. С. 10—61.
- ¹⁴⁸ Керенский А. Ф. Гатчина // Октябрьская революция: Мемуары / Сост. С. Алексеев. М.; Л., 1926. С. 169.
- ¹⁴⁹ Leĥovich D. Op. cit. P. 505.
- ¹⁵⁰ Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция: Мемуары. С. 123.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 414.
- ¹⁵³ Там же. С. 295.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 406.
- ¹⁵⁵ Там же. Т. 12. С. 363.
- ¹⁵⁶ Там же. Т. 34. С. 436.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 404.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«РОМАНОВСКИЕ ШУАНЫ»

9 марта 1917 г. отрекшийся царь записал в своем дневнике: «Скоро и благополучно прибыл в Царское Село... Но, боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики!»¹

Здесь, в Александровском дворце, под охраной часовых и «каких-то прапорщиков» Николаю Романову и его семье предстояло провести около пяти месяцев, до конца июля 1917 г., когда по распоряжению Временного правительства они были отправлены в далекий Тобольск.

Если верить дневниковым записям Николая Романова (а он вел их почти ежедневно с педантичной пунктуальностью), события, потрясавшие Петроград и всю страну в этот период, проходили мимо отрекшегося императора и мало его интересовали. Действительно, день за днем они довольно нудно фиксируют состояние погоды, прогулки в саду, занятия с детьми и тому подобные мелочи семейного быта. По-видимому, это обстоятельство дало известное основание для возникновения версии, согласно которой после отречения царь превратился в некоего добродушного обывателя, чуть ли не наслаждавшегося долгожданным освобождением от тяжелой для него шапки Мономаха. Вот ее поистине удивительный образец. И. Василевский (Не-буква) писал о Николае: «Отпустите его! Дайте ему уйти из дворца, представьте ему скромную подходящую должность, и всю жизнь он не сделает никому никакого зла, не вызовет ни малейшего упрека, и, если доживет до революции,— он и после переворота будет скромно продолжать свое дело под надзором комитетов и комиссаров Временного правительства. И если доживет он до Октябрьского переворота, он, можно поручиться, не станет и помышлять о саботаже, и будет терпеливо сидеть

в очереди за своим пайком из воблы и восьмушки хлеба, и окажется хорошим спецом на службе рабоче-крестьянского правительства, и ни на минуту не помыслит о каком-нибудь заговоре, ему и в голове не придет оттачивать „нож в спину пролетариата“»².

Поскольку в дальнейшем последние Романовы практически надолго «ушли» из исторической литературы, такого рода оценки в общем преобладали в расхожих исторических представлениях. Только в конце 70-х годов М. Касвинов в «Двадцати трех ступенях вниз» дал прямо противоположную трактовку личностей свергнутого с престола царя и его супруги. У него Романовы — неразоружившиеся враги революции, проникнутые «жаждой мщения, тоской по утраченной власти», которые «удесятеряют их активность». «Если им удастся выбраться из-под стражи, они неизбежно станут знаменем контрреволюции, центром консолидации ее самых свирепых элементов»³.

Та запись в дневнике, которую Николай сделал в Пскове сразу после отречения («кругом измена, и трусость, и обман»), есть, пожалуй, свидетельство того, что уход от власти отнюдь не являлся для него добровольным актом (как до сих пор утверждают некоторые зарубежные авторы) и что он внутренне с ним не примирился. В дневнике одной из придворных, обер-гофмейстрины Е. А. Нарышкиной, имеется любопытная запись. 27 апреля (10 мая) 1917 г. (Нарышкина находилась с арестованными Романовыми в Александровском дворце) она записала: «Государь меня удивил. Было ли искренне сказать мне, что он доволен своим положением?...»⁴ Наконец, П. Жильяр писал, что после разгрома корниловщины (Романовы тогда уже находились в Tobольске) Николай впервые открыто пожалел о своем отречении.

С еще большим основанием то же можно сказать об Александре Федоровне. По словам Керенского, который в качестве министра юстиции неоднократно посещал Романовых в Царском Селе, бывшая императрица «остро переживала потерю своей власти и не могла примириться со своим положением». «Люди, подобные Александре Федоровне, никогда ничего не забывают и не прощают», — замечает Керенский⁵. Е. А. Нарышкина в начале мая 1917 г. записала в своем дневнике: «Позднее пришла императрица и пробыла у меня 2 часа... Все еще надеется на контрреволюционную реакцию...»⁶

Конечно, вряд ли эти надежды строились на каких-то определенных данных. «Контрреволюционная реакция», как мы видели, постепенно росла, но весной и летом 1917 г. она не связывала и не могла связывать себя с лозунгом реставрации Романовых. Эта реакция носила пока бонапартистский, а не чисто монархический характер. Поэтому бывшая императорская чета скорее всего исходила из свойственного ей убеждения, что Россия «не может быть без царя», что революцию совершила чуждая «исконно национального духа», «развращенная» интеллигенция, что народ лишь временно «сбился с пути», но неминуемо рано или поздно вновь обратится к «помазаннику божьему».

Но не исключено также, что, находясь в Александровском дворце, который стал для них «позолоченной клеткой», Романовы получали какие-то обнадеживающие сигналы «с воли». Трудно сказать, от кого с большим рвением монархисты Кобылинский и Коцебу охраняли Романовых: от притаившихся черносотенцев или от революционных рабочих и солдат. Во всяком случае, Александра Федоровна полностью доверяла Кобылинскому. В конце мая 1917 г., подписавшись «старой сестрой А.», она писала хорошо известному ей офицеру А. В. Сыробоярскому: «Вы удивлены, что так вдруг откровенно пишу, но письмо не пойдет почтой, а нашего нового коменданта (Кобылинского.— Г. И.) менее стесняюсь. Мы посещали его в Лианозовском госпитале, снимались вместе, так что совсем другое чувство, и потом он настоящий военный». Всякий раз, когда представители революционных организаций пытались вмешаться в дела охраны Александровского дворца, Кобылинский и его помощники решительно протестовали. Так было, например, 16 мая 1917 г., когда на совещании фронтовых делегатов солдат И. Белянский, выступая в качестве представителя 4-го стрелкового гвардейского полка Царскосельского гарнизона, потребовал заключения Романовых в Петропавловскую крепость. Кобылинский немедленно дезавуировал это выступление, заявив через «Известия» Петроградского Совета, что «надзор за арестованным Николаем Романовым и его женой стоит и будет стоять на должной высоте»¹.

Эсеро-меньшевистский Исполком Совета, проводивший политику соглашения с Временным правительством, решил не обострять вопроса. Через несколько дней «Известия» опубликовали статью «В Царском Селе»,

явно направленную на успокоение общественного мнения. В статье говорилось, что режим охраны Романовых — «прочный» и что хотя солдаты и проявляют определенное беспокойство, но никто из них не уполномочивал Белянского на выступление. К тому же, утверждали «Известия», если у бывшего царя в начале зрела надежда на освобождение, то теперь у него «проглядывает сознание безысходности своего положения и покорности судьбе»⁸.

Между тем разгромленные Февральской революцией и ушедшие в подполье, как тогда говорили, «приверженцы павшего строя» постепенно оживали. Один из черносотенных лидеров — Н. Марков-2-й впоследствии писал, что «за первые месяцы революции даже и помыслить было нельзя о начинании гражданской войны», что эти месяцы «ушли на восстановление порванных связей, отыскание уцелевших и не потерявших духа людей, на уяснение дальнейших способов действия. Это было время тайного сбора на костях ужасного разгрома»⁹.

Надо сказать, что если поборники французского легитимизма, французские шуаны (конец XVIII — начало XIX в.), активно проявляли себя на протяжении многих лет, то «романовские шуаны» мало напоминали своих предшественников. Почти невозможно проследить пути и места их «тайного сбора». Только в белоэмигрантской мемуаристике можно почерпнуть некоторые данные о заговорах, которые плели монархисты в целях освобождения Романовых. Но при этом всегда нужно принимать во внимание стремление обанкротившихся «спасителей» задним числом приукрасить свои действия и хотя бы так реабилитировать себя в глазах белоэмигрантов-монархистов, да и в собственных глазах...

В мемуарах жены флигель-адъютанта, капитана Дена, очень близкой к Александре Федоровне Лилии Ден (в 20-х числах марта она вместе с А. А. Вырубовой была увезена из Царского Села, арестована, но вскоре освобождена), говорится, что переписка Романовых с родственниками и близкими велась через нескольких доверенных лиц¹⁰. Л. Ден не называет их, но некоторые все же можно установить. Секретная переписка шла, например, через бывшую фрейлину Маргариту Хитрово, работавшую в одном из царскосельских госпиталей. Позднее она писала: «Хотя все письма проходили через цензуру коменданта дворца, но револю-

ционные власти не знали имен всех корреспондентов, т. к. многие подписывались уменьшительными именами. Высочайшие письма также некоторым адресовывались на имена и прозвища, которые были мне известны, и, таким образом, ежедневно я носила туда и обратно целую серию писем...»¹¹

Были и другие связники. Княгиня Каптакузен рассказывает в своих воспоминаниях, как она перевезла из Крыма, где жили родственники бывшего царя, в Царское Село большое количество писем «под подкладкой своего несессера». Ту же операцию княгиня проделала при поездке в обратном направлении, причем, по ее словам, некоторые документы и бумаги Александры Федоровны были затем отправлены в Англию специальным курьером¹². Романовы имели даже письменную связь с увезенной из Александровского дворца и находившейся в Петропавловской крепости Анной Вырубовой. Посредником здесь был некий солдат — тюремный библиотекарь¹³.

Эта корреспонденция, естественно, не сохранилась, и содержание ее неизвестно, но среди документов ближайшей подруги Александры Федоровны и «другини» Распутина бывшей фрейлины А. Вырубовой имеются четыре недатированных записки на французском языке, свидетельствующие о том, что монархисты, близкие к отрекшемуся царю, вынашивали какие-то тайные планы. В одной из записок Николаю говорилось: «Сейчас надо все забыть и думать только о спасении тебя и твоей семьи. Буквально спасти жизнь. Все остальное потом. Дай нам знать, получил ли ты полную съемку плана. Думаешь ли ты воспользоваться им?»¹⁴ «Я посылаю разведчика,— сообщалось в другой записке,— чтобы узнать, все ли готово»¹⁵. В третьей записке Романовы призывались сохранять присутствие духа и не терять надежды: «Настоящая задача — помочь вам уехать, а после бог укажет нам путь, не надо думать ни о чем другом. Будьте тверды, у Б. все готово»¹⁶. Трудно сказать, что в действительности скрывалось за этими записками. Нельзя не учитывать, что с именем Вырубовой было связано немало мистификаций и фальшивок...

Отражением какой-то монархической интриги, завязывавшейся вокруг арестованных Романовых уже весной и в начале лета 1917 г., по-видимому, стало устранение коменданта Александровского дворца ротмистра

Коцебу. Как следует из дневника обер-гофмейстрины Нарышкиной, он вел секретные переговоры с еще находившейся во дворце Вырубовой (она переселилась сюда после убийства Распутина). «Аня Вырубова,— записала Нарышкина,— привлекает к себе Коцебу и хочет склонить его к своим интересам»¹⁷. Как впоследствии показывал Е. С. Кобылинский, о длительных беседах коменданта дворца с арестованной Вырубовой узнали солдаты охраны. Слухи были проверены и подтвердились, о чем было доложено непосредственно командующему Петроградским военным округом генералу Л. Г. Корнилову. Чтобы замять дело и прекратить тревожные слухи, в конце марта Коцебу был уволен и заменен полковником (бывшим присяжным поверенным) Коровиченко, состоявшим в давних дружеских отношениях с Керенским¹⁸.

Между тем тайная заговорщическая работа монархистов продолжалась. Постепенно в нее стали втягиваться офицеры, ранее служившие в «собственных полках их величеств» или лечившиеся в роскошных царско-сельских госпиталях (их тут было более 60), патронировавшихся императрицей, ее дочерьми и другими аристократками. Было вполне естественным, что они «зацепились» прежде всего за проживавшую теперь на даче в Финляндии Л. Ден, являвшуюся, как мы знаем, доверенной подругой императрицы.

Проторили сюда тропинку и члены бывших монархических организаций, разгромленных Февральской революцией, в том числе Н. Марков-2-й. Надменное, круглое лицо, торчком стоявшие усы, черные кудрявые волосы придавали Маркову-2-му некоторое сходство с Петром I. Наглый и прямолинейный, но не лишенный своеобразного ораторского искусства, Марков-2-й уверовал в то, что именно он является той личностью, которая призвана восстановить в России монархию.

К концу июня 1917 г. Марков-2-й под именем «тетушки Иветты» наладил через Л. Ден контакт с Николаем Романовым. По рассказу самого Маркова-2-го, в коробку папирос, переданную в Александровский дворец, была вложена папироса со спрятанной под табак запиской. «Мы,— писал Марков-2-й,— спрашивали государя, разрешит ли он начать дело восстановления империи. Если разрешает, пусть благословит дело святой иконой. В ответ была прислана икона святого Ни-

колая Мирликийского Чудотворца с инициалами государя и государыни»¹⁹.

Мы не знаем точно от имени кого Марков-2-й обращался к Николаю за «благословением». Лишь в мемуарах бывшего корнета Крымского конного полка (его «шефом» была императрица Александра Федоровна) Сергея Маркова (однофамильца Маркова-2-го) содержатся некоторые сведения о «марковской организации», к сожалению неподдающиеся проверке. Но то, что оба Маркова летом 1917 г. были тесно связаны, подтверждает их острая полемика (порой переходившая в перебранку) уже в годы эмиграции. Один Марков обвинял другого в том, что именно он помешал делу освобождения Романовых летом 1917 г. и позднее. С. Марков («Марков-маленький», как звала его Александра Федоровна) уверял, что только пассивность Маркова-2-го и его организации обрекала на неудачу дело «спасения Романовых»²⁰. Марков-2-й клеймил своего младшего однофамильца как авантюриста, способного только погубить «дело», требовавшее терпения и подготовки²¹.

По рассказу С. Маркова, основную часть строго законспирированной организации Маркова-2-го составлял военный отдел, занимавшийся вербовкой офицеров. Конечная цель организации, если верить С. Маркову, заключалась в освобождении Романовых и восстановлении на престоле либо Николая II, либо (в случае его отказа) его сына Алексея²². Но прикрывалась эта организация участием в уже известных нам легальных «Республиканском центре» и связанных с ним военных организациях («Военная лига» и др.). К «Республиканскому центру», по указанию Маркова-2-го, «приписался» и С. Марков. По его словам, один из руководителей «центра» при знакомстве с ним ободряюще сказал: «Подождите, корнет, скоро и на нашей улице будет праздник, скоро, скоро запоем мы „Боже, царя храни“»²³. Пока, однако, монархическое знамя держалось зачехленным: организация Маркова-2-го шла пока «в погу» с «Республиканским центром», но на попытку освобождения Романовых из Александровского дворца ее авантюризма, вероятно, хватило бы. Воспитатель наследника П. Жильяр, находившийся с Романовыми в Царском Селе, впоследствии сетовал: «Мы были всего только в нескольких часах езды от финляндской границы, и Петроград был единственным серьезным препятствием, а потому казалось, что, действуя реши-

тельно и тайно, можно было бы без большого труда достичь одного из финляндских портов и вывезти затем царскую семью за границу²⁴.

Так или иначе, но Романовы, по-видимому, были осведомлены о каких-то замыслах заговорщиков. В дневнике Е. А. Нарышкиной имеется следующая запись от 4 (17) июля: «Только что ушла княгиня Палей (жена великого князя Павла Александровича.— Г. И.). Сообщила по секрету, что партия молодых офицеров составила безумный проскт: увезти их (царскую семью.— Г. И.) ночью на автомобиле в один из портов, где их будет ждать английский пароход... Нахожусь в несказанной тревоге»²⁵.

Не отголосок ли это заговорщических планов «Маркова-маленького», возможно решившегося действовать самостоятельно, так как по эмигрантскому утверждению Маркова-2-го до сентября 1917 г. он лично не ставил вопроса «о насильственном освобождении» царя и его семьи?

Тем временем по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии на поруки была освобождена А. А. Вырубова. В эмигрантской, да и в современной буржуазной литературе она нередко изображается наивной, даже слегка глуповатой женщиной, далекой от политики и политических интриг²⁶. Такой она, между прочим, представилась и некоторым членам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, которым давала показания в мае 1917 г. Следователь комиссии А. Ф. Руднев, познакомившись с Вырубовой, назвал ее «простодушной и болтливой»²⁷. Но по некоторым данным подследственная Вырубова умело вела свою роль, добиваясь освобождения из крепости.

Близко знавший придворную жизнь В. И. Гурко считал Вырубову весьма хитрой, изворотливой, хорошо понимавшей «особенности характера государыни» и научившейся в «совершенстве приемам воздействия на нее». По убеждению Гурко, без Вырубовой Распутин, «не взирая на все свое влияние, достичь ничего не мог»²⁸. Начальник дворцовой охраны генерал А. И. Спиридович пишет, что для того, чтобы в течение 12 лет удержаться в царском фаворе, как это сумела Вырубова, «надо было иметь что-либо в голове». Спиридович считает, что за Вырубовой стоял ее отец, бывший главноуправляющий собственной канцелярии царя, «мудрый и умный Танеев». С его помощью она

«втянулась в политическую интригу, показала вкус к ней»²⁹.

До революции «маленький Анин домик» в Царском Селе фактически был секретным политическим салоном, где обсуждались и некоторые вопросы государственного значения. Сюда для встречи с Александрой Федоровной и Николаем иногда приезжал Распутин (во дворце его старались не принимать, дабы его фамилия не была занесена в камер-фурьерский журнал). Здесь часто бывал министр внутренних дел А. Д. Протопопов, приставивший к Вырубовой своего осведомителя — сестру милосердия одного из царскосельских госпиталей Воскобойникову. Комнаты Вырубовой, пишет А. И. Спиридович, были «единственным местом, где их величества, не считая официальных приемов, соприкасались с внешним миром...»³⁰.

После освобождения Вырубовой из Петропавловской крепости (в июне 1917 г.) и появления ее в Петрограде именно к ней потянулись монархические осколки. Когда в начале августа (в это время семейство Романовых уже находилось в Тобольске) Сергей Марков посетил квартиру Вырубовой, то здесь, по его словам, он «застал целое общество, в большинстве мужчин, среди которых преобладал военный элемент»³¹. Был здесь кое-кто и из промышленных воротил. Так, например, в числе присутствовавших С. Марков называл «нефтяного короля» Манташева. В руки Вырубовой стали стекаться изрядные денежные суммы, предназначенные якобы для оказания помощи царской семье, причем большинство жертвователей по понятным причинам старались остаться анонимными.

Летом 1917 г. активизировалась и царистская контрреволюция за рубежом. В середине мая Временное правительство командировало в Европу своего эмиссара С. Г. Сватикова, который должен был обследовать русскую заграничную агентуру. Сватиков выполнил поручение, но подготовка доклада потребовала довольно длительного срока, и он представил его в МИД лишь в начале октября. Однако основные факты в нем относятся к лету 1917 г. В докладе содержались важные сведения (полученные, как писал Сватиков, из достоверных источников) о почти открытой контрреволюционной деятельности русских «сторонников старого режима», живших в странах Западной Европы еще до Февральской революции. «Контрреволюционное движе-

ние за границей,— отмечалось в докладе,— несомненно, существует и выражается в формах гораздо более крупных, чем это можно было бы ожидать на первый взгляд... Контрреволюционные организации находятся в настоящее время в периоде своего создания и взаимного сближения. В них принимают участие лица, занимавшие видное положение в среде бюрократии старого режима, а также, несомненно, многие лица, состоящие в настоящее время на службе Временного правительства, но назначенные при старом режиме». Доклад указывал на несколько таких контрреволюционных монархических гнезд в Европе, в том числе и в Лондоне. Здесь вокруг представителей династии Романовых сформировалась группа русских аристократов, бывших царских дипломатов и т. д., вынашивавшая планы «восстановления престола». В качестве одного из претендентов рассматривался великий князь Дмитрий Павлович, который, по мнению монархистов, снискал себе популярность убийством Распутина. Впрочем, не исключались и другие кандидаты, что было видно, по словам Сватикова, из того «низкопоклонства», которым в Лондоне были окружены проживавшие здесь Романовы.

Позднее, уже в августе 1917 г., в период корниловского мятежа, среди лондонских монархистов «появились надежды даже на реставрацию Николая II». Лондонская группа монархистов поддерживала через посольство одной из нейтральных стран связь с русскими монархистами, получая, минуя цензуру, письма от великих князей, живших в Петрограде и Крыму³².

Подобного рода монархические организации существовали и в других странах, в том числе во Франции. В Париже русские монархисты поддерживали тесные контакты с французскими реакционными кругами и вели «пропаганду в пользу Николая II» через некоторые их печатные органы. Монархическая агитация велась, в частности, в лагерях русских войск «Ла-Куртен», «Фельген» и др. Здесь довольно широко распространялись прокламации «монархического, а также юдофобского содержания», в которых Николай II изображался «невинным страдальцем за народ» и т. п. В Ницце, которая всегда была местом притяжения праздной русской аристократии, образовался монархический кружок, члены которого имели связи с Германией через Швейцарию³³.

Связь эта, по-видимому, осуществлялась через бывшего поверенного в делах царской России М. М. Бибикова. «В его руках,— отмечалось в докладе,— сосредоточено много денег, и он работает над восстановлением монархии в России»³⁴. Здесь, в Швейцарии, летом 1917 г. было создано монархическое общество «Святая Русь», в которое входили некоторые русские аристократы, царские дипломатические представители и агенты охраны. Члены этого общества и монархисты из других зарубежных групп дважды собирались в Лозанне. Речь шла «о реставрации Романовых и даже, если будет возможным, Николая II». Позднее, в августе 1917 г., когда Романовы уже были переведены из Царского Села в Тобольск, это общество оказалось причастным к попыткам организации побега царской семьи³⁵.

Довольно активно действовала монархическая группа, обосновавшаяся в Риме вокруг русского посольства. Участники этой группы наладили выпуск процаристской литературы, выпустив, в частности, такие брошюры, как «Вокруг Николая II», «Великое царство Николая II» и др.³⁶ Еще одним заграничным монархическим пунктом в докладе Сватикова называется Стокгольм³⁷.

«Целый ряд лиц, русских и иностранцев,— резюмировал он,— частным образом и официально указывал мне на недопустимость того положения, которое существует в смысле представительства России за границей — в дипломатическом, военном, финансовом и благотворительном отношениях. Все черносотенцы оставлены на своих местах и пользуются усиленной поддержкой таких же черносотенцев, оставшихся в управлениях и министерствах в Петрограде...»³⁸

Доклад Сватикова — одно из свидетельств того, что планировавшаяся Временным правительством отправка Романовых за границу (еще в марте 1917 г.) могла привести к серьезному усилению царистской контрреволюции. Мы уже знаем, что мартовский этап переговоров Временного правительства с английским правительством об отъезде Николая Романова и его семьи в Англию не дал результата: Романовы остались в России. Но вопрос этот не был снят с повестки дня. Приблизительно в середине мая начался новый — летний — этап этих переговоров. Со стороны Временного правительства их вел через английского посла Дж. Бьюкена преемник П. Н. Милюкова на посту министра

иностранных дел М. И. Терещенко. Но и эти переговоры, точно так же, как и мартовские, ни к чему не привели: до самого конца июля Романовы оставались в Царском Селе, а затем были отправлены в Тобольск. Отъезд в Англию оказался миражом, и этот «английский мираж» обернулся сибирской тайгой... Позднее, в период белой эмиграции, история «английского миража» неоднократно вызывала бурную полемику. Бывшие министры Временного правительства (Керенский, Миллюков, Терещенко) доказывали, что со своей стороны они делали все, чтобы вывезти Романовых, и если этого не случилось, то ответственность целиком лежит на английской стороне (особенно Д. Ллойд Джордже), которая вначале (в марте) выразила готовность предоставить убежище свергнутому царю, а затем изменила свое решение³⁹. «Наши усилия,— писал Терещенко,— закончились столь же неудачно, как шаги, предпринятые... в марте 17 года. В конце июня или начале июля, точно не помню, получился окончательный отказ»⁴⁰.

Напротив, бывшие английские политики писали, что их позиция в общем оставалась неизменной. Однако, поскольку Временное правительство «не сумело стать хозяином в собственном доме» и не решилось отправить царя за границу, правящие круги Англии вынуждены были считаться с этим⁴¹. Данную точку зрения разделяли и эмигранты-монархисты, в частности бывший царский премьер-министр В. Н. Коковцов. Он считал, что ответственность за судьбу Романовых несет Временное правительство, «оказавшееся во власти Совдепа»⁴².

Кто же был прав? Представляется, что ответ на вопрос о причинах провала плана отправки бывшего русского царя за границу следует искать не в позднейшей перебранке отставных «вершителей судеб», которые главным образом пеклись о своем реноме, а в реальной обстановке тех дней...

Впоследствии, в ходе полемики, Керенский утверждал, что летом 1917 г. «человек улицы» почти перестал интересоваться Романовыми и напряженность вокруг них явно спадала. Если бы это было и так, то изменение статус-кво арестованных Романовых — отправка их за границу, которую в массах склонны были рассматривать как бегство,— не могло бы не изменить такой позиции «человека улицы». Романовы продолжали оставаться символом свергнутого царского режима, симво-

лом ненавистного прошлого, разрушенного революцией, но прошлого еще слишком близкого, слишком живого, чтобы смотреть на него как на нечто безвозвратно канувшее в Лету. Для правительства (и прежде всего для Керенского, становившегося в нем центральной фигурой) царскосельские арестанты являлись теперь такой картой, неосторожный или неудачный ход которой мог бы нарушить шаткий баланс проводимой им политики лавирования, летом 1917 г., в свою очередь, уже принимавшей черты бонапартизма. «Министерство Керенского,— писал В. И. Ленин,— несомненно, есть министерство первых шагов бонапартизма. Перед нами налицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга»⁴³.

Что значило в таких условиях отправить Романовых за границу? Вероятнее всего, пойти на определенный риск новой волны резких протестов со стороны революционных масс, что, в свою очередь, могло бы значительно активизировать монархические элементы и без того крепнувшей бонапартистской (корниловской) контрреволюции, которая уже начала разочаровываться во Временном правительстве. Короче говоря, «передвижка» Романовых за рубеж могла бы дестабилизировать обстановку, которую Керенскому и всему Временному правительству так важно было иметь стабильной в условиях подготовки к июньскому наступлению на фронте. Что это так, подтверждает сугубо частное письмо русского посла в Испании А. Неклюдова премьер-министру Г. Е. Львову, переданное через Терещенко в начале июля. Неклюдов «приватно» сообщал, что испанский король Альфонс XIII в беседе с ним поднял вопрос о «личной безопасности» Романовых, на что он, Неклюдов, дал следующий ответ: «Всякие ходатайства извне в его (бывшего царя.— Г. И.) пользу могут лишь причинить затруднения Временному правительству и осложнить положение, уже и без того трудное». Поэтому утверждение Керенского, что Терещенко вел переговоры об отправке Романовых в Англию с «большей настойчивостью», чем его предшественник — Милюков, вызывает серьезное сомнение. По всем данным, эти переговоры скорее должны были носить характер пожеланий, предположений, и не более того. Керенский

и Терещенко, по-видимому, вели дело таким образом, что у англичан появлялся шанс уклониться от своего мартовского согласия на приезд Романовых в Англию. А этот шанс был им весьма кстати...

В «романовском деле» английское правительство само испытывало значительные трудности. В правящих кругах Англии, конечно, хорошо понимали, что политическая ситуация в России чревата переменами, способными по меньшей мере серьезно поколебать Временное правительство. Содействие его стабилизации было одной из важнейших задач союзных миссий, устремившихся в Россию весной и летом 1917 г. В составе этих миссий находились и социалисты (француз А. Тома, англичанин Гендерсон и др.). Именно через них правящие круги Запада пытались повлиять на Петроградский Совет, а затем и ВЦИК первого созыва в направлении всемерной поддержки политики Временного правительства. Но предоставление Романовым убежища в Англии могло внести ощутимый диссонанс в декларируемую ею политику поддержки «обновленной России», единства с ее новым, «демократическим духом». В эмиграции в ходе уже упоминавшейся нами полемики о причинах невыезда Романовых в Англию милюковская газета «Последние новости» опубликовала выдержку из лондонской «Дейли Телеграф», которая проливает яркий свет на позицию английских «верхов» в вопросе о Романовых. «Мы искренне надеемся,— писала газета,— что у британского правительства нет никакого намерения дать убежище в Англии царю и его жене. Во всяком случае, такое намерение, если оно действительно возникло, будет остановлено. Необходимо говорить совершенно откровенно об этом. Если Англия теперь даст убежище императорской семье, то это глубоко и совершенно справедливо заденет всех русских, которые вынуждены были устроить большую революцию, потому что их беспрестанно предавали пынешним врагам нашим и их... Мы говорим теперь совершенно откровенно и прямо: об убежище не может быть речи, так как для нас опасность слишком велика...»⁴⁴

В соответствии с некоторыми архивными документами, использованными английскими авторами А. Саммерсом и Т. Мэнголдом, именно под давлением «левой общественности» английское предложение о предоставлении убежища Романовым (официальное решение об

этом было принято в 20-х числах марта) к середине апреля начало «тихо испаряться»⁴⁵. Бьюкенсону было предложено сообщить в Петрограде о предпочтительности отправки семьи Романовых в другую страну, например во Францию. Соответствующие указания были даны английскому послу в Париже лорду Берти. Он, однако, ответил, что приезд Романовых во Францию также не будет приветствоваться. И в начале мая Бьюкенен сообщил Временному правительству, что до конца войны приезд царской семьи в Англию нежелателен⁴⁶. В последующие три месяца, пишут А. Саммерс и Т. Мэнголд, вопрос о предоставлении убежища Романовым в Англии «исчезает из официальной переписки»⁴⁷. Случайно ли это? По-видимому, нет. Если уже во второй половине апреля — начале мая англичане пришли к выводу о политической нецелесообразности приезда семьи бывшего царя в Англию, то тем более они должны были уверовать в это позднее. К тому же Временное правительство в летние месяцы 1917 г., как уже отмечено выше, само не склонно было активно будировать этот вопрос и официально ставить его перед английским правительством. Как «тихо испарялся» вопрос о предоставлении убежища Романовым в Англии, так и «тихо испарялся» вопрос об отправке Романовых из России. Обе стороны в общем хорошо понимали друг друга...

Вся история с несостоявшимся отъездом Романовых за границу опровергает позднейшие разглагольствования Керенского и других о том, что в основе отношения Временного правительства к свергнутому царю лежали только «гуманистические принципы». Не гуманизм, а так называемая реальная политика, конъюнктурный расчет брали тут верх...

Но если в силу политических соображений Англия для Романовых отпадала, то такие же соображения не позволяли продлить и их пребывание в «позолоченной тюрьме» Александровского дворца, вблизи бурлившего Петрограда. Позднее Керенский уверял, что июльские события в столице внушили ему беспокойство за судьбу царской семьи, и, опасаясь какой-либо новой революционной вспышки, он решил отправить ее в более безопасное место. Это утверждение находится в противоречии с утверждением Керенского о том, что «человек улицы» перестал интересоваться Романовыми. Но Керенский, пожалуй, прав в другом: революционные мас-

сы не испытывали кроважанных чувств по отношению к свергнутому царю. Вспомним, что, когда Петроградский Совет после «экспедиции Мстиславского» в Царское Село убедился, что Романовы «под надежной охраной», вопрос о них практически больше не возникал. Напротив, мы видели, что к лету вокруг Александровского дворца заметно активизировалась заговорщическая деятельность черносотенно-монархических элементов. Но главное даже было не в них. В середине июля Керенский уже располагал некоторыми данными о крепнувших антиправительственных настроениях в Ставке и увязывал их с угрозой монархической реставрации. Его подозрения особенно вызывала деятельность главного комитета «Союза офицеров армии и флота», а затем и нового «верховного» — генерала Корнилова. Поэтому есть все основания предполагать, что решение Керенского вывезти Романовых из Царского Села было продиктовано не столько боязнью революции, сколько боязнью тех крайне правых элементов, которые набирали силу в корниловско-бонапартистской контрреволюции. Одно из свидетельств тому — отказ переправить Романовых в Крым, куда они выражали желание уехать.

В Крыму уже находились некоторые члены бывшей императорской фамилии, в том числе мать Николая II Мария Федоровна, бывший верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, великий князь Александр Михайлович и др., с которыми семья Николая поддерживала связь. Здесь, в Крыму, монархисты создали свою организацию, так называемую «партию 33-х». В нее входили генерал Ностиц, барон Корф, сенатор Танеев (отец Вырубовой), графиня Келлер и др. По сообщениям местных газет, эта группа имела даже свой радиотелеграф, находившийся в Чаире. Еще в апреле 1917 г. в Ялту из Севастополя приезжала следственная комиссия в сопровождении матросов и солдат. Были произведены обыски в имениях великих князей, временно отключены телефон и телеграф и т. д.⁴⁸

В июле 1917 г. местные монархисты предприняли свою первую акцию: разбросали в Ливадии большое количество листовок с призывом восстановить монархию. Листовки были подписаны «Центральным комитетом общества „Вперед за царя и святую Русь“».

По-видимому, учитывая все это, Керенский отверг вариант с отправкой Романовых в Крым. Решено было остановиться на далеком сибирском городе Тобольске, находившемся на расстоянии около 250 км от ближайшей железнодорожной станции Тюмень.

По имеющимся в литературе сведениям, это решение было принято не без влияния известного черносотенца Гермогена, который после Февральской революции был назначен тобольским епископом «революционным» обер-прокурором синода В. Н. Львовым. Прибыв в Тобольск, Гермоген завязал переписку с Временным правительством, настаивая на переводе Романовых в Тобольск⁴⁹. В конце июля в Петроград на съезд губернских комиссаров Временного правительства приехал тобольский губернский комиссар В. Н. Пигнатти⁵⁰. Тогда-то, по-видимому, и были согласованы конкретные вопросы, связанные с переездом Романовых в Тобольск. Но почему именно в Тобольск? В основе этого выбора лежал, конечно, и политический расчет. Тобольск — это Сибирь, а Сибирь — это ссылка, и потому, отправляя туда бывшего царя, Керенский, по-видимому, рассчитывал «набрать очки» в левых кругах. Вместе с тем, выводя Романовых из зоны наибольшего революционного кипения, Керенский мог надеяться, что в правом лагере «тобольский вариант» будет понят как проявление заботы об их безопасности, что принесет ему некоторый дивиденд и здесь.

Как пишет в своих воспоминаниях Бенкендорф, перед отъездом Романовых в Сибирь он спросил у Керенского, как долго царская семья пробудет в Тобольске. Керенский доверительно ответил, что сразу же после Учредительного собрания, которое соберется в ноябре, Николай II и его семья смогут свободно вернуться в Царское Село или выехать в любое место, куда пожелают⁵¹. Сам Керенский позднее также писал, что, по его предположениям, весной 1918 г. Романовы из Тобольска смогли бы уехать за границу, первоначально в Японию⁵².

Несмотря на строжайшую секретность предстоящего отъезда Романовых, английский посол Дж. Бьюкенен все же был информирован о нем уже в середине июля. В телеграммах Бальфуру он писал, что министр иностранных дел Терещенко сообщил ему о предстоящем отъезде Романовых в Сибирь, где они «будут пользоваться большой личной свободой», и о том, что быв-

ший царь «остался доволен предложением переменить место жительства». Английский посол объяснял, что причиной переезда, по словам Терещенко, является «растущая среди социалистов боязнь контрреволюции». «Я,— писал Бьюкенен далее,— сказал министру иностранных дел, что, по моему мнению, эта боязнь неосновательна, поскольку дело идет о династии..» Однако после этого он добавлял: «Правда, существует движение в защиту порядка и сильной власти, но... это совершенно другое дело»⁵³. Но мы уже знаем, что так называемое «движение в защиту сильной власти и порядка» и реставрация монархии отнюдь не были такими совершенно разными «делами», как это считал английский посол...

Согласно разработанному плану, Николай II и его семья должны были поездом ехать до Тюмени, а оттуда паромом по рекам Тура и Тобол до Тобольска. В секретной телеграмме, которая 31 июля за подписью Керенского была направлена в Тюмень, Тобольск и Омск, сообщалось: «Экстренный поезд известного вам назначения выбывает 31 июля и прибудет 3-его [в] Тюмень. [К] тому же дню приготовьте паром и соответственно помещение [в] Тобольске»⁵⁴.

Багаж Романовых был огромен. Помимо необходимых вещей, они везли с собой много ценностей: старинную мебель, ковры, картины, а также фамильные брильянты. Их сопровождали 45 человек свиты и прислуги. Охрану нес специальный «отряд особого назначения», сформированный под личным наблюдением Керенского из солдат-фронтовиков (преимущественно георгиевских кавалеров) 1, 2 и 4-го стрелковых полков (всего 330 солдат и 6 офицеров). Отряд был заново вооружен (в том числе пулеметами), обмундирован, каждому солдату обещано высокое жалованье. Во главе отряда был поставлен начальник Царскосельского гарнизона полковник Кобылинский. Комиссаром отряда Временное правительство утвердило Макарова, того самого, который в начале марта вместе с другими думскими уполномоченными доставил Николая II из Ставки в Царское Село. В первом поезде размещались Романовы, свита и прислуга, во втором — солдаты «отряда особого назначения». Оба поезда шли «под флагами» японского (по другим данным — американского) Красного Креста с тем, чтобы избежать возможных инцидентов в пути. Впрочем, инцидент

(правда, единственный) возник уже в самом начале. Железнодорожные рабочие на станции Александровской, откуда Романовы должны были выехать, что-то заподозрили и задержали подачу паровозов. Керенскому пришлось лично приехать на место, чтобы уладить возникавший конфликт. «Первый революционный министр» не жалел сил для создания полного комфорта отъезжающим. Разрешил Керенский и встречу бывшего императора Николая II с несостоявшимся императором великим князем Михаилом Александровичем. При этом он демонстративно показал, что полностью доверяет Романовым. Е. А. Нарышкина сделала следующую любопытную запись в дневнике: «Приехал Михаил, Керенский его впустил, сел в угол, заткнул уши и сказал: „Разговаривайте!“»⁵⁵

Керенский сам написал инструкцию для охраны, сопровождавшей Романовых в Тобольск, и на всем пути следования до Тюмени лично получал телеграммы от Кобылинского, Макарова и др.

На рассвете 1 августа поезда двинулись в путь. Судя по дневниковым записям Николая и Александры Федоровны, путешествие прошло без всяких происшествий. Особой телеграммой Керенский выразил благодарность Кобылинскому и другим «за труды и порядок, которыми сопровождалось следование особых поездов из Царского Села в Тобольск»⁵⁶. Но не все было так безоблачно, как это официально представлялось. 5 августа из Екатеринбургского окружного Совета во ВЦИК поступила тревожная телеграмма. В ней сообщалось, что движение поезда с Романовыми вызывает «брожение среди населения», так как распространяются слухи, согласно которым поезд «имеет наряд Николаевск—Харбин»⁵⁷. Окружной Совет телеграфировал красноярскому, новониколаевскому и иркутскому Совдепам «проверить слух и принять меры в случае надобности»⁵⁸. Совет также просил информировать, «известны или нет ВЦИКу обстоятельства отправки Романовых Временным правительством в Тобольск»⁵⁹. Неизвестно, в связи ли с этой телеграммой, но 10 августа ВЦИК командировал своего члена В. В. Ивановского в Тобольск «для ознакомления с организацией охраны» Романовых⁶⁰. Командировка эта затем, по-видимому, была отменена вмешательством Керенского.

Несколько дней Романовы прожили на пароходе «Русь», а затем были размещены в специально отведен-

ном для них доме, ранее принадлежавшем тобольскому губернатору Ордовскому-Танаевскому. Часть свиты и прислуги поселились с ними, но большинство — в доме купца Корнилова, расположенном напротив. Это обстоятельство создавало весьма благоприятную возможность для общения с арестованными Романовыми, поскольку некоторым членам свиты и прислуги (бывшему генерал-адъютанту Татищеву, доктору Деревенько и др.) разрешалось свободно передвигаться по городу и посещать губернаторский дом. Монархисты полностью использовали предоставленную им возможность контактов с Николаем II. Оживление их деятельности было связано с приближением корниловщины...

Уже при Советской власти, в декабре 1917 г., рассматривалось так называемое «дело Доблера», кажется совершенно неизвестное в исторической литературе (многих обвиняемых по этому делу в ВЧК допрашивал лично Ф. Э. Дзержинский). Однако события, относящиеся к этому делу, происходили еще в августе — начале сентября. Борис Доблер, после Февральской революции прикомандированный к службе связи Государственной думы, состоял членом прокорниловской «Военной лиги». Когда он был арестован, у него среди других документов были обнаружены своеобразные донесения-рапорты, содержавшие сведения о подготовке контрреволюционно-монархического заговора. В соответствии с ними заговор, во главе которого стояли «бывшие члены Государственной думы, некоторые князья и большое количество генералов», имел своей целью низвержение Временного правительства и провозглашение конституционной монархии. Было выбрано и лицо, «которое, по всем вероятностям, займет место конституционного монарха». Это «лицо» находилось в Финляндии и являлось человеком «с большим характером и с большой популярностью при старом режиме». Силы, которые должны были осуществить переворот, составляли 8 тыс. офицеров, находившихся в Петрограде и готовых «выступить в любой момент». Кроме того, расчет делался на находившиеся в Вологде, Ярославле и Архангельске сербские части (из военнопленных), назначенные к отправке кружным путем в Месопотамию. Их предполагалось задержать и под руководством «опытных офицеров» направить на Петроград. Обо всем этом, судя по записям, содержавшимся в «рапортах» Б. Доблера, были информированы английское и

французское посольства. Выступление должно было быть скоординировано с «движением Корнилова», но провал корниловского мятежа заставил отложить его. Однако и в дальнейшем эта подпольная контрреволюционная организация продолжала готовить переворот, получая финансовую поддержку от промышленно-банковских кругов, представителей царской аристократии и «организации Пуришкевича»⁶¹.

Активизировалась в дни подготовки корниловщины и организация самого Пуришкевича, которая возникла еще в самом начале войны, когда он с помощью другого черносотенца, Б. Б. Глинского, основал в Петрограде «Общество русской государственной карты» с целым рядом филиалов. С течением времени «общество» превратилось в конспиративный центр, занимавшийся вербовкой офицеров и юнкеров и ведший довольно активную монархическую пропаганду.

Находясь в августе 1917 г. на Юго-Западном фронте, Пуришкевич пытался установить связь с его главным командующим А. И. Деникиным, который позднее писал: «Пуришкевич убеждал меня в необходимости тайной организации, формально на основаниях устава, утвержденного еще до революции — „Общества русской государственной карты“... Общество ставило себе действительной целью активную борьбу с анархией, свержение Советов и установление не то военной диктатуры, не то диктаторской власти Временного правительства. Пуришкевич просил содействия для привлечения в состав общества офицеров»⁶². Деникин, по его словам, отклонил предложение Пуришкевича, но это не охладило энергию того⁶³.

До правительства и его розыскных органов, видимо, доходили какие-то тревожащие сведения о конспиративной деятельности в правом лагере. Во всяком случае, именно в августовские дни были арестованы некоторые наиболее однозлые фигуры «старого режима», проводились обыски у «подозрительных лиц» и т. п. Такой обыск был проведен, в частности, у А. И. Гучкова. По сообщению газеты «День», у него было обнаружено письмо, в котором некто В. Покровский доверительно сообщал о деятельности Пуришкевича. По его сведениям, Пуришкевич, располагая большими средствами, вел активную агитацию в армии, главным образом среди офицерского состава. Смысл этой агитации сводился к тому, чтобы установить в стране «исключи-

тельную диктатуру, допускающую возможность чуть ли не даже возврата к старому, но в улучшенном варианте». Добиться этого Пуришкевич считал возможным путем полной ликвидации лидеров Советов и вообще всех крупнейших политических деятелей страны. К ним были отнесены даже такие, как Гучков, Милюков, Шульгин, Родзянко и др. Время выступления намечалось между 10—20 августа. Для него формировались небольшие боевые дружины из офицеров и гражданских лиц...⁶⁴

В дни Московского Государственного совещания Корнилов, принимая в своем поезде многих контрреволюционных «общественных деятелей», принял и Пуришкевича. Сведения об этом попали в печать, и корниловскому окружению пришлось разъяснять, что встреча эта была якобы чисто официальной и продолжалась несколько минут.⁶⁵

Глухим отголоском конспиративной деятельности монархистов стало нашумевшее в свое время «дело Хитрово», многое в котором, к сожалению, так и осталось неясным. Маргарита Хитрово — молодая фрейлина бывшей императрицы, близкая подруга старшей дочери Николая II, Ольги, — в середине августа выехала из Петрограда в Тобольск. Подобно упоминавшейся выше княгине Кантакузен, которая тайно доставляла письма Романовым от великих князей, находившихся в Крыму, она также везла с собой довольно обширную почту для царской семьи. В литературе нет указаний на какую-либо связь М. Хитрово с организацией Маркова-2-го или группой А. Вырубовой. Более того, впоследствии эмигранты-монархисты утверждали, что Хитрово «уехала самостоятельно, не по поручению каких-либо организаций»⁶⁶. Тем не менее трудно допустить, что, по крайней мере, Вырубова ничего не знала о ее поездке.

Согласно официальной газетной версии, М. Хитрово была арестована по неопытности. Уже с дороги она писала своей матери Л. В. Хитрово письма, в которых сообщала о том, что нахождение в Сибири якобы сочувствует бывшему императору, что организация помощи ему идет успешно и т. п. Не больше конспиративности проявила будто бы и старшая Хитрово. Своему хорошему знакомому — члену нижегородского суда — она «по секрету» рассказала о некоей казачьей организации, готовящей освобождение царской семьи, причем сообщила, что ее дочь М. Хитрово уехала в Тобольск с

соответствующей корреспонденцией для Николая II. Все эти сведения очень скоро стали достоянием прокурора московской судебной палаты А. Ф. Стааля, находившегося в тесных отношениях с самим Керенским.

Сама М. Хитрово позднее дала несколько иную версию своего ареста, чем та, которая содержалась в газетах. Она утверждала, что после обнаружения подпольной монархической организации, распространявшей воззвания о сборе средств в пользу Романовых, были произведены обыски и аресты в Петрограде и Москве. «Обыск в родственном мне доме,— писала Хитрово,— обнаружил мою поездку, и, поставивши ее в связь с заговором, послали телеграмму о моем аресте»⁶⁷. В это время в Москве закончилось Государственное совещание, на котором правые элементы открыто предъявляли требования установления контрреволюционной диктатуры. В связи с этим «дело Хитрово» было явно на руку Керенскому. «Меня,— писал он позднее,— заподозревали в заигрывании с реакцией»⁶⁸. Поэтому разоблачение действительного, а может быть, и сознательно раздуваемого заговора должно было «снять» эти подозрения и продемонстрировать «действенную борьбу» Керенского и Временного правительства не только с левой, но и с правой опасностью.

20 августа Временное правительство за подписью Керенского и министра внутренних дел Н. Авксентьева постановило «заключить под стражу» брата Николая великого князя Михаила Александровича, его жену графиню Н. Брасову, великого князя Павла Александровича, его жену княгиню О. Палей и их сына Владимира Палей⁶⁹. На основании этого постановления управляющий военным министерством Савинков отдал соответствующие распоряжения командующему Петроградским военным округом. В каждом из них указывалось, что лица, подлежащие аресту, представляют угрозу «обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе»⁷⁰. Другим постановлением правительства от того же 20 августа и с той же формулировкой обвинения за границу высылались генерал В. Гурко, распутницы А. Вырубова, П. Бадмаев, И. Манасевич-Мануйлов, редактор черносотенной газеты «Земщина» С. Глинка-Янчевский, штаб-ротмистр Г. Эльвенгрэн и некий В. Диц⁷¹.

Впрочем, заключенных под стражу вскоре выпустили; драматичнее оказалась судьба высланных. Эта

история стоит того, чтобы, забегаая вперед, о ней немного рассказать. Известие о высылке лиц, тесно связанных со «старым режимом», вызвало острое недовольство среди рабочих, солдат и матросов Финляндии. Почти на всех узловых станциях собирались толпы людей, поезд задерживали, возникали эксцессы. О масштабах стихийного протеста говорит тот факт, что 26 августа вопрос о «высылке за границу Вырубовой, Гурко и др.» обсуждался на экстренном заседании Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии.

Вопреки юзограмме ВЦИК, требовавшего исполнить постановление Временного правительства, Областной комитет 9 голосами против 2 высказался за задержание всех высылаемых. Показательна мотивировка принятой резолюции. В ней отмечалось, что «в настоящий момент при наличии обострившейся хозяйственной и финансовой разрухи и тяжелого положения на фронте всякое контрреволюционное движение, направленное к восстановлению монархического строя, способствует гибели революции и России» и для пресечения такого рода движений необходимы все меры, «вплоть до применения смертной казни»⁷². Резолюция Областного комитета — яркий пример того, что угроза монархической контрреволюции летом 1917 г. представлялась вполне реальной...

Вся группа уезжавших была задержана в Свеаборге (позднее некоторые из них, в том числе Вырубова, вынуждены были вернуться). Лояльная Временному правительству пресса подняла страшный шум по поводу «произвола Гельсингфорского Совета». Но уже упоминавшийся комиссар Временного правительства С. Г. Сватиков, уведомлявший в своем докладе о зарубежной монархической контрреволюции, признал, что «юридически возмутительный акт Гельсингфорского Совета с. и р. д. (задержка высланных в Свеаборге. — Г. И.) был продиктован правильным политическим пониманием вредности высылки за границу представителей черной сотни»⁷³.

Но вернемся к «делу Хитрово». 22 августа газеты («Известия» и др.) объявили «о раскрытии контрреволюционного заговора против республиканской власти в России» и об арестах в связи с этим в Москве, Петрограде, на юге России, а также в Сибири, точнее, в Тобольске, где была арестована М. Хитрово. Выяснилось, что по приезде в Тобольск она виделась с врачом

царской семьи Е. С. Боткиным и фрейлиной Александры Федоровны графиней А. Гендриковой, которой она и передала около 15 писем для Романовых. Письма эти были у Гендриковой изъяты, однако произвести обыск в губернаторском доме полковник Кобылинский не разрешил. В то же время он подтвердил, что нелегальная передача писем в губернаторский дом не исключена. Попутно выяснилось, что комиссар Временного правительства Макаров, сопровождавший Романовых в Тобольск, вообще передавал им письма без предварительной цензуры⁷⁴. Под охраной М. Хитрово была отправлена в Москву и заключена под стражу в здании судебных установлений в Кремле⁷⁵. Затем была арестована и мать Хитрово, на допросе указавшая на некоего офицера, который проживал в г. Режица и был, по ее словам, чуть ли не душой заговора. Офицер этот был арестован; им оказался прапорщик Б. Скакун, член «Союза казачьих войск». Во всяком случае, у него была обнаружена печать этого «союза» и списки лиц, являвшихся, как считали, жертвователями «в пользу тайного общества, поставившего своей целью возврат к павшему строю»⁷⁶. Как следует из сохранившегося в архиве канцелярии председателя Временного правительства письма матери Б. Скакуна на имя А. Ф. Керенского, этот прапорщик был связан с Хитрово финансовыми отношениями. «Дело моего сына в связи с делом Хитрово,— писала мать Скакуна,— но разница та, что у него ничего нет политического, а обвиняют его в вымогательстве денег у Хитрово. Но рассудите сами, г-н министр, как сын мог насильно взять у нее деньги? Она дала добровольно не только деньги, но и письмо своему родственнику. Дала она сыну 1000 рублей»⁷⁷.

23 августа «Известия» поместили заметку о беседе с прокурором Стаалем. «На наш вопрос,— говорится в ней,— основательны ли слухи, по которым целью заговора было простое желание освободить бывшего императора в Тобольске, А. Ф. Стааль заявил: „Это абсолютно неверно. Цель заговора — чисто политическая. Заговор возник до отъезда бывшего государя в Тобольск и имел целью ниспровержение существующего и восстановление старого строя“». Пока шло следствие (его вел помощник Стаалья, следовательно по особо важным делам П. А. Александров), в печать стали проникать сенсационные сведения о том, что нити заговора будто бы тянутся в разные города, что в него вовлече-

пы некоторые из великих князей, приближенных Николая II, и др.

Впоследствии, говоря о «деле Хитрово» в Чрезвычайной следственной комиссии, Керенский ни много ни мало утверждал, что оно было сфабриковано чуть ли не самими корниловцами для того, чтобы направить Временное правительство... на ложный путь! Фактически же монархический заговор, на след которого, возможно, напали розыскные органы Временного правительства, скорее отвлекал внимание от самой корниловщины, до какого-то момента поддерживаемой Керенским. На это прямо указывала большевистская «Правда» (в это время она выходила под названием «Рабочий»). Кадетская «Речь», писала она, напрасно смеется над тем, что Временное правительство якобы ищет контрреволюцию «под диваном у какой-то фрейлины». Монархические силы, безусловно, существуют и активизируются, но не они в данный момент являются ударным кулаком контрреволюции. «Контрреволюция милюковская — вот подлинный враг, вот главный враг». Конечно, если эта милюковская, буржуазная контрреволюция сокрушит революционные массы, она, всего вероятнее, возведет на престол кого-либо из Романовых. Но для того чтобы не допустить такую возможность, необходимо вести действительную, последовательную, а не маскарадную борьбу с буржуазно-помещичье-генеральской контрреволюцией. «Когда рабочие, солдаты и крестьяне справятся с ней,— писал „Рабочий“,— России не будет страшна „контрреволюция Маргариты“»⁷⁸. «Арестовать пару безмозглых кукол из семейки Романовых,— писал московский „Социал-демократ“,— и оставлять на свободе их главную опору в армии — военную клику из командных верхов во главе с Корниловым — это значит обманывать народ...»⁷⁹

Определенный свет на это дело проливают воспоминания самой Хитрово о ее поездке в Тобольск, опубликованные в 1922 г. Они носят противоречивый характер. С одной стороны, она утверждает, что поехала в Тобольск «не по поручению какой-либо организации, а по собственной инициативе и исключительно из желания быть ближе к арестованной царской семье». С другой же — пишет, что во время допроса в Кремле поняла, что «власти напали на следы действительно существовавшей организации, имевшей целью освобождение

царской семьи и возникшей еще во время пребывания царской семьи в Александровском дворце». И далее М. Хитрово свидетельствует: «Я знала и раньше об этой организации, но вследствие моих отношений с дворцом, а впоследствии намерения поехать в Тобольск я, боясь навлечь подозрение на царскую семью, не принимала в ней активного участия, полагая, что, находясь вблизи царской семьи, я всегда смогу ориентироваться, сообщать нужные сведения и вообще в решительную минуту оказать действенную помощь»⁸⁰.

Таким образом, связь М. Хитрово с какой-то подпольной монархической организацией, поставившей своей целью освобождение Романовых, вполне вероятна. Но Хитрово, по-видимому, хотели использовать и использовали как легального связника. Поскольку же, как мы видели, «дело Хитрово» было связано с контрреволюционным «Союзом казачьих войск», замешанным в подготовке корниловского мятежа, то лишний раз подтверждается, что в среде корниловцев имелись группировки, делавшие ставку и на реставрацию Романовых.

В связи со сказанным немалый интерес представляет беседа сотрудника «Известий» с последним министром внутренних дел Временного правительства А. М. Никитиным, происходившая накануне Октября. На вопрос о том, каковы были причины отправки Романовых из Царского Села в Тобольск в августе 1917 г., Никитин ответил: «Временное правительство сочло необходимым удалить их из Петрограда для того, чтобы ослабить или, вернее, в корне пресечь мысль о попытке восстановления их власти. Дальнейшие события показали, что Временное правительство было совершенно право. Представьте себе, что в корниловские дни семья Романовых находилась бы в Царском Селе. Как известно, около Петрограда группировалось немало частей, сочувствовавших Корнилову. Пребывание Николая Романова под самым Петроградом могло бы послужить для некоторых военных кругов, вернее, для маленьких групп сугубым соблазном...»⁸¹

Связывали свои надежды с корниловщиной не только монархические заговорщики, но и сами Романовы. По свидетельству П. Жильяра, «государь... лихорадочно следил за событиями, разыгравшимися в России. Он понимал, что страна гибла. Луч надежды вновь родился, когда генерал Корнилов предложил Керенскому

двинуться на Петроград. Его грусть была неописуема, когда он узнал, что Временное правительство отклонило это последнее средство спасения... Я тогда в первый раз услышал, как он пожалел о своем отречении...»⁸²

История с М. Хитрово все же не осталась без последствий для тобольских «узников». Сразу же после того, как это дело начало расследоваться, в «отряд особого назначения» был направлен новый комиссар Временного правительства (вместо уехавшего ранее Макарова) — В. С. Панкратов, а в качестве его заместителя — Никольский⁸³. При царизме Панкратов, как народоволец, сидел в Шлиссельбургской крепости, а затем многие годы находился в ссылке в Сибири. После Февральской революции он находился на посту председателя Совета Василеостровской народной милиции, а в июне 1917 г. перешел в штаб Петроградского военного округа, где заведовал культурно-просветительным отделом⁸⁴. Так бы и прослужил Панкратов второразрядным чиновником Временного правительства, если бы не его «особые заслуги» в июльские дни 1917 г., когда революционные массы Петрограда вышли на улицы с большевистским лозунгом: «Вся власть Советам!» В ответ Временное правительство, поддержанное меньшевистско-эсеровским ЦИК Советов, прибегло к репрессиям и клевете. В военной контрразведке были сфабрикованы документы, обвинявшие В. И. Ленина и других большевиков в связях с германским генеральным штабом. В. Панкратов, действуя вместе с ренегатом Г. А. Алексинским, подписал и 4 июля передал в печать фальшивку, положившую начало разнузданной антибольшевистской кампании⁸⁵.

Назначение Панкратова не отразилось сколько-нибудь существенно на режиме, установленном для Романовых командиром отряда полковником Кобылинским, которого Николай с полным основанием считал своим лучшим другом⁸⁶.

Уральский большевик А. Д. Авдеев, направленный из Екатеринбурга в Тобольск уже после Октябрьской революции, писал, что Романовы жили здесь весьма вольготно. Они занимали весь верхний этаж огромного губернаторского дома, комнаты их были уставлены роскошной мебелью, их обслуживало множество людей⁸⁷. Хотя прогулки по городу были Романовым запрещены, им разрешалось (правда, под охраной) посещать соседнюю с домом Благовещенскую церковь. Во время этих

«царских выходов» (да и вообще около губернаторского дома) собирались тобольские обыватели, среди которых было немало откровенно черносотенных элементов. В этой связи определенный интерес представляет доклад уже известного нам прокурора Московской судебной палаты А. Ф. Стааля Керенскому, датированный 25 августа. Прокурор сообщал, что он допрашивал председателя Тобольского Совета крестьянских депутатов Экземплярского, сопровождавшего в Москву арестованную М. Хитрово. Экземплярский, доносил прокурор, заявил, что население Тобольска в общем относится сочувственно к царской семье и перед домом, где они живут, всегда стоят небольшие группы, почтительно ожидающие момента, когда кто-либо из Романовых выйдет на балкон или появится в окне... По мнению Экземплярского, необходимо опубликование документов Чрезвычайной следственной комиссии, разоблачающих «изменническую» деятельность бывшего царя и в особенности бывшей царицы⁸⁸.

В Тобольске Романовым, как мы уже отмечали, удавалось поддерживать весьма прочные контакты с внешним миром. Осуществлялись они в основном двумя путями: посредством разрешенной переписки, а также через прислугу и некоторых лиц свиты, которая практически беспрепятственно могла выходить из губернаторского дома и возвращаться в него. Одна из приближенных бывшей императрицы — Шнейдер записала в дневнике: «Солдатам надоело нас сопровождать на прогулках... они хотели лишить нас вовсе прогулок, но потом разрешили нам выходить на 2 часа раз в неделю без солдата»⁸⁹. Это обстоятельство, по существу, лишало всякого значения цензуру, которой подвергалась почта Романовых. Вырубова, например, впоследствии писала: «Единственными светлыми минутами последующих дней была довольно правильная переписка, которая установилась с моими возлюбленными друзьями в Сибири. И теперь, даже вдалеке от России, я не могу назвать имена тех храбрых и преданных лиц, которые приносили письма в Тобольск и отправляли их на почту или привозили в Петроград и обратно. Двое из них были из прислуги их величеств...»⁹⁰.

Осенью 1917 г. с разрешения Временного правительства в Тобольск на жительство приехали сын и дочь уже упоминавшегося нами врача Е. С. Боткина, учитель англичанин Гиббс, фрейлина С. Буксгевден и не-

которые другие. Приезжали в Тобольск и временные посланцы, например придворный зубной врач Кострицкий и чиновник гофмаршальской части Царскосельского дворца барон де Бодэ, официально привезший дополнительный царский багаж. Одновременно установилась и поддерживалась нелегальная связь: уже ранней осенью в Тобольск начали прибывать специальные «курьеры», которых конспиративные монархические группы тайно направляли сюда для наблюдения и установления необходимых контактов...

Через своих родственников и друзей, оставшихся в России, Романовы имели «выход» и за рубеж. Как следует из доклада комиссара Временного правительства С. Г. Сватикова, заговорщические нити из Тобольска через Москву, Петроград и Крым тянулись, в частности, в Швейцарию, к упоминавшемуся нами обществу «Святая Русь», возглавляемому бывшим царским дипломатом Бибиковым и неким Сватковским. Сватиков доносил, что, по имеющимся у него данным, монархисты из этого общества связаны с теми кругами в России, которые ведут тайную работу по организации побега Романовых из Тобольска: «В этом направлении уже предприняты серьезные шаги. Для сношений пользуются датским курьером, равно как и курьером одной из южноамериканских республик (Чили или Уругвай)...» По сообщению Сватикова, монархисты дважды собирались в Лозанне, «причем на этих съездах обсуждались вопросы относительно устройства побега Николая II». Отсюда, из Швейцарии, русские монархисты поддерживали связь с Германией, в частности с Дармштадтом, где жили родственники Александры Федоровны, и получали оттуда немалые средства⁹¹.

Вполне благоприятствовала Романовым и политическая обстановка, сложившаяся в Тобольске. Власть здесь принадлежала кадетско-меньшевистскому Временному комитету общественного спасения. Соглашательский Совет рабочих и солдатских депутатов сколько-нибудь серьезного влияния не имел. Большевиков в городе было мало, буквально единицы, к тому же входили они в организацию, объединенную с меньшевиками⁹².

Один из тобольских большевиков — И. Коганицкий писал в своих воспоминаниях: «Я и еще некоторые товарищи написали в Тюмень и Омск. Пока же надежда была только на преданную нам группу гвардейцев из

12—13 человек во главе с подпрапорщиком Матвеевым, которая на одном из неофициальных собраний большевиков дала клятву, что она сама погибнет, но ни одному из членов „семьи“ не дадут выйти живыми, и для этого в каждой смене караула были вкраплены свои люди»⁹¹. Но горстка большевиков и небольшое число солдат «отряда особого назначения», которые их поддерживали, не могли, конечно, контролировать положение. Несмотря на то что в Тобольске был введен особый паспортный режим⁹² и у всех приезжавших проверялись документы⁹³, в городе проживало множество неизвестных лиц, в том числе офицеров.

В самом Тобольске и его округе стали появляться листовки с призывом «помочь царю-батюшке постоять за веру русскую, православную»⁹⁴, распространялись разного рода провокационные, подстрекательские слухи. В сентябре Тобольский исполком социалистической учащейся молодежи вынужден был издать специальную прокламацию, в которой призывал население не верить тем, кто утверждает, что «все бедствия из-за того, что нет царя», а о людях, которые будут «убеждать против нового правительства и за старого царя», сообщать местным властям⁹⁵.

Осенью после провала корниловщины усилился развал в армии — на фронте и в тыловых округах. Покидали свои части не только солдаты, но и офицеры. Но если первые пополняли революционные ряды, то офицерство, особенно та его часть, которая была либо прямо связана с корниловщиной, либо сочувствовала ей, уходило в контрреволюционное подполье. В Петрограде, Москве и ряде других городов возникало множество конспиративных контрреволюционных организаций, состоявших главным образом из прокорниловских юнкеров и офицеров, бросивших свои части и дезертировавших в тыл. То был настоящий горючий материал для контрреволюции: потерявшие свое привилегированное положение, влачившие подчас полуголодное существование и потому крайне озлобленные, эти люди готовы были идти на любые авантюры и без особого труда вербовались в различного рода тайные общества и союзы.

Один из таких авантюристов — некий К. Соколов впоследствии описал свое участие в попытке освободить царскую семью по поручению подпольной монархической организации, во главе которой стоял «присяжный

поверенный П.», связанной, как пишет Соколов, «с духовным миром» (в эту организацию входил, между прочим, епископ Нестор Камчатский, имевший контакт с тобольским епископом Гермогеном). Первая встреча К. Соколова с «присяжным поверенным П.» и с Нестором Камчатским состоялась в декабре 1917 г. в Москве. Вот как описывает ее Соколов: «Мы сели. Задав несколько вопросов о моей биографии, П. замолчал. Затем он поднялся и сказал: „Надо спасти царя, медлить нельзя, он в опасности“. Затем он вновь начал говорить об опасности, угрожавшей государю, и необходимости восстановить монархию, о войне, о подборе для выполнения задачи надежных людей»⁹⁸.

В конце декабря руководители этой организации устроили Соколову встречу с «курьером», который прибыл из Тобольска и должен был соответственно ориентировать Соколова. Встреча состоялась в помещении госпиталя на Яузском бульваре, а курьером оказался поручик лейб-гвардии Московского полка «Р» (Раевский.— Г. И.). Этот поручик сообщил, что «он и его брат были отправлены в Тобольск Пуришкевичем еще за 2—3 месяца до большевиков»⁹⁹.

В январе 1918 г. Соколов в сопровождении еще двух офицеров (он называет их «М» и «Г»), а также «курьера», поручика Раевского, уехал в Тобольск. По словам К. Соколова, согласно его заданию, предполагалось «вывести семью в Троицк, занятый оренбуржцами Дутова»¹⁰⁰. Для выполнения задачи предполагалось стянуть в район Екатеринбурга—Тюмени—Омска до 150 офицеров и юнкеров.

Прибыв на место, Соколов и его помощники установили необходимые контакты с местными монархистами (в том числе и с епископом Гермогеном, который согласился разместить ожидавшихся офицеров в одном из монастырей в 7 верстах от Тобольска), разведали систему постов охраны губернаторского дома и вошли в связь с Николаем. Он (т. е. Николай), пишет Соколов, передал, что «знает о нашем прибытии и цели и согласен, но при условии вывоза всех состоящих при нем»¹⁰¹.

План заговорщиков, однако, сорвался, так как неожиданно был арестован брат Раевского и один из офицеров, сопровождавших Соколова, к тому же Троицк, куда предполагалось отправить Романовых, был освобожден от дутовцев советскими войсками.

К. Соколову и другим офицерам удалось выбраться из Тобольска, а затем и из Тюмени, где они были задержаны моряками-балтийцами «Северного летучего отряда» мичмана С. Д. Попова, направленного из Петрограда на борьбу с дутовщиной¹⁰². «Нам,— писал К. Соколов,— бывшим на месте, было видно, что наша цель была вполне осуществима, что не хватало организатора и средств. Таких людей, как мы, для разведки, информации и боя нашлись бы сотни»¹⁰³.

Другая группа, включившаяся в дело освобождения Романовых, сформировалась вокруг бывшего сенатора Туган-Барановского, который еще осенью 1917 г. посылал своих людей в Тобольск. Упомянувшийся нами Сергей Марков в книге «Покинутая царская семья» писал, что, когда он в начале зимы 1918 г. готовился к поездке в Тобольск, его знакомые сообщили ему о деятельности Туган-Барановского и о том, что «он (Туган-Барановский.—Г. И.) предполагает отправить туда еще несколько человек...»¹⁰⁴. «Действует ли он по поручению какой-либо организации,— пишет С. Марков,— или на свой страх и риск, мне мои знакомые сказать не могли, но факт отправки людей в Сибирь был им доподлинно известен, и они рекомендовали мне обратиться к нему для получения информации»¹⁰⁵.

По словам С. Маркова, осенью 1917 г. Туган-Барановский вел переговоры об оказании «всяческой поддержки» царской семье с французским послом Нулансом и английским поверенным Линдлеем. Переговоры эти, однако, не привели ни к какому результату¹⁰⁶.

Как сообщает в своих воспоминаниях «секретарь» Распутина А. Симанович, группа Туган-Барановского действовала весьма активно. Ее люди якобы приступили к практической организации побега Романовых из Тобольска. «Близ дома заключения царской семьи,— пишет Симанович,— был нанят лобаз, в котором для отвода глаз была устроена пекарня. Из подвала пекарни были начаты работы по прокладке подземного хода к дому заключения. События развивались так быстро, что этот план не мог быть осуществлен»¹⁰⁷. В это сообщение, однако, трудно поверить, учитывая «хлестаковский» характер самого Симановича и его «мемуара». Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с отраженными слухами, которые, по словам Кобылинского, одно время действительно циркулировали в То-

больше и согласно которым под губернаторский дом, где жили Романовы, велся тайный подкоп¹⁰⁸.

Зимой активизировалась и уже известная нам организация Маркова-2-го, поддерживавшая связь с Тобольском через А. Вырубову. Марков-2-й уверял ее, что в его распоряжении находится более 100 офицеров, готовых выехать в Тобольск, но что остановка только из-за нехватки денег. Впоследствии, уже в эмиграции, Марков-2-й, выставлявший себя чуть ли не основной фигурой в деле освобождения Романовых, также сетовал на то, что у него «уходили целые месяцы, пока удавалось наскрести сколько-нибудь значительную сумму»¹⁰⁹. Однако это «самооправдание» Маркова-2-го опровергается другими эмигрантскими свидетельствами. Так, граф П. Бенкендорф писал в своих воспоминаниях, что крупные суммы (более 200 тыс. руб.), предназначавшиеся для бывшего царя, стекались к нему (Бенкендорфу) «с разных сторон», в том числе и от иностранных послов (имен их Бенкендорф не называет). Большую часть этих денег, по словам Бенкендорфа, он переслал через некоего «Х» в Тобольск¹¹⁰, но, конечно, не исключено, что другая их часть могла оказаться и в руках тех, кто готовил побег Романовых.

Другим пунктом сбора средств для царской семьи были московские монархические группы. Один из их руководителей — А. В. Кривошеин впоследствии показал, что для Романовых были собраны 250 тыс. руб. и через доверенное лицо (бывшего могилевского вице-губернатора Штейна) вручены в Тобольске Татищеву и Долгорукову. Через них было установлено и письменное общение с Романовыми¹¹¹.

Активно занималась сбором средств для Романовых и сама Вырубова. Главным источником ее доходов были предпринимательские круги. Особенно щедр был банкир К. И. Ярошинский, имевший широкие зарубежные связи. По некоторым данным, он передал Вырубой 175 тыс. руб.¹¹²

Таким образом, позднейшие жалобы Маркова-2-го на нехватку денег для его «спасательных операций» мало обоснованы. Единственное, что можно предположить, — это то, что если Марков-2-й действительно испытывал нужду в деньгах, то, по-видимому, потому, что ему лично не очень доверяли. Во время встречи Маркова-2-го с Вырубой последняя согласилась финансировать поездку в Тобольск лишь трех офицеров, в том

числе Сергея Маркова, которого знала лично. Кроме того, вслед за ним должны были выехать двое «марковцев»: ротмистр Гринвальд и сын бывшего члена Государственного совета С. Андреевский. Эта небольшая группа по прибытии на место должна была установить связь с двумя ранее выехавшими в Тобольск посланцами Маркова-2-го и Вырубовой: штаб-ротмистром Н. Седовым (он был агентом Маркова-2-го) и поручиком Б. Н. Соловьевым (доверенное лицо Вырубовой). На личности Соловьева следует остановиться несколько подробнее.

Он был сыном (родился в 1891 г.) казначея святейшего Синода, действительного статского советника Н. В. Соловьева, состоявшего в тесной дружбе с Г. Распутиным. В сводке полицейского наблюдения за Распутиным его имя (и имя его жены — поклонницы Распутина) встречается неоднократно¹¹³. Из отрывочных сведений, имеющих в белоэмигрантской и иностранной литературе, следует, что Борис Соловьев учился в Берлине, затем в качестве секретаря какого-то немецкого коммерсанта побывал в Индии, где некоторое время «обучался» в одной из «теософических школ», основанных в конце XIX в. знаменитой Блаватской, и, таким образом, приобщился к мистицизму и оккультизму.

В начале мировой войны Б. Соловьев — в России. По-видимому, благодаря связям своего отца он в чине поручика зачисляется во 2-й Запасный пулеметный полк, расквартированный в Петрограде. В то же время он при помощи «секретаря» Распутина А. Симановича вводится в распутинско-вырубовский кружок, в котором его «теософические» познания, вероятно, были «оценены по достоинству». В дни Февральской революции Б. Соловьев неожиданно оказывается в рядах думских «революционеров». Впоследствии (в 1919 г.), в показаниях, данных колчаковскому следователю Н. Соколову, Б. Соловьев уверял, что солдаты «притащили его в Думу»¹¹⁴. Но как бы там ни было, он попадает в военную комиссию Временного комитета Государственной думы.

Летом 1917 г., после освобождения Вырубовой из Петропавловской крепости, бывшие распутинцы вновь начинают собираться. Вероятно, именно с этого времени Соловьев становится одним из главных агентов Вырубовой, осуществлявших ее связь с царской семьей. После отправки их в Тобольск Соловьев направляется

туда же, устанавливает связь с епископом Гермогеном и Романовыми и в начале октября 1917 г. возвращается в Петроград. Здесь в цепи его авантюрной жизни появляется еще одно звено: он женится на старшей дочери Распутина — Матрене (Маре). В то время это был несомненно отчаянный шаг (имя Распутина было окружено всеобщим презрением), но Соловьев почти навсерьняка сделал его с определенной целью. Породнившись с семьей Распутина, с «незабвенным Григорием», он был вправе рассчитывать на особое, исключительное доверие «тобольских узников», и прежде всего бывшей императрицы. И он не ошибся. Когда в январе 1918 г. Соловьев со своей женой прибыл на родину Распутина, в село Покровское, а затем поселился в Тюмени (последнем железнодорожном пункте на пути в Tobольск), он, по существу, превратился в одну из главных фигур, через которую шла связь Романовых с «центром». Его имя и фамилия неоднократно упоминаются в дневнике Александры Федоровны в связи с записями об отправке и получении корреспонденции¹¹⁵. Встречается оно и в письмах бывшей императрицы А. А. Вырубовой, причем говорится о нем «полукодом». Например, 2 марта 1918 г. Александра Федоровна писала: «Бориса взяли; это беда, но не расстреляли,— он знал, что так будет...»¹¹⁶ 8 апреля: «Борис, вероятно, все еще там, хотя свободен»¹¹⁷. Связь с Романовыми Соловьев поддерживал через священника тобольской Благовещенской церкви А. Васильева и двух лиц из числа прислуги.

Белоэмигрантские и иностранные авторы много писали и пишут о Соловьеве, который представляется им одной из наиболее «таинственных фигур, встретившихся на пути обреченного царя»¹¹⁸. Одни утверждали и утверждают, что Соловьев был провокатором, якобы создавшим организацию-«ловушку», в которую один за другим попадались направлявшиеся в Tobольск монархисты. «Петроградской и московской организации,— пишет Т. Мельник-Боткина,— Соловьев и Васильев (отец Алексей.— Г. И.) давали все время сведения о сильной организации в Tobольске, состоящей из 300 офицеров, не требующей новых лиц, а исключительно только денежного пособия. Всех же все-таки стремившихся проникнуть к их величествам Соловьев задерживал в Тюмени, пропуская в Tobольск или на одну ночь, или совершенно неспособных к подпольной рабо-

те людей. В случае же неповиновения ему он выдавал офицеров совдепам...»¹¹⁹ Соловьев, таким образом, являлся тем, кто, собственно, в основном и ответствен за провал дела освобождения Романовых¹²⁰. Однако другие белоэмигрантские авторы категорически отвергали эту версию, считая, что легенда о провокаторстве Соловьева была придумана для оправдания тех, кто взялся за спасение Романовых, но так ничего и не сделал¹²¹. Третьи усматривали в Б. Соловьеве человека, который будто бы являлся «немецким проводом в Тобольске», «контролировал» там положение Романовых и каким-то путем информировал германскую агентуру и германское посольство в Москве¹²².

Уже после перевоза Романовых в Екатеринбург, оказавшись на территории, занятой белыми, Б. Соловьев некоторое время проживал по подложному паспорту во Владивостоке, а затем в начале 1919 г. был арестован (вместе с женой) и в Чите допрошен белогвардейским следователем Н. Соколовым. Из отобранных у него и его жены (впоследствии частично опубликованных) дневников можно составить вполне определенное представление о Соловьеве как о совершенно разложившейся личности. Поэтому представляется вероятным, что Соловьев скорее всего был проходимцем, стремившимся использовать свое «особое» положение «наследника Распутина» и нажиться на организации «спасения» Романовых (мы уже знаем, что монархисты переправляли Романовым немалые суммы). Отступая вместе с разбитыми колчаковскими войсками, Соловьев с женой из Маньчжурии бежал в Европу, где довольно долго влачил жалкое существование...

Но вернемся в Тобольск конца зимы и ранней весны 1918 г. В это время сюда прибыл посланец Маркова-2-го и Вырубовой — уже знакомый нам корнет Сергей Марков. Бывшая царица зафиксировала прибытие С. Маркова в своем дневнике. 12 марта 1918 г. она записала: «Сидела на балконе. Видела, как прошел мой экс-крымец Марков и также Штейн»¹²³. О прибытии С. Маркова в Тобольск записал в своем дневнике и Николай II¹²⁴.

В Тобольске С. Марков встретился со священником А. Васильевым и через него передал Романовым письмо, в котором сообщал, что «тетушка Иветта» (т. е. Марков-2-й) не забывает «их величества». Через Васильева С. Маркову были переданы сувениры от

«шефа» (Александра Федоровна была шефом Крымского конного полка, в котором служил С. Марков) и указание ехать в с. Покровское, а затем в Тюмень, где находились Б. Соловьев и агент Маркова-2-го Н. Седов.

Вопреки утверждению Т. Мельник-Боткиной и других, позднее обвинявших Соловьева в измене «монархическому делу», ни Н. Седов, ни С. Марков ни в какую ловушку, якобы расставленную Соловьевым для приезжавших офицеров-монархистов, не попали. Напротив, сумев легализоваться в Тюмени (вступив в формировавшийся здесь красноармейский отряд), С. Марков поддерживал с Соловьевым самые тесные отношения.

Обсудив положение, Соловьев, Н. Седов и С. Марков установили, что ко времени прибытия последнего в Тобольск, т. е. к марту 1918 г., в деле подготовки заговора по освобождению Романовых было достигнуто следующее: налажена прочная связь с «заключенными» в губернаторском доме; в Тобольске и ближайших к нему окрестностях сформированы группы «верных людей» и от Тобольска до Тюмени созданы «перевалочные пункты» на случай побега; установлен контроль над телефонами Тобольского Совета и «отряда особого назначения»¹²⁵.

Большую помощь заговорщикам оказывал тобольский епископ Гермоген. Он наладил контакт с местным контрреволюционным «Союзом фронтовиков», во главе которого стояла некая темная личность по фамилии Летмин. В кассу этого «союза» Гермоген пожертвовал 4 тыс. руб. «Союз», вспоминал тобольский большевик И. Коганицкий, «заял по отношению к Совету (тогда еще меньшевистско-эсеровскому) определенно враждебную позицию, угрожая арестовать исполком и захватить власть в свои руки, а Совет распустить...»¹²⁶. С другой стороны, Гермоген поддерживал контакты с некоторыми духовными сановниками в Москве и Петрограде, в том числе с патриархом Тихоном. Еще в ноябре 1917 г., сразу же после избрания Тихона на патриарший престол, Гермоген просил его поддержки в деле оказания помощи царской семье. По воспоминаниям С. Маркова, Тихон тогда ограничился передачей своего благословения бывшему императору, а от прямого содействия в освобождении Романовых отказался¹²⁷. Но имеющиеся данные свидетельствуют о том, что Тихон поддерживал какие-то законспирированные связи с теми монархистами, которые тянулись к Тобольску,

и некоторыми из Романовых¹²⁸. Например, он состоял в переписке с сестрой бывшей императрицы Елизаветой Федоровной, которая постриглась в монахини после убийства Каляевым ее мужа великого князя Сергея Михайловича, а в начале 1918 г. находилась в Екатеринбурге и Перми, откуда переписывалась с царской семьей.

Во всяком случае, Романовы были хорошо осведомлены о роли Тихона, Гермогена и креатуры последнего — Алексея Васильева. 23 января 1918 г. Александра Федоровна писала Вырубовой: «Священник этот (А. Васильев.— Г. И.), энергичный, преданный, борется за правду, очень милое лицо, хорошая улыбка... Он известен среди хороших людей, потому его от нас убрали, но может быть и лучше, так как он может больше делать теперь. Епископ (Гермоген.— Г. И.) за нас и патриарх в Москве тоже, и большая часть духовенства»¹²⁹. За день до этого бывшая царица писала Вырубовой о Гермогене: «Гермоген каждый день служит молебен у себя для папы и мамы» (т. е. для Николая и Александры Федоровны)¹³⁰.

По мнению многих лиц из окружения Романовых в Тобольске, уже в начале 1918 г. обстановка здесь была такова, что организация бегства бывшего царя и его семьи не представляла особых трудностей. «Никогда еще,— пишет П. Жильяр,— обстоятельства не были более благоприятными для бегства, т. к. в Тобольске еще нет представителя правительства большевиков... Было бы достаточно несколько энергичных людей, которые действовали бы снаружи по определенному плану и решительно. Мы неоднократно настаивали перед государем, чтобы держаться наготове на случай всяких возможностей»¹³¹. Жильяр не сомневался в том, что с помощью полковника Кобылинского было нетрудно «обмануть наглый и в то же время небрежный надзор наших стражей»¹³². Такого же мнения придерживалась и Т. Мельник-Боткина, дочь упоминавшегося нами царского врача Боткина, также жившая в Тобольске. По ее свидетельству, дело дошло до того, что солдаты одного из взводов «отряда особого назначения» сообщили полковнику Кобылинскому, что в свое дежурство они «дадут их величествам безопасно уехать»¹³³.

- ¹ Красный арх. 1927. Т. 1 (20). С. 138.
- ² Василевский (Не-буква) И. Николай II. Б. м., 1923. С. 9.
- ³ Касяков М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 381.
- ⁴ С царской семьей под арестом: Дневник обер-гофмейстринны Е. А. Нарышкиной // Последние новости. Париж, 1936. 10 мая.
- ⁵ Kerensky A. F. Russia and the History's Turning Point. N. Y., 1965. P. 332.
- ⁶ С царской семьей под арестом // Последние новости. 1936. 28 июня.
- ⁷ Известия. 1917. 21 мая.
- ⁸ Там же. 28 мая.
- ⁹ Высший монархический совет (еженедельник). Берлин, 1924. 24 апр.
- ¹⁰ Dehn L. The Real Tsarina. L., 1922. P. 237.
- ¹¹ Двуглавый орел. 1922. Вып. 30. С. 7.
- ¹² Princess Kantakuzen. Revolutionary Days. Boston, 1919. P. 171—172.
- ¹³ Танцева (Вырубова) А. Страницы из моей жизни. Б. м., 1923. С. 118.
- ¹⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 623 (А. Вырубовой). Оп. 1. Д. 11. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ Там же. Л. 2.
- ¹⁷ Последние новости. 1936. 7 июня.
- ¹⁸ Историк и современник. Берлин, 1924. Т. 5. С. 174.
- ¹⁹ Вестник высшего монархического совета. Берлин. 1924. 28 апр.
- ²⁰ Марков С. Покинутая царская семья. Вена, 1928. С. 160.
- ²¹ Вестник высшего монархического совета. 1924. 9, 22 июня.
- ²² Марков С. Указ. соч. С. 161.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии. Ревель, 1921. С. 45.
- ²⁵ Последние новости. 1936. 5 июля.
- ²⁶ Dehn L. Op. cit. P. 49; Botkin G. The Real Romanovs. N. Y.; L., 1931. P. 48—49.
- ²⁷ Руднев А. Ф. Император Николай II и его правительство: По данным Чрезвычайной следственной комиссии // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 4.
- ²⁸ Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 87.
- ²⁹ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Т. 1. С. 273.
- ³⁰ Там же. Нью-Йорк, 1962. Т. 3. С. 29.
- ³¹ Марков С. Указ. соч. С. 171.
- ³² Доклад Временному правительству комиссара Временного правительства С. Г. Сватикова о контрреволюционном движении за границей // Красный арх. 1927. № 1 (20). С. 26—27.
- ³³ Там же. С. 29.
- ³⁴ Там же. С. 32.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 29.
- ³⁷ Там же. С. 26.
- ³⁸ Там же. С. 36, 37.
- ³⁹ Керенский А. Ф. Отъезд Николая II в Тобольск // Воля России, Прага, 1921. 28 авг.; Он же. Еще об отъезде Николая II в Тобольск // Там же. 16 сент.; Он же. Екатеринбургская трагедия // Последние новости. 1932. 17 июля.
- ⁴⁰ Терещенко М. И. Письмо в редакцию // Последние новости. 1932. 21 июня.

- ⁴¹ Динго. Роль Ллойд Джорджа // Последние новости. 1932. 12 июня; см. также: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1936. Т. 3. С. 393; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Пр., Б. г. С. 207.
- ⁴² Коковцов В. Н. Было ли возможно спасти государя и его семью? // Возрождение. Париж, 1936. 22 янв.
- ⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 49.
- ⁴⁴ Последние новости. 1932. 12 июня.
- ⁴⁵ Summers A., Mangold T. The File on the Tsar L., 1976. P. 251.
- ⁴⁶ Ibid.; см. также: Керенский А. Ф. Издалека. Париж, 1922. С. 189.
- ⁴⁷ Summers A., Mangold T. Op. cit. P. 254—255.
- ⁴⁸ Новая жизнь. Петроград, 1917. 28 апр.
- ⁴⁹ Быков П. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 64; см. также: Ерошкин Н. Н. Последние Романовы и их судьба // Преподавание истории в школе. 1967. № 2. С. 88.
- ⁵⁰ Известия Тобольского временного комитета общественного спасения. 1917. 22 июля.
- ⁵¹ Benkendorf P. Last Days at Tsarskoe Selo. L., 1927. P. 107.
- ⁵² Buligin P., Kerensky A. F. The Murder of the Romanovs. N. Y., 1935. P. 118.
- ⁵³ Красный арх. 1927. Т. 5 (24). С. 151—152.
- ⁵⁴ ЦГВИА. Ф. 366 (кабинета военного министра). Оп. 2. Д. 1. Л. 23.
- ⁵⁵ Последние новости. 1936. 19 июля.
- ⁵⁶ ЦГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 28.
- ⁵⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 53. Д. 19. Л. 91.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. Л. 93.
- ⁶¹ Там же. Ф. 336 (следственной комиссии Петроградского Совета...). Оп. 1. Д. 100. Л. 29, 31, 31 об., 186.
- ⁶² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, Б. г. Т. 1, вып. 2. С. 156—157.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ День. Петроград, 1917. 10 окт.
- ⁶⁵ Головин Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 годах. Таллин, 1937. Ч. 1, кн. 1. С. 142.
- ⁶⁶ Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 39.
- ⁶⁷ Эрдели (Хитрово) М. Разъяснение о моей поездке в Тобольск // Двуглавый орел. 1922. Вып. 30. С. 10.
- ⁶⁸ Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918. С. 74.
- ⁶⁹ ЦГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 15. Л. 64; Известия. 1917. 24, 25, 27 авг.
- ⁷⁰ ЦГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 15. Л. 45—49.
- ⁷¹ Там же. Л. 61.
- ⁷² ЦГАОР СССР. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 460. Л. 34—34 об.
- ⁷³ Доклад Временному правительству комиссара Временного правительства С. Г. Сватикова о контрреволюционном движении за границей. С. 37.
- ⁷⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 3 (канцелярии министра-председателя). Оп. 1. Д. 259. Л. 3.
- ⁷⁵ Орем С. И. Заговор. Белград, 1931. С. 18.
- ⁷⁶ Известия. 1917. 8 сент.
- ⁷⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 361. Л. 205.
- ⁷⁸ Рабочий. Петроград, 1917. 30 авг.
- ⁷⁹ Социал-демократ. Москва, 1917. 24 авг.
- ⁸⁰ Эрдели (Хитрово) М. Указ. соч. С. 6, 10.

- ⁸¹ Известия. Петроград, 1917. 20 окт.
- ⁸² Русская летопись. Париж, 1921. Кн. 1. С. 121.
- ⁸³ Известия Тобольского временного комитета общественного спасения. 1917. 30 авг.
- ⁸⁴ ЦГИАЛ. Ф. 1093 (П. Е. Щеголева). Оп. 1. Д. 288. Л. 2.
- ⁸⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 521—522.
- ⁸⁶ Красный арх. 1928. Т. 2(27). С. 88.
- ⁸⁷ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 185; см. также: Захаров С. Последний путь последнего царя // Октябрь. 1967. № 3. С. 203.
- ⁸⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 259. Л. 5.
- ⁸⁹ Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 303.
- ⁹⁰ Танеева (Вырубова) А. Указ. соч. С. 145—146.
- ⁹¹ Доклад Временному правительству комиссара Временного правительства С. Г. Сватикова о контрреволюционном движении за границей. С. 32.
- ⁹² Борьба за власть Советов в Тюменской (Тобольской) губернии (1917—1920): Сб. документов и материалов. Свердловск, 1967. С. 20. Подробнее см.: Роцевский П. И. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959; Он же. Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965.
- ⁹³ Когиницкий И. 1917—1918 гг. в Тобольске: Николай Романов. Гермогеновщина // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 9.
- ⁹⁴ Известия Тобольского временного комитета общественного спасения. 1917. 25 авг.
- ⁹⁵ Панкратов В. С. С царем в Тобольске. Л., 1925. С. 15—16.
- ⁹⁶ Быков П. М. Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921. С. 6.
- ⁹⁷ Известия Тобольского временного комитета общественного спасения. 1917. 23 окт. (5 нояб.).
- ⁹⁸ Соколов К. Попытка освобождения царской семьи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 281.
- ⁹⁹ Там же. С. 282.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же. С. 286.
- ¹⁰² Фрайман А. Л. Форпост социалистической революции. Л., 1969. С. 258.
- ¹⁰³ Соколов К. Указ. соч. С. 290.
- ¹⁰⁴ Марков С. Указ. соч. С. 194—195; см. также: Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 44—45.
- ¹⁰⁵ Марков С. Указ. соч. С. 195.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 357.
- ¹⁰⁷ Симанович А. Распутин и евреи. Рига, Б. г. С. 202.
- ¹⁰⁸ Историк и современник. Берлин, 1924. Т. 5. С. 194—195.
- ¹⁰⁹ Высший монархический совет. 1924. 11(23) мая.
- ¹¹⁰ Benkendorf P. Op. cit. P. 129—130. 21 января 1918 г. бывшая императрица отметила в своем дневнике, что «„X“ деньги привез» (ЦГАОР СССР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332). Упоминается «X» и в ее письмах А. А. Вырубовой.
- ¹¹¹ Кривошеин К. А. В. Кривошеин: Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1923. С. 298.
- ¹¹² Быков П. Последние дни Романовых. С. 81; Марков С. Указ. соч. С. 249.
- ¹¹³ Распутин в освещении охранки // Красный арх. 1924. Т. 5. С. 273, 276 и др.
- ¹¹⁴ Соколов Н. Убийство царской семьи. Париж, 1925. С. 90.

- ¹¹⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332.
- ¹¹⁶ Танеева (Вырубова) А. Указ. соч. С. 169.
- ¹¹⁷ Там же. С. 173.
- ¹¹⁸ Frankland N. Imperial Tragedy: Nicholas II, Last of Tsars. N. Y., 1961. P. 134; Massie R. Nicholas and Alexandra. N. Y., 1967. P. 467.
- ¹¹⁹ Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 44—45.
- ¹²⁰ ЦГАОР СССР. Коллекция. Дневник А. А. Лампе, 19 мая 1922 г.
- ¹²¹ Марков С. Указ. соч. С. 356—357.
- ¹²² Новое время. Белград, 1925. 13 марта.
- ¹²³ ЦГАОР СССР. Ф. 640 (А. Ф. Романовой). Оп. 1. Д. 332 (дневник Александры Федоровны).
- ¹²⁴ Красный арх. 1928. Т. 2(27). С. 120.
- ¹²⁵ Марков С. Указ. соч. С. 239; см также: Последние новости. Париж, 1924. 30 марта.
- ¹²⁶ Коганицкий И. Указ. соч. С. 7.
- ¹²⁷ Марков С. Указ. соч. С. 250.
- ¹²⁸ Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции, 1917—1923. М., 1968. С. 50—51.
- ¹²⁹ Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 219.
- ¹³⁰ Там же. С. 216.
- ¹³¹ Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 196.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 46.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕТРОГРАД — МОСКВА — ТОБОЛЬСК

26 октября 1917 г. в результате вооруженного восстания рабочих, солдат и матросов Петрограда, руководимого Военно-революционным комитетом Петроградского Совета, Временное правительство было свергнуто. Когда группа красногвардейцев и революционных солдат вошла в Малахитовый зал Зимнего дворца, чтобы арестовать министров, Керенского среди них не оказалось. Еще утром 25-го на автомобиле под американским флагом он бросился в Псков, в штаб Северного фронта, чтобы побыстрее «протолкнуть» оттуда к столице карательные войска. Однако командующий Северным фронтом генерал В. Черемисов явно не торопился помочь Керенскому — главе правительства и верховному главнокомандующему. Что же определяло этот «саботаж»? Сам Черемисов позднее утверждал, что еще в середине октября (когда он уже был командующим Северным фронтом) Керенский уверил его, что в случае «выступления большевиков» с ними «справятся» части гарнизона, вследствие чего штаб фронта заранее не готовился к карательному походу на Питер¹. И все же скорее всего в «саботаже» Черемисова сказались желание командных «верхов» избавиться от опостылевшего Керенского, умноженное на понимание его обреченности. У Черемисова к тому же были достаточно сложные отношения с Керенским. Он, несомненно, не забыл, как Керенский летом 1917 г. фактически взял сторону нового главковерха Корнилова, отказавшего Черемисову в назначении на пост главкома Юго-Западного фронта. Тогда этот конфликт приобрел очень острый характер.

Так или иначе, но лишь с помощью комиссара Северного фронта меньшевика В. Войтинского Керенскому удалось двинуть на Петроград несколько сотен 3-го конного корпуса под командованием генерала

П. Краснова. Произошло то, чего не мог добиться Корнилов: в конце августа двинутый им на Петроград тот же 3-й конный корпус (только под командованием генерала А. Крымова) по приказу Керенского был остановлен; теперь сам Керенский вместе с Красновым, сменившим застрелившегося в корниловские дни Крымова, вел карательные части корпуса на Петроград. Но, как и тогда, до Петрограда «воинство» Керенского—Краснова не дошло. Под Пулковым оно было разбито советскими войсками и отброшено в Гатчину.

...Все теперь казалось Керенскому каким-то странным сном с быстро менявшимися, мелькавшими картинами, которые переворачивала чья-то невидимая рука. Закрыв глаза, он лежал на кушетке в одной из комнат верхнего этажа Гатчинского дворца, напряженно прислушиваясь к неясному гулу, шедшему снизу. Он знал, ему уже сказали, что там идут переговоры красновцев с прибывшими в Гатчину большевистскими матросами во главе с П. Дыбенко. Ему были известны и условия: его, Керенского, выдадут в Петроград в обмен на пропуск казаков на Дон с оружием и лошадьми.

Страх чем-то липким и холодным накатывал на сердце и мозг, обессиливая тело. Казалось, невозможно встать, невозможно пошевелить ни рукой, ни ногой. Лежать, неподвижно лежать, проваливаясь в какую-то бездну, в забытие... Керенский не пытался бороться с этой «черпой меланхолией». Приступы ее бывали у него и раньше, и он знал, что она приходит и уходит сама...

Отворилась дверь. Без стука вошел генерал Краснов. Вежливо, но очень настойчиво заговорил о том, что дела плохи, что Керенскому нужно ехать в Петроград, может быть, даже в Смольный, попытаться «договориться». Краснов уверял, что опасности не будет: он даст охрану. Иначе — ни за что нельзя ручаться: имя Керенского вызывает сильное раздражение и озлобление у казаков; в таких условиях невозможно не соглашаться на перемирие, которое предлагают большевики². Краснов говорил, что оно будет всего лишь тактическим маневром: подойдут пехотные части с фронта и борьба возобновится.

В сущности, в Гатчинском дворце повторялась псковская «черемисовщина». В Пскове в ночь с 25 на 26 октября генерал В. А. Черемисов, уклоняясь от посылки войск в Петроград, советовал Керенскому ехать в Могилев, в Ставку, сформировать там новое прави-

тельство «хотя бы из случайных людей»³ и оттуда начинать борьбу. Вряд ли Черемисов сомневался в нереальности своего совета, но он стремился любым путем избавиться от Керенского, «выпихнуть» его из Пскова в Могилев, куда угодно. Теперь в Гатчине Краснов, который несколько дней назад так опрометчиво откликнулся на призыв Керенского, также всеми силами стремился отделаться от него...

Керенский слушал апатично, иногда согласно кивая головой. Краснов ушел. В комнате остался только личный секретарь Керенского Н. Виннер. Впоследствии в своих мемуарах Керенский стремился представить события 1 ноября 1917 г. в Гатчинском дворце чуть ли не в стиле античной трагедии: бывший «властелин» и его молодой преданный «слуга» побратались и решили не сдаваться живыми, покончив жизнь самоубийством, «как только враги подойдут к двери».

Однако самоубийства не произошло. Решено было бежать. Впоследствии Керенский утверждал, что его уход из дворца совершился почти внезапно («я ушел, не зная еще за минуту, что пойду...»)⁴. Но очень сомнительно, чтобы это было так. Мысль о побеге у Керенского или у людей из его окружения, по всей вероятности, должна была появиться сразу после устроенного им еще 30 октября «военного совета». Обсуждался один вопрос: воевать или соглашаться на перемирие, предложенное Викжелем. Большинство тогда высказалось за перемирие, и Керенский не мог не понимать, что крысы вот-вот побегут с корабля. Так и случилось. Б. Савинков, назначенный Керенским командующим «обороной Гатчины», вдруг потребовал подписать ему бумагу о командировке в Ставку для организации подкреплений, получил эту бумагу и быстро «убыл». После отъезда Савинкова и некоторых других «персон» (В. Б. Станкевича, В. С. Войтинского и др.) начало рассеиваться и «свитское» окружение Керенского...

Разговор с Красновым, по-видимому, окончательно укрепил Керенского во мнении, что бежать надо немедленно. Вопрос о том, каким образом Керенскому удалось ускользнуть из Гатчинского дворца, до сих пор остается не вполне ясным (сам Керенский так и не рассказал об этом). Но частичный свет проливают воспоминания некоторых из тех, кто в дни мятежа оказался в гатчинском лагере.

Представители «революционной демократии» (эсеры и меньшевики) сознавали, что Керенский вместе с монархистом Красновым, возглавив 3-й конный корпус, компрометирует себя политически: ведь это был, как мы уже отмечали, тот самый корпус, который генерал Крымов вел на Петроград в дни корниловщины. Поэтому в сумятице событий некоторые эсеры (в том числе прибывший в Ставку В. Чернов и назначенный комиссаром 3-го конного корпуса Г. Семенов) лихорадочно пытались сколотить какую-нибудь «революционную часть», которая, влившись в войска Керенского—Краснова, хотя бы несколько уменьшила их откровенно контрреволюционную репутацию. Ничего из этого не получилось. В Луге удалось собрать только небольшую «эсеровскую дружину» — около 10 человек. Возглавил ее Г. Семенов, и, когда она прибыла в Гатчину, ее задача свелась лишь к обеспечению личной охраны Керенского, поскольку появились слухи о том, что красновские офицеры «составили заговор против Керенского»⁵. «Когда,— писал впоследствии Г. Семенов,— стало ясно, что Керенский будет выдан, я организовал его побег»⁶.

Другой эсер, В. Вейгер-Редемейстер, исполнявший в Гатчине обязанности «начальника по гражданской части», присутствовал при разговоре Керенского с Семеновым и Виннером и слышал, как Виннер сообщал о существовании тайного выхода из дворца⁷. Затем Семенов ушел, но вскоре вернулся с каким-то матросом. Керенский обо всем этом не пишет ни слова. В его изложении, к нему в комнату неожиданно вошли «некто гражданский», которого он знал раньше, и «матрос Ваня». По всем данным, этим «гражданским» был Г. Семенов, а «матрос Ваня», вероятно, входил в «эсеровскую дружину». Его переодели в «матросский костюм», на глаза надели «автомобильные консервы». Не спеша, чтобы не привлекать внимания, Керенский и его спутники вышли из комнаты в коридор, а затем из дворца. Стоявший у окна Вейгер-Редемейстер видел, как они шли по парку «через шумевшую толпу». У Китайских ворот ждала машина. Через мгновение она уже мчалась по направлению к Луге.

Краснов, оставшийся в Гатчине, был арестован и доставлен в Петроград. Там он дал «честное слово офицера», что не будет вести борьбы против Советской власти, и был отпущен на Дон. Победившая революция

проявляла великодушие и не хотела мстить своим врагам...

Конец 1917 г. и первый месяц нового 1918 г. прошли в напряженной борьбе революции с двумя главными контрреволюционными очагами: Ставкой верховного главнокомандующего, пытавшейся собрать ударные кулаки войск для нанесения удара по революционному Петрограду, и Учредительным собранием, вокруг которого объединились все антибольшевистские силы в надежде на ликвидацию Советской власти. Эта борьба была теснейшим образом связана с одной из главных задач Советской власти — достижением мира.

В начале ноября генерал Н. Н. Духонин отклонил требование Совета Народных Комиссаров немедленно начать переговоры о перемирии на фронте, за что был смещен с поста главковерха. Новым верховным главнокомандующим стал Н. В. Крыленко. С отрядом революционных солдат и матросов он двинулся к Могилеву. Сознывая, что Ставка как контрреволюционный центр обречена (солдатские массы фронта безоговорочно поддерживали Советскую власть), Духонин совершил шаг, оказавшийся для него роковым.

Явно по предварительному сговору с прокорниловским «Совещанием общественных деятелей» (собиралось в Москве), с донским атаманом А. Калединым, с Корпиловым и другими мятежными генералами (они находились под арестом в г. Быхове, недалеко от Могилева) решено было начать создание контрреволюционной, антисоветской базы на калединомском Дону. В октябре 1927 г. газета П. Б. Струве «Возрождение» поместила статью, посвященную десятилетию возникновения «белого движения». Автором ее, по всем данным, был Струве, тесно связанный с этим движением с самого начала. В статье отмечалась почти полная «синхронность» победы Советской власти (7 ноября н. стиля) и возникновения Добровольческой армии на Дону (15 ноября н. стиля). «Сама краткость промежутка между этими событиями,— говорилось в статье,— определенно показывает, что они подготовились одновременно. Несомненно, что основатель Добровольческой армии генерал Алексеев отлично знал, куда ему надо идти, чтобы противостоять тому, что готовилось России... Несомненно, что и генерал Корнилов, покидая во главе своих тескинцев быховскую тюрьму... тоже знал, куда он идет, знал, где начнет движение против крас-

ных...»⁸ В воспоминаниях члена Чрезвычайной комиссии по делу Корнилова полковника Н. Украинцева имеется прямое подтверждение факта сговора корниловцев о создании антисоветской базы на Дону. Когда Украинцев вскоре после Октября прибыл в Быхов, его попросили зайти к Корнилову. «Корнилов,— пишет Украинцев,— сказал, что все узники скоро уйдут отсюда». На удивленный вопрос «куда», Корнилов ответил: «Уйдем мы на Дон, туда рука большевиков не дотянется... На Дону мы начнем собирать силы против большевиков...»⁹ С ведома Духонина бегство корниловцев на Дон подготовлялось в тайне. Член главного комитета «Союза офицеров армии и флота» капитан Чунихин несколько раз секретно ездил в Петроград и, пользуясь своими связями в Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о корниловском мятеже (скорее всего, с членом комиссии скрытым корниловцем полковником Раупахом), получил несколько чистых, но уже подписанных и заверенных бланков об освобождении из-под ареста¹⁰.

Еще несколько таких же бланков доставил в Ставку полковник Н. Украинцев. Конечно, «быховцы» могли уйти из своей «тюрьмы» и без этих липовых «справок». Они скорее нужны были Духонину, понимавшему, что отвечать за бегство вождей контрреволюции скорее всего придется ему. Не учел он только одного: перед революционными массами ответ придется держать не по официальным бумагам...

18 ноября быховская «тюрьма» опустела. Переодевшись в солдатские шинели и штатские пальто, уехали на Дон А. Деникин, А. Лукомский, И. Романовский и С. Марков. Туда же «походным порядком» во главе нескольких эскадронов верного ему Текинского полка пошел и сам Корнилов.

В Могилеве, в Ставке, также лихорадочно готовились к бегству: уже начали погрузку эшелонов на Киев, но было поздно. Советские отряды Н. В. Крыленко вступили в Могилев. Как только разнеслась весть о бегстве корниловцев, к поезду нового главковерха (в котором находился и Духонин) бросилась толпа солдат и матросов. Несомненно, в ней орудовали провокаторы и подстрекатели. Взобравшись на площадку вагона, какой-то человек в матросской форме хрипло кричал: «Керенский уже удрал, Корнилов удрал, Краснов также... Всех выпускают, но этот (т. е. Духонин.—

Г. И.) не должен уйти!» Напрасно Крыленко и комиссар отряда С. Рошаль страстными речами пытались охладить ярость собравшихся на станции. Оттолкнув «матроса», заговорил Крыленко. Он убеждал не пятнать честь Советской власти самосудом и убийством. Духонин, говорил он, будет доставлен в Петроград и предстанет перед судом. И когда казалось, что худшее позади, с противоположной стороны на площадку вагона ворвалась группа солдат и матросов. Крыленко и Рошаль отбросили в сторону. Через мгновение произошла трагедия... ¹¹

Если духонинская Ставка, освободившая корниловцев и способствовавшая их бегству на Дон, во многом положила начало южной кадетско-монархической белогвардейщине (деникинщине, врангельщине), то распущенное Советской властью Учредительное собрание стало одним из источников восточной контрреволюции, выступившей под знаменем «демократии», лозунгом «третьей силы», а затем ставшей ступенькой к колчаковщине. Эсер В. Зензинов писал, что «собрание вооруженных сил сперва для защиты Учредительного собрания, а после его разгона для возобновления работ» началось сразу же после Октября. Возглавляла это «собрание» партия эсеров, которая, по словам В. Зензинова, «ни на минуту не отказывалась от мысли разбить большевиков вооруженной силой» ¹².

12 оставшихся на свободе членов бывшего Временного правительства опубликовали заявление, что именно они являются «единственной в стране законной верховной властью», и для «устранения» Совета Народных Комиссаров призвали всех сплотиться вокруг Учредительного собрания. Затем последовало их «постановление» об открытии Учредительного собрания 28 ноября, в 2 часа дня, в Таврическом дворце. В этот день 42 члена Учредительного собрания — эсеры и кадеты — действительно явились в Таврический дворец, открыли заседание «частного совещания» и объявили, что будут проводить их до тех пор, пока не соберутся в числе достаточном для открытия пленарного заседания Учредительного собрания. Но уже через день «совещания» прекратились: в Таврическом дворце появился отряд матросов во главе с большевиком Благоднавым и предложил собравшимся разойтись...

Однако идея ликвидации Советской власти с помощью Учредительного собрания жила и крепла в

контрреволюционной, главным образом эсеровской, среде. С ней связывал свои надежды и Керенский, который после бегства из Гатчины скрывался сначала в одной из деревень под Лугой, а затем перебрался под Новгород. Через секретно навещавших его эсеров В. Зензинова, Б. Моисеенко и В. Фабриканта он добивался эсеровской санкции на свое появление в Учредительном собрании с призывом к вооруженной борьбе против Советской власти. Но даже эсеровская фракция предпочитала вести свою антисоветскую игру без Керенского — этой битой политической карты. Ему рекомендовали оставаться в подполье (вскоре он нелегально уехал в Финляндию, а ранней весной также нелегально приехал в Петроград, а затем в Москву).

Советское правительство открыло Учредительное собрание 5 января 1918 г. Избранным по дооктябрьским спискам депутатам, большинство которых составляли эсеры, от имени ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов было предложено присоединиться к «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В соответствии с ней Россия объявлялась Республикой Советов, учреждаемой на основе свободного союза свободных народов. Частная собственность на землю отменялась и земля без выкупа передавалась трудящимся. Объявлялось о начале национализации банков, фабрик, заводов, железных дорог. Провозглашалась политика мира. Короче говоря, Учредительному собранию предлагалось санкционировать выбранный народом социалистический путь развития. Но собрание отказалось это сделать, хотя В. Чернов, избранный его председателем, в своей речи констатировал, что страна показала небывалое в истории стремление к социализму. Тогда большевистская фракция обнародовала следующее заявление: «Громадное большинство трудовой России — рабочие, крестьяне и солдаты — предъявили Учредительному собранию требование признать завоевания Великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всероссийский ЦИК, выполняя волю этого громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло

это предложение, бросив вызов всей трудящейся России... Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению... Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»¹³.

6 января ВЦИК Советов принял постановление о роспуске Учредительного собрания. Ни один из его депутатов не пострадал. В. И. Ленин требовал их полной безопасности, особо предписав «товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания», «свободно выпуская всех из Таврического дворца»¹⁴. Многие из них погибли позже, в конце 1918 г., когда белогвардейские офицеры «верховного правителя» адмирала Колчака ликвидируют «Съезд членов Учредительного собрания» в Екатеринбурге, арестуют некоторых из них в Уфе и убьют в Омске, на берегу Иртыша. Но теперь, в январе, уходя из Таврического дворца, они, конечно, не предвидели своей судьбы и истерически грозили большевикам, что еще соберутся вновь, «чтобы продолжить свою работу»¹⁵.

Острейшая борьба вокруг Учредительного собрания сопровождалась террористическими актами, по некоторым данным совершенными контрреволюционными элементами, связанными с правыми эсерами. В начале января было совершено покушение на В. И. Ленина. Неизвестные лица обстреляли его автомобиль, и, возможно, только находчивость Ф. Платтена, который пригнул голову Ленина, спасла ему жизнь. Через несколько дней была предпринята попытка покушения на М. Урицкого, и почти одновременно произошел трагический инцидент, который мог серьезно дискредитировать Советскую власть.

6 января, выступая на заседании ВЦИК, В. И. Ленин прямо говорил, что революция «не может сразу быть преподнесенной народу в чистеньком, гладеньком, безукоризненном виде... И те, кто доказывает вам противное — те либо лгуны, либо человеки в футляре».

Но только мощь Советов, которые по-пролетарски, по-крестьянски ломали отжившие устои буржуазного строя, способна была теперь покончить с «временными проявлениями хаоса, разрухи и беспорядков»¹⁶.

Что же произошло? В ночь с 6 на 7 января было совершено убийство двух членов кадетского ЦК, Ф. Кошкина и А. Шингарева, по распоряжению Наркомюста переведенных из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу. Известно, что в убийстве участвовали анархистствующие матросы. Однако из показаний некоторых конвойных (зафиксированных в официальном обвинительном заключении) следует, что в группе матросов, одетых в бушлаты и бескозырки с надписями «Ярославец» и «Чайка», находились какие-то лица в штатском и шапках. Из того же обвинительного заключения видно, что фактическими организаторами преступления являлись начальник милицейского комиссариата 1-го городского района П. Михайлов и его подручный П. Куликов, вербовавшие и подстрекавшие матросов и др.¹⁷

Немедленно по получении сообщения о том, что произошло в Мариинской больнице, В. И. Ленин дал распоряжение о разыскании и наказании преступников¹⁸. Была создана следственная комиссия в составе В. Бонч-Бруевича, наркомюста Штейнберга и наркома по морским делам Дыбенко. А. М. Коллонтай вспоминала, что потрясенный случившимся Ленин говорил ей: «То, что вынужден был терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости»¹⁹. Не всех участников преступления удалось привлечь тогда к суду Революционного трибунала. Но пролетарская диктатура с самого начала повела борьбу не только против враждебных ей классов, но и решительно надевала узду революционной законности на анархические проявления и уголовщину.

Вернемся, однако, к Учредительному собранию. Уже в январе 1918 г. был создан так называемый «Межфракционный совет (или бюро) Учредительного собрания». О деятельности этого «совета» известно немного, между тем тесно связанный с ним уже упоминавшийся В. О. Фабрикант (верный «оруженосец» беглого Керенского) в своих воспоминаниях заметил, что работа «совета» полностью не оцелена ни мемуаристами, ни историками²⁰. Но из воспоминаний кадета Н. И. Астрова.

энеса Н. В. Чайковского, эсера В. Зепзинова и других лиц, входивших в этот «совет», а затем в фактически созданный им «Союз возрождения России», можно составить некоторое представление о его деятельности. «Совет», заседавший «в чьей-то докторской квартире на Девичьем поле», объединил «по личному признаку» представителей всех политических партий и групп, за исключением левых эсеров слева и монархистов-черносотенцев справа. Сначала «совет» планировал возобновить работу Учредительного собрания в Киеве, но там в январе 1918 г. победила Советская власть. На Дон, к Каледину, ехать не решились: с прибытием туда «быховских беглецов» Новочеркасск стопроцентно становился корниловским и «демократам» из «Межфракционного совета» это внушало опасения. В конце концов перебрались в Москву...²¹

«Совет», а затем «Союз возрождения России» вели работу по сколачиванию собственных военных кадров, контрреволюционных «военно-боевых организаций»²². Здесь вновь на какое-то время всплыло уже знакомое нам имя бывшего «комиссарверха» М. Филоненко, исчезнувшего было со сцены после провала корниловщины. В контакте с некоторыми членами военной комиссии ЦК партии эсеров он формировал теперь террористические группы в отдельных частях Петроградского гарнизона, а в начале весны 1918 г. уехал в Архангельск...²³

«Межфракционный совет» Учредительного собрания, ЦК партии эсеров, «Союз возрождения России» заложили основы контрреволюции на Востоке и на Севере страны...

Но как ни драматически складывалась борьба Советской власти с контрреволюционной Ставкой и попытками антибольшевистских сил сплотиться под знаменем Учредительного собрания, судьба социалистической революции в эти месяцы зависела все-таки от решения вопроса: война или мир? Сразу же после прихода к власти Советское правительство обратилось ко всем воюющим державам с предложением заключить справедливый, демократический мир. Правительства Антанты отвергли это предложение, рассчитывая в ближайшее время завершить войну разгромом Германии и ее союзников. Правящие круги Четверного союза во главе с Германией, вынужденного вести изнурительную войну на двух фронтах, откликнулись на предложение.

Но кайзеровское правительство Вильгельма II думало при этом не о прекращении кровавой бойни, не о справедливом мире, а о захвате максимально большой территории бывшей Российской империи, об экономическом ограблении ее в целях усиления своей боевой мощи и продолжения войны с Антантой «до победного конца».

Могло ли пойти Советское правительство на такой грабительский, «похабный», как его называл В. И. Ленин, мир? Левые эсеры, наряду с большевиками входившие в Советское правительство, и «левые коммунисты», образовавшие в январе 1918 г. свою фракцию, используя «ультрареволюционные» фразы и лозунги, выступили вообще против подписания мира. Они требовали ведения революционной войны против империалистической Германии и ее союзников, заявляя о «принципиальной недопустимости» мира с империалистами. Даже независимо от того, что некоторые из «левых коммунистов», возможно, действовали, «исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций»²⁴, их позиция объективно была на руку контрреволюции. Разоренная и измученная четырехлетней войной, не имеющая еще своей армии, Советская Россия не в состоянии была выдержать столкновения с германскими дивизиями. И те, кто ненавидел Советскую власть, напряженно следили за исходом борьбы за мир, которую вели большевики во главе с Лениным, страстно желая победы «ультрареволюционной» фразы над здравым смыслом, над пониманием *«изменения условий»*, требующего быстрого, крутого изменения тактики»²⁵. Диалектика реальной практики и реальной политики объективно смыкала крайне левых с крайне правыми. А последние готовы были предпочесть всему германскую оккупацию страны и установление «немецкого порядка»...

Но большевистская партия и Советы пошли за Лениным. IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов большинством голосов принял ленинскую резолюцию, в которой говорилось: «Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. Съезд признает правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, пасивистский и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего исто-

щения войною сил народа...»²⁶ Подписание Брестского мира, несмотря на его грабительский характер, было победой Советской власти. Ценой тяжелых жертв и уступок партия и Советское правительство спасли власть Советов и вместе с ней завоевания Великой Октябрьской революции. Но подписание Брестского мира, положившего конец военной борьбе Советской России с кайзеровской Германией, отнюдь не означало, что борьба между ними вообще завершилась.

«Большинство буржуазных партий Германии,— говорил В. И. Ленин,— в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но которое, конечно, очень радо „улучшить“ его и получить еще несколько аннексий за счет России... С другой стороны, мы имеем военную партию, которая не раз проявляла себя в Брестском договоре и которая, естественно, существует во всех империалистических державах,— военную партию, которая говорит себе: силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями»²⁷.

Внутри «военной партии», правда, также не было полного единодушия. Генерал Э. Людендорф считал, что главный удар нужно нанести на Западном фронте, а потому на Востоке следует, используя Брестский мир, оказывать нарастающее давление на Россию, имея в виду свержение Советской власти в близкой перспективе²⁸. Более агрессивную точку зрения защищал генерал М. Гофман. Он доказывал, что необходимо немедленно нанести решительный удар на Восточном фронте, превратить Россию в марионеточное государство, а затем уже всеми силами обрушиться на Запад²⁹.

Непрекращающаяся борьба двух партий, двух группировок германского империализма политически и дипломатически выливалась в некую равнодействующую, которую один из германских дипломатов, В. фон Блюхер, назвал «двухколейной»³⁰. Одна «колея» — это официальные отношения германских правящих кругов с правительством Советской России, основанные на опасении, что любое другое правительство (кроме Советской власти) может отменить Брестский мир и станет проантантовским³¹. Другая «колея» — это негласная, конспиративная связь с различными антисоветскими подпольными группировками в Петрограде и Москве. Еще в начале 1918 г. Э. Людендорф писал в Берлин: «Хотя мы теперь официально ведем переговоры только с Советским правительством, мы в то же время долж-

ны поддерживать отношения с другими движениями в России для того, чтобы вдруг не обнаружить себя опоздавшими. Мы не можем полагаться на сторонников Керенского, т. к. ими руководит Антанта. Мы должны установить контакты с правыми монархическими группами и влиять на них так, чтобы монархическое движение соответствовало нашим желаниям и намерениям...»³²

Установить эти контакты оказалось делом несложным. Подпольные организации, в которых группировались правые, монархические элементы, быстро нашли ход к главам и членам германских миссий, которые стали прибывать в Петроград для решения различных вопросов, связанных с подписанием мира, еще в декабре 1917 г. Несколько позднее члены этих организаций стали проникать через демаркационную зону, установленную между советскими и германскими оккупационными войсками. В «Воспоминаниях и дневниках» С. П. Мельгунова имеется следующая запись: «22 февраля 1918 г. Говорят, что в Псков к немцам ездили монархисты...»³³ В дневнике генерала М. Гофмана также имеется ряд записей о его контактах с русскими монархистами. Так, например, 14 марта 1918 г. он записал: «Сегодня опять русский визит. В Вильно прибыл представитель монархических партий в России, чтобы просить нашей помощи для восстановления монархии в России»³⁴. По всей вероятности, это были посланцы А. Ф. Трепова, Маркова-2-го, а также великого князя Павла Александровича. Среди них, по некоторым данным, находился и присяжный поверенный Н. Иванов, тот самый, который в дни Февральской революции курсировал между Петроградом и Царским Селом, собирая подписи под великокняжеским «конституционным манифестом». Эти люди выпрашивали у немцев финансовой и военной помощи для свержения Советской власти и реставрации монархии³⁵. Напомним, что как раз в это время организация Маркова-2-го («тетушки Иветты») устанавливала связи с «тобольскими узниками».

М. Гофман отнюдь не игнорировал эти просьбы. По его записям, у него возник план занять из Пскова «линию Смоленск—Петербург, образовать в Петербурге новое правительство, которое должно было пустить слух, что наследник — цесаревич — жив, назначить последнему регента и привезти временное правительство

в Москву». «В качестве регента,— писал Гофман,— я наметил великого князя Павла, с которым главным образом командующий Восточным фронтом вступил в сношения через зятя великого князя полковника Дурново»³⁶. План этот так и не был осуществлен, но связи монархистов с немцами не только не прекратились, но, напротив, укреплялись и расширялись.

Как только германское посольство, прибывшее в Москву в двадцатых числах апреля, разместилось в отведенном для него особняке в Денежном переулке, монархисты, естественно, потянулись сюда. Представитель германского командования при посольстве в Москве майор Ботмер записывал в своем дневнике, что монархисты буквально не давали прохода немецким дипломатам и военным, стремясь «излить сердце» и уговорить Германию «ввести в игру немецкие штыки»³⁷. Но немцы еще не решались на окончательную политическую переориентировку. В их правящих кругах происходили колебания в вопросе о том, наступил ли уже момент для разрыва с Советской Россией и открытого блокирования с внутренними контрреволюционными силами. От активных действий в этом направлении Германию удерживало главным образом стремление извлечь новые выгоды из Брестского мира и, кроме того, неуверенность в политической «представительности» тех антисоветских элементов, с которыми они поддерживали связь.

Американский историк Р. Вильямс, ссылаясь на документы германского МИД, пишет, что Марков-2-й и его друзья вручили германским представителям меморандум на 12 страницах, «в котором доказывали, что именно они являются политическими деятелями, наиболее заслуживающими германской помощи»³⁸. Однако у Мирбаха и его сотрудников, по всей вероятности, имелись сомнения относительно реальной значимости крайне правого, черносотенного сектора российской контрреволюции. В одном из донесений рейхсканцлеру Г. Гартлингу Мирбах писал: «Многочисленные праздношатающиеся личности, носители древних фамилий и больших титулов, владельцы крупных фирм или латифундий, ежедневно появляются здесь. Они клянутся в своих германофильских чувствах и вымаливают помощь против большевиков... Сами по себе они едва ли заслуживают серьезного внимания; неспособные к действию, к организации, к дерзанию, они отнюдь не производят

впечатления людей, способных вырвать власть из рук Ленина...»³⁹ Мирбах предлагал поэтому «взять» несколько левее, ориентируясь главным образом на монархический элемент октябристско-кадетского направления. По его мнению, такая комбинация должна обеспечить Германии поддержку «влиятельных людей промышленности и банковского мира в направлении наших важнейших экономических интересов»⁴⁰. Но в правящих германских кругах все же не могли полностью избавиться от опасения, что «центр» и «умеренно правое» крыло контрреволюционной России могут оказаться в политической орбите Антанты.

Тот же Мирбах, выражавший сомнения в «организационном таланте» и «боееспособности» крайне правых групп, рекомендовал: «Связь с политическими партиями, которые намереваются перетянуть Россию в лагерь наших противников, разумеется, уже *arriori* исключается: это в первую очередь с головой продавшиеся Антанте эсеры, а также кадеты более старого и строгого направления. В то же время другая группа кадетов, известная сейчас под названием «монархистов», могла бы быть присоединена к тем элементам, которые, возможно, составят ядро будущего нового порядка... Если мы уже сейчас постепенно, с должными мерами предосторожности и соответственно замаскированно, начали бы с предоставления этим кругам желательных им денежных средств, ...то тем самым был бы уже установлен какой-то контакт с ними на случай, если они в один прекрасный день заменят нынешний режим»⁴¹.

Проекты Мирбаха «подогревались» сведениями и слухами о том, что антантовская агентура ведет переговоры не только с эсерами и меньшевиками (которые уже «с головой» продались Антанте), но и с «консервативными элементами» на условиях восстановления конституционной монархии⁴². Немцы явно опасались их упустить.

Ранней весной 1918 г. германские представители в Петрограде и Москве установили контакты с подпольной организацией, называвшей себя «Правый центр». Свое начало «Правый центр» берет от контрреволюционного «Совещания общественных деятелей», объединявшего представителей торгово-промышленных кругов, правых политических партий и группировок (главным образом октябристов и кадетов), генералитета, духовенства и т. д. Первое собрание «совещания» проходило

еще в августе 1917 г., в канун открытия Государственного совещания. Тогда оно открыто заявило о своей корниловской позиции, призвало к созданию «сильной власти»⁴³. Второе заседание «совещания» состоялось в середине октября 1917 г. и отличалось от первого, пожалуй, еще большим поправением⁴⁴.

После Октября, перейдя на нелегальное положение, члены «Совещания общественных деятелей» начали тайно собираться в Москве в январе-феврале 1918 г. Здесь на частных квартирах сходились монархисты столыпинско-октябристского толка: В. И. Гурко, В. В. Меллер-Закомельский, А. И. Кривошеин, Д. М. Щепкин, И. И. Шидловский, правые кадеты П. И. Новгородцев, П. И. Астров, П. Б. Струве и др. Один из участников этих совещаний — Н. Н. Виноградский позднее писал: «Совет приступил к анализу прошедших с 1 марта 1917 г. событий... Обсуждение выявило действительную политическую физиономию его участников, единодушно признавших, что единственно приемлемою формою правления в России может быть наследственная конституционная монархия...» Это, пишет Виноградский, было «нечто среднее между старыми программами октябристов и кадетов»⁴⁵.

В марте 1918 г. участники «Совещания общественных деятелей» произвели перегруппировку своих сил. Их представители теснее блокируются с членами Торгово-промышленного комитета и усилившимся правым крылом ЦК кадетской партии. Поскольку в головку нового контрреволюционного объединения вошли по три представителя от каждой из трех названных организаций, она получила название «Девятки».

Вскоре в «Девятку» вступили представители «Союза земельных собственников», и она разрослась в нелегальную контрреволюционную организацию, в которой полностью доминировали политические деятели правого, монархического толка. Так возник «Правый центр». Во главе его стояли бывший царский министр земледелия и кандидат в премьеры А. А. Кривошеин, бывший член Государственного совета В. И. Гурко, правые кадеты П. И. Новгородцев, С. М. Леонтьев и др. В отличие от других контрреволюционных организаций, возникших почти одновременно («Левый центр», или «Союз возрождения России», «Союз защиты родины и свободы») ⁴⁶, «Правый центр» в принципе отверг идею Учредительного собрания как «представительного орга-

на», необходимого для решения вопроса о будущем государственном строе России, и со всей определенностью высказался за восстановление «законопреемственной монархии». Кадет Н. И. Астров (вначале входивший в «Правый центр») в эмиграции писал А. И. Деникину, что этот «центр» «оказался завязью самых реакционных начал, собиранием реакционных осколков» и что в дальнейшем правоцентристский элемент заполнил белогвардейский тыл «спекулятивно-реакционным и реставрационным настроением»⁴⁷.

Действительно, члены и сторонники «Правого центра» требовали устранения любых препятствий на пути монархического движения, а поскольку главным из них считались социалисты, то предлагалось «в корне пресечь деятельность социалистических партий, а так как они обосновались в профсоюзах, то профсоюзы разрушить». Особую ненависть вызывали советские работники. В записке «Правый центр», предназначенной для добровольческого командования и датированной июлем 1918 г., прямо указывалось, что они «должны быть совершенно истреблены в возможно скором времени». Лица, укрывающие их, должны «нести тяжкую кару», а имущество их — секвестироваться⁴⁸.

На первых порах «Правый центр», как и другие контрреволюционные организации, держался антантофильской ориентации и его представители вели переговоры с французами (Гренаром, Шевельи и др.) относительно совместных действий по свержению Советской власти⁴⁹. Довольно скоро, однако, под воздействием таких людей, как Кривошеин, Гурко и др., в «Правом центре» стала выкристаллизовываться и усиливаться германофильская группа. По прибытии в Советскую Россию германских представителей члены этой группы вступили с ними в контакт. В материалах осведомительного отдела Добровольческой армии, с которой «Правый центр» (а до него «Совещание общественных деятелей») поддерживал тесные связи⁵⁰, сохранилась записка под названием «Общеполитические сведения. Москва», в которой эти контакты нашли отражение. В записке говорится, что «Правый центр под фирмой Кривошеина, при участии Гурко и др.» направил к Мирбаху некоего Брянского «для предварительного выяснения возможности впоследствии вести переговоры». С Брянским беседовали германские дипломаты — помощники Мирбаха. Выяснились обоюдные условия: русских — свержение

большевиков, отмена Бреста, воссоединение России, монархия; немцев — согласны со всем, кроме Бреста, установленная с их помощью власть должна сразу же заявить «о нейтралитете и невмешательстве в войну». Кроме того, немцы требовали для себя фактически неограниченной экономической экспансии⁵¹.

По-видимому, с этого момента в «Правом центре» начался раскол. Кадетская часть «центра» отвергла германские претензии и осталась на антантофильских позициях; правые элементы «центра» открыто повернули к германофильству.

Провозглашение «монархического принципа» ставило вопрос и о кандидатуре будущего монарха — вопрос для монархистов крайне запутанный. Осложнялся он рядом причин: отречением Николая II за себя и за сына — «законного наследника» Алексея, отказом брата царя, великого князя Михаила Александровича, от престола до решения Учредительного собрания, отсутствием непосредственных претендентов (Николай с семьей находился в Тобольске, местопребывание Михаила было неизвестно), а также неопределенностью внешнеполитической ориентации «будущего монарха».

Среди уже упоминавшихся нами материалов осведомительного отдела Добровольческой армии сохранилась записка, датированная серединой мая 1918 г. и освещающая различные монархические «прикидки» «Правого центра». В записке отмечается, что в кругах, группирующихся «на крайне правой», существует две точки зрения относительно будущего монарха. Сторонники одной из них высказываются за полное «уничтожение акта отречения Николая II» и возвращение бывшего царя на престол. Сторонники другой считают это невозможным (из-за «добровольности» отречения Николая) и полагают, что если Николай Романов и может вернуться, то только для того, чтобы затем «законно» передать престол либо своему сыну, Алексею, либо брату, Михаилу Александровичу. Некоторое предпочтение все же большинство отдавало Алексею, поскольку «несовершеннолетний царь был бы неответственным за все то, что будет сделано от его имени», что обеспечит «развязанные руки» на будущее: всегда можно будет отказаться от «обещаний», данных либо немцам, либо Антанте (в зависимости от того, кто будет способствовать реставрации — союзники или немцы). Но во всех случаях, подчеркивал автор записки, «было бы в выс-

шей степени выгодно, если бы члены императорской фамилии или по крайней мере ближайшие к престолу находились в одном месте, и притом в таком, где бы они были в безопасности от большевиков...»⁵²

Легитимизм германофильской части «Правого центра» определял их тяготение к блоку с откровенно черносотенными элементами. «В „Правом центре“, — писал впоследствии В. И. Гурко, — возник вопрос о включении в его состав нескольких лиц из состава крайней и правой группы, где наиболее влиятельное положение занимали протоиерей Восторгов, Н. А. Римский-Корсаков и А. Д. Самарин»⁵³. Кадет Н. Н. Щепкин, также связанный с «Правым центром», высказался определеннее. По его словам, в «Правый центр» «входили... представители течений правых и самых крайних правых». А от них, по признанию Щепкина, тянулась нить к упоминавшейся нами организации Маркова-2-го⁵⁴. Правда, некоторые лидеры «Правого центра» по тактическим соображениям считали такой блок не вполне желательным. Им казалось, что он может сузить «национальную базу» контрреволюции и произвести нелучшее впечатление на Западе.

Уже ранней весной 1918 г., даже не вполне оформившись, «Правый центр» развил весьма активную деятельность. По свидетельству Виноградского, через «Союз земельных собственников», имевший свои отделения в разных губерниях, «центр» начал устанавливать связи с провинцией⁵⁵. Постепенно лидеры «центра» от контрреволюционного политического прожектерства, выразившегося в составлении разного рода записок о будущем строе России, перешли к практической контрреволюционной деятельности. Сколачивалась офицерская военная организация. Сведения о ней, правда, скудны: летом 1918 г. эта организация распалась, часть офицеров ушла на Дон, часть — в Сибирь. Но Б. В. Савинков, нелегально приехавший с белогвардейского Дона в Москву зимой 1918 г., писал, что в Москве он разыскал монархическую организацию, объединявшую человек 800 офицеров, главным образом из бывших гвардейских полков⁵⁶. По данным, имевшимся в распоряжении командования Добровольческой армии, численность этой организации была больше: около тысячи человек. Командовал ею вначале некий ротмистр Лопухин, затем ротмистр Золотарев, которого сменил генерал Довгерт (по другим источникам — Довгирд или

Довгард), фамилия явно вымышленная, так как в белом движении в дальнейшем она не встречается. Военная организация ставила своей целью подготовку вооруженного восстания с «захватом всех большевистских деятелей в момент восстания»⁵⁷. Возросшая активность «Правого центра» требовала денег. «Центр» находил их в двух источниках: во-первых, это Торгово-промышленный комитет, имевший в своем распоряжении немалые средства, и, во-вторых, кайзеровская Германия. В дневниках одного из активных членов «Союза возрождения России», С. П. Мельгунова, имеются следующие записи, относящиеся к началу марта 1918 г.: «Кривошеин субсидирует „девятку“ (Леонтьев и др.) из немецких денег, ибо Кривошеин связан с немецким банком. Через Кривошеина они (немцы) связаны с к.-д., а через старую охранку с монархистами...»⁵⁸

Уже весной 1918 г. «Правый центр» стал той основной антисоветской организацией, с которой германские представители установили контакты. П. Н. Милюков, который, по его словам, получал сведения непосредственно от членов «Правого центра», писал, что за сговор с немцами решительно высказывались В. И. Гурко и Кривошеин; в Петербурге сношения велись с А. Ф. Треповым и Б. Э. Нольде. Переговоры велись и непосредственно с русскими офицерами через организации обмена пленными⁵⁹.

В рамках этих переговоров некоторые члены «Правого центра» поднимали вопрос и о содействии немцев в деле освобождения Романовых. Так, по поручению «Правого центра» в Петроград выезжал сенатор Д. Б. Нейдгардт, где он встретился с бывшим председателем Совета министров А. Ф. Треповым. Решено было просить гофмаршала Николая II П. Бенкендорфа обратиться к Мирбаху со специальным посланием, содержащим призыв о помощи в освобождении царской семьи. Такое послание было написано, и Нейдгардт, возвратившийся в Москву в конце апреля (по другим данным — в начале мая), вручил его германскому послу⁶⁰.

Германская сторона обычно отрицала причастность кайзеровской Германии к заговорам с целью освобождения Николая II и его семьи. К. Ягов в статье, опубликованной еще в 1935 г., писал, что немецкая дипломатия устранилась от вопроса о судьбе бывшего царя и все ее усилия ограничивались лишь несколькими строго офи-

циональными представлениями относительно «принцесс немецкой крови»⁶¹. Эта версия повторяется и в современной буржуазной историографии. Западногерманский историк Н. Реш пишет, что Мирбах и его люди отклоняли переговоры с контрреволюционным подпольем в России относительно Романовых⁶². Подобного рода утверждения встречаются и в белоэмигрантской, главным образом черносотенно-монархической, литературе, но здесь они носят преимущественно характер обвинений германской стороны в целях собственной реабилитации. Монархисты обвиняли немцев в том, что на все просьбы помочь Романовым те отвечали: «Невозможно! Исключается!»⁶³

Напротив, советский историк и публицист М. Касвинов утверждает, что «проект вызволения царя с помощью кайзера был частью более обширного плана — ликвидации Советской власти силой германских штыков, восстановления старой, скорее всего царской, России» и что «сами Романовы уповали главным образом на спасительную помощь потсдамского кузена»⁶⁴. Что же было в действительности?

При решении этого вопроса надо прежде всего исходить из учета той реальной политики, которая проводилась Германией в послебрестский период. Как когда-то (весной и летом 1917 г.) английские правящие круги по соображениям реальной политики тихо уклонились от предоставления убежища Романовым в Англии, так и теперь (зимой и весной 1918 г.) в силу тех же соображений германское правительство явно не торопилось выручать бывшего русского царя. Это определялось «двухколейной» политикой Германии «в русском вопросе»: необходимостью сохранения «Бреста» в настоящем и возможностью свержения Советской власти при благоприятных обстоятельствах в будущем. Реакционные круги Германии, поддерживая тесную связь с монархическим подпольем, должны были, по-видимому, проявлять определенный интерес к семье Романовых, но вряд ли стремились к его форсированному решению. К. Ягов приводит в своей статье ответ Вильгельма II на обращение датского короля Христиана, датированное серединой марта 1918 г. Христиан просил германского кайзера «вмешаться в разрешение судьбы низложенного монарха и его семьи». Ответ Вильгельма весьма показателен: соображения «реальной политики» в нем решительно отодвигают разглагольствования о

«человеколюбии», «сочувствии» и т. п. Вильгельм прямо указывает, что его прямое вмешательство невозможно, ибо оно может быть истолковано как стремление восстановить Романовых, что в данный момент нежелательно для Германии⁶⁵.

Белоземigrанты впоследствии нагородили кучу небылиц о секретных планах освобождения Романовых, которые германские представители якобы намеревались осуществить вместе с русскими монархистами⁶⁶. В их писаниях появлялись какие-то «тайные» генералы, майоры и советники, которые давали понять, что Романовы находятся под их бдительным контролем и т. п. И в наши дни некоторые зарубежные журналисты готовы вполне серьезно отнестись к такого рода писаниям⁶⁷. Как же все-таки отделить тут зерна от плевел?

В одном из донесений Мирбаха в Берлин упоминается «финансовый магнат из Петербурга Ярошинский», который «развил прямо-таки титаническую программу: он хочет обеспечить нам всю власть над русским правительством, приковав к нашей колеснице Трепова, Коковцова, Кривошенна...», «Эти возможности... — писал Мирбах, — кажутся фантастическими, однако, принимая во внимание многочисленные сведения о его личности и влиянии, его предложения не следует отклонять. Больше всего он желает — и лучше раньше, чем позже, — вступления германских войск и монарха, к стопам которого вновь покорно припадает «святая Русь»⁶⁸. Но с именем Ярошинского мы уже встречались: мы упоминали его в числе тех лиц, которые тайно субсидировали А. А. Вырубову для оказания помощи монархистам, которые отправлялись в Тобольск.

По сведениям монархического белоэмигрантского журнала «Двуглавый орел», Ярошинский появился на петроградском горизонте в начале мировой войны. К началу Февральской революции он уже хозяйничал в ряде банков и сахарных заводов. Таким образом, Ярошинский принадлежал к группе финансово-промышленных воротил, нажившихся на спекулятивных махинациях военных лет⁶⁹.

Располагая огромными средствами, Ярошинский укреплял свое положение и благотворительностью: он, в частности, финансировал царскосельские лазареты дочерей Николая II — Марии и Анастасии. По некоторым данным, он был связан с Распутиным, Манасевичем-Мануйловым и «самой» Вырубовой, от которой «тро-

пинка» вела прямо в Александровский дворец. В дневнике Александры Федоровны отмечено, что она принимала Ярошинского в Царском Селе 5 ноября 1916 г.⁷⁰ Бывшая императрица знала о связи Ярошинского с Вырубовой. В январе 1918 г. она писала Вырубовой из Тобольска: «Нежно благодарим, несказанно тронуты Ярош[инским]. Правда, ужасно трогательно и мило, что и теперь нас не забыл. Дай бог, чтобы его имение не трогали бы, и благослови его господь»⁷¹.

Знакомый нам член организации Маркова-2-го корнет Сергей Марков писал: «Другим лицом (кроме жены бывшего военного министра Сухомлинова.— Г. И.), откликнувшимся на призыв Вырубовой (собрать деньги для Романовых.— Г. И.), был известный банкир Ярошинский, поляк по происхождению, который с большой сердечностью материально пришел на помощь для улучшения положения царской семьи»⁷².

Итак, Ярошинский с одной стороны был связан с Мирбахом, а с другой — с Вырубовой и организацией Маркова-2-го. Но у них, как мы знаем, имелась связь с Романовыми, в том числе через своего «резидента» в Тюмени — поручика Б. Соловьева. Впоследствии, уже в эмиграции, отвечая на вопросы белогвардейского следователя Н. Соколова, Ярошинский отрицал свое знакомство с Соловьевым. Соловьев же, также допрошенный Соколовым, показал, что до Февральской революции он некоторое время состоял при Ярошинском... секретарем. Связь Ярошинского с Соловьевым подтверждается и дневником жены Соловьева М. Распутиной. 2 марта 1918 г. она, например, записала: «Я знаю, сколько дал Боре (Соловьеву.— Г. И.) денег Ярошинский, но он не хочет дать денег мне»⁷³. Конечно, Ярошинский, по всей вероятности, был не единственным германским агентом, дававшим информацию о Романовых. Например, в воспоминаниях генерала А. Мосолова имеется свидетельство о том, что в Екатеринбурге у немцев были свои «эмиссары», с которыми пытались войти в связь прибывавшие туда офицеры-монархисты⁷⁴.

Из сказанного следует, что немцы могли располагать определенной информацией о деятельности монархических групп, которые плели заговорщическую паутину вокруг находившихся в Тобольске Романовых, и в какой-то мере даже поддерживать эту деятельность. Но в этом вопросе, повторяем, они должны были действовать осторожно, в соответствии со своей «двухколейной» по-

литической линией, в окончательном виде сформулированной в начале июля в г. Спа (Бельгия) на совещании представителей германского командования: «Имеется договоренность, что сейчас не следует добиваться свержения большевистского правительства, а необходимо установить тесные связи с монархистами, чтобы быть подготовленными на будущее. При условии, что последние станут на платформу Брестского мирного договора, им можно оставить надежду на будущее восстановление великой России»⁷⁶. «Реальная политика» состояла не в том, чтобы освободить Романовых и тем, возможно, дать всему правому лагерю российской контрреволюции монархическое знамя, а в том, чтобы по возможности дольше удерживать Россию в состоянии ослабления и распада. Именно этой цели подчинялось все...

Советская власть почти сразу же обратила на Тобольск внимание. Непосредственным поводом для этого явились сообщения, которые в конце октября — начале ноября 1917 г. публиковали на своих страницах правые газеты «Русское слово», «Новое время» и др. В них говорилось о якобы происходящих в Тобольске монархических демонстрациях, о скором освобождении Романовых и т. д. Все эти сведения носили явно провокационный характер и были рассчитаны на раздувание неуверенности в прочности Советской власти и контрреволюционного ажиотажа в обывательских и буржуазных слоях населения.

Уже 2 ноября Петроградский Военно-революционный комитет заслушал сообщение Э. К. Дрезена о содержании семьи Романовых в Тобольске и постановил опубликовать в газетах письмо, полученное из Тобольска⁷⁶. Письмо это появилось в печати 7 ноября под названием «Тобольские узники». В нем один из офицеров «отряда особого назначения» (помощник Кобылинского) — капитан Аксюта опровергал сообщения правых газет и заверял, что в Тобольске «никаких монархических движений и агитации не слышно», «никаких демонстраций и даже попыток к ним не было»⁷⁷. Но, по-видимому, ВРК или не склонен был полностью доверять такого рода опровержениям бывшего гвардейского офицера, или располагал какой-то иной информацией. Примерно через неделю по его указанию в Гатчине был арестован брат Николая, великий князь Михаил Александрович⁷⁸. Спустя некоторое время ВРК обра-

гился в Совнарком с предложением перевести Романовых под охрану в Кронштадт⁷⁹.

21 ноября Петроградский ВРК предписал Севастопольскому ВРК арестовать великого князя Николая Николаевича и других контрреволюционеров, находившихся в Крыму⁸⁰. В конце ноября «Известия» поместили статью «Черная сотня шевелится», в которой, в частности, говорилось: «Союз монархистов выпустил воззвание, в котором высказывает убеждение, что Учредительное собрание, избранное при других условиях, высказывалось бы за восстановление в России монархии... Оказывается, что черная сотня питает еще надежды, что для нее вернутся красные денечки. Она рассчитывает, видимо, на то, что кадеты и корниловцы готовят для нее почву. Вместе с тем она надеется использовать классовую борьбу пролетариата и буржуазии»⁸¹.

В конце ноября — начале декабря 1917 г. по Петрограду стали распускаться слухи о бегстве Николая Романова из Тобольска. 30 ноября Совнарком обсуждал вопрос «О переводе Николая II в Кронштадт», вынесенный в связи с соответствующей резолюцией некоторых частей Балтийского флота. В протоколе заседания значится: «Признать перевод преждевременным»⁸². Было опубликовано несколько опровержений о бегстве Романовых на основе полученных в начале декабря сообщений из Тобольска⁸³. Позднее, 2 мая 1918 г., Я. М. Свердлов, выступая на заседании Совнаркома с «внеочередным сообщением», говорил, что вопрос о бывшем царе ставился в Президиуме ВЦИК еще в ноябре — декабре, с тех пор поднимался неоднократно, но был «отсрочен, ввиду ряда событий». Решено было предварительно ознакомиться с тем, как содержится бывший царь, насколько надежна охрана и т. п.⁸⁴ «Внеочередное сообщение» Я. М. Свердлова было опубликовано в печати.

Что же на самом деле происходило в Тобольске? Хотя Советская власть там окончательно установилась только в начале апреля 1918 г., большевистское влияние и в «отряде особого назначения», и в городе довольно быстро росло.

Комиссар Временного правительства В. С. Панкратов, как он впоследствии сам признавал, с падением Временного правительства практически утратил связь с центром. «Никакой переписки, — пишет он, — ни офици-

альной, ни не официальной, с новой властью у меня не было...»⁸⁵ За установление контактов с новой властью взялись наиболее политически развитые солдаты. Вначале они обратились с письмами в Петроград и Царское Село (к командованию своих частей), а затем в январе 1918 г. по инициативе отрядного комитета направили в Петроград делегацию. Делегаты побывали в Совнаркоме и ВЦИК, где их принял Я. М. Свердлов⁸⁶. Одним из последствий поездки отрядных делегатов, по-видимому, явилось смещение комиссара В. С. Панкротова и его помощника А. В. Никольского. В конце января еще удерживавшийся губернский комиссар Временного правительства Пигнатти, сообщая об этом Ялutorовскому уездному комиссару, писал, что сделано это «под влиянием пропаганды большевистских идей...»⁸⁷. В сообщении о смещении Панкротова, которое председатель отрядного комитета Киреев направил в Совнарком, содержалась просьба о назначении нового «полномочного комиссара»⁸⁸.

Вольготный режим содержания Романовых становился более строгим. Был ограничен доступ в губернаторский дом лиц свиты и прислуги, проживавших напротив, в доме купца Корнилова, сокращались средства на содержание царской семьи. Находившиеся под стражей лица, в том числе и Николай II, должны были снять погоны. Это требование вызвало особо резкую реакцию бывшего царя⁸⁹.

К концу зимы 1918 г. под влиянием большевистской агитации и пропаганды развернулась борьба за установление в Тобольске единовластия Советов. В середине февраля съезд Советов солдатских и крестьянских депутатов семи волостей Тобольского уезда принял обращение, в котором говорилось: «Товарищи! Революционная Россия проходит мимо нас! Сознательные рабочие, солдаты и крестьяне соседних губерний (Омск, Екатеринбург) с сожалением смотрят на нашу черносотенную окраску... Поддержим товарищей-россиянцев!»⁹⁰

Но Екатеринбург и Омск, в которых Советская власть уже установилась, отнюдь не ограничивались тем, что с «сожалением» смотрели на Тобольск. Еще осенью 1917 г. партийные организации Екатеринбурга и Омска установили связь с тобольскими большевиками. Сведения от них поступали тревожные. Вспоминая о тех днях, тобольский большевик солдат И. Коганицкий позднее писал: «Положение становилось угрожающим.

Теперь все это уже в прошлом, но до сих пор вспоминаю, как я иногда вскакивал среди ночи и бежал посмотреть, все ли благополучно у дома, где жил Романов»⁹¹.

Получая сообщения о концентрации контрреволюционных, монархических элементов в самом городе и вокруг него, уральские и омские большевики решили оказать Тобольску действенную помощь в установлении Советской власти, с тем чтобы решительно пресечь всякую возможность монархических заговоров и выступлений.

В начале марта в Тобольск из Омска приехал комиссар Запсибсовдепа В. Д. Дуцман, а вскоре вслед за ним сюда прибыл красногвардейский отряд (около 100 человек) во главе с уполномоченным этого Совета А. Ф. Демьяновым, который по выданному ему мандату назначался чрезвычайным комиссаром Тобольска и Тобольского уезда.

Положение в Тобольске тревожило и уральских большевиков. В окрестности Тобольска и в сам город секретно были направлены небольшие группы, которые должны были контролировать положение в Тобольске, а также дороги, идущие от Тобольска, и таким образом предупредить возможное бегство Романовых.

Одна из таких групп была послана в Березов, чтобы в случае необходимости отрезать путь в Обдорск и далее на север. Другая осела в с. Голышманово, наблюдая за трактом Тобольск — Ишим, третья образовала заставу на дороге Тобольск — Тюмень, блокируя движение на восток. Наконец, специальная четвертая группа в составе 16 человек с особыми предосторожностями направилась в Тобольск⁹². Первой из этой группы прибыла в город уроженка Тобольска Т. Наумова, вслед за ней под видом ее жениха — бывший балтийский матрос, комиссар Петроградского ВРК, а в то время уральский чекист П. Хохряков⁹³. Затем в Тобольск прибыли другие екатеринбургские большевики, в том числе А. Д. Авдеев и С. С. Заславский. В помощь им в Тобольск из Екатеринбурга небольшими группами направлялись красногвардейцы, которые, собравшись в Тобольске, образовали здесь довольно значительный отряд, находившийся в распоряжении Хохрякова.

Прибывшие в Тобольск соблюдали конспирацию. Она объяснялась враждебным отношением местного

меньшевистско-эсеровского Совета, пастороженностью, подозрительностью части «отряда особого назначения», а также отсутствием точных и определенных сведений о количестве монархических сил в городе. Сказывалась и известная разобщенность между Екатеринбургом и Омском, Советы которых (как и ряд других Советов того периода) еще не были свободны от проявлений местнических тенденций. В апреле 1918 г. на заседании ВЦИК В. И. Ленин прямо указывал на это: «...Советы,— говорил он,— которые являются властью на местах, в настоящее время не связаны между собой. С одной стороны, этим самым они оторваны от центральной власти, а с другой стороны, Советы не организованы настолько, чтобы они имели возможность фактически провести то, что будет выработано нами здесь»⁹⁴. Партии и правительству потребовалось немало усилий, чтобы преодолеть эти опасные тенденции.

Насколько неопределенной была обстановка, в которой приходилось действовать большевикам, свидетельствует факт провала двух уральских застав в Березове и Голышманове. Группа, посланная в Березов, уже вскоре была арестована по распоряжению местной городской думы, в которой находилось немало откровенно контрреволюционных элементов (бывший исправник, местные купцы и др.)⁹⁵. В Голышманове в вооруженном столкновении с контрреволюционерами два человека из состава екатеринбургской группы были убиты⁹⁶.

Происходили довольно серьезные трения и в самом Тобольске между омским и екатеринбургским отрядами. По существу, они представляли собой соединения партизанского характера, в которых наряду с политически зрелыми бойцами из рабочих-большевиков имелось немало левозсеровских и даже анархистских элементов. «Между прибывшими омичами и уральцами,— вспоминал позднее Авдеев,— не сразу установились отношения»⁹⁷.

Благодаря энергичной деятельности уральских большевиков, главным образом П. Хохрякова, в начале апреля состоялись перевыборы Совета, которые дали большинство большевикам, а 9 апреля 1918 г. состоялось первое заседание нового исполкома Совета, председателем которого был избран П. Хохряков. Комиссар Временного правительства Пигнатти был арестован, местные дума и земство распущены⁹⁸.

Но обстановка оставалась тревожной. Знакомство с положением дел в «отряде особого назначения» показало, что, несмотря на рост большевистского влияния, часть его солдат построена промонархически. Через одного из солдат охраны удалось узнать, что монархические заговорщики готовили бегство Романовых весной 1918 г. Предполагалось использовать при этом шхуну «Святая Мария», стоявшую в Тобольском речном порту на зимовке. «Мы знали,— писала в своих воспоминаниях Т. Наумова,— что, как только вскрыются реки, царская семья может убежать. Для этого, как потом стало известно, была приготовлена морская шхуна английского происхождения — „Святая Мария“, команду ее монархистам удалось подобрать целиком из приверженцев царя, они собирались уплыть из России через устье Оби и Карское море; позднее их шхуна участвовала в боях против нас на стороне белых»⁹⁹.

Достоверность этого сообщения в чем-то подтверждается другой стороной — белоэмигрантской литературой. В эмиграции Марков-2-й писал: «Нашелся шкипер, который брался в начале лета на шхуне в устье Оби и в определенном месте ждать беглецов. Кроме того, был разработан план пресечения на время бегства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно к местам действия стягивались отдельные группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петрограде была образована офицерская группа генерала „Х“, которая должна была явиться на месте ядром спасательного отряда»¹⁰⁰.

Тревожная обстановка в Тобольске ощущалась всеми, но разногласия между омичами, екатеринбуржцами и тобольчанами не прекращались. Еще 29 марта председатель Западносибирского (Омского) Совета В. М. Косарев телеграфировал в Москву, прося заметить «старую охрану» омскими красногвардейцами Демьянова¹⁰¹. 13 апреля с такой же просьбой о замене «старой охраны», но екатеринбургскими отрядами, подчиненными Хохрякову, Заславскому и Авдееву, в Совнарком обратился Уралоблсовет (телеграмма была подписана заместителем председателя Совета Б. В. Дидковским). Дидковский ходатайствовал об экстренном «разрешении тобольского вопроса». «В Тобольске разложение,— телеграфировал он.— Там омский комиссар Демьянов с отрядом отказывается подчиниться местному исполкому. Боимся вооруженного столкновения ча-

сти его отряда и солдат Керенского с нашими латышами и матросами». Дидковский просил о переводе Романовых в более надежное место: он предлагал Урал или другой пункт, назначенный Совнаркомом¹⁰². В те же дни и Тобольский исполком направил в Москву просьбу подчинить всю охрану Романовых ему. В противном случае исполком снимал с себя «ответственность за могущие произойти события»¹⁰³. Наконец, в начале апреля, как об этом сообщал Я. М. Свердлов на уже упоминавшемся заседании Совнаркома 2 мая, во ВЦИК побывали представители «отряда особого назначения», сообщившие, что «с охраной обстоит не все благополучно»¹⁰⁴. Все эти сведения из Тобольска ясно говорили о том, что вопрос о Романовых откладывать больше нельзя...

В конце апреля 1918 г., когда монархические заговорщики, по-видимому, были почти готовы приступить к реализации своего плана, произошло непредвиденное. В Москве в «Правом центре» была получена шифрованная телеграмма из Тобольска. Она гласила: «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное». Как впоследствии (уже в эмиграции) бывшему колчаковскому следователю Н. Соколову (он расследовал дело Романовых в Екатеринбурге) сообщил один из руководителей находившегося в Москве монархического «Правого центра» — А. И. Кривошеин, стало ясно, что власти куда-то переводят Романовых. В Тобольск пошел следующий ответ: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей». Спустя короткое время, показывая далее Кривошеин, из Тобольска тем же порядком пришел ответ: «Необходимо подчиниться врачам»¹⁰⁵.

Что же произошло в далеком Тобольске?

Мы уже писали, что 2 мая в Москве на заседании Совнаркома с внеочередным сообщением о положении в Тобольске выступал Я. М. Свердлов. Поскольку для нашей темы это заявление имеет важное значение, процитируем его возможно более полно по протокольному

варианту. «Месяц тому назад,— говорил Я. М. Свердлов,— в Президиум ЦИК явился делегат от охраны бывшего царя и сообщил, что с охраной обстоит не все благополучно, часть охраны разбежалась, окрестные крестьяне подкуплены. По всем сообщениям, доходившим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Н. Романов не получит возможности скрыться из Тобольска. Были получены разные сообщения, что некоторые подготовительные шаги в этом направлении отдельными группами монархистов затеваются. Исходя из всех указанных сообщений, Президиум ВЦИК Советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей находится в Екатеринбурге Пермской губернии, надзор за ним поручен областному Совдепу Урала»¹⁰⁶.

За этими словами Я. М. Свердлова, сообщившего членам ВЦИК о переводе Романовых в Екатеринбург, стояли поистине драматические события, которые вызывали, да и теперь вызывают немалый интерес в зарубежной литературе о Февральской революции и конце царизма. Он объясняется прежде всего личностью и судьбой человека, который по поручению ВЦИК осуществлял «перевод Романовых».

Речь идет о Василии Васильевиче Яковлеве, «загадочном», «таинственном» Яковлеве, как окрестили его некоторые белоэмигрантские и зарубежные буржуазные историки»¹⁰⁷. По поводу его «одиссеи» выдвигались и выдвигаются самые различные версии и гипотезы. Одни считали и считают, что Яковлев по распоряжению ВЦИК должен был вывезти Романовых в Москву или в какой-либо другой город Европейской России, но вынужден был подчиниться «превосходящей силе» уральских большевиков, заставивших его «выдать» Романовых Екатеринбург. Другие утверждают, что Яковлев был тайным «монархическим рыцарем», пытавшимся по собственной инициативе спасти Романовых. Третьи объявляют его «секретным агентом» Германии, имевшим конспиративное задание вызволить бывшего царя и его семью и увезти их на территорию, оккупированную Германией по Брестскому миру.

Четвертым представляется, что под давлением германского посла Мирбаха Советское правительство вынуждено было будто бы согласиться на вывоз Романо-

вых из Сибири в зону, достижимую для «германского влияния» (на случай свержения большевиков и установления в какой-либо форме прогерманского монархического строя), для чего Яковлев и направлялся в Тобольск. Но в то же время Москва, опасаясь освобождения Романовых, приказала екатеринбургским большевикам не пропускать Яковлева. Яковлев, таким образом, изображается сознательным или бессознательным орудием в какой-то «игре» Москвы и Берлина.

Есть и пятая версия, согласно которой Яковлев являлся английским агентом типа Б. Локкарта, С. Рейли, Кроми и др. и действовал по поручению английской разведки, стремившейся спасти Романовых во искупление «греха» правительства Англии, отказавшегося предоставить бывшему царю убежище весной и летом 1917 г. Не исключается при этом, что Яковлев был даже «двойным агентом», работая одновременно на Англию и Германию.

Фактически во всех этих версиях наряду с явными домыслами, нелепостями, погоней за дешевой сенсационностью и т. п. заложен и антисоветский элемент. «Загадка Яковлева» играет немалую роль во всей западной «романовской индустрии»: она является одним из штрихов, создающих советологическую картину особого «коварства Советов». К сожалению, и наша литература не проясняет образ «загадочного» Яковлева и его роль в судьбе последних Романовых.

В книге П. Быкова «Последние дни Романовых» Яковлев обвиняется в попытке нарушить предписание ВЦИК о переводе Романовых в Екатеринбург, стремлении вывезти их на территорию вне контроля Советской власти, короче говоря, в измене¹⁰⁸. Однако конечная цель этого замысла Яковлева в изложении П. Быкова остается не совсем ясной.

Такого же взгляда в основном придерживается и исследователь истории Октября в Зауралье П. Рощевский. У него Яковлев также изменник: вместо того чтобы доставить Романовых в Екатеринбург, он попытался направить их в район Челябинска и Самары, где в это время уже концентрировались силы контрреволюции¹⁰⁹. Но ни П. Быков, ни П. Рощевский, ни другие советские авторы, описывая движение поезда Яковлева с Романовыми в конце апреля 1918 г. и обвиняя его в намерении освободить Романовых, почти не касались Яковлева как личности, не пытались установить факты

его биографии до выполнения «романовской миссии». Этот пробел заполнил М. Касвинов. Дав вначале критическую оценку зарубежным «интерпретациям» Яковлева как «монархиста», «агента» Германии или Антанты и т. п. и отметив, что личность Яковлева остается неясной до сих пор, что об участии его «в революции никто ничего заметного не слышал»¹¹⁰, Касвинов затем воспроизводит биографию Яковлева в основном по зарубежным версиям¹¹¹. В соответствии с ними Яковлев родился не то в Уфе, не то в Киеве, не то в Риге, в семье некоего Зариня. Затем он предстает моряком в Свеаборге — эсером и участником Свеаборгского восстания, эмигрантом, прожившим 12 лет в Германии и Канаде, где «сильно англизировался». Яковлев возвращается в Россию в марте 1917 г. с бумажником, «переполненным банкнотами». В Петрограде он сближается с С. Мстиславским и участвует в качестве его помощника в «экспедиции» в Царское Село, куда, как мы знаем, отряд Мстиславского был направлен Петроградским Советом для пресечения возможной попытки бегства Романовых. В период между Февралем и Октябрем Яковлев — то в окружении Б. Савинкова, то левоэсеровского полковника Муравьева, а после Октября «он — уже в Смольном, в окружении наркома юстиции, левого эсера Штейнберга». «Не вполне ясно, — задается Касвинов вполне законным вопросом, — каким образом весной 1918 г. Яковлев очутился особоуполномоченным ВЦИК?»¹¹²

История «миссии Яковлева» важна прежде всего тем, что она ярко показывает огромную напряженность, существовавшую вокруг «романовского вопроса», его исключительную политическую остроту. Но не только. «Яковлевская эпопея» опровергает белогвардейские и советологические утверждения о том, что судьба Романовых будто бы была «заранее предопределена Москвой». Вот почему следует попытаться внести ясность в «загадку Яковлева»*.

Василий Васильевич Яковлев (настоящее имя Константин Алексеевич Мячин) родился в 1888 г. в Оренбургской области, с 13 лет жил в Уфе, работал слесарем в мастерской. В 1905 г. вступил в РСДРП, стал

* В освещении истории перевоза Романовых из Тобольска в Екатеринбург автор использовал материалы своей книги «Крах российской монархической контрреволюции» (М., 1977) и некоторые новые архивные материалы.

членом боевой дружины Уральского комитета партии, а в 1907 г. — одним из руководителей уфимской боевой организации¹¹³. В 1909 г. Мячин вместе с другими боевиками принял участие в так называемом «миасском эксе» — вооруженном нападении на почтовый поезд на станции Миасс: ставилась цель захватить деньги для открытия и работы школы отзовистской группы «Вперед» в Болонье¹¹⁴. Как известно, V съезд РСДРП воспретил какое бы то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях¹¹⁵. Большевики принимали все меры, чтобы разоблачить так называемую «лбовщицу» (А. М. Лбов — один из руководителей экспроприаторских дружин), требовали строгого выполнения резолюций V съезда¹¹⁶. Таким образом, «миасский экс» был самовольной акцией уфимских боевиков, проведенной ими «по своему личному усмотрению, на свой страх и риск»¹¹⁷. «Экс» прошел успешно (было захвачено около полутора пудов золота), однако вскоре многих участников боевой группы арестовали. Избежали ареста лишь четверо: Т. С. Кривов, И. Хрущов, некто «Василий Иванович» и К. Мячин. Он, правда, также едва не был схвачен в Самаре, но, отстреливаясь, ушел. Из воспоминаний старого большевика Т. С. Кривова следует, что ему и еще несколькими боевикам (в том числе и К. Мячину) удалось выехать за границу — в Брюссель. Между прочим, именно он, Кривов, уезжал по паспорту, купленному у некоего студента В. В. Яковлева и переданному затем Мячину¹¹⁸. В 1910 г. К. Мячин (теперь В. Яковлев) — в школе группы «Вперед» в Болонье. В списке слушателей этой школы от Миньярской организации значатся: Иван Хрущов (Борис), М. Н. Коковихин (Григорий), Петр Гузаков (Михаил) и Константин Мячин (Антон)¹¹⁹. Есть данные, что в 1911 г. Яковлев приезжал в Россию, посетил Петербург, Киев, но вынужден был вновь эмигрировать, так как усиленно разыскивался по циркулярам департамента полиции. В течение шести лет затем Яковлев жил в Бельгии, где работал электротехником в Льеже и Брюсселе¹²⁰.

Яковлев вернулся в Россию после Февральской революции; весной и летом вел активную партийную работу в Уфе. В дни Октября он — делегат II Всероссийского съезда Советов от Уфимского губернского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹²¹. 25 октября он участвовал в штурме Зимнего

дворца, а 27-го Петроградский ВРК назначил его комиссаром на Центральную телефонную станцию¹²². В начале ноября В. И. Ленин записал себе для памяти: «5.30 телефон Яковлева комиссара»¹²³. В декабре 1917 г. Яковлев был сотрудником ВЧК, затем (в январе 1918 г.) назначен военным комиссаром Уральской области. Уралсовет, однако, уже назначил на этот пост видного большевика И. Голощекина, и Н. Подвойский аннулировал выданный Яковлеву мандат. Если принять во внимание некоторые особенности характера Яковлева — повышенное честолюбие, склонность к командным действиям и т. п., то можно предположить, что это привело или обострило (если она имела раньше) некоторую неприязнь между ним и уральцами. Она скажется и в дальнейшем.

Из Екатеринбурга Яковлев уехал в Уфу и по поручению Совета доставил оттуда в голодный Петроград эшелон с хлебом. Возвращаясь назад (в конце марта), Яковлев побывал в Москве, где встретился с хорошо знавшим его Я. М. Свердловым¹²⁴. К этому времени ВЦИК уже вынес два постановления относительно пребывания Романовых в Тобольске. Постановлением от 1 апреля поручалось «Комиссариату по военным делам немедленно сформировать отряд в 200 человек... и отправить их в Тобольск для подкрепления караула, и в случае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву».

«Настоящее постановление,— отмечалось в протоколе заседания Президиума ВЦИК,— не подлежит оглашению в печати»¹²⁵.

6 апреля ВЦИК «в дополнение к ранее принятому постановлению» поручил Я. М. Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбург и Омском, сообщить им о «назначении подкрепления» в Тобольск и «о перевозе всех арестованных (Романовых.— Г. И.) на Урал»¹²⁶. Второе постановление (от 6 апреля) не отменяло первое (от 1 апреля), а дополняло его. Поэтому по смыслу обоих постановлений можно предположить, что Урал (точнее, Екатеринбург) рассматривался как место временного, если можно так сказать, промежуточного пребывания Романовых, как возможность и средство, позволяющее быстрее разорвать тобольскую монархическую сеть. Дальнейшая история, связанная с перевозом Романовых из Тобольска на Урал, как нам представляется, подтверждает это предположение...

Как уже отмечалось, Я. М. Свердлов хорошо знал Яковлева. Наличие в его эшелоне, только что прибывшем из Петрограда, хорошо вооруженных уфимских красногвардейцев позволяло оперативнее решить вопрос о формировании отряда, который должен был вывезти Романовых из Тобольска. Яковлев получил соответствующие документы, по утверждению уральского большевика А. Д. Авдеева (он находился в «тобольском отряде» Яковлева) подписанные В. И. Лениным и Я. М. Свердловым¹²⁷.

В середине апреля 1918 г. Яковлев прибыл в Уфу. Здесь он явился к председателю губчека П. И. Зенцову, которого знал еще по деятельности боевых организаций Урала в годы первой российской революции и позднее. Сообщив Зенцову о своей чрезвычайной миссии, Яковлев потребовал, чтобы местные власти сформировали для него специальный отряд. Зенцов выполнил распоряжение центра¹²⁸.

В отряд Яковлева было включено 15 кавалеристов, более 20 пехотинцев при четырех пулеметах, 2 телеграфиста и сестра милосердия¹²⁹. После ухода отряда Яковлева из Уфы вдогонку ему были посланы дополнительные подкрепления под командованием П. Гузакова. В качестве командира отряда П. И. Зенцов назначил Д. М. Чудинова, которого хорошо знал по совместной деятельности в боевых организациях в 1905—1909 гг. и которому полностью доверял. Еще со времен «миасского экска» знал Чудинова и Яковлев. Конным отрядом командовал брат П. И. Зенцова Г. И. Зенцов¹³⁰.

Во время пребывания Яковлева в Уфе сюда же из Екатеринбурга приехал уральский военный комиссар И. Голощекин. Он распорядился подчинить Яковлеву всех уральских красногвардейцев, уже находившихся в Тобольске¹³¹. Из воспоминаний Д. М. Чудинова, Г. Зенцова и других следует, что вплоть до самого отъезда из Уфы задача, поставленная перед Яковлевым, держалась в строгой тайне¹³².

В Екатеринбурге отряд несколько задержался. Уралоблсовет не ставил под сомнение полномочия Яковлева. Перед его прибытием в Екатеринбург заместитель председателя исполкома Совета Дидковский по прямому проводу передавал Я. М. Свердлову: «Просьба распорядиться немедленно о подчинении начальника охраны („отряда особого назначения“, — Г. И.) Тоболь-

скому исполкому до прибытия вашего Яковлева, который сегодня днем выезжает из Уфы»¹³². Вместе с тем в исполкоме Уралоблсовета чувствовалась определенная обеспокоенность ответственностью и сложностью задачи, стоявшей перед Яковлевым, проявлялось некоторое недоверие к нему. Еще за день-два до прибытия Яковлева в Екатеринбург отсюда в Тобольск был направлен красногвардейский отряд под командованием Брусяцкого (или Бусяцкого). Это, вероятно, насторожило Яковлева...

В Тюмени яковлевский отряд был встречен направлявшимся из Тобольска в Екатеринбург Авдеевым. Яковлев предъявил ему свой мандат и предложил вернуться в Тобольск для организации перевоза Романовых. В верстах 80—90 от Тобольска отряд Яковлева догнал Бусяцкого. Как пишет Д. М. Чудинов, во время разговора Яковлева с уральцами они заявили, что тоже направляются «за Романовыми», а затем будто бы предложили следующий план: «Во время перевозки нами (т. е. отрядом Яковлева.— Г. И.) Романовых их отряд делает фиктивный налет на наш, отбивает Николая или убивает его»¹³⁴. В этом сообщении много неясного, но оно все же смутно отражает ту обстановку недоверия и подозрительности, которая существовала вокруг Романовых в связи с имевшимися сведениями, а также распространявшимися слухами о сосредоточении монархических сил вокруг Тобольска, о предполагаемом бегстве Романовых и неопределенностью положения в самом Тобольске. Вообще же возможность такого рода намерений, о которых в передаче Д. М. Чудинова говорили люди из отряда Бусяцкого (отбить или убить Николая), исключить нельзя. В некоторых красногвардейских отрядах того времени (весна 1918 г.) еще не существовало твердой армейской дисциплины, отмечались анархические тенденции и т. п. В докладах советских военных специалистов (Н. Подвойского, М. Тухачевского и др.) весной 1918 г. неоднократно указывалось на необходимость покончить с «иррегулярностью отрядов». М. Тухачевский, например, прямо писал во ВЦИК, что некоторые из них «создают дух бесчинства и развала»¹³⁵. В таких отрядах было немало левоэсеровских и просто анархистских элементов, которые под влиянием крикливой ультрареволюционной пропаганды своих руководителей могли пойти и на провокационный шаг. Нельзя не учитывать и настроений

широких слоев уральских рабочих, многие из которых были возмущены сведениями, поступавшими из Тобольска, и требовали суровой кары Романовых. Г. Зенцов пишет, что во время пребывания отряда Яковлева в Екатеринбурге, когда в Уралсовете обсуждалось положение дел в Тобольске, «слышались выкрики: „Прикончить палача, а не возиться с ним!“»¹³⁶.

Каким образом Яковлеву удалось урегулировать отношения с Бусяцким, сказать трудно. Известно лишь, что оба отряда 22 апреля вступили в Тобольск.

Мы уже знаем, что обстановка здесь была довольно напряженной. Большая часть «отряда особого назначения» во главе с полковником Кобылинским решительно противилась передаче Романовых под контроль Тобольского исполкома и под охрану находившихся в городе омских, а также екатеринбургских красногвардейцев. При этом командование «отряда особого назначения» исходило из того, что поскольку охрана бывшего царя была поручена отряду центральной властью, то местным властям (Екатеринбургу, Омску или Тобольску) он подчиняться не обязан. Положение, как уже отмечалось, усугублялось тем, что между омичами и екатеринбуржцами отношения были весьма натянутыми. Дело однажды дошло даже до ареста Хохрякова, и, как пишет П. Быков, только переговоры по прямому проводу с Уралсоветом, подтвердившим особые полномочия Хохрякова, «спасли последнего от расстрела»¹³⁷.

В такой обстановке Яковлев, по-видимому, решил действовать осторожно, учитывая, в частности, что прибытие его отряда могло усилить беспокойство и подозрительность, существовавшие как в «отряде особого назначения», так и среди омичей и екатеринбуржцев. Вместе с тем необходимо было спешить, так как сапный путь между Тобольском и Тюменью (откуда уже можно было двинуться поездом) вот-вот мог оказаться невозможным: шла весна, а с ней и распутица...

Утром 23 апреля Яковлев явился к начальнику охраны Романовых полковнику Кобылинскому и предъявил ему свои документы. Они предписывали беспрекословно подчиняться всем требованиям чрезвычайного комиссара, выполняющего поручение особой важности. Невыполнение его распоряжений грозило расстрелом. Со всей определенностью Кобылинский позднее заявлял, что «о сущности же поручения в документах не говорилось»¹³⁸ и он вначале даже решил, что Яковлев

прибыл вместо бывшего комиссара В. С. Папкротова и останется в Тобольске.

В Тобольске Яковлев старался привлечь симпатии стрелков «отряда особого назначения». Собрав их 23 апреля, он выступил с речью, в которой благодарил за службу, сообщил, что привез им жалованье за 6 месяцев, и обещал, что скоро все они разъедутся по домам. На второе собрание стрелков, состоявшееся на другой день, Яковлев пригласил С. Заславского и представителя омского отряда Дегтярева. Стрелки выражали свое явное неодобрение Заславскому, утверждая, что уральцы под его руководством будто бы собираются организовать нападение на губернаторский дом и силой захватить Романовых. Заславский, в свою очередь, говорил о готовящемся выступлении монархистов с целью освобождения Романовых и твердо заявил, что он этого ни при каких обстоятельствах не допустит¹³⁹.

Считая, что поддержка стрелков охраны для него особенно важна (именно они должны были передать ему Романовых), и учитывая недоверие, которое проявляли к нему уральцы, Яковлев принял сторону стрелков. Отношения между ним и представителями Екатеринбурга явно портились.

Только поздно вечером 24 апреля, созвав совещание солдатского комитета отряда охраны, на котором присутствовали П. Хохряков, С. Заславский, Г. Зенцов, А. Авдеев, Яковлев под секретом сообщил, что задача, возложенная на него, состоит в том, чтобы вывезти Романовых из Тобольска, по на вопрос «куда» ответил, что «об этом рассуждать не следует»¹⁴⁰.

25 апреля Яковлев посетил наконец губернаторский дом. В этот день Николай записал в дневнике: «Сегодня после завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря куда»¹⁴¹. Сходную запись находим и в неопубликованном дневнике Александры Федоровны: «12(25) апреля, четверг. После ленча пришел комиссар Яковлев... Он объявил приказ своего правительства (большевики), что он должен увезти нас (куда?)»¹⁴².

На вопрос Николая, куда его собираются перевезти, Яковлев ответил, что он сам этого пока не знает и что распоряжение о новом местопребывании бывшего императора и его семьи получит в пути¹⁴³.

Эти дневниковые записи противоречат утверждениям о том, будто Яковлев прямо заявил Романовым, что со-

бирается везти их в Москву, хотя на самом деле уже в Тобольске он якобы замыслил «измену»: решил не ехать ни в Москву, ни на Урал, а «выйти на кратчайшие маршруты, ведущие к границе зоны немецкой оккупации»¹⁴⁴.

Несмотря на уклончивость ответов Яковлева, у самих Романовых и у некоторых лиц из числа их приближенных возникло предположение, что цель Яковлева, скорее всего, Москва. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Александры Федоровны, Николая и др.¹⁴⁵

Откуда же могло возникнуть такое предположение? Скорее всего, первым эту мысль подал полковник Кобылинский. Произошло это в связи со следующим обстоятельством. После посещения Яковлевым Романовых выяснилось, что Алексей Романов из-за болезни не сможет выехать из Тобольска. Это было непредвиденное обстоятельство, и Яковлев, как свидетельствует Авдеев, на какой-то момент заколебался. Но П. Хохряков предупредил его, что нужно торопиться. Он выражал опасение, что, как только вскроются реки, монархисты, концентрирующиеся в Тобольске, попытаются освободить бывшего царя. Все уральцы поддерживали мнение Хохрякова¹⁴⁶.

И Яковлев принял решение немедленно уехать из Тобольска с одним Николаем Романовым, о чем и сообщил Кобылинскому, добавив, что через некоторое время вернется в Тобольск за остальными. По расчетам Кобылинского, указанный Яковлевым срок возвращения требовался как раз для поездки в Москву и обратно, и он немедленно поделился своими соображениями с Николаем и Александрой Федоровной.

Предположение о том, что Романовых, очевидно, повезут в Москву, не стало секретом от их окружения: они поделились своими догадками не только со свитой, но даже с некоторыми из прислуги; узнали о них и в «отряде особого назначения». Тревожные слухи дошли, конечно, и до уральцев, еще более усилив их подозрительность и недоверчивость. Для обсуждения создавшегося положения и принятия необходимых мер они собрались на отдельное совещание. Наиболее резко по отношению к Яковлеву выступил С. Заславский. Он настоятельно требовал, чтобы после отъезда Яковлева из Тобольска уральцы неотступно следовали за ним, не выпуская из-под своего наблюдения. Он предложил даже

организовать «засаду» на пути к Тюмени (у с. Ивлево), которая в случае необходимости могла бы остановить отряд Яковлева с Романовыми. Кроме того, он настаивал на том, чтобы представители Екатеринбурга неотступно находились рядом с Яковлевым.

Сведения об этом совещании дошли до Яковлева. Вызвав Авдеева, он потребовал рассказать ему обо всем, что на нем говорилось, и сообщил, что «уже отдал приказ об аресте Заславского и его друзей». Приказ этот, однако, не был выполнен: Авдеев сообщил о нем П. Хохрякову и самому Заславскому¹⁴⁷.

Поздно вечером 25 апреля, когда в губернаторском доме уже все было готово к отъезду, Яковлев сообщил стрелкам охраны, что он должен увезти бывшего царя. Часть солдат потребовали, чтобы они были допущены в сопровождающий конвой, но Яковлев согласился принять лишь несколько представителей.

В 4 часа утра «поезд», состоявший из 19 парных запряженных кошевок под охраной кавалеристов Г. Зенцова и вооруженных пулеметами пехотинцев, покинул Тобольск. В официальном сообщении «Известий Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» говорилось: «В ночь с 25-го на 26-ое из Дома свободы (так после революции назывался губернаторский дом.— Г. И.) был увезен комиссаром тов. Яковлевым бывший царь Николай Романов, с ним пожелала ехать бывшая царица и дочь Мария, а также добровольно последовавшие за ними в ссылку граждане Татищев и Долгоруков¹⁴⁸. Отъезд был обставлен хорошо, и все обошлось без лишнего шума. Комиссар тов. Яковлев имел самые широкие полномочия из Москвы от Совнаркома...»¹⁴⁹

От Тобольска до Тюмени, где находилась железнодорожная станция, отряду предстояло пройти около 300 километров. Дорога была тяжелая: весна шла широким фронтом и приходилось переезжать Иртыш и Тобол по льду, в некоторых местах уже залитому водой.

Яковлев явно торопился, спешил скорее достигнуть Тюмени. Чего он опасался? Примечательна запись, которую сделала Александра Федоровна в дневнике 27 апреля: «В селе Борки пили чай... в крестьянском доме. Покинув деревню, вдруг встретили на дороге Седова!»¹⁵⁰ Это имя нам уже известно. Напомним, что Седов — тот самый офицер, который по поручению Маркова-2-го еще осенью 1917 г. выехал в Тобольск

для разведки и связи с Романовыми и который установил контакты с Борисом Соловьевым, а позднее — с приехавшим в Тобольск по поручению Вырубовой Сергеем Марковым. Случайной ли была эта встреча «поезда Яковлева» на глухом сибирском тракте с человеком, находившимся в самой сердцевине монархической паутины, которая плелась вокруг Романовых?

Характерно, что сразу же после отъезда Яковлева из Тобольска там был арестован епископ Гермоген, который, как мы уже знаем, также был связан с Б. Соловьевым. «Известия Тобольского Совета» по этому поводу сообщали следующее: «Чрезвычайный комиссар Совета Народных Комиссаров В. В. Яковлев предложил исполнительному комитету выяснить причастность епископа Гермогена к политическому движению против Советской власти путем осмотра его бумаг и переписки»¹⁵¹. В ночь с 26-го на 27-е у Гермогена был произведен обыск, а на другой день он был арестован и увезен из Тобольска...

Но Яковлева явно беспокоило и другое. Не вполне доверявшие ему уральцы, по существу, взяли его в окружение. Впереди, выйдя из Тобольска несколько раньше, шел отряд Заславского, позади — другой отряд уральцев под командованием Бусяцкого. Конфликт чуть было не произошел у с. Ивлево, когда, как пишет П. Быков, у уральцев, уверовавших в «ненадежность» Яковлева, появилась мысль о необходимости отбить у него Романовых. Конфликт, по-видимому, назревал, так как Яковлев арестовал одного из людей Бусяцкого; вскоре, правда, он выпустил его. Обе стороны старались все-таки избежать открытого столкновения... Тем не менее здесь, в Ивлеве, Яковлев произвел некоторую перестановку в командном составе. Командиром сводного отряда он назначил П. Гузакова, не успевшего застать Яковлева еще в Тобольске и встретившегося с ним как раз в Ивлеве. Чудинов стал его заместителем¹⁵².

Отряд подходил к Тюмени. Сохранились телеграммы, которыми Яковлев и Я. М. Свердлов обменялись поздно вечером 26 апреля. Яковлев запрашивал: «Маршрут остается старый (т. е. Екатеринбург.— Г. И.) или ты его изменил? Сообщи немедленно Тюмень. Еду по старому маршруту. Ответ необходим немедленно»¹⁵³. Текст этой телеграммы дает основание предположить, что еще при назначении Яковлева чрезвычайным комиссаром в Москве не исключалась пере-

меша маршрута в случае возникновения каких-либо осложнений в пути. Из этого же текста, с одной стороны, видна полная готовность Яковлева выполнять «екатеринбургскую директиву» центра, а с другой — появившиеся у него сомнения в возможности ее благополучного осуществления. Из Москвы последовал ответ: «Маршрут — старый. Сообща груз (условленный шифр.— Г. И.) везешь или нет. Свердлов»¹⁵⁴.

О том, что произошло дальше, свидетельствует срочная телеграмма, вечером 28 апреля направленная из Екатеринбурга в Москву на имя В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. «Ваш комиссар Яковлев привез Романова в Тюмень, посадил его в поезд, направился в Екатеринбург. Отъехав один перегон, изменил направление. Поехал обратно. Теперь поезд с Николаем находится около Омска. С какой целью это сделано — нам неизвестно. Мы считаем такой поступок изменническим. Согласно вашего письма 9 апреля Николай должен быть в Екатеринбурге. Что это значит? Согласно принятому облсоветом и областным комитетом партии решению, сейчас отдано распоряжение задержать Яковлева и поезд во что бы то ни стало, арестовать и доставить вместе с Николаем в Екатеринбург. Ждем у аппарата ответ. Белобородов, Сафаров»¹⁵⁵.

Что же случилось? Почему Яковлев в какой-то момент изменил установленный маршрут, вызвав тем самым бурную реакцию в Уралоблсовете? Имеющиеся свидетельства сходятся на том, что решение Яковлева повернуть к Омску было обусловлено полученными им сведениями или дошедшими до него слухами об угрозе «взрыва поезда» у какого-то железнодорожного моста в районе станции Поклевская. Трудно сказать, была ли угроза вооруженного нападения на поезд действительной или мнимой. Но для Яковлева, который с момента прибытия в Тобольск оказался в весьма напряженной обстановке, она могла представиться вполне реальной. В этот момент он, вероятно, и доложил в Москву Я. М. Свердлову, прося об изменении «старого маршрута». О том, что такой вариант был согласован, свидетельствует телеграмма Уралоблсовета, направленная в Омск и в другие железнодорожные пункты 28 апреля. В ней, между прочим, отмечается, что, согласно письму Свердлова от 9 апреля, Яковлев не мог менять маршрут «без прямого приказа центра»¹⁵⁶. Разрешил ли изменить маршрут Я. М. Свердлов? Есть основания пола-

гать, что на этот раз Я. М. Свердлов дал Яковлеву положительный ответ. П. Быков в статье «Последние дни последнего царя» прямо писал, что ВЦИК «согласился на перевоз Романовых в Омск»¹⁵⁷. Это сообщение подтверждается и Д. М. Чудиновым, который пишет: «В Тюмени Яковлев переговорил по прямому проводу с Я. М. Свердловым. Было получено распоряжение: ехать в Омск. Двинулись...»¹⁵⁸

Итак, поезд с Романовыми повернул на юго-восток, на Омск. Как мы уже знаем, ответные меры Уралоблсовета последовали незамедлительно. Сообщив о происшедшем в Москву, уральцы направили вдогонку Яковлеву специальный поезд. Одновременно в Омск и другие железнодорожные пункты пошла телеграмма, объявлявшая комиссара Яковлева «стоящим вне рядов революционеров» и предлагавшая всем Советам «принять самые решительные, экстренные меры, включая применение вооруженной силы, для остановки поезда бывшего царя». «Предлагаем не обращать внимания на разные документы, которые будет предъявлять Яковлев, на них ссылаться, ибо все его предыдущие шаги бесспорно свидетельствуют о преступном замысле, осуществляемом Яковлевым возможно по поручению других лиц»¹⁵⁹. Телеграмму подписал председатель Уралоблсовета Александр Белобородов, но в ней специально подчеркивалось, что с ее содержанием согласны областные комитеты партий большевиков, левых эсеров и максималистов.

Авдеев пишет: «С этой телеграммой Яковлев в сильно возбужденном состоянии вбежал ко мне и стал кричать, что все там с ума сошли...» По словам Авдеева, Яковлев стал уверять его, что «увоз царя по направлению к Омску означал только лишь гарантию полного выполнения возложенной на него директивы. Он хотел его (т. е. Николая.— Г. И.) вначале увезти на Южный Урал, а затем уже сговориться с центром»¹⁶⁰.

Между тем поезд быстро приближался к Омску. Получив сведения, что на станции Куломзино, откуда открывался путь на Челябинск, поезд с Романовыми будет остановлен омскими красновардейцами, Яковлев на станции Люблинская отцепил паровоз и сам направился на нем в Омск. Отсюда он вновь связался с Я. М. Свердловым. Текст его довольно длинной телеграммы настолько важен, что ее следует процитировать полностью. Яковлев сообщал: «Несомненно, я подчи-

няюсь всем приказаниям центра. Я отвезу багаж туда, куда скажете. Но считаю своим долгом еще раз предупредить Совет Народных Комиссаров, что опасность вполне основательная, которую могут подтвердить как Тюмень, так и Омск. Еще одно соображение: если вы отправите багаж в Симский округ (Уфимской губернии.— Г. И.), то вы всегда и свободно можете его увезти в Москву или куда хотите. Если же багаж будет отвезен по первому маршруту (т. е. Екатеринбург.— Г. И.), то сомневаюсь, удастся ли вам его оттуда вытащить. В этом ни я, ни Гузаков, ни екатеринбуржец Авдеев — никто из нас не сомневается; так же как не сомневаемся в том, что багаж всегда в полной опасности. Итак, мы предупреждаем вас последний раз и снимаем с себя всякую моральную ответственность за будущие последствия. Еду по первому маршруту. Сейчас же выезжаем. Напоминаю, что при переговорах по аппаратам все время недоразумения. Подбельский (нарком почт и телеграфов.— Г. И.), кажется, запретил переговоры, а они для меня, как видите, очень существенны. Передай также Невскому (парком путей сообщения.— Г. И.), чтобы он строгой телеграммой дал наказ всем железнодорожным начальникам не давать по телеграфу никаких других сведений, кроме тех, чтобы наш поезд шел без остановки и останавливался только для технических исправлений. Итак, еду по первому маршруту. Багаж сдам. Поеду за другой частью. Прощай. Будь здоров. Яковлев, Гузаков»¹⁶¹. Текст этой телеграммы подтверждает предположение, что главная задача Яковлева как чрезвычайного комиссара ВЦИК заключалась в доставке Романовых в «надежное место», надежное с точки зрения их недосыгаемости для контрреволюционных сил. Таким местом еще в начале апреля признавался Екатеринбург. Однако не исключалось, что если бы какие-то обстоятельства осложнили и затруднили «екатеринбургский вариант», то Яковлев (как это вытекает из его переговоров с Я. М. Свердловым) мог по согласованию с центром искать и иные пути для выполнения своей главной задачи. Но к моменту получения «омской телеграммы» Яковлева Я. М. Свердлов уже располагал и «екатеринбургской» информацией. Представители Уральского облсовета еще раз связались по прямому проводу с Москвой и вновь сообщили следующее: «Письмом 9 апреля тов. Свердлов заявил, что Романов будет перевезен в Екатеринбург, сдан под от-

ветственность областного Совета. Видя, что сегодня поезд с Урала ускользает по неизвестным нам причинам, явно вопреки распоряжению Свердлова, мы отдали распоряжение Омску и всей сибирской магистрали поезд задержать, Яковлева арестовать и вместе с Николаем доставить в Екатеринбург. Об этом одновременно сообщили Свердлову. Его ответ нас чрезвычайно удивил... Оказывается, что Яковлев гонит поезд на восток согласно его распоряжений, и он просит Яковлеву не чинить препятствий. На основании первоначального письма Свердлова мы должны были быть поставлены в известность об изменении намерений Совнаркома относительно Романовых, а это сделано не было». Далее уральцы предупреждали: «Единственный выход из создавшегося положения — отдать в Омск в адрес Яковлева распоряжение направить поезд Яковлева обратно в Екатеринбург. В противном случае конфликт может принять острые формы, ибо мы считаем, что гулять Николаю по сибирским дорогам не нужно, а он должен находиться в Екатеринбурге под строгим надзором»^{162—163}.

В последнем уральцы были правы. Независимо от соображений Яковлева положение складывалось так, что его действия становились крайне опасными. Шла весна 1918 г., и в районе движения поезда Яковлева то тут, то там в разное время вспыхивали антисоветские мятежи.

Железные дороги охранялись красновардейскими отрядами, но их явно не хватало, и они располагались лишь на крупных станциях. В такой обстановке поезд с Романовыми мог стать сравнительно легкой добычей какой-нибудь контрреволюционной группы...

Я. М. Свердлов отдал распоряжение о возвращении поезда Яковлева в Екатеринбург, но, как это следует из ответа уральцев, потребовал гарантий в том, что Романовы будут доставлены туда живыми и невредимыми. «При условии, если все дело будет вестись через областной Совет, даем зависящие от нас гарантии», — заверяли уральцы¹⁶⁴.

Только после этого Я. М. Свердлов сообщил уральцам текст своего распоряжения Яковлеву: «Немедленно двигаться в Тюмень. С уральцами договорились — приняли меры, дали гарантии, передай груз в Тюмени представителю Областкома Уральского. Так необходимо. Поезжай сам вместе. Оказывай полное содействие

представителю. Задача прежняя». «Я полагаю,— говорил Свердлов членам исполкома Уралсовета,— что при этих условиях вы можете взять на себя всю ответственность. Что скажете?» Из Екатеринбурга последовал ответ: «Согласны»¹⁶⁵.

Все эти материалы дают основание считать, что донесения Яковлева не вызывали у Свердлова каких-либо подозрений в «измене» и что действия уральцев не казались ему однозначно правильными. В противном случае становится непонятным его требование об обеспечении гарантий со стороны уральцев.

Получив четкое указание Я. М. Свердлова и гарантии уральцев, Яковлев из Омска вернулся на станцию Люблинская, где стоял его поезд. Двинулись назад к Тюмени, где уже находился отряд Бусяцкого. После прохождения поезда Яковлева он немедленно погрузился в другой состав и двинулся вслед.

30 апреля Николай, его жена и дочь были доставлены в Екатеринбург и сданы под расписку исполкому Уралсовета, о чем свидетельствует телеграмма, подписанная председателем Уралоблсовета А. Г. Белобородовым¹⁶⁶. В тот же день они были отправлены в дом инженера Ипатьева, получивший название «дом особого назначения».

Вечером 30 апреля Яковлев отчитывался перед исполкомом Уральского областного Совета. По словам Авдеева, он «старался себя оправдать и всю вину свалить на партизанские действия уральцев... говорил, что у него не было другого намерения, кроме как сохранить бывшего царя по директиве ВЦИК»¹⁶⁷. В подтверждение своих объяснений Яковлев представил исполкому ленты своих телеграфных разговоров с Москвой.

1 мая на имя Белобородова, Голощекина и других членов исполкома Уралоблсовета поступила телеграмма из Москвы. «Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов»¹⁶⁸. Из Екатеринбурга в ответ Я. М. Свердлову телеграфировали, что, хотя у них с Яковлевым «произошли довольно крупные объяснения», уральцы «резолуцией его реабилитирова-

ли», признав «наличность излишней нервозности» и «необоснованных страхов». «Он теперь на Ашabalашовском заводе,— сообщали из Екатеринбурга.— Сегодня ему телеграфируем выезд окончательно за выполнением задачи»¹⁶⁹.

Вначале Я. М. Свердлов намеревался вновь направить Яковлева в Тобольск для перевозки на Урал остальных членов семьи Романовых¹⁷⁰, но затем это поручение было отменено. В 20-х числах мая переезд трех дочерей бывшего царя и сына Алексея из Тобольска в Екатеринбург осуществил сам председатель исполкома Тобольского Совета, бывший матрос с броненосца «Заря свободы» Павел Хохряков¹⁷¹. Через три месяца (в августе 1917 г.) он погиб в бою с белочехами и белогвардейцами у станции Крутиха на Урале...

16 мая «Известия» поместили интервью своего корреспондента с самим Яковлевым. Оно не лишено интереса. Яковлев сообщал, что отношение красногвардейцев к Романовым «их сильно озадачило. По-видимому, они опасались вначале грубостей, насилий и оскорблений с нашей стороны. Но весь отряд держался по отношению к Романовым вполне корректно, не позволил ни одного невежливого или оскорбительного слова...

Из Тюмени мы отправились поездом. Здесь охрана была уже увеличена до 160 человек. Путь от Тюмени до Екатеринбурга был совершен без каких-либо инцидентов»¹⁷².

В заключение в «загадку» Яковлева, определив события, надо внести еще один штрих: сказать немного о его дальнейшей судьбе.

После возвращения из Екатеринбурга в Москву Яковлев вскоре (в середине мая 1918 г.) был назначен главнокомандующим Урало-оренбургским фронтом, действовавшим против войск атамана Дутова¹⁷³ (его помощником стал Гузаков). Штаб Яковлева должен был находиться в Уфе. Ситуация сложилась таким образом, что другим фактическим главноверхом отрядов этого фронта был В. В. Блюхер, который руководил ими еще в период зимней кампании против дутовского мятежа. Уральцы (военком Урала С. А. Анучин и председатель Уралоблсовета Белобородов) настаивали на отозвании Яковлева. Его «мелкосамовлюбленное поведение» и «начальственный тон», телеграфировали они в Москву, не позволяют найти с ним общий язык и возможность совместной работы¹⁷⁴. Но фактически Яковлев так и не

успел вступить в права главкома, хотя донесения его шли в центр еще и в июне 1918 г.

В 20-х числах мая в Поволжье, на Южном Урале и в Сибири по закулисным проискам Антанты вспыхнул антисоветский мятеж Чехословацкого корпуса. Для борьбы с белочехами и поддержавшими их белогвардейцами в середине июня создавался Восточный фронт в составе четырех армий во главе с М. Муравьевым. Командовать одной из армий — второй, действовавшей в районе Уфы и Оренбурга, был назначен Яковлев¹⁷⁵. Но июнь—август стал периодом тяжелых неудач войск фронта, вызванных, в частности, и деятельностью главкома М. Муравьева. Прибыв на фронт, он произвел перестановку командования: командующим второй армией назначил бывшего полковника Ф. Махина, который был внедрен в Красную Армию эсеровским руководством¹⁷⁶. Яковлев был отозван в штаб фронта. А затем началась полоса поражений, вызванных предательством бывших царских офицеров. Сдав Уфу, перебежал на сторону образовавшегося в Самаре Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) Махин. На его место был назначен другой командующий — А. Харченко; политическим комиссаром при нем стал Яковлев. Но вскоре изменил и Харченко. А 10 июля поднял мятеж сам главком М. Муравьев. Он был объявлен изменником революции и убит при попытке оказать сопротивление в момент ареста. Авантюра Муравьева была ликвидирована, но она, конечно, на какое-то время усугубила тяжелое положение фронта...

Неудачи, поражения, измены, свержение Советской власти на огромной территории от Волги до Дальнего Востока (где возникали эсеровские правительства: Комуч в Самаре, Временное Сибирское правительство в Омске и др.) создавали тяжелую атмосферу. Яковлев тайно возвратился в захваченную комучевской «Народной армией» Уфу и перешел на нелегальное положение.

7 октября 1918 г. Красная Армия освободила Самару и комучевский «Совет управляющих ведомствами» бежал в Уфу, а приблизительно через месяц к управляющему внутренними делами Комуча эсеру П. Д. Климушкину явился офицер и потребовал секретной беседы. Он сказал, что пришел по поручению бывшего «крупного большевика», который готов перейти «на нашу сторону», поскольку «изжил идею большевизма», но предварительно хотел знать реакцию «Совета управ-

ляющих». Офицеру заявили, что «ни суда, ни мести не будет». Через неделю он явился снова с... Яковлевым.

В воспоминаниях П. Климушкина имеется текст заявления, которое Яковлев написал по требованию «Совета управляющих». Тяжело читать его. Яковлев писал, что после сдачи Уфы, скрываясь «по деревням и селам», он пришел к заключению, что «партия, к которой принадлежал, побеждена» и что теперь он «как социалист-народник» поддерживает идею «власти Учредительного собрания»¹⁷⁷. С согласия Яковлева это заявление с призывом последовать его примеру было напечатано в уфимских газетах и «разослано по войскам». В то же время за Яковлевым был установлен секретный надзор с целью выявления его возможных «связей с большевиками»¹⁷⁸.

Но через несколько дней Яковлев все же был арестован. На запрос Климушкина из штаба чешского генерала Я. Сырового ответили, что Яковлев удален «из полосы фронта», но за Челябинском он может проживать свободно. Что стало с ним дальше, Климушкин не сообщает.

Предательский поступок Яковлева осенью 1918 г. бросил тень на все его прошлое. Стало казаться, что и подлинный смысл его маневров во время перевозки Романовых из Сибири на Урал весной 1918 г. вполне прояснился: очевидно, Яковлев уже тогда задумал измену, а потому пытался освободить и похитить бывшего царя. А белоэмигрантским историкам и мемуаристам он дал повод для тех антисоветских инсинуаций, о которых говорилось выше. Но документы, которые были приведены, как нам кажется, опровергают их.

¹ Черемисов В. Поход Керенского на Петроград // Голос России. Берлин, 1921. 9 апр.

² Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Октябрьская революция: Мемуары / Сост. С. А. Алексеев. М.; Л., 1926. С. 81; Керенский А. Ф. Гатчина // Там же. С. 189; Ан-ский С. После переворота 25 октября 1917 г. // Там же. С. 308—309.

³ Черемисов В. Указ. соч.

⁴ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 202.

⁵ Станкевич В. Б. Воспоминания, 1914—1919 гг. Л., 1926. С. 141.

⁶ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии эсеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922. С. 8.

⁷ Вейгер-Редемейстер В. А. С Керенским в Гатчине // Пролетарская революция. 1923. № 9 (21). С. 93.

⁸ Возрождение. Париж, 1927. 22 окт.

⁹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Украинцев Н. П. У колыбели контр-революции. Рукопись. 1922—1933 г.

- ¹⁰ Там же. Ряснянский С. Н. Быховские узники. Рукопись. 1927 г.
- ¹¹ Подробнее см.: Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны. М., 1976. С. 226—276.
- ¹² ЦГАОР СССР. Коллекция. Зензинов В. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 г. Москва—Уфа—Омск. Рукопись.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 227—228.
- ¹⁴ Там же. Т. 50. С. 26.
- ¹⁵ Владимиров В. Год службы «социалистов» капиталистам. М., 1927. С. 112—113.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 240, 241.
- ¹⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 130 (СНК). Оп. 2. Д. 150. Л. 17—25.
- ¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 26; см. также: Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1974. Т. 5. С. 186—187.
- ¹⁹ Известия. 1962. 21 апр.
- ²⁰ ЦГАОР СССР. Коллекция. Фабрикант В. О. Керенский в России после Октябрьского переворота.
- ²¹ Там же. Зензинов В. Борьба российской демократии...
- ²² Там же. Чайковский Н. В. Воспоминания о деятельности Временного правительства Северной области, 1918—1920. Рукопись.
- ²³ Семенов (Васильев) Г. Указ. соч. С. 19—23; см. также: Голиков Д. Л. Крушение англосоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 2. С. 222—225.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 253.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 56—57.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 333.
- ²⁸ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Раппальского договора: Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 517.
- ²⁹ Гофман М. Записки и дневники, 1914—1918. Л., 1929. С. 141—142.
- ³⁰ Von Blücher W. Deutschlands Weg nach Rappalo. Wiesbaden, 1951. S. 19.
- ³¹ Freund G. Unholy Alliance: Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. L., 1957. P. 14.
- ³² Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918/Ed. by Z. Zeman. L., 1956. P. 136.
- ³³ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Ч. 2. С. 197.
- ³⁴ Гофман М. Указ. соч. С. 242—243.
- ³⁵ Williams R. Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881—1941. Ithaca, 1972. P. 71.
- ³⁶ Гофман М. Указ. соч. С. 141.
- ³⁷ Bothmer F. Mit Graf Mirbach in Moskau. Tübingen, 1922. S. 35—36.
- ³⁸ Williams R. Op. cit. P. 71.
- ³⁹ Документы германского посла в Москве Мирбаха / Вопр. истории. 1971. № 9. С. 126.
- ⁴⁰ Germany and the Revolution in Russia. P. 138.
- ⁴¹ Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 125.
- ⁴² Там же. С. 126; см. также: Germany and the Revolution in Russia. P. 136.
- ⁴³ Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 214—216.

- ⁴⁴ Минц И. И. История Великого Октября. М., 1979. Т. 3. С. 14—15.
- ⁴⁵ Виноградский Н. Н. Совет общественных деятелей в Москве, 1917—1919 // На чужой стороне. 1925. № 9. С. 94.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Владимиров В. Указ. соч.; Голинков Д. Л. Указ. соч. М., 1980. Кн. 1; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982; Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982; и др.
- ⁴⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо Н. И. Астрова А. И. Деникину, 15 августа 1923 г.
- ⁴⁸ Там же. Сводки осведомительного отдела Добровольческой армии, 1(14) июля 1918 г.
- ⁴⁹ Там же. Сводки осведомительного отдела Добровольческой армии. Записка А. А. Титова.
- ⁵⁰ Там же. Записка М. М. Федорова о деятельности на Дону в период организации Добровольческой армии делегации московского «Правого центра».
- ⁵¹ Там же. Сводки осведомительного отдела Добровольческой армии, июль 1918 г.; Там же. Сводка сведений, полученных командованием Добровольческой армией, июль 1918 г. Новочеркасск.
- ⁵² Там же. Сводки осведомительного отдела Добровольческой армии, май 1918 г.; см. также: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 56, 77.
- ⁵³ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 16.
- ⁵⁴ Красная книга ВЧК. М., 1922. Т. 2. С. 311.
- ⁵⁵ Виноградский Н. Н. Указ. соч. С. 97.
- ⁵⁶ Савинов Б. В борьбе с большевиками. Варшава, 1920. С. 24.
- ⁵⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Записка подпоручика Сибирской артиллерийской бригады Критского.
- ⁵⁸ Мельгунов С. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 12.
- ⁵⁹ Милоков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1926. Т. 2. С. 20; ЦГАОР СССР. Коллекция. Милоков П. Н. Киев—Екатеринбург (май 1918—октябрь 1918). Рукопись.
- ⁶⁰ Боткин П. С. Что было сделано для спасения царской семьи // Русская летопись. Париж, 1925. Кн. 7. С. 211.
- ⁶¹ Jagow K. Die Schuld am Zaremord! Eine Antwort an Paleologue // Berliner Monatshefte. 1935. Mai. 13. Jahrgang. N 5. S. 391—392; см. также: Von Blücher W. Op. cit. S. 19.
- ⁶² Rösch N. Schafften fordern Heraus. B.; Zürich, 1967. S. 189.
- ⁶³ Двуглавый орел. 1920. 14(27) сент. С. 7; см. также: Генерал Леонтьев. Открытое письмо Вильгельму. Париж, 1918. С. 7—8; Боткин П. С. Указ. соч. С. 211.
- ⁶⁴ Касвинов М. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 35, 39.
- ⁶⁵ Jagow K. Op. cit. S. 24; см. также: Summers A., Mangold T. The File on the Tsar. L., 1976. P. 278—279.
- ⁶⁶ См., напр., статьи В. Бурцева в «Общем деле» (Париж) 16, 17, 28 и 31 октября 1920 г.
- ⁶⁷ Summers A., Mangold T. Op. cit. P. 271—289.
- ⁶⁸ Вопр. истории. 1971. № 9. С. 127.
- ⁶⁹ Двуглавый орел. 1922. 1(14) июля. С. 39—40.
- ⁷⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 640 (А. Ф. Романовой). Оп. 1. Д. 332.
- ⁷¹ Русская летопись. Париж, 1925. Кн. 4. С. 215.
- ⁷² Марков С. Покинутая царская семья. Вена, 1928. С. 249.
- ⁷³ Соколов Н. Убийство царской семьи. Париж, 1925. С. 103.
- ⁷⁴ Мосолов А. При дворе императора. Рига, Б. г. С. 222.
- ⁷⁵ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 1. С. 576.

- ⁷⁶ Петроградский Военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 1. С. 538.
- ⁷⁷ Известия. 1917. 7 нояб. Еще раньше, 1 ноября, «Известия» поместили сходное опровержение, присланное в Петроград председателем Омского военно-окружного комитета, членом Омского Совета И. П. Азаровым.
- ⁷⁸ Петроградский Военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 2. С. 466.
- ⁷⁹ Там же. М., 1967. Т. 3. С. 576.
- ⁸⁰ Там же. С. 231, 234, 238 и др.
- ⁸¹ Известия. 1917. 31 нояб.
- ⁸² ЦГАОР СССР. Ф. 130. Д. 2. (протоколы СНК). Л. 23 об. (протокол № 15).
- ⁸³ Там же. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 53. Д. 20. Л. 18—19; Ф. 130. Оп. 2. Д. 81. Л. 109.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1 (протокол № 1); см. также: *Свердлов Я. М.* Избр. произведения. М., 1959. Т. 2. С. 195.
- ⁸⁵ *Панкратов В. С.* С царем в Тобольске. Л., 1925. С. 81.
- ⁸⁶ *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Свердлов. М., 1971. С. 309.
- ⁸⁷ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920): Сб. документов и материалов. Свердловск, 1967. С. 146.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Красный арх. 1928. Т. 2(27). С. 124.
- ⁹⁰ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. С. 150.
- ⁹¹ *Коганицкий И.* 1917—1918 годы в Тобольске // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 9.
- ⁹² *Рощевский П.* Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959. С. 99.
- ⁹³ *Корслин Ф. П.* Матрос Хохряков. М., 1952; Урал. 1971. № 11; *Захаров С. А. П. Д.* Хохряков. Свердловск, 1969.
- ⁹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 226.
- ⁹⁵ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. С. 165.
- ⁹⁶ *Быков П.* Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 89.
- ⁹⁷ *Авдеев А. Д.* Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 189.
- ⁹⁸ Там же; *Рощевский П.* Указ. соч. С. 101.
- ⁹⁹ Уральский следопыт. 1959. № 7. С. 25; *Захаров С.* Последний путь последнего царя // Октябрь. 1967. № 3. С. 204.
- ¹⁰⁰ Высший монархический совет. 1924. 28 апр. (11 мая); *Марков С.* Указ. соч. С. 427—428.
- ¹⁰¹ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 5—6.
- ¹⁰² Там же. Л. 14—15 об.
- ¹⁰³ Там же. Л. 10—11.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 1. Л. 344—345.
- ¹⁰⁵ Цит. по: *Быков П.* Последние дни Романовых. С. 95.
- ¹⁰⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 344—345; Д. 84. Л. 36; См. также: *Свердлов Я. М.* Указ. соч. Т. 2. С. 195—196.
- ¹⁰⁷ *Summers A., Mangold T.* Op. cit. P. 268.
- ¹⁰⁸ *Быков П.* Последние дни Романовых. С. 97—98.
- ¹⁰⁹ *Рощевский П.* Указ. соч. С. 101—102.
- ¹¹⁰ *Касвинов М.* Указ. соч. С. 438, 440.
- ¹¹¹ *Alexandrov V.* La Fin des Romanov. P., 1968. Книга вышла и на английском языке: *Alexandrov V.* The End of the Romanovs. N. Y., 1966.

- ¹¹² Касвинов М. Указ. соч. С. 443.
- ¹¹³ Лешкин Н. Последний рейс Романовых // Ленинец. Уфа, 1976. 23 окт.; см. также: Кучкин А. П. В боях и походах. М., 1969. С. 109.
- ¹¹⁴ Лешкин Н. Указ. соч. // Ленинец. 1976. 23 окт.; см. также: Тарасов И. Д., Зенцова С. П. Петр Иванович Зенцов. Уфа, 1966. С. 23.
- ¹¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 261.
- ¹¹⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2. С. 266—267.
- ¹¹⁷ Ковыхин М. Н. Миньярское подполье. Челябинск, 1957. С. 102; см. также: Кашиц В. Смело, товарищи... М., 1976. С. 160—162.
- ¹¹⁸ Кривов Т. С. В ленинском строю. Чебоксары, 1969. С. 178.
- ¹¹⁹ Партийная школа в Болонье (1910—1911) // Пролетарская революция. 1926. № 3 (50). С. 122.
- ¹²⁰ Лешкин Н. Указ. соч. // Ленинец. 1976. 23 окт.; Чудинов Д. М. Особое задание // За власть Советов: Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961. С. 103.
- ¹²¹ II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1928. С. 140.
- ¹²² Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 1. С. 224; Т. 2. С. 119; Т. 3. С. 23, 78 и др.
- ¹²³ Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 43.
- ¹²⁴ Лешкин Н. Указ. соч. // Ленинец. 1976. 30 окт.
- ¹²⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 34. Д. 36. Л. 9.
- ¹²⁶ Там же. Д. 5. Л. 6, 7.
- ¹²⁷ Авдеев А. Д. Указ. соч. С. 190.
- ¹²⁸ Тарасов И. Д., Зенцова С. П. Указ. соч. С. 59; Лешкин Н. Указ. соч. // Ленинец. 1976. 2 нояб.
- ¹²⁹ Тарасов И. Д., Деденко В. И. Дмитрий Михайлович Чудинов. Уфа, 1969. С. 23.
- ¹³⁰ Зенцов Г. Поездка за Николаем Романовым в Тобольск // Уфимский Октябрьский сборник, 1917—1918. Уфа, 1920. № 2. С. 116.
- ¹³¹ Быков П. Последние дни Романовых. С. 90.
- ¹³² Чудинов Д. М. Указ. соч. С. 98.
- ¹³³ ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 13 об.
- ¹³⁴ Чудинов Д. М. Указ. соч. С. 99.
- ¹³⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 7. Л. 29—29 об., 167.
- ¹³⁶ Зенцов Г. Указ. соч. С. 116.
- ¹³⁷ Быков П. Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921. С. 9.
- ¹³⁸ Историк и современник. Берлин, 1924. Т. 5. С. 194.
- ¹³⁹ Авдеев А. Д. Указ. соч. С. 193.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 190.
- ¹⁴¹ Красный арх. 1928. Т. 2(27). С. 125.
- ¹⁴² ЦГАОР СССР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332.
- ¹⁴³ Чудинов Д. М. Указ. соч. С. 100; см. также: Русская летопись. Париж, 1921. Кн. 1. С. 151.
- ¹⁴⁴ Касвинов М. Указ. соч. С. 448.
- ¹⁴⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332; Красный арх. 1928. Т. 2. (27). С. 125—126.
- ¹⁴⁶ Авдеев А. Д. Указ. соч. С. 192.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 193.

- ¹⁴⁸ На самом деле поехали Долгоруков, врач Боткин и несколько человек прислуги.
- ¹⁴⁹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. С. 169.
- ¹⁵⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332.
- ¹⁵¹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. С. 169.
- ¹⁵² Лешкин Н. Указ. соч. // Ленинец. 1976. 2 нояб.
- ¹⁵³ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 54.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 18.
- ¹⁵⁶ Там же. Коллекция.
- ¹⁵⁷ Быков П. Последние дни последнего царя. С. 13.
- ¹⁵⁸ Чудинов Д. М. Указ. соч. С. 105; см. также: Лешкин Н. Указ. соч. // Ленинец. 1976. 4 нояб.
- ¹⁵⁹ ЦГАОР СССР. Коллекция.
- ¹⁶⁰ Авдеев А. Д. Указ. соч. С. 196.
- ¹⁶¹ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 16—17.
- ^{162—163} ЦГАОР СССР. Коллекция; Городецкий Е., Шарапов Ю. Указ. соч. С. 312.
- ¹⁶⁴ Цит. по: Городецкий Е., Шарапов Ю. Указ. соч. С. 312.
- ¹⁶⁵ Цит. по: Роцевский П. Победа Советской власти и ликвидация монархического заговора в Тобольске // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск, 1975. С. 154.
- ¹⁶⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 21.
- ¹⁶⁷ Авдеев А. Д. Указ. соч. С. 199.
- ¹⁶⁸ ЦГАОР СССР. Д. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 22—23.
- ¹⁶⁹ Там же. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 5. Л. 176.
- ¹⁷⁰ Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109; Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 108.
- ¹⁷¹ Там же. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 25; Оп. 93. Д. 558. Л. 43 (телеграмма Я. М. Свердлову из Екатеринбурга 23 мая 1918 г.).
- ¹⁷² Известия. 1918. 16 мая.
- ¹⁷³ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 583. Л. 33, 46; см. также: Известия. 1918. 19 мая.
- ¹⁷⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 44—45.
- ¹⁷⁵ Ненароков А. П. Восточный фронт. М., 1968. С. 101.
- ¹⁷⁶ ЦГАОР СССР. Коллекция. Зензинов В. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 г.
- ¹⁷⁷ Там же. Климушкин П. Д. Гражданская война на Волге. Ч. 2. Ликвидация демократии. Рукопись. Прага, 1926—1928 гг.
- ¹⁷⁸ Там же.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

...Наступила весна 1918 г. В Петрограде она шла медленно, как бы нехотя, с заморозками и пронизывающими ветрами. Вместе с ней в измученную 4-летней войной Россию пришел, наконец, мир. Но это был горький мир поражения, тяжелый, «похабный» мир, навязанный Германией.

В начале марта Ленин написал небольшую, но пронзительную по своей беспощадной правде и светлой вере статью «Главная задача наших дней». Эпиграфом к ней он поставил знаменитые некрасовские слова:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

Отводя нападки и обвинения, Ленин указывал на высокое нравственное начало, высокий нравственный подвиг, совершенный большевиками в Бресте. «Неправда,— с волнением писал он,— будто мы предали свои идеалы и своих друзей... Мы ничего и никого не предали, ни одной лжи не осветили и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли...»¹ В этой моральной чистоте Ленин видел залог лучшего будущего Советской России. Надо только было честно и мужественно взглянуть в глаза правде, правильно, объективно оценить свое положение.

«Не надо самообманов,— писал Ленин.— Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление

подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бес-
сильной, чтобы она стала в полном смысле слова могу-
чей и обильной»².

Но путь к этой цели оказался долгим и тяжелым. Весной 1918 г. по всему периметру границ Советской Республики подняла голову, как тогда говорили, гидра контрреволюции. Советской России была навязана жестокая гражданская война, из которой, по словам Артема Веселого, она вышла «кровью умытая»...

Как не мощна была российская контрреволюция, весной и летом 1918 г. ее лагерь серьезно ослаблялся внутривнутриполитическими и внешнеполитическими разногласиями. С точки зрения внутривнутриполитической главная линия раздела проходила в вопросе об Учредительном собрании. Эсеры, меньшевики и энесы (в марте 1918 г. создавшие межпартийное объединение «Союз возрождения») с теми или иными вариациями выступали за реставрацию Учредительного собрания, распущенного в январе 1918 г., и за создание именно им будущей власти. Это ставило их (преимущественно эсеров, имевших наибольшее влияние в крестьянских массах и являвшихся наиболее «боевыми») во главе мелкобуржуазной, так называемой «демократической» контрреволюции, которая, признавая Февраль, отвергала Октябрь.

Монархисты и повернувшие к монархизму кадеты (объединившиеся в «Правом центре») отвергали правомочность этого Учредительного собрания, выдвигали лозунг контрреволюционной военной диктатуры с последующим восстановлением монархии. Этот лозунг находил полную поддержку в буржуазно-помещичьей среде, для которой неприемлем был не только Октябрь, но и демократические завоевания Февраля.

Объединяло эти «две контрреволюции» не одна лишь ненависть к Советской власти и большевизму, но и более конкретная причина — та реальная, боевая сила, на которую они могли поначалу опереться: в основном монархически настроенное белогвардейское офицерство. В «демократическом» варианте контрреволюции оно готово было поддержать даже эсеров, имея в виду сказать свое «слово» впоследствии. В буржуазно-помещичьем варианте контрреволюции существовало почти полное политическое слияние монархистов и кадетов с белогвардейской офицерской массой.

С точки зрения внешнеполитической линия раздела проходила между германофилами, искавшими политической и военной поддержки в борьбе с Советской властью у Германии, и антантофилами, в той же борьбе ориентировавшимися на бывших союзников России по мировой войне.

Германофильские настроения наиболее полно выражал монархическо-кадетский «Правый центр»; антантофильские — эсеро-меньшевистский «Союз возрождения» и с лета 1918 г. — кадетский «Национальный центр».

В соответствии с классово-политической программой и внешнеполитической ориентацией произошло и географическое размежевание контрреволюционных сил.

Германофильски настроенные монархисты из «Правого центра» и близких к нему групп и организаций, естественно, устремились в западном направлении, на территорию, которая по Брестскому миру вошла в оккупационную зону германских войск. Антантофилы (меньшевики, эсеры и кадеты) потянулись на север, восток и юг, где ожидалась союзническая интервенция.

О политике, которую Германия после Бреста проводила по отношению к России, мы уже писали: отражая борьбу двух «германских партий» в русском вопросе (стоявшей за сохранение «завоеваний Бреста» и стремившейся на «основе Бреста» к свержению Советской власти), эта политика была как бы «двухколейной». Поддерживая отношения с Советским правительством, Германия в то же время исподволь искала и сколачивала те контрреволюционные силы, с помощью которых она намеревалась восстановить в России нужный ей «порядок».

Германские военные, политические и дипломатические представители искали и поддерживали сторонников такого «порядка» практически на всем протяжении своей оккупационной зоны — от Прибалтики и северо-запада России до юга Украины, Донской области и Крыма. Но политическим центром их сосредоточения весной и летом 1918 г. стала Украина, точнее сказать, Киев. И выбор этот не был случайным. Напомним лишь основные факты, хронологически несколько отойдя назад.

В начале февраля 1918 г. советские войска освободили Киев, буржуазно-националистическая Центральная рада бежала. А в это самое время в Брест-Литов-

ске ее делегация подписала мирный договор с кайзеровской Германией! ЦИК Всеукраинского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов немедленно направил в Брест свою делегацию, уполномоченную заявить, что все обязательства свергнутой Рады не признаются украинским народом и установленной им Советской властью, что ее делегация будет действовать совместно с общероссийской делегацией Совета Народных Комиссаров.

Немцы, конечно, отказались признать советскую украинскую делегацию: достаточно сказать, что по мирному договору с Радой Германия должна была получить миллионы пудов хлеба и другого продовольствия. Со своей стороны беглая Центральная рада обратилась к Германии с призывом помочь восстановить ее власть штыками. «Мы собираем новые силы...— говорилось в этом обращении.— В этой тяжелой борьбе за наше существование мы ищем помощи. Мы глубоко уверены, что немецкий народ, любящий мир и порядок, не отнесется равнодушно к нашей беде и немецкая армия своим наступлением поможет защитить наши северные границы от дальнейшего нашествия врага...»³

В середине февраля германские и австро-венгерские войска вместе с отрядами Центральной рады (петлюровцами) двинулись на Украину. Советские войска оказывали героическое сопротивление, но силы были неравны⁴.

Киев пал, и немцы восстановили власть Рады. Украину охватил массовый контрреволюционный террор, организованный и неорганизованный грабеж сырья и продовольствия для отправки в Германию. Но установить «порядок» и обеспечить бесперебойную перекачку награбленного в Германию Рада все же не смогла. До сих пор не вполне ясно, как конспиративно подготавливался переворот, который должен был устранить эту «социалистическую» Раду и заменить ее «сильной властью» откровенно правых, реакционных элементов. В материалах политической канцелярии Особого совещания (своего рода «правительства» при Добровольческой армии) сохранилась анонимная записка, которая как будто приоткрывает завесу над истоками переворота. В записке излагаются две версии. В соответствии с одной из них заговор созрел в конспиративной офицерской организации Киева, возглавлявшейся графом Кочубеем; по второй версии центр этой офицерской орга-

низации находился в Москве, где во главе его стоял один из великих князей, возможно двоюродный брат бывшего царя — Александр Михайлович. Так или иначе, по утверждению автора записки, именно эта организация «вошла в соглашение с немцами» на условиях восстановления ими монархического строя в России в обмен на некоторые территориальные уступки и прогерманскую ориентацию⁵.

К заговору затем был привлечен так называемый «Союз хлеборобов», объединявший крупных земельных собственников — помещиков и кулаков, который должен был «обеспечить» перевороту политическую основу. Находившийся в то время в Киеве В. В. Шульгин (он возглавлял там монархическую организацию, связанную с проантантовским «Национальным центром», и секретную организацию «Азбука», добывавшую разведанные для Добровольческой армии) в неопубликованной рукописи статьи «Начало гетманшфта»⁶ пишет, что «нежные отношения» этого «союза» с немцами начали налаживаться уже в начале апреля. В «союзе» заправляли крупнейшие помещики, монархисты граф Гейден, Вишневский, граф Тышкевич и др. Именно они и стали выдвигать П. Скоропадского, также крупного помещика, бывшего флигель-адъютанта Николая II и командира 34-го армейского корпуса; Скоропадский к тому же имел то преимущество, что являлся отдаленным потомком украинских гетманов⁷.

Сам Скоропадский (в 20-х годах он проживал в Германии, в местечке Ванзее) неохотно вспоминал о том, кто и как посадил его на гетманство весной 1918 г. Впрочем, в 1928 г. в газете украинских эмигрантов-националистов «Сячь» он напечатал свои воспоминания, которые прокомментировала также эмигрантская берлинская газета «Слово». Согласно «Слову», переговоры о «политической перемене» на Украине начали два сотрудника разведотдела германского штаба — майор Гассе (или Гаазе) и майор Ярош. Примечательно, что германские офицеры расспрашивали Скоропадского о его отношении к бывшему царю и, по-видимому, на основании полученных ответов судили о его «политической благонадежности». Именно Гассе и Ярошу Скоропадский сообщил свой план переворота, который должен был санкционировать начальник штаба германских оккупационных войск генерал Гренер. По словам Скоропадского, противниками его плана были австрийцы,

ибо у них имелся свой кандидат на «киевский престол» — Вильгельм Габсбург, уже называвший себя «Василием Вышеваным»⁸. Но, по образному выражению одного из агентов шульгинской «Азбуки», информировавшего о гетманском перевороте штаб генерала Деникина, Скоропадский, этот «немецкий пудель», одолел «австрийского пуделя» — Василия Вышеваного...

Переворот не потребовал длительной и тщательной подготовки, так как практически единственная опора Центральной рады — германское «Oberkommando» на Украине все свои симпатии целиком и полностью отдало переворотчикам.

На одно из заседаний созванного при покровительстве немцев съезда «Союза хлеборобов» в сопровождении группы офицеров явился Скоропадский. Шульгин так описывал ход этого «переворота»: «Конечно, было налажено представление... но все это был цирковой спектакль: недаром же этот съезд хлеборобов происходил в цирке. Правда, были маленькие различия в подробностях: вместо легковых автомобилей у здания цирка пытели немецкие броневики, звери были не на арене, а в ложах и первых рядах партера... Хор артистов и зрителей подхватил заключительную фразу последнего оратора: „Нам треба гетмана!“»⁹

Тут же было объявлено о создании гетманского правительства и упразднении Центральной рады. 29 апреля два немецких офицера с группой солдат явились на заседание Рады и бесцеремонно выдворили всех ее депутатов и министров, запретив собираться вновь...

В «Тезисах о современном политическом положении», написанных в середине мая 1918 г., В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику гетманского переворота на Украине, указав, что он является монархическим по своему классово-политическому содержанию и имеющим не только местное, но и всероссийское значение по своим замыслам и роли. «...Рестаурация буржуазно-помещичьего монархизма в Украине при поддержке кадетско-октябристских элементов всероссийской буржуазии и при помощи германских войск,— писал В. И. Ленин,— не могла не обострить борьбы контрреволюции у нас, не могла не окрылить планов, не поднять духа у нашей контрреволюции»¹⁰. В Киев хлынули настоящие потоки «бывших», ободренных легкостью гетманского переворота на Украине и уверовав-

них, что он с помощью немцев станет «начальной точкой» сходного по своей политической сущности «всероссийского процесса».

Но, как следует из многочисленных донесений агентов шульгинской «Азбуки» в Новочеркасск генералу Деникину, вся эта «монархическая масса» учинила в своей среде невообразимую политическую грызню, сопровождаемую выдвижением фантастических проектов и распространением политических мистификаций. Но все они вместе старались парализовать «щирое украинство» Скоропадского, склонить его к участию в осуществлении контрреволюционных планов «всероссийского масштаба». И надо сказать, что Скоропадский проводил двойную политику. С одной стороны, выполняя волю тех, кто посадил его на «гетманство», и уступая давлению украинских самостийников, он демонстрировал свой сепаратизм, а с другой — менее заметно, но все же играл на руку великодержавным шовинистам, сторонникам монархического «восстановления» России.

Министр внутренних дел в гетманском правительстве бывший царский прокурор В. Е. Рейнбот в своих воспоминаниях так характеризовал ситуацию: «Справа (от гетмана.— Г. И.) были русофилы, аристократы, по своему прежнему положению и духу близкие гетману, слева — опирающиеся на военное министерство украинские деятели... глубоко преданные идее „самостийной Украины“»¹¹. В Новочеркасск из Киева и Москвы шли сведения о том, что Скоропадский «в четырех стенах клянется положить Украину к ногам его величества, публично же клянется в верности самостийности»¹². В какой-то мере это являлось отражением еще не полностью откristаллизованной политики Германии как в украинском, так и в русском вопросе. В. В. Шульгин в «своем кругу» попросту говорил, что немцы вели политику «на две стороны, принимая и украинцев, и монархистов, говоря одним: „видите сколько мы для вас сделали“, а другим: „неужели вы думаете, что мы можем мириться с этой дрянью“»¹³.

В первый период своего гетманства, когда положение немцев на Украине казалось достаточно прочным, «самостийная тенденция» в политике Скоропадского явно превалировала над «русофильской». Позднее, когда четче и яснее стала вырисовываться перспектива военного поражения Германии, гетманское правительство и лично Скоропадский усилили свое «русофильство». Это.

в частности, выразилось в увеличении помощи деньгами, оружием и иными материалами Добровольческой армии¹⁴, стоявшей на позициях антантофильства и отвергавшей сепаратизм и самостийность. В ходе секретных встреч с представителями Добровольческой армии Скоропадский уверял их, что он ничем «не связан с Берлином» и в будущем готов «подчиниться законному монарху»¹⁵. Но все это произойдет в дальнейшем, а пока, весной и летом 1918 г., различные «русофильские» группировки изыскивали способы, чтобы оказать давление на Скоропадского в нужном для них направлении.

Особенно упорно циркулировали «сведения» о якобы секретных контактах немцев (и даже самого кайзера) с находившимся уже в Екатеринбурге Николаем Романовым и чуть ли не о достигнутом между ними соглашении относительно восстановления монархии во «всероссийском масштабе». Позднее, когда придет известие о расстреле бывшего царя, русские монархисты в Киеве будут говорить о том, что «государь-император» на самом деле жив и лишь скрывается, что в Киев ожидается прибытие наследника престола Алексея с матерью, которого объявят царем¹⁶. Тогда же в Москве была вскрыта истинная подоплека этих фабрикаций. В бюллетени Бюро печати ВЦИК от 31 августа 1918 г. говорилось: «Украинская пресса муссирует слух о спасении Н. Романова. Цели этого слуха объясняются стремлением контрреволюции собрать вокруг подготавливаемого самозванца темные силы»¹⁷. Но даже в наше время эти слухи, появившиеся в эмигрантско-монархическую мемуариистику, вполне серьезно рассматриваются некоторыми авторами — «работниками» западной «романовской индустрии»¹⁸.

«Тон» в Киеве задавали монархисты явно черносотенной окраски, такие, как бывший предводитель дворянства Киевской губернии Ф. Безак, бывший командир Кавалергардского полка князь Долгоруков, помещик Тверской губернии князь Волконский, братья герцоги Лейхтенбергские, князь Туманов, генерал Шиллинг, генерал Б. Бискупский и др. Они создали так называемое «Особое политическое бюро на Украине», действовавшее в контакте с германским командованием и германской контрразведкой.

Другая монархическая организация черносотенной окраски, обосновавшаяся в Киеве, — союз «Наша роди-

на», в котором «председательствовал» бывший правый IV Государственной думы В. Бобринский. Этот союз выпускал свою газетку под тем же названием. Она клеймила «добровольческих вождей», особенно генерала Алексева, который якобы в начале марта 1917 г. устроил Николаю II «ловушку» в Пскове, нападала на антантовских союзников, «подстроивших» в России революцию, предрекала «неминуемое восстановление монархии».

Близкой к «Нашей родине» была группа монархистов, возглавляемая Алексеем Бобринским, которая стремилась несколько умерить черносотенный пыл В. Бобринского и его друзей. А. Бобринский говорил, что он «боится не столько левых, сколько крайне правых, которые, еще не победив, проявляют столько зверской злобы и нетерпимости, что становится жутко и страшно»¹⁹. С целью придания политической «благопристойности» часть монархистов в Киеве объединилась в так называемый «Монархический блок», возглавляемый бывшим националистом Балашовым и тем же Владимиром Бобринским. Еще более «левой» группой было так называемое «Совещание членов Государственного совета и Государственных дум всех созывов». Сюда, помимо крайне правых (Пуришкевича и др.), входили октябристы и некоторые кадеты, главным образом бывшие «правоцентристы», переехавшие в Киев из Москвы. Большинство членов «совещания» высказывались за восстановление конституционной монархии²⁰.

Но ни одна из киевских монархических групп не могла выдвинуть фигуру, которая бы в глазах германских оккупационных властей была достаточно представительной для предпринятия серьезных политических акций. Действительно, кто мог стать такой «фигурой»? Мало кому известный черносотенец Ф. Безак? Фанфаронистый князь Долгоруков? Захлебнувшийся от собственной злобы В. Бобринский? Эти и им подобные люди могли оказать немцам примерно такую же «услугу», какую Марковы-2-е или Пуришкевичи оказали царизму в период его кризиса и крушения...

Но вот в конце мая (начале июня по н. ст.) в Киев из Ростова прибыл некий «профессор Иванов», широкоплечий, крепко сбитый человек с бритой головой и бритым лицом²¹. Только немногие из киевских кадетов (вошедших в «министерство Скоропадского») знали, что «профессор Иванов» — не кто иной, как изменив-

ший свою внешность лидер партии кадетов Миллюков. Приезд его в оккупированный немцами Киев был в высшей степени неожиданным. Ярый «германоборец», человек, которому преданность Антанте в апреле 1917 г. фактически стоила поста министра иностранных дел Временного правительства, теперь совершил политический вольт, поворот на 180 градусов.

Миллюков прожил долгую жизнь, немало написал в эмиграции о прошлом, но о своем «киевском сидении» летом 1918 г. если и вспоминал, то весьма глухо. Это «сидение» ему так и не забыли в верхах «белого движения», которое после поражения Германии осенью 1918 г. стало однозначно «антантофильским», да и в правящих кругах Антанты оно серьезно подорвало его авторитет. Но Миллюков был не только историк по профессии, но, как о нем часто говорили, «сам себе историк»: он постоянно вел пространные записи (дневники) обо всех политических заседаниях, совещаниях, переговорах, в которых принимал участие. Вел он их и в Киеве. Позднее они были объединены в рукописи под названием «Киев-Екатеринодар, май 1918 — октябрь 1918 г.»²² Рукопись эта не публиковалась. Но, еще находясь в Киеве, Миллюков на основании своих дневниковых записей составил записку для «Правого центра» (данные из которой уже в эмиграции попали в «Очерки русской смуты» А. И. Деникина). Миллюковская записка уже «подработанный материал»: автор выглядит в ней «стойким борцом» за «русское дело»; дневниковые записи освещают позицию Миллюкова в более реальном свете. Благодаря этим записям мы теперь можем почти стенографически восстановить содержание киевских «миллюковско-немецких» переговоров. И перед нами предстанет поразительный образчик политической беспринципности одного из крупнейших лидеров российской буржуазии, образчик, ярко демонстрирующий ее готовность поставить свой классовый интерес выше интереса национального, а значит, и лживость ее «патриотических» разглагольствований...

По всем данным, Миллюков направился в Киев не только по собственной инициативе, но и по поручению германофильской части «Правого центра». Во всяком случае, во время пребывания на Украине Миллюкова постоянно информировали о деятельности этого «центра» в Москве. Одна из записей, например, гласит: «...Германское посольство ведет переговоры с русскими офи-

церами через заведующего обменом (военнопленными.— Г. И.) Рейхенфельса о свержении большевиков переодетыми в русских солдат военнопленными под руководством русских офицеров. В деньгах на подкуп латышских стрелков и на приобретение оружия приказано не стесняться. План будет обсужден с двумя офицерами германского Генштаба, которых командируют Гинденбург и Людендорф для организации предприятия. Русские офицеры с германскими пленными захватят все пункты и продержатся сутки, пока из Орши придут германские войска...» Этот план, судя по записям Милюкова, был отложен только временно из-за разногласий в германских «верхах», но такого рода сведения стимулировали «миссию» Милюкова в Киеве...

«Завязка» произошла на квартире одного из гетманских министров — кадета Н. П. Василенко. Он сообщил Милюкову, что на обеде у командующего германскими войсками на Украине генерала Эйхгорна у него произошел важный разговор с неким майором Гаазе. Это имя нам уже встречалось в связи с историей гетманского переворота (по словам Милюкова, «Гаазе» был псевдоним... принца Гессенского, брата Александры Федоровны). Теперь «майор Гаазе» поставил перед Василенко вопрос о перспективах восстановления «единства России», подчеркнув, что в решении его немцы могут «иметь дело только с монархическими партиями». Василенко уже знал, что Милюков находился в Киеве, и дипломатично ответил, что теперь в антисоветском лагере — многие монархисты, в том числе и сам Милюков.

Вслушав Василенко, Милюков сказал ему, что «тут будет удобный базис для беседы», и было решено, что Василенко сообщит о Милюкове «майору Гаазе».

Беседа состоялась 8 (21) июня. Ее содержание, почти стенографически записанное Милюковым, распадается на три части: выяснение взаимных целей и намерений сторон, выработка условий возможного соглашения и определение его политической базы.

Гаазе заявил, что свое окончательное отношение к России Германия может выявить только по окончании войны, но уже теперь она хотела бы иметь «определенные гарантии» путем выяснения позиции антибольшевистских сил. Милюков изложил свой план: «необходимо сделать хотя бы вид», что Москва будет освобождена усилиями самих русских; эту роль можно поручить

Добровольческой армии, которую немцы снабдят оружием и перебросят на «кратчайшее расстояние» к Москве, в район Воронежа или Курска; германские же войска прикроют «западный фронт Московской области» и будут «грозить вторжением оттуда».

Судя по записям, Гааге в принципе вполне благосклонно отнесся к плану, но выразил сомнение в достаточной силе Добровольческой армии и в «сочувствии германцам» ее командования, в частности генерала Алексеева. В ответ Милюков сказал, что на основании своей переписки с Алексеевым он может думать, что генерал «уже не так чужд мысли о необходимости считаться с объективными фактами». Впоследствии, в эмиграции, вопрос о «сношениях» Милюкова с Алексеевым летом 1918 г. (во время пребывания Милюкова в Киеве) вызвал довольно острую полемику²³. Алексеева, правда, уже давно не было в живых (он умер осенью 1918 г.), но бывшие добровольцы обвиняли Милюкова в попытке исказить позицию Алексеева в вопросе об «ориентациях», приписав ему некоторые «германофильские колебания». Скорее всего, дело было не в «колебаниях», а в прагматизме Алексеева и всего добровольческого командования, вынужденных считаться с соседством германских войск и возможностью получать от них оружие и боеприпасы...

Но мы несколько уклонились в сторону. Выяснив намерения Милюкова, Гааге далее перешел к вопросу об условиях возможного соглашения. Больше всего, как мы уже знаем, немцев волновала судьба Брестского договора, точнее, огромных территориальных приобретений, которые они по нему получили. «Нам будет трудно отказаться от того, что составляет цену принесенных нами жертв», — заявил Гааге, «тонким» дипломатическим языком прикрыв цинизм совершенного милитаристского грабежа.

Милюков, как и все контрреволюционеры, ярый противник Бреста, проявил необходимое «понимание». Не входя в подробности, в принципе он соглашался на необходимое «исправление» границ в пользу Германии (особенно в Прибалтике), соглашался на превращение Украины в государство «типа Баварии» и т. п. Но главную «компенсацию» немцам он видел в предоставлении им «экономических выгод» в «восстановленной» ими России, что практически отдавало ее во власть германского капитала.

Затем возник вопрос о политическом характере возможного соглашения. «Для похода на Москву,— заявил Гаазе,— надо идти объединенными. Можете ли вы, кадеты, идти вместе с монархистами?» Ответ Милюкова, по существу, был положительным, хотя он старался подчеркнуть, что есть монархисты — сторонники абсолютной (самодержавной) монархии и монархисты-конституционалисты, к которым он, Милюков, и принадлежит. Он говорил, что вопрос о том, кто из них возьмет верх, решит будущее: «если впоследствии ход истории нас ототрет от главного курса — это дело истории», но пока без нас (т. е. кадетов) «обойтись нельзя», ибо «мы главные staatbildene Elemente».

Убедившись в монархической направленности замыслов Милюкова, Гаазе перевел обсуждение в конкретную плоскость вопроса о возможных кандидатах на престол. «Кого Вы имеете в виду? — задал он вопрос Милюкову.— Одни говорят об Алексее (сыне Николая Романова.— Г. И.), а другие о Михаиле Александровиче». Милюков прямо высказался в пользу последнего. По его словам, при Алексее, во-первых, «к престолу приблизились бы личности, которые и прежде вызывали Deutschenhaas», т. е. ненависть к немцам, а во-вторых, его выдвижение потребовало бы регента, кандидатура которого вызвала бы новые споры. Что же касается великого князя Михаила Александровича, то он, «как человек слабый», оказался бы под влиянием тех, «кто будет около него», т. е. в данном случае германофилов. Когда Гаазе посетовал на то, что оба кандидата находятся «в руках большевиков» или могут попасть к антантовским союзникам, Милюков продемонстрировал «великолепный» цинизм. По его выражению, все это уже «вопрос техники». В крайнем случае, небрежно сказал он, «возьмите Дмитрия Павловича (великий князь, один из убийц Г. Распутина.— Г. И.) и жените его на Ольге (старшей дочери Николая.— Г. И.)».

Беседа была закончена. «Я передам это в высшее место»,— сказал на прощание Гаазе, подчеркнув особое значение состоявшейся встречи...

Из тех же записей Милюкова мы узнаем о причинах, по которым его киевские переговоры не получили какого-либо практического выхода. В начале июня в Киев из Москвы приехал некий «лейтенант Масленников» с письмами. Из его рассказов, а также из писем, врученных Милюкову, выяснилась картина раскола «Пра-

вого центра», который, по-видимому, и поручил Милюкову вступить в контакты с немцами. Сделанные Милюковым по этому поводу записи содержат в себе весьма ценные сведения. Это (т. е. раскол в «Правом центре». — Г. И.), записал Милюков, «устроили союзники (англичане), показав Степанову (один из кадетских лидеров. — Г. И.) документы о сношениях Гурко и Кривошеина, а также обоих Трубецких... с германцами. После выхода (кадетов из „Правого центра“. — Г. И.) стали откровеннее, стали говорить о предстоящей после 25 июня высадке японцев, о том, что движение чехословаков — их дело. Составился новый „левый центр“ („Национальный“. — Г. И.) от Степанова до Савинкова, у которого 5 тысяч офицеров. Теперь они (т. е. союзники. — Г. И.) дают деньги».

Опытному политику Милюкову нетрудно было понять, что эта информация, попав в штаб Добровольческой армии, значительно усилит ее антантофильскую ориентацию и, следовательно, ослабит его, Милюкова, позицию на переговорах с немцами. Тем не менее он все же попытался обратить эту информацию в свою пользу, оказав нажим на немцев. 14(27) июня в ходе встречи с германским послом Муммом и еще одним немцем, «говорящим по-русски», он обратил внимание на то, что «успехи чехословаков и высадка японцев» могут серьезно осложнить положение, что «еще раз доказывает, что надо спешить с походом на Москву, который должен с германской помощью быть сделан Добровольческой армией». Разговор коснулся бывшего царя. Мумм сказал, что у германской стороны о нем нет никаких сведений, а Милюков, как и в разговоре с «майором Гаазе», вновь высказался в пользу великого князя Михаила Александровича.

А 21 июня (4 июля) Милюкова постигло новое разочарование. Добровольческий офицер привез письмо от генерала Алексеева. Прочитав его, Милюков записал: «На моем плане приходится поставить временно крест... Добровольческая армия не меняет ориентацию». Вечером того же дня В. В. Шульгин показал Милюкову письмо от второго «добровольческого вождя» — генерала Деникина. Из него следовало, что командование Добровольческой армии и те политические (главным образом кадетские) элементы, которые при нем «состояли», отвергают не только германофильство, но и не намерены открыто поднимать и монархическое знамя.

Хотя, писал Деникин, в армии и 80% монархистов, «вывесить лозунг монархии, значит потерять союзников или расколоть». «Непредрешенчество» представлялось военному и политическому руководству Добровольческой армии более верной тактикой, и оно решило даже отклонить претензии находившегося в Крыму бывшего верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича на возглавление «белого движения»²⁴. Это ни в коем случае не означало отказа от монархизма в принципе. Когда В. В. Шульгин бомбардировал командование Добровольческой армии посланиями, требовавшими, чтобы оно открыто подняло монархический флаг, генерал Алексеев в июне 1918 г. отвечал ему: «Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание — необходимо иметь в виду, что выставили мы его лишь в силу необходимости... Наши симпатии должны быть для Вас ясны, но проявить их здесь открыто было бы ошибкой, т. к. населением это было бы встречено враждебно». И далее Алексеев заверял Шульгина, что, как только Добровольческая армия приобретет достаточно обширную «подвластную ей территорию», вопрос «о новом лозунге будет вскоре поставлен в повестку дня»²⁵. Кроме того, добровольческий штаб имел и свой стратегический план, не совпадавший с расчетами Милюкова. Как писал Деникин Шульгину, предполагалось сначала «очистить юг», а уже потом «с хлебом идти на Москву и Волгу».

И все-таки Милюков продолжал судорожно держаться за свой план. Во второй беседе с «майором Гаазе», состоявшейся 27 июня (10 июля), Милюков самонадеянно утверждал, что, несмотря на некоторые неблагоприятные сведения (выход кадетов из «Правого центра», отказ Добровольческой армии от германофильской ориентации, «движение чехов» на Востоке, проходившее под эгидой союзников), он уверен, что кадетская партия пойдет за ним, если только ему будет обеспечена «твердая опора» со стороны Германии. Более того, он делал вид, что не терял надежды на то, что Добровольческая армия еще может «склониться» к немцам, если ее не «раздражать» арестами добровольческих агентов на Украине и запрещениями переброски офицеров на Дон. Даже если Добровольческая армия уйдет на Восток, говорил Милюков, она и там «может пригодиться»: ведь где-то там великий князь Михаил Александрович... Но все это было теперь не более чем

политической бравадой и политическим блефом. В письмах к руководителю московского «Национального центра» кадету Н. Н. Щепкину Милюков вынужден был признать, что его план «утилизации» Добровольческой армии как внутренней силы, которая с помощью немцев «освободит Москву», нужно «признать разрушенным и устаревшим». По всем данным, осознали это и немцы. Милюков был им теперь не нужен, и посол Мумм стал энергично настаивать на его высылке. Последнее, что он сделал, находясь в Киеве, — в начале августа составил «записку» для «Правого центра», о которой мы уже упоминали и в которой он в обработанном виде изложил свои переговоры с Гаазе и Муммом. В ней Милюков все еще продолжал оставаться на своей киевской позиции, но, пожалуй, без прежней энергии. Его программа — создание монархического коалиционного правительства, только без «сторонников самодержавия» и «сторонников ориентации левого центра», правительства, «по необходимости благожелательного относительно германцев»²⁶. Что касается кандидата на престол, то Милюков предлагал «отыскать великого князя Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве»²⁷. Фактически, таким образом, Милюков пытался возродить свой план начала марта 1917 г., когда в квартире на Миллионной он убеждал Михаила Александровича принять власть, «переданную» ему отрeksiмся Николаем II... Вскоре Милюков покинул Киев, уехал в Чернигов, затем в местечко Пересаж, где, по его словам, занялся своей книгой по истории русской революции, музицировал и отдыхал. Он еще несколько раз приезжал в Киев, участвовал в заседании комитета кадетской партии, в совещаниях бывших членов Государственных дум и Государственного совета, встречался с приехавшим из Москвы А. И. Кривошеинным, с которым немцы теперь пытались так же заигрывать, как ранее с Милюковым. Но Кривошеин уже колебался в своем германофильстве и, не найдя общего языка ни с местными монархистами, ни с немцами, вскоре уехал в Крым...

Провал миссии Милюкова, во многом обусловленный уходом кадетов из «Правого центра», а также отказом командования Добровольческой армии принять германскую ориентацию и выставить открыто монархический лозунг, вынудил немцев искать «свой шанс» в иных

местах и с другими людьми. В северо-западном регионе монархисты-германофилы, пожалуй, раньше всего установили связи с немцами, стремясь «подвинуть» их к нанесению удара по Советской Республике на этом северо-западном направлении. Некоторые немецкие генералы и офицеры готовы были пустить в ход свои «железные кулаки», но тормозящее влияние оказывали разногласия, существовавшие в «верхах» по вопросу о «будущности России», а также политическая одиозность тех русских контрреволюционных контрагентов, с которыми немцам приходилось иметь здесь дело. Это были никогда не обладавшие каким-либо политическим весом бывшие великие князья Павел Александрович (неудачный составитель «конституционного манифеста» в февральские дни 1917 г.) и Кирилл Владимирович (не имевший ничего, кроме гвардейского роста и лохотного вида, что, впрочем, не помешало ему в эмиграции объявить себя... «императором»). Это был Марков-2-й со своими не столь уж многочисленными черносотенными друзьями, на которых ставку мог делать только тот, кто полностью потерял чувство реальности... И тем не менее ненависть германских монархистов и реакционеров к Советской власти и большевикам была столь велика, что они не отвергали сотрудничества даже с таким контрреволюционным «материалом», как черносотенная организация Маркова-2-го и др. Это сотрудничество вылилось в планы формирования под монархическим знаменем (на территории Псковщины и Витебщины) так называемой Северной армии. Перед ней ставилась задача захвата Петрограда, а во главе ее предполагали поставить генерала Ф. Келлера, который во время Февральской революции, командуя конным корпусом, выражал готовность поддержать царский престол вооруженной силой. Планы по созданию Северной армии начали воплощаться в жизнь в конце лета 1918 г.

На противоположном, юго-западном, конце «германской линии», где немцам с помощью Милюкова не удалось «уловить» Добровольческую армию, ставка была сделана на донского атамана Краснова. Это был тот самый Краснов, который в конце октября 1917 г. вместе с Керенским вел карательные войска своего 3-го конного корпуса на советский Петроград, был разбит, отпущен под честное слово и бежал на Дон. В конце апреля — начале мая 1918 г. он оказался на «атаман-

стве» в результате белоказачьего восстания на Дону, поддержанного продвигавшимися к Ростову германскими войсками.

После прихода к власти Краснов обратился с письмом к Вильгельму II, просил признать самостоятельность «всеобщего войска Донского», за что обещал нейтралитет и «особые экономические льготы» для Германии. В контрреволюционных антантофильских кругах это обращение Краснова вызвало взрыв возмущения. М. В. Родзянко даже объявил его «апокрифом», не веря, чтобы «генерал царской службы» мог признать себя «вассалом нашего истинного врага — германского императора»²⁸. Но обращение было фактом.

Краснов, несомненно, представлялся немцам более «солидной» фигурой, чем некоторые бывшие великие князья или Марков-2-й. За ним была довольно крупная военная сила — Донская армия, и Краснов пользовался вниманием самого кайзера. Но с красновщиной они вели ту же самую игру, что и со скоропадчиной: с одной стороны, поддерживали красновский сепаратизм, давая понять, что они не сторонники восстановления «единой России», а с другой — привлекая к себе «великорусских монархистов», намекали им, что все будет зависеть от них самих, от их способности объединить вокруг себя широкие контрреволюционные силы.

«Добровольческие вожди» генералы Алексеев и Деникин довольно умело использовали Краснова как посредника для получения германского оружия и снаряжения. Краснов впоследствии не без сарказма писал, что, оберегая «антантофильскую девственность» Добровольческой армии, он брал у немцев оружие, мыл его в донских водах, а уже потом передавал добровольцам. Немцы, конечно, все это хорошо знали. В июне 1918 г. добровольческий агент на Украине с некоторым удивлением доносил в добровольческий штаб, что немцы почему-то не задержали в Харькове эшелон с офицерами, хотя «по погонам и корниловским нашивкам» понимали, что он пойдет на Дон, к Деникину и Алексеву²⁹. Но агент недоумевал напрасно. Как раз в это время немцы в Киеве вели переговоры с Милюковым, убеждавшим их, что он сумеет привязать Добровольческую армию к германской колеснице и «повести ее на Москву». К тому же и командование Добровольческой армии держалось вполне лояльно, чтобы не спровоцировать немцев и не перекрыть каналы получения ору-

жия и подкреплений через Украину. Генерал Деникин писал Шульгину в Киев: «Немцы занимают сильным кордоном выходы из Донской области в центр России и не определили линии поведения по отношению к Добровольческой армии. Мы не замечаем друг друга...»³⁰ Но уже в июле 1918 г. из переговоров с Милюковым и по другим данным немцам в Киеве становилось ясно, что расчеты на Добровольческую армию практически беспочвенны. Тогда здесь, на юго-западе, точно так же, как и на северо-западе, немцы решили создавать контрреволюционные воинские подразделения под монархическими знаменами и с «германской ориентацией». В киевских дневниках Милюкова имеется запись о том, что во время переговоров Гаазе однажды проговорился, сказав, что Москву будет освобождать «Добровольческая армия, но не алексеевская, к которой он относится отрицательно»³¹. По имевшимся у Милюкова данным, на эту новую армию немцы ассигновали 5 млн руб.³² К концу лета план начал осуществляться.

На «нейтральной территории» Богучарского и Новохоперского уездов Воронежской губернии («самовольно» захваченных донскими казаками) с согласия атамана Краснова и по инициативе монархического союза «Наша родина» стала формироваться так называемая Южная армия. Краснов рассматривал ее как «прикрытие» с севера, а со стороны Германии это был своего рода пробный шар в создании противовеса проантантовской Добровольческой армии. Германское командование на Украине охотно снабжало Южную армию деньгами и оружием. «Офицеров, желающих поступить в ряды армии, было достаточно», — писал впоследствии один из организаторов Южной армии — герцог Лейхтенбергский³³. Действительно, в различных украинских городах после корниловщины «оседала» масса монархически настроенных офицеров. В Киеве, например, их было до 40 тыс., в Екатеринославе — 8 тыс., в Житомире — 5 тыс., в Симферополе — 10 тыс., в Херсоне — 15 тыс.³⁴

Конечно, далеко не все они стремились в район расположения Южной армии. Большая часть двигалась дальше, на Дон и Северный Кавказ, в формировавшуюся Добровольческую армию, но немалое число записывалось и в Южную армию. «Монархические лозунги и хорошее содержание, — писал генерал А. Лукомский, — первоначально привлекали многих, и запись началась

очень успешно»³⁵. По признанию Краснова, в составе Южной армии преобладали офицеры, священники, бывшие городовые, сотрудники царской охраны и т. п. Они, писал Краснов, понадевали на себя погоны, нашили на рукава полоски бело-желтого цвета — «романовских цветов» — и двуглавого орла, распевали по кафе «Боже, царя храни!»³⁶. Пьяные оргии, буйства и грабежи «южноармейцев» на станциях Кантемировка и Чертково приняли такой характер, что даже Краснов вынужден был принимать какие-то меры. Формирование Южной армии тормозилось из-за поисков «популярного генерала», который мог бы ее возглавить. Наконец согласился небезызвестный генерал Н. И. Иванов, тот самый, который 2 марта 1917 г. по приказу Николая II двинулся из Ставки в Могилеве подавлять восстание рабочих и солдат Петрограда. Карательная экспедиция Иванова, как известно, провалилась, но сам неудавшийся каратель был отпущен Керенским и летом 1918 г., по словам Краснова, «проживал в бедности в Новочеркасске, без всякого дела». Пережитые невзгоды «расстроили его умственные способности»³⁷, но для монархистов из союза «Наша родина» и Южной армии важно было «знамя», а как «знамя» Иванов им вполне подходил.

Помимо Южной армии, на территории Дона при полном содействии германского военного командования были созданы еще два монархических формирования: так называемые Астраханский и Саратовский корпуса. Скоропадский и Краснов вынашивали план слияния всех трех формирований — Южной армии, Астраханского и Саратовского корпусов — в одну Южную армию³⁸.

Если попытаться дать общую оценку характера взаимодействия германских империалистов и русских контрреволюционеров-монархистов на Западе страны, то следует, вероятно, сказать следующее. Три основных фактора тормозили это взаимодействие. Во-первых, Брестский договор, который, дав Германии богатую империалистическую «добычу», расколол ее правящие круги и в определенной мере связал им руки в их воинствующем антисоветизме. Во-вторых, разъединение самой монархической контрреволюции по принципу внешнеполитической ориентации с постепенно нараставшей тенденцией усиления антантофильской ориентации. В-третьих, отсутствие в германофильских монар-

хических кругах достаточно «представительных» политических групп и политических лидеров, способных парализовать сепаратистские проявления и объединить более или менее крупные контрреволюционные силы.

Наиболее «авторитетная» из правых партий — кадеты — в большинстве своем пошла в фарватере Антанты; попытка Милюкова повернуть всю партию «лицом к Германии» не увенчалась успехом. В результате, как свидетельствовал один из германских дипломатов в России — Гельферих (он сменил Мирбаха на посту посла в Москве), Берлин не давал определенных руководящих директив по «русскому вопросу», стремясь, с одной стороны, удержаться в «рамках Бреста», а с другой — исподволь сколачивать контрреволюционные монархические силы как сепаратистского и самостийного толка, так и выступавших за «единство России». Именно эта «реальная политика» накладывала свой отпечаток и на отношение немцев к вопросу о судьбе Романовых, к вопросу об их освобождении. Мы уже отмечали, что вопреки утверждениям некоторых авторов это отношение не было и не могло быть однозначным. Борьба между сторонниками «разрушения Бреста» и «сохранения Бреста», сложность, запутанность политической обстановки в самом монархическом лагере не позволяли немцам принять четкое, окончательное решение.

По воспоминаниям генерала А. И. Мосолова (одного из приближенных бывшего царя), некоторые представители германского командования в Киеве выражали готовность оказать полное содействие группе белогвардейских офицеров в организации «броски» на Урал для освобождения Романовых. Но иную позицию занимали дипломаты. Для «уточнения положения» Мосолов через «причисленного к особе гетмана» графа Я. Альвенслебена передал письмо самому кайзеру. Однако, вернувшись в Киев, Альвенслебен несколько «skonфуженно» рекомендовал Мосолову обратиться к послу Мумму, который заявил, что не согласен с тем, «что для Германии важен вопрос о спасении царя»³⁹. Сам же Альвенслебен довольно долго поддерживал в Киеве слухи о «спасении Романовых». Английским авторам Т. Менголду и А. Саммерсу кажется такое поведение немецкого дипломата «загадочным»⁴⁰, но оно полностью вписывалось в ту игру, которую немцы на Украине вели с русскими монархистами: не в интересах немцев было

«разочаровывать» монархистов и отталкивать их от себя.

И все-таки, несмотря на всю сложность «русского вопроса» для Германии, антибольшевизм ее правящих кругов был определяющим и неуклонно брал верх. Немцы, несомненно, готовились «в подходящий момент» нанести удар по Советской России. Только последующие события, из которых главными были военные поражения на Западном фронте и подъем революционного движения в самой Германии, помешали осуществить этот план...

Если вошедшие в германскую оккупационную зону западные области стали магнитом, притягивавшим к себе откровенно монархические (черносотенные, октябристские и правокадетские) элементы, то в восточных регионах страны (Поволжье и Сибирь) уже ранней весной начали создаваться базы «демократической» (главным образом эсеровской) контрреволюции. На то были свои причины. В этих регионах, особенно в Сибири, населенной «прочными» крестьянами, эсеровское влияние было весьма ощутимо; достаточно сказать, что мощная сибирская кооперация находилась преимущественно в руках эсеров, а это давало значительные средства. Но пожалуй, не в этом состояло главное. Из переговоров, которые еще в конце 1917 и зимой 1918 г. эсеровские руководители вели с антантовской агентурой, они знали о готовившейся высадке союзных десантов в Архангельске и Владивостоке. Союзовозрожденческий стратег, близкий к эсерам генерал В. Болдырев уже тогда разработал план восстановления Восточного фронта для совместной с союзниками борьбы против Советской власти и Германии.

Еще не до конца ясно, как конкретно в крупнейших городах Поволжья и Сибири эсеровские функционеры создавали подпольные контрреволюционные организации, состоявшие из офицеров, которые вернулись сюда с фронта по демобилизации или служили в тыловых округах. Но они были созданы в Казани, Симбирске, Саратове, Самаре, Уфе, Челябинске, Оренбурге, Омске, Томске, Новониколаевске, Иркутске, Красноярске и других городах. Одна важная особенность характеризовала их. В политическом авангарде контрреволюционного подполья находились эсеры, но реальную боевую силу в основном составляло белогвардейское офицерство, настроенное промонархически. Эта своеобразная

эсеров-монархическая контрреволюция строилась на взаимных политических расчетах: эсеры надеялись использовать белогвардейцев в качестве вооруженной силы для установления своей власти под лозунгом Учредительного собрания; белогвардейцы и вообще кадетские и монархические элементы со своей стороны полагали, что, по необходимости пройдя под «учредительскими знаменами» определенную часть пути, они затем сумеют отбросить и эсеров. В их планах было что-то от намерений корниловцев: использовать керенщину как временное прикрытие для установления контрреволюционной военной диктатуры. Все, конечно, зависело от реального соотношения сил...

Если на западе стимулятором оживления контрреволюции (главным образом монархической) стал гетманский переворот в Киеве, то на востоке страны во многом сходную роль сыграл мятеж Чехословацкого корпуса в двадцатых числах мая 1918 г. И точно так же, как немцы были организаторами гетманского переворота, антантовские союзники явились «мотором» белочешского мятежа. До сих пор, правда, некоторые западные историки уверяют, что мятеж этот был просто «божьим даром» как для внутренней контрреволюции, так и для Антанты. Но в исторической литературе уже приведено слишком много фактов, чтобы усомниться в том, что этот «божий дар» был спланирован и подготовлен вполне земными существами из правительственных ведомств Англии и Франции. Мы уже упоминали о плане союзно-возрожденческого генерала В. Г. Болдырева. Это был план «воссоздания» Восточного фронта путем формирования антигерманской и антисоветской армии в восточном (или северном) регионе страны, «предварительно защищенном союзническим десантом». Не для реализации ли, в частности, этого замысла эсеры при помощи антантовской агентуры создавали контрреволюционное подполье в Архангельске, в Поволжье и Сибири? Имеется целый ряд данных, свидетельствующих о том, что важная роль отводилась при этом Чехословацкому корпусу.

11 мая 1918 г. первый лорд адмиралтейства Я. Сметс и начальник имперского генерального штаба Г. Вильсон представили военному кабинету записку, в которой, в частности, говорилось: «Представляется неестественным, что в тот момент, когда прилагаются большие усилия для обеспечения интервенции со сторо-

ны Японии... чехословацкие войска собираются перевести из России на Западный фронт». Рекомендовалось, чтобы чехословацкие войска, уже находившиеся во Владивостоке или на пути к нему, были «возглавлены, организованы там в эффективные воинские части... французским правительством, которое нужно просить, чтобы впредь до того, как они будут доставлены во Францию, использовать их в качестве части интервенционистских войск союзников...»⁴¹ 16 мая британский консул во Владивостоке Ходжсон получил секретную телеграмму из МИД Англии, в которой прямо указывалось, что корпус «может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников...»⁴². Проантантовские контрреволюционные элементы в Москве были, по-видимому, осведомлены об этом. Во всяком случае, находившийся в Киеве Милюков получил из московского «Правого центра» информацию, согласно которой антантовские представители довели до сведения кадетов из «Национального центра», что «движение чехословаков — их дело»⁴³.

Белочешский мятеж стал для Антанты протянувшимся от Пензы до Владивостока бикфордовым шнуром, пламя которого вызвало контрреволюционный взрыв в восточных районах страны. Советская власть здесь в июне 1918 г. оказалась временно свергнутой, и на белочешских и белогвардейских штыках к власти пришли так называемые эсеровские правительства, среди которых наиболее значительными были Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) с центром в Самаре и Временное Сибирское правительство с центром в Омске.

Какой же политический курс намеревался проводить Комуч? Уже упоминавшийся нами активный член Комуча эсер Климушкин в своих мемуарах утверждал, что перед Комучем «открывались три пути». Первый путь — сделать ставку исключительно на трудовые массы, на рабочих, крестьян и «честную интеллигенцию», что практически значило бы действовать против правых, кадетско-монархических элементов с той же решительностью, с какой «Комуч действовал в отношении большевиков». Наиболее радикальные члены Комуча (их было немного) предлагали идти этим путем, предлагая, что буржуазия и помещики рано или поздно сами выступят против Комуча.

Второй путь, напротив, предполагал поворот политического курса резко вправо, с тем чтобы привлечь к

себе «правые группировки», по крайней мере те, что шли за кадетами. Такой курс требовал значительных уступок буржуазии и помещикам и, по признанию Климушкина, означал бы введение расстрелов, военно-полевых судов и карательных экспедиций против революционных масс.

И наконец, еще один путь, «наиболее сложный и извилистый», мог исходить из того, что «умеренные и правые группы кое-чему научились за время революции», поняли, что «вне демократической программы нет спасения для антибольшевистских сил», и согласятся на серьезные уступки трудящимся классам общества. Этот «лавирующий» путь, следовательно, содержал в себе расчет на классовое примирение.

Климушкин писал о «трех путях» как о возможности свободного выбора, имевшегося у Комуча. Но реально выбора не существовало. Комучевские эсеры не могли действовать против правых сил так же, как против большевиков, потому что опирались на поддержку правых. Но и круто свернуть вправо без риска потерять свою «революционную», «демократическую» вывеску они все же не могли.

Оставался «третий путь» — балансирования между двумя лагерями классовой борьбы, уже принявшей ожесточенные формы гражданской войны. «Мы, — пишет Климушкин, — избрали этот третий путь объединения творческих сил России». Комуч, с одной стороны, заявлял, что, разогнав Советы, существовавшие при большевиках, он проведет выборы в новые Советы, будет поддерживать профсоюзы, проведет в жизнь аграрную программу, утвержденную Учредительным собранием (программу социализации земли), окажет содействие местному самоуправлению и т. д. Вместе с тем, с другой стороны, Комуч делал все возможное, чтобы втянуть в орбиту своей деятельности правые, «цензовые», т. е. кадетско-монархические, элементы. В их интересах он проводил денационализацию промышленности, замораживал конфискацию частновладельческих имений, беспощадно репрессировал большевиков и представителей Советской власти⁴⁴.

Но «третий путь» оказывался фикцией. Правая чаша весов явно нарушала балансирование, перевешивала. Иначе и не могло быть: политического блока налево у эсеров из Комуча не было, с большевиками они вели беспощадную войну. А политический блок с правыми

явился реальностью: кадеты и монархисты, исходя из своих расчетов, поддерживали Комуч. В результате Комуч с «третьего пути» неуклонно сползал на означенный Климушкиным «второй путь». Даже некоторые эсеры были смущены происходившей эволюцией. На собрании самарских эсеров (в августе 1918 г.) раздались голоса, что «Комуч в своей тактике слишком взял крен вправо, привлекая в свои ряды без разбору и назначая на ответственные посты заведомых черносотенцев, что Народная армия оказалась целиком в руках правого офицерства»⁴⁵.

Комуч рассчитывал на то, что привлекаемые им реакционные элементы «чему-то научились» за время революции и потому вместе с ним мирно последуют по пути борьбы за «чистую демократию». Но, получив возможность сделать первый шаг, буржуазно-помещичья контрреволюция собирала силы, чтобы двинуться дальше. Тот же Климушкин вспомнил свою беседу с близким к кадетам промышленником К. Н. Неклютиным. В «шутливой форме» тот говорил: «Вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции. Но долго вы не можете удержаться у власти, вернее, революция, покотившаяся назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится, так зачем же нам связывать себя с вами? Мы вас будем до поры до времени немного подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму»⁴⁶.

Такую перспективу рисовали «гражданские» правые, а офицерство созданной Комучем «Народной армии», лелеявшее мечты о возвращении царских времен, уже исподволь готовило свержение Комуча. В июне было раскрыто несколько антикомучевских офицерских заговоров.

Сохранился любопытный доклад уполномоченного Сибирского правительства при Комуче Е. Е. Яшнова, воссоздающий политическую обстановку во владениях учредилловцев. Яшнов приходил к выводу о «шатком» положении Комуча, исходя, в частности, из анализа итогов выборов в Самарскую городскую думу, состоявшихся в середине августа 1918 г. «Левые» (к которым Яшнов относил блок меньшевиков, эсеров, энесов и «полускрытых большевиков»), по его данным, получили 56,9% голосов. Правый блок (кадеты, домовладельцы, некие «ревнители православия», под которыми, вероят-

но, скрывались черносотенцы, и «прочие») получил 43,1% голосов.

«Однако на вопрос о том, насколько прочна эта опора,— писал Яшнов,—приходится ответить с большим сомнением. Не говоря уже о рабочих, даже крестьянство... является пока крайне неустойчивым фундаментом власти... Солдат оно дает явно неохотно, налогов не платит, переживает товарный голод... В итоге я не ошибусь, если скажу, что, в сущности, Комитет (Комуч.— Г. И.) живет лишь силой инерции и чехословаков»⁴⁷.

Но пока Комуч находился еще в зените своих успехов. Части «Народной армии» и белочехи уже рвались к Казани, куда еще раньше Советское правительство эвакуировало почти весь золотой запас России.

Захват Казани не входил в заранее разработанный стратегический план Комуча. Его лидеры склонялись к тому, чтобы развивать наступление в юго-западном направлении, на соединение с Добровольческой армией генералов Алексеева и Деникина. Начальник штаба «Народной армии» полковник Галкин писал Алексееву, что в «Народной армии» «политика и партийность отброшены» и что в момент, когда начнется создание все-российской власти, военные «нивелируют все попытки в стремлении к сепаратизму и эгоизму со стороны отдельных партий и групп»⁴⁸. Это вполне соответствовало алексеевско-деникинским декларациям. Но обозначился успех в северном направлении, и в Комуче, как пишет Климушкин, стали думать: «Не права ли армия в своем инстинктивном устремлении на Казань — Москву, в сердце России?... Не проще ли всего ворваться в Москву, перебить там всех комиссаров... и конец всему?»⁴⁹

О том, как действовала «Народная армия», рассказывается в воспоминаниях некоего поручика Л. Бобрикова, входившего в так называемый «Спасский отряд», которым командовал капитан фон-Мунд. Когда читаешь о «боевых действиях» этого отряда, невольно вспоминаются «подвиги» специальных карательных подразделений гитлеровцев, типа батальона «Нахтигаль» и т. п. «Спасский отряд», по словам Бобрикова, «вылавливал коммунистов», расстреливал, силой принуждал жителей вступать в «Народную армию». Несогласных секли шомполами, даже расстреливали, сжигали целые деревни. Шкурничество и мародерство — вот две глав-

ные черты, характеризовавшие «моральное состояние» отряда⁵⁰.

Но пока комучевские успехи на фронте повышали его «государственные акции». К Комучу примкнул оренбургский атаман монархист А. И. Дутов, так называемое Уральское областное правительство (с центром в Оренбурге), некоторые другие контрреволюционные областные и националистические образования.

Несколько по-иному, с большим уклоном вправо пошло развитие событий в Сибири. В момент белочешско-белогвардейского мятежа из подполья вышел и объявил себя властью так называемый Западносибирский комиссариат. И хотя он довольно широко привлекал к работе своего «делового кабинета» (управление отдельными ведомствами) кадетские и даже откровенно монархические элементы, буржуазия тем не менее считала, что комиссариат слишком «скомучился» и не очень торопится искоренять завоевания революции. В 20-х числах июня Западносибирский комиссариат издал постановление, в котором признавалось, что некоторые преобразования Советской власти «оставили глубокий след» и потому полное «установление прежнего порядка представляется либо уже невозможным, либо исцелесообразным». Комиссариат предлагал «произвести пересмотр распоряжений и законов Советской власти», но сохранить в силе те, которые «оказались жизнеспособны»⁵¹.

В ответ правые элементы посредством разного рода махинаций и подтасовок добились замены Западносибирского комиссариата «законным» Временным Сибирским правительством, что означало существенный сдвиг вправо. Если Комуч являл собой фактически однородно-эсеровское правительство, то в составе Сибирского правительства с самого начала существовали две «фракции», два крыла. «Левое» составляли, так сказать, подлинно правые эсеры или эсерствующие — Б. М. Шатилов, Г. Б. Патушинский и В. М. Крутовский. К правому крылу относились И. А. Михайлов, И. И. Серебrenников и др. Эти люди лишь номинально считались эсерами, но фактически занимали кадетские и промонархические позиции. Особую роль — некоего «центра», поддерживающего баланс двух флангов,— играл полукадет-полуэсер П. В. Вологодский.

Но какая из двух групп, представленных в Сибирском правительстве,— «левая» или правая — имела

больше шансов в борьбе за влияние? Это во многом зависело как от личных качеств министров обеих групп, так и от развития общей политической ситуации, определяемой целым комплексом факторов.

Субъективно эсеровская (точнее, проэсеровская) группа министров уступала своим конкурентам. Единственным «настоящим» эсером в правительстве являлся, пожалуй, Б. М. Шатилов, но он был «путаником и вздыхателем», человеком слабым и безвольным. Г. Б. Патушинский, формально состоявший в партии эсеров, больше был увлечен областническими идеями; он отличался такими чертами, как самолюбие и вспыльчивость (его считали «сибирским Керенским»). Сочувствовавший эсерам В. М. Крутовский, обидчивый и капризный, ни с кем не блокировался, так как сам хотел играть первую скрипку⁵².

Правая часть правительства — И. Михайлов, И. Серебренников, затем Гришин-Алмазов и др. — энергией, изощренностью в искусстве политических интриг явно превосходила своих правоэсеровских коллег. Особую роль здесь играл И. Михайлов. Сын известного народовольца А. Михайлова, в начальный период своей политической деятельности близкий к эсерам, он затем резко повернул вправо, установил тесные связи с торгово-промышленными и военно-монархическими кругами. В эсеровской среде его окрестили «Ванька Каин»⁵³. По воспоминаниям современников, это был матерый карьерист и интриган с «лицом херувимчика», «сибирский Макиавелли» или «сибирский Борджиа». В самом правительстве, по показаниям сибирского кадета А. Соловейчика, данным, очевидно, в связи с делом о колчаковском перевороте 18 ноября 1918 г., И. Михайлов постепенно сколотил и возглавил небольшую группу, которую так и назвал: «моя группа». В нее позднее входили министры: земледелия — Н. И. Петров, продовольствия — Зефирин, снабжения — И. И. Серебренников, а также управляющий делами совета министров Г. К. Гинс. Эта группа, по существу, вела «свою политику». Для «стиля» Михайлова вообще характерно было протаскивание и насаждение повсюду «своих людей», создание внутривластьственной мафии⁵⁴.

С первых же шагов деятельности правительства Вологодского «михайловская группа» стала брать верх. Объяснялось это, конечно, не только ее «боевитостью» и напористостью. Вся политическая обстановка играла

ей на руку. Торгово-промышленные круги и монархическое офицерство, опьяненные успехами в борьбе с Советской властью, властно заявили о своих вождениях. Правые газеты все более громкогласно требовали установления военной диктатуры в целях полного «возрождения России», что на их языке означало решительное искоренение всех последствий революций 1917 г. Если самарский Комуч (и Западносибирский комиссариат), по словам левого кадета Л. Кроля, хотел держать революцию на грани эсеровских требований, то Временное Сибирское правительство стремилось «назад от революции», даже щеголяя «возвратом к старым внешним формам»⁵⁵.

Уже в начале июля 1918 г. были приняты постановления об отмене декретов Советской власти и восстановления законов Российской империи, денационализации промышленности, возвращении всех земель их бывшим владельцам (в том числе и помещикам). В августе правительство отдало приказ о запрещении деятельности Советов и аресте всех представителей Советской власти в Сибири⁵⁶. По свидетельству эсера А. Аргументова, специально обследовавшего деятельность Временного Сибирского правительства (при смене его Директорией в октябре 1918 г.), «смертная казнь, военно-полевые суды, репрессии против печати, собраний и пр.—вся эта система государственного творчества быстро расцвела на сибирской земле»⁵⁷.

Сразу была начата принудительная мобилизация в Сибирскую армию под начало генералов и офицеров — махровых черносотенцев (к осени она была доведена примерно до 200 тыс. человек). И не случайно многие белогвардейцы, оказавшиеся в «Народной армии» Комуча, потянулись с Волги в Сибирь: Сибирское правительство и Сибирская армия были им ближе опостылевшей эсеровской «учредилки». Методы действий Сибирской армии были не менее жестокими, чем методы «Народной армии» Комуча, описанные поручиком Л. Бобриковым: те же расстрелы, шомпола, грабежи и мародерство. Жажда мести и реванша гнала офицеров Сибирской армии вперед. В их среде упорно распространялись слухи, что где-то в Сибири, скорее всего в Омске, до поры до времени скрывается великий князь Михаил Александрович, который вот-вот должен «открыться» и повести армию через Урал на Москву...

В то время как комучевская «Народная армия»

вместе с белочехами рвалась к Казани, части Сибирской армии (также вместе с белочехами) развивали наступление в направлении на Екатеринбург—Пермь. Их задачей было соединение с интервентами и белогвардейцами, действовавшими на Севере (Архангельск), для последующего выхода на пути к Петрограду и Москве. Вместе с тем Сибирское Временное правительство усиленно формировало новые части в тылу.

Несмотря на определенные разногласия, имевшиеся между Самарой и Омском, существовали тенденции, толкавшие их к объединению. Прежде всего тенденция военная, интересы совместной борьбы с Советской Республикой. Но действовала и тенденция политическая. Как эсеровская контрреволюция, так и омская буржуазно-помещичья реакция остро нуждались в признании и поддержке союзников. С одной стороны, союзники поощряли и поддерживали различные местные правительства и группы, исходя из тех опасений, которые у них вызывали перспективы воссоздания единой и мощной России (такая перспектива не способствовала бы проведению интервенционистского курса стран Антанты, укреплению их экономического и политического влияния на более отдаленные сроки). С другой стороны, антисоветские устремления Антанты, желание искоренить «революционную заразу», шедшую из России, настоятельно требовали концентрации всех контрреволюционных сил и потому союзники поощряли объединение местных правительств, противостоявших Советской власти. Между тем их разобщенность, в частности разобщенность Самары и Омска, дезориентировала антантовскую агентуру в Поволжье и Сибири. Интервенты хотели бы делать ставку с верными шансами на выигрыш, т. е. на те антисоветские силы, которые выглядели бы предпочтительнее с точки зрения успешной борьбы с Советской властью. Бывшие российские послы, оставшиеся в различных столицах Европы, в своих телеграммах контрреволюционным лидерам в России постоянно напоминали об этом. Так, посол в Риме М. Н. Гирс в конце июля 1918 г. телеграфировал послу в Токио В. Н. Крупенскому о том, что союзники готовы на контакт с любым антибольшевистским правительством, но «не могут признать одно из них, прежде чем не узнают шансов принятия его страной и содействия, которое оно могло бы им оказать».

Учитывая двойственность союзнической политики, внутренняя контрреволюция стремилась к сплочению своих рядов любой ценой, но каждая из соперничавших сторон рассчитывала при этом одержать верх. Московские контрреволюционные «центры» («социалистический» «Союз возрождения» и кадетский «Национальный центр»), имея в виду эту перспективу, усиленно перебрасывали на Восток свои кадры. Впрочем, эсеры опередили в этом кадетов. Теперь те стремились наверстать упущенное. Сосредоточивая внимание на Юге, где разворачивалась Добровольческая армия, и командировав туда своих представителей, «Национальный центр» отнюдь не игнорировал и Восток. Туда наряду с посланцами «Союза возрождения» должны были направиться «сам» Милюков, Н. И. Астров, В. А. Степанов и др. Но вышло иначе. По разным причинам эти люди оказались на Юге, а на Восток отправились кадеты Л. А. Кроль и В. Н. Пепеляев. В письме, позднее написанном руководству «Национального центра», Пепеляев прямо писал о цели своей миссии: «Национальный центр командировал меня на восток для работы в пользу единоличной диктатуры и для переговоров с адмиралом Колчаком...»⁵⁸

Но известно ли было в «Национальном центре» о местопребывании Колчака летом 1918 г.? Уезжая летом 1917 г. в Америку, Колчак, связанный с «Республиканским центром», с некоторыми монархическими и кадетскими деятелями, оставил при центре своего представителя — лейтенанта Фомина. Да и находясь в США, он не потерял связи с Россией, о чем свидетельствуют его письма к разным лицам в Петроград. Еще в канун Октября, зная, что Колчак предполагает вернуться в Россию, кадеты предложили ему баллотироваться в Учредительное собрание. Позднее, уже весной 1918 г., кадет С. В. Востротин уехал на Дальний Восток, в полосу отчуждения КВЖД, где сотрудничал с генералом Хорватом и членом его «правления» Колчаком. Летом 1918 г. Востротин вошел в состав «делового кабинета» Хорвата и, конечно, не мог не знать о всех «заключениях» Колчака в Харбине, об его отъезде в Японию и т. д. Трудно предположить, чтобы Востротин или кто-либо иной не информировали обо всем этом кадетский ЦК, а следовательно, и «Национальный центр» в Москве.

О том, что в «Национальном центре» и в близких к нему кругах с именем Колчака связывались контрреволюционные планы всероссийского масштаба, свидетельствует уже цитировавшееся письмо В. В. Шульгина, написанное Колчаку 8 (21) июня 1918 г.⁵⁹

Трудно сказать, дошло ли письмо до Колчака, но это и не столь существенно. Важнее другое: письмо показывает, что уже в период «эсеровского господства» в Сибири Колчак рассматривался как фигура общероссийского значения, призванная установить военную, кадетско-монархическую диктатуру.

Белоэмигрантский историк С. П. Мельгунов, автор ряда книг о революции и гражданской войне в России, пронизанных ненавистью к большевизму, в одной из них сравнил Советскую власть летом 1918 г. с состоянием человека, над которым запесли ожог. В этой метафоре много правды. «Как раз в июле 1918 г., — говорил В. И. Ленин, — тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики»⁶⁰.

Одной из самых грозных бед был поразивший страну голод. Он был вызван не только нехваткой продовольствия и расстройством снабжения, доставшимися Советской власти от Временного правительства, но и своекорыстными действиями кулачества, прятавшего хлеб. В таких условиях Советское правительство вынуждено было установить продовольственную диктатуру: борьба за хлеб стала теперь борьбой за социализм. Весной 1918 г. в деревню двинулись продовольственные отряды, изымавшие излишки хлеба у кулаков и сплавивавшие на борьбу с ними сельскую бедноту. В июне 1918 г. декретом ВЦИК в деревнях создавались комитеты бедноты (комбеды), завершавшие передел помещичьей и кулацкой земли в интересах трудовой массы крестьянства, проводившие решительную продовольственную политику, целью которой было спасение страны от голода⁶¹.

Кулаки, а в ряде губерний и колебнувшиеся в их сторону середняки ответили мятежами и восстаниями, сопровождавшимися жестокостями, которые вызвали ужас и отвращение. Их точное число установить трудно, но можно, пожалуй, сказать, что фактически не было ни одной губернии, где бы не происходили выступления кулаков, богатых крестьян и части середняков⁶². Одни из этих выступлений были стихийными,

другие провоцировались эсерами, белогвардейскими офицерами и т. д. «Кулаки...— говорил В. И. Ленин,— охотно посадили бы нового царя, чтобы безнаказанно продолжать эксплуатацию, чтобы по-прежнему стоять над батраками, по-прежнему наживаться»⁶³.

Голод и разруха невероятно усиливали усталость широких масс народа⁶⁴. Эти два фактора, разъяснял Ленин, порождали в определенных, наименее идейно устойчивых слоях населения чувство отчаяния и безнадежности. «Смешно ожидать и нелепо было бы думать,— говорил Ленин,— чтобы от капиталистического общества, основанного на эксплуатации, сразу могло явиться полное сознание необходимости социализма и его понимание. Этого быть не может. Оно вырабатывается только в конце и только той борьбой, которую приходится переживать в такой мучительный период, когда одна революция оказалась впереди других, а другие не помогают, и когда надвигается голод. Естественно, что слоями трудящихся неизбежно овладевает отчаяние, негодование, является настроение махнуть рукой на то бы там ни было»⁶⁵. Ленин прямо предупреждал, что такие настроения могут привести к тому, что «народные массы, если в голоде им не помочь, с голоду способны метнуться даже к Скоропадскому»⁶⁶.

На IV конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы он говорил: «Можно встретить еще у нас людей, которые рассуждают: при царе хлеб все-таки был, а революция пришла, и хлеба нет... Это понятно, потому что голод есть такое бедствие, которое все остальные вопросы сметает, отводит прочь и только его ставит во главу угла и подчиняет ему все прочее»⁶⁷.

Казалось, для контрреволюции наступил тот самый «счастливый момент», который в сознании реакционных элементов всегда определяется формулой «чем хуже, тем лучше». На волне желанных для него голодных бунтов и анархических восстаний антибольшевизм судорожно спешил взять реванш. Все теперь зависело от твердости пролетарской диктатуры, ее стальной непреклонности защищать революцию до конца...

Между тем контрреволюционные элементы резко усилили заговорщическую деятельность и подготовку вооруженных восстаний в различных городах страны. Основные кадры для заговоров и восстаний рекрутировались из среды реакционного офицерства старой армии.

«Правда» писала, что весной и летом 1918 г. ряды активной контрреволюции пополнялись из многочисленного кадрового офицерства, из сыновей помещиков и буржуазии. Им нечего было терять. Они верили, что удачный военный заговор сможет сразу вернуть все, что потеряно было в Октябре. В их руках имелись немалые запасы оружия, на их стороне был боевой опыт и дисциплинированность, вынесенные из армии⁸⁶. Они довольно легко доставали фальшивые документы, которые давали возможность передвигаться по стране, завязывать конспиративные связи, проникать в советские учреждения.

...Три наиболее тяжелых удара были нанесены Советской власти в пределах контрреволюционно-интервенционистского кольца, зажавшего пролетарскую республику. И все же в июле 1918 г. первый удар нанесли левые эсеры, находившиеся с большевиками в правительственном блоке (в марте они вышли из Совнаркома, но остались в наркоматах, комитетах и Советах). Выражая интересы зажиточного крестьянства, левые эсеры не приняли социалистические революционные преобразования в деревне, отвергли продовольственную политику большевистской партии, выступили против комбедов. Но свою конфронтацию с большевиками они не ограничивали только «деревенской сферой». Выступая в роли защитников «широких (непролетарских) масс», они требовали прекращения решительных, революционных мер, направленных на защиту завоеваний Октября. Они считали, что советская политика вообще «сошла с правильных рельс» и должна быть без промедления «выправлена». Фактически левые эсеры замахивались на пролетарскую диктатуру. Наиболее экстремистски настроенные элементы из их среды распространяли злостные вымыслы о «союзе» большевиков с германскими империалистами, который якобы и вынуждал Совнарком «перекачивать» хлеб и другие товары из России в Германию. Эти же элементы бросали яростные призывы разорвать «позорный союз», начав «революционную войну» против Германии, войну, которая может якобы стимулировать революционное движение в других странах мира. Не отрицались при этом и террористические акты «в отношении виднейших представителей германского империализма», которые, как считали левоэсеровские лидеры, могли стать спичками для разжигания военного пожара...

Не все понимали опасность левозэсеровских «ультра-революционных» призывов. Некоторым, например меньшевикам, казалось, что левые эсеры — «это обыкновенные средние мужики, перепуганные за свое добро и возглавляемые лихими „левыми ребятами“, у которых нет за душой ничего, кроме легкости в мыслях, страсти к сокрушению...»⁶⁹. В какой-то мере это, возможно, было и так. Левые эсеры, взятые «сами по себе», не были так уж страшны. Но если мы соотнесем их «боевые призывы» с той политикой «на грани войны», которую Германия после Бреста проводила по отношению к Советской России, то нетрудно будет увидеть, что они могли толкнуть ее на то, чтобы перейти эту страшную грань. Даже малейший отклик на выкрики левозэсеровских ультра, малейшая уступка им, могли двинуть немецкие войска в антибольшевистский поход, в обозе которого радостно катили бы к Москве монархисты-германофилы...

4 июля в Москве, в Большом театре, открылся V Всероссийский съезд Советов. Левые эсеры оказались на нем в меньшинстве, но все же не теряли надежды повести съезд за собой и «выправить линию советской политики». Расчет не в последнюю очередь делался на некоторых лидеров партии, энергичных митинговых ораторов, умевших эмоционально возбуждать и вести за собой. Необузданная страстность, вылившаяся в «ультрареволюционную» фразеологию, превращала их в опасных демагогов, способных нанести революции огромный ущерб. Даже сегодня при чтении стенограмм V съезда Советов и его ВЦИК ощущается ярость левозэсеровской атаки на Совнарком и большевиков, которых эсеры еще называли «товарищами». Опыт нашей революции, опыт других революций, последовавших за Октябрем, как и опыт современного революционного движения, наглядно показывают, что левые экстремисты, все эти «ультра», для которых «масса» всего лишь «сырой материал» для форсированной реализации их абстрактных представлений о социализме, не меньшие враги его, чем «ультраправые».

Левой эсеркой «номер один» была, конечно, Мария Спиридонова, в 16 лет вступившая в тамбовскую боевую дружину партии эсеров и в 1906 г. совершившая дерзкое покушение на вице-губернатора за издевательство над крестьянами. Военно-полевой суд приговорил левушку к смертной казни, заменив ее затем пожизнен-

ной каторгой. Только Февральская революция освободила Спиридонову. Английский представитель Брюс Локкарт, наблюдавший ее на V съезде Советов, отметил «сосредоточенный фанатичный взгляд ее глаз», свидетельствовавший о том, что «перенесенные ею страдания отразились на ее психике»⁷⁰. Спиридонова выступала левозэсеровским ЦК в качестве «ударного оратора»...

Но пока в зале Большого театра велись ожесточенные словесные бои, левые эсеры готовились к настоящему бою. Днем 6 июля в германское посольство в Денежном переулке (сейчас улица Веснина) явились двое, предъявившие удостоверения на имя сотрудника ВЧК Я. Блюмкина и представителя ревтрибунала Н. Андреева. Удостоверения, подписанные Ф. Э. Держинским, уполномочивали их вести переговоры с послом Мирбахом⁷¹. Германский посол явился в приемную в сопровождении двух сотрудников посольства. Блюмкин вынул из портфеля какие-то бумаги, заявив, что речь пойдет о племяннике посла, арестованном советскими властями по обвинению в шпионаже. Когда Мирбах в ответ заявил, что дело это его совершенно не интересует, Блюмкин, выхватив пистолет, начал стрелять в бросившегося к выходу посла и заметавшихся по приемной сотрудников. Вслед за тем открыл огонь и Андреев, который, по показаниям присутствовавших, и ранил Мирбаха. Когда он упал, Блюмкин одну за другой бросил две бомбы, только одна из которых с грохотом взорвалась... Ошеломленные прохожие видели, как из окон первого этажа германского посольства один за другим выскочили два человека. Один из них, с длинными, почти до плеч, волосами (это был Блюмкин), бежал, сильно припадая на одну ногу. Буквально перемажнувшись через невысокую железную решетку, ограждавшую здание посольства, они кубарем ввалились в стоявший у тротуара автомобиль. Дверцы с шумом захлопнулись, автомобиль рванулся с места, оставив за собой повисшее в жарком воздухе синеватое облачко газа. Когда из посольства выбежали охранники и открыли огонь, машина уже скрывалась из виду... Установить имена террористов не составило никакого труда: убегая, — по-видимому, в суматохе, а может быть, и сознательно — они оставили в приемной портфель с бумагами и удостоверениями, бросили даже оружие.

Убийством Мирбаха судьба Брестского мирного договора сразу была поставлена на карту. Наступил момент, когда «двухколейная политика» Германии в русском вопросе могла сойтись в одну «колею» — колею возобновления военных действий против Советской России и открытого блокирования с монархической контрреволюцией. Уже в первой телеграмме, разосланной всем партийным комитетам и совдепам Москвы, не зная еще всех фактов, В. И. Ленин определил политическую значимость террористического акта, совершенного в германском посольстве: «Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну...»⁷²

Но слишком дорого Советской России достался Брест, чтобы отдать его авантюрной прихоти левоэсеровских террористов и провокаторов. В. И. Ленин решил лично ехать в германское посольство. Вместе с ним поехали Я. М. Свердлов и Г. В. Чичерин. Председатель Совнаркома, председатель ВЦИК и нарком иностранных дел — руководители Советского государства — делали все возможное, чтобы предупредить дальнейшее трагическое развитие событий. Судьба страны, по словам В. И. Ленина, была «на волосок от войны»⁷³.

Между тем Блюмкин и Андреев бежали в Трехсвятительский переулочок, в отряд ВЧК, находившийся под командованием левого эсера Д. Попова и целиком подчинявшийся заместителю председателя ВЧК, также левому эсеру Б. Александровичу. Сюда же, в штаб поповского отряда, перебрался и почти весь левоэсеровский ЦК. Когда прибывший в Трехсвятительский переулочок Ф. Э. Дзержинский потребовал выдачи Блюмкина, его разоружили и арестовали. А к утру 7 июля уже около 30 партийных, советских и военных работников-большевиков были арестованы поповцами.

Круг замкнулся: стало ясно, что все, что произошло, было не чем иным, как звеньями одной цепи — следствием заговора партии левых эсеров. Выступление левых эсеров именно в начале июля не было случайным. Они старались воспользоваться отправкой ряда воинских частей из Москвы на подавление мятежа в Ярославле⁷⁴.

У Советской власти не оставалось другого пути, кроме вооруженного подавления левоэсеровского мятежа. В официальном сообщении Совнаркома от 7 июля говорилось: «...Совет Народных Комиссаров мог принять только одно решение: в самый короткий срок подавить

мятеж, в котором легкомыслие, вероломство и провокация соединились в одно отвратительное целое»⁷⁵.

Левозеро́вская авантюра была ликвидирована в несколько часов, но главная опасность, спровоцированная ею, не была устранена, не вполне ясной оставалась позиция немцев. Правда, выступая в рейхстаге, канцлер заявил, что убийство Мирбаха не должно привести к ухудшению отношений между двумя странами. Но положение оставалось тревожным. Действительно, 14 июля германский представитель Рицлер передал Г. В. Чичерину телеграмму из Берлина. В ней содержалось требование о срочном вводе в Москву якобы для охраны германского посольства... батальона немецких солдат! Это требование прежде всего было, конечно, рассчитано на унижение Советского правительства. Согласие на введение германского батальона в советскую столицу подогрело бы контрреволюционные, клеветнические слухи о «зависимости» Москвы от Берлина и содействовало бы падению престижа Советской власти. А в случае неблагоприятного для нее развития событий это могло стать и началом широкой германской оккупации. Вот почему, несмотря на явное неравенство сил, Советское правительство решительно отклонило требование Германии. В ответе, объявленном В. И. Лениным 15 июля на заседании ВЦИК, говорилось: «На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехословаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению... Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, и эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания»⁷⁶.

Позднее в некоторых белоэмигрантских, а затем и западных изданиях была предпринята попытка связать левозеро́вский мятеж и вызванное им обострение отношений между Советской Республикой и Германией с Романовыми. Появилось утверждение, что немцы, сняв «ультиматум» о введении своего батальона в Москву, в виде компенсации потребовали передачи в их руки Николая Романова и его близких⁷⁷. Подтекст тут был совершенно очевидный: новое германское требование якобы ускорило судьбу царской семьи. Нет, однако, никаких данных, подтверждающих новое германское тре-

бование. Да его и не могло быть. Общеполитическая и военная обстановка вынудила немцев по-прежнему держаться «двухколейной политики» в русском вопросе, а в рамках этой политики бывший царь не представлялся немцам однозначно необходимой для них фигурой...

Германская сторона не настаивала на своем «батальонном ультиматуме». Столкнувшись с твердой позицией Советского правительства, немцы сняли его, потребовав создать некую свободную от населения зону вокруг здания своего посольства в Денежном переулке, зону, охраняемую как немцами «без мундиров», так и советскими войсками. Но и от этого им пришлось отказаться. Несколько позднее германское посольство, в которое время от времени поступали угрозы со стороны ультралевых и ультраправых элементов, уехало в Псков, а затем в Ревель⁷⁴.

Практически в тот же самый день (6 июля), когда в Москве начался левоэсеровский мятеж, вспыхнул белогвардейско-офицерский мятеж в Ярославле. Мятеж был подготовлен и организован уже упоминавшимся «Союзом защиты родины и свободы», созданным и возглавляемым Б. Савинковым.

В широких читательских кругах Савинков известен главным образом по своей антисоветской деятельности периода белой эмиграции. Но политическую известность Савинков приобрел намного раньше. Сын варшавского мирового судьи (родился в 1879 г.), студент Петербургского университета, в начале века он примкнул к эсерам, стал одним из активнейших членов их террористической «Боевой организации», руководимой провокатором Е. Азефом, С. Е. Сазоновым и П. Каляевым. Савинков участвовал в покушениях на министра Плеве и великого князя Сергея Михайловича. В 1906 г. в Севастополе был приговорен к повешению, сумел в тюрьме распропагандировать унтер-офицера и бежал. На лодке переправился в Румынию, затем уехал во Францию. Вскоре он, однако, вернулся в Россию и продолжал «боевую деятельность» до 1911 г. Затем вновь эмиграция. Теперь Савинков стал романистом. В своих романах он «разделялся» со своим прошлым, обличая революционную борьбу и революционное подполье. Политически Савинков превратился в шовиниста, призывал «всех русских забыть все обиды от царского правительства». После Февраля Савинков вернулся на родину. Илья Эренбург, познакомившийся с ним

во Франции, в годы дореволюционной эмиграции, так рисует его портрет: «Никогда дотоле я не встречал такого непонятного и страшного человека. В его лице удивляли монгольские скулы и глаза, то печальные, то чрезвычайно жестокие, он их часто закрывал, а веки у него были тяжелыми, волевыми»⁷⁹.

В нашем повествовании мы расстались с ним при описании корниловского мятежа. Напомним, что в корниловщине Савинков играл двойную игру, но, по некоторым данным, с однозначной целью: использовать конфронтацию Керенский—Корнилов для собственного выдвижения на передний план. Провал мятежа обусловил провал и всей савинковской игры. В сентябре 1917 г. он был исключен из партии эсеров и с этого момента перешел на положение некоего «внепартийного контрреволюционера», «независимого социалиста». В дни Октября Савинков как член совета «Союза казачьих войск» пытался войти в контакт с находившимся в Петрограде генералом Алексеевым и «поднять» казачьи части⁸⁰. Но Алексеев, вскоре после корниловщины создавший так называемую «алексеевскую организацию» для переброски корниловских офицеров на Дон, по-видимому, уже не видел реальной возможности для борьбы с революцией здесь, в Петрограде. Через несколько дней он нелегально «ушел» на Дон, куда из Быхова бежали затем Корнилов, Деникин и др. Савинков присоединился к Керенскому и Краснову и после захвата ими Гатчины был даже назначен командующим ее обороной. Было, однако, ясно, что «оборона» эта долго не продержится, и Савинков решил покинуть красновско-керенский корабль еще до того, как он пойдет ко дну. Получив от Керенского мандат на организацию подкреплений в Ставке, он покинул Гатчину и вскоре нелегально вернулся в Петроград. Но теперь, по его словам, вся надежда была на Дон, на атамана Каледина. В середине ноября вместе со своим другом по комиссарству на Юго-Западном фронте эсером Вяздягольским и «адъютантом» Ф. Клепиковым Савинков через Москву и Киев двинулся в Новочеркасск. Вскоре туда прибыли и «быховские узники». Но на Савинкова и его эсеровских друзей здесь смотрели косо: корниловские офицеры не забыли «предательства» Савинкова в дни корниловщины. Его предупреждали о готовившемся на него покушении, а в Вяздягольского стреляли на улице Новочеркаска. В январе 1918 г. Савинков возвратился в

Москву. Здесь он начинал новый этап своей «борьбы»: бывший эсер-террорист, затем разочарованный в революции эмигрантский писатель-декадент, после Февраля — «революционный карьерист», возможно в тайне мечтавший о «лаврах» диктатора, но оставшийся не у дел, он теперь видел себя в роли «спасителя родины и свободы». Но добровольческий агент в Москве пекный полковник Лебедев в марте 1918 г. в донесении в Новочеркасск, хранящемся в Коллекции ЦГАОР СССР, характеризовал Савинкова как простого «наемника союзников для выполнения их военного плана в России...». С помощью мандата, выданного генералом Алексеевым (по крайней мере, так утверждал сам Савинков), Савинкову удалось в феврале—марте 1918 г. создать нелегальную организацию, в которую вошло более 2 тыс. человек (преимущественно офицеров), так называемый «Союз защиты родины и свободы». В нем соединились, как они себя называли, «независимые социалисты и демократы» и белогвардейцы-монархисты. Это была первоначальная реализация идеи Савинкова (создание широкого антибольшевистского союза монархистов и «демократов»), которую он старался воплотить в жизнь на протяжении всей гражданской войны, да и позднее, в эмиграции.

Но Савинков нуждался в более широкой политической поддержке и политическом «оформлении» на случай успеха своего выступления. В связи с этим были установлены контакты с «Союзом возрождения», а затем и с «Национальным центром», представлявшими два крыла антантофильской контрреволюции: «демократической» и кадетско-монархической. Они субсидировались Антантой, и Савинков, имевший репутацию человека, в которого «можно вкладывать деньги», получил весьма значительные суммы. Но так же как не было полного единства в контрреволюционной германофильской среде, имелись расхождения и в рядах антантофилов. «Союз возрождения» довольно энергично разрабатывал план воссоздания Восточного фронта в районе Волги; «Национальный центр» «тянулся» как на Восток, так и на Юг, связывая свои расчеты с Добровольческой армией. Короче говоря, окраины представлялись московским контрреволюционным организациям более перспективными плацдармами для борьбы с Советской властью, чем центр страны. Тем не менее, не желая упускать такого «энергичного человека», ка-

ким был Савинков, «Национальный центр» разрешил в случае захвата им какой-либо местности действовать от имени «центра» и заявлять, что эта местность занята «Северной Добровольческой армией». «Программа» Савинкова также была санкционирована «Национальным центром»: восстановление «порядка», единая Россия, борьба с Германией, ликвидация Советов, созыв Учредительного собрания. В деникинских материалах сохранилась сводка сведений, полученных из Москвы от уже упоминавшегося полковника Лебедева, а также от добровольческих информаторов — представителей «Национального центра» А. Белоруссова и А. Лодыженского, в которой раскрываются военные замыслы и планы Савинкова. Вначале намечался захват, с одной стороны, ряда верхневолжских городов, а с другой — некоторых городов средней полосы России — Тулы, Калуги, Рязани. Однако из-за опасения, что мятежники этого района могут быть «зажаты» между Москвой и Украинским фронтом, решено было основные силы сосредоточить в Верхнем Поволжье.

Расчет к тому же делался на соединение с наступавшими на Казань белочехами и частями комучевской «Народной армии», а также на поддержку антантовского десанта с Севера. Начальник французской военной миссии генерал Лавернь через своих агентов направил чешскому командованию распоряжение о «диверсии в сторону Казани», где также готовилась к выступлению боевая организация «Союза защиты родины и свободы». Нет, правда, данных о том, что эти агенты сумели добраться до цели — района боевых действий — и войти в связь с белочехами...

Казань, таким образом, должна была стать центром целой цепи контрреволюционных мятежей и местом соединения различных антисоветских сил для развернутого наступления на Москву.

ВЧК «засек» штаб «Союза защиты родины и свободы», помещавшийся на конспиративной квартире в Молочном переулке, но арестовать его голову не удалось. Савинков и его ближайшие помощники (генерал Рычков, полковник Перхуров и др.) скрылись. Была обезврежена савинковская организация и в Казани. А 7 и 8 июля в Ярославле, Рыбинске и Муроме вспыхнули антисоветские мятежи. Ими руководили те члены савинковского «союза», которые сумели избежать ареста. В Ярославле мятеж возглавлял начальник штаба «сою-

за» полковник Перхуров, в Рыбинске находился сам Савинков. Более чем на две недели Ярославль оказался в руках белогвардейских мятежников. Начался разгул белого террора. Советских работников-большевиков зверски убивали прямо на улицах, грузили на баржи, где они погибали от голода и мучений...

Только 21 июля советским войскам удалось подавить мятеж в Ярославле, руководители которого бежали. Савинков из-под Рыбинска направил одного из помощников в Москву «для доклада Национальному центру», а сам нелегально перебрался в уже захваченную бело-чехами и комучевцами Казань. Авантюра с «Союзом защиты родины и свободы» закончилась: в Казани Савинков официально распустил его. «Нейтральным,— писал он позднее,— оставаться было нельзя. Надо было быть или красным, или белым»⁸¹. И Савинков стал белым: вступил в комучевский отряд, которым командовал анархист полковник В. Каппель.

Еще в Москве не ликвидировали последствий лево-эсеровской авантюры, а в Ярославле еще полыхали пожары савинковского мятежа, когда Советской Республике был нанесен еще один, третий удар в спину.

Мы уже писали о том тяжелом положении, которое сложилось в районе Волги в связи с белочешским и белогвардейским мятежами. В начале июня командующим разрозненными советскими отрядами, действовавшими против мятежников, стал А. Ф. Мясников. Задача, стоявшая перед ним, была чрезвычайно трудна: не существовало центрального управления войсками, налаженного снабжения, многие части проявляли анархические построения. Когда в середине июня А. Ф. Мясников и его фактический заместитель Н. И. Подвойский прибыли в Москву и докладывали о сложившемся на Чехословацком фронте положении, их выводы и предложения были однозначны. «У нас нет армии,— писал в своей докладной записке Мясников.— Ее нужно создать, создать немедленно, приложив к этой работе девять десятых нашей энергии, способности, труда и познаний»⁸². Таково же было и заключение Н. И. Подвойского.

13 июня Совет Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина объявил, что командование Чехословацким (Восточным) фронтом переходит к Революционному военному совету в составе большевиков П. А. Кобозева, К. А. Мехоношина, Г. И. Благонравова и левого эсера М. А. Муравьева⁸³. Муравьев был назначен глав-

покомандующим фронтом, а примерно через месяц (10 июля) он поднял антисоветский мятеж.

Кто такой Муравьев и как он оказался на столь ответственном посту в столь драматический для Советской Республики момент? Историческая литература дает о нем мало сведений; он появляется на ее страницах уже в послеоctябрьский период, находясь на посту командующего советскими отрядами, оборонявшими Петроград от войск Керенского—Краснова, а затем командующего советскими войсками на Украине. Между тем имя Муравьева стало известно значительно раньше. Сохранилась, кажется, единственная его биография, написанная в 1927 г. в эмиграции одним из бывших сослуживцев — В. Н. Пасторкиным, данными которой мы и воспользуемся.

Муравьев происходил из крестьян Костромской области, в 11 лет, в холерный 1890 год, остался круглым сиротой. Благодаря покровительству местной помещицы окончил учительскую семинарию, затем Казанское пехотное училище. Уже тогда начала проявляться его повышенная первность, психическая неуравновешенность, стремление выдвинуться. Муравьев был независим в поведении до дерзости, необычайно храбр, болезненно самолюбив.

Прошел всю японскую войну, был ранен, но считал себя обиженным, обойденным наградами. Его личные качества, по-видимому, тормозили карьеру: в 1914 г. он был только капитаном. Мировая война «продвинула» его: в боевых действиях Муравьев проявил храбрость, был награжден георгиевским оружием, получил чин подполковника. Его фотографии печатались в военных изданиях. По ранению в 1916 г. Муравьева «списали» в Одесскую школу прапорщиков. Карьера, казалось, снова оборвалась...

Февральская революция породила в возбужденном мозгу Муравьева беспредельные надежды. Нужно было только полностью, не страшась риска, отдаться революционной волне, и, казалось, она понесет его, «заштатного» подполковника, к наполеоновской славе.

В первых числах марта подполковник Муравьев уже командовал отрядом, который арестовывал командующего Одесским военным округом генерала Эбелова. Он замечен, переведен в Петроград, становится здесь одним из инициаторов создания «революционных ударных батальонов» для участия в готовившемся «наступ-

лении Керенского». В ходе этого наступления Муравьев получил ранение в голову, вернулся в Петроград, окупаясь в политическую деятельность. Политическое лицо Муравьева неопределенно, но, по некоторым данным, он летом 1917 г. был частым посетителем прокорниловского «Республиканского центра». В душе его, пишет Пасторкин, царило глубокое презрение к революционным массам, но он не изменял своему правилу: «плыть по течению, захлестнувшему всю Россию». Раз ставка на Керенского не оправдалась, он готов был еще круче свернуть влево. В ноябре 1917 г. Муравьев предложил свои услуги Советской власти. В дни мятежа Керенского—Краснова он возглавлял войска Петроградского военного округа, а зимой 1918 г. уже командовал группой войск, сражавшейся против Каледина и Центральной рады.

Уже на Украине стали выявляться многие отрицательные качества Муравьева, его диктаторские замашки, органически чуждые большевизму. Кончилось тем, что в апреле 1918 г. он был предан суду ревтрибунала. «О Муравьеве,— писал Ф. Э. Дзержинский,— комиссия наша неоднократно получала сведения как о вредном для Советской власти командующем... грабежи и насилия — это была его сознательная военная тактика, которая, давая нам мимолетный успех, несла в результате поражение и позор...»⁸⁴.

Но Муравьев избегал революционного суда. Два обстоятельства, по-видимому, сыграли свою роль. Во-первых, ухудшение общего военного положения республики, активизация контрреволюции весной 1918 г., потребовавшая мобилизации всех военных кадров, имевшихся в распоряжении Советской власти. Во-вторых, несомненное покровительство, оказывавшееся Муравьеву (он объявил себя левым эсером) левоэсеровским руководством (в частности, заместителем председателя ВЧК Александровичем, позднее одним из руководителей мятежа левых эсеров в Москве). Когда в июне 1918 г. положение на востоке страны резко обострилось, когда вопрос о создании советского Восточного фронта встал как вопрос «быть или не быть», имя Муравьева, имевшего репутацию человека, способного остановить развал, всплыло вновь.

Нет вполне определенных данных, свидетельствующих о том, что Муравьев действовал по прямым указаниям ЦК левых эсеров и заранее готовился поддержать

их. По получении известий о событиях в Москве Муравьев (его штаб находился в Казани) официально заявил, что он осуждает левоэсеровскую авантюру и выходит из партии левых эсеров. Вместе с тем трудно допустить, чтобы между левоэсеровским руководством, подготовлявшим антибольшевистское восстание в Москве, и Муравьевым вообще не имелось никакой связи.

В ночь на 10 июля без ведома Реввоенсовета Муравьев внезапно покинул Казань и с отрядом своих приверженцев на пароходе прибыл в Симбирск. Отсюда в Москву и другие города полетели воззвания, поражающие смесью политической слепоты, «ультрареволюционной» демагогии и напыщенной генеральской словесности. Муравьев заявлял, что он «отменяет» Брестский мир, объявляет войну Германии и «поворачивает» фронт на Запад. Туда же Муравьев приказывал «повернуть» всем чехословацким войскам, взаимодействуя с его армией. В тот же день он провозгласил создание «Поволжской республики» и уже приступил к формированию «своего» правительства, состоящего в основном из левых эсеров.

Последствия измены Муравьева могли стать катастрофическими. В специальном декрете Совнаркома, подписанном В. И. Лениным, говорилось: «Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев». Решение могло быть только однозначным: Муравьев как изменник и враг народа объявлялся вне закона⁸⁵.

Симбирские большевики во главе с И. М. Варейкисом приняли все меры по локализации и ликвидации мятежа. Фактически ни одна воинская часть не примкнула к мятежникам. Самого Муравьева подвела его самоуверенность. С небольшой охраной он явился в губисполком, чтобы «продиктовать» свои условия по формированию «правительства». Но здесь уже наготове находился красноармейский отряд для ареста Муравьева. При попытке оказать сопротивление он был застрелен.

Если бросить общий взгляд на историю левоэсеровских мятежей в Москве и Симбирске и савинковского мятежа в Ярославле и других верхневолжских городах, невольно возникает вопрос: были ли они только «ультрареволюционной» авантюрой одних и контрреволюционной авантюрой других? Сам факт одновременности этих мятежей (первая половина июля 1918 г.) говорит

о том, что однозначно положительный ответ на поставленный вопрос был бы, наверное, не точен. Да, эти мятежи, безусловно, были круто замешаны на авантюризме их лидеров, делавших ставку на относительно узкий заговор и быстрый переворот. Но вместе с тем мятежники хорошо рассчитали момент своих выступлений. Они произошли как раз в то время, когда Советская Республика переживала жесточайший «июльский кризис»⁸⁶, самый тяжелый из всех, которые ей пришлось переживать. Летом 1919 г., когда деникинские войска подходили к Москве и когда, казалось, обстановка достигла критического предела, Ленин, вспоминая июль 1918 г., говорил: «Товарищи, припомните положение год назад. Как раз в июле 1918 года тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики»⁸⁷.

Летом 1918 г. народ России, по ленинскому сравнению, был похож «на избитого до полусмерти человека»⁸⁸. Вот почему и ультралевым экстремистам в Москве и Симбирске и правым, белогвардейским элементам, сгруппировавшимся вокруг Савинкова в Ярославле, Рыбинске и других городах, казалось, что этот «избитый до полусмерти человек» не поддержит большевиков и откроет им путь к власти.

Конечно, М. Спиридонова да и М. Муравьев лично не собирались протягивать руку Б. Савинкову или полковнику Перхурову. Они шли под разными знаменами. Но жестокая реальность тех дней, суровая действительность все более разгоравшейся гражданской войны, хотели они того или нет, смыкала их ряды. И не просто смыкала. Если на минуту представить себе успех левозесеровских и савинковского мятежей, то станет совершенно ясно, что это немедленно привело бы к срыву Брестского мира, к восстановлению проантантовского Восточного фронта и как результат к военным действиям со стороны кайзеровской Германии. Нет никакого сомнения, что при таком повороте событий верх взяли бы наиболее правые элементы контрреволюционного лагеря — либо опиравшиеся на Германию монархисты черносотенного толка, либо антантофильски настроенные «кадетствующие монархисты». Ибо в их руках находилась реальная вооруженная сила и именно они располагали подлинной поддержкой интервентов. В. И. Ленин умел беспощадно и до конца вскрывать

эту истину, которая для многих затуманивалась «ультраревOLUTIONНОЙ фразеологией левых эсеров или «патриотическими» разглагольствованиями белогвардейских «спасителей» России.

Отбрасывая все наносное, все затуманивающее, все маскирующее классовую суть, В. И. Ленин в июле 1918 г. говорил: «Сейчас вопрос поставлен так, что борьба идет из-за двух основных пунктов, все основные партийные различия в огне революции сгладились. Левый эсер, усиленно подчеркивающий, что он левый, скрывающийся за революционной фразой, а на деле восстающий против Советской власти,— такой же паймит ярославских белогвардейцев, вот что он перед историей и революционной борьбой!.. Идет классовая борьба между пролетариатом, который отстаивает интересы трудящихся, и между теми, кто отстаивает интересы помещиков и капиталистов. Все фразы об Учредительном собрании, о независимом государстве и пр., которыми пытаются обманывать несознательные массы, разоблачены опытом чехословацкого движения и движения кавказских меньшевиков. За всеми этими фразами стоят одни и те же силы помещиков и капиталистов и точно так же, как немецкая оккупация несет за собою власть помещиков и капиталистов, несет ее и чехословацкое восстание. Вот из-за чего идет война!»⁸⁹ В этой кровавой войне, в этой борьбе, буквально с каждым днем принимавшей все более ожесточенные формы, находившиеся на Урале Романовы отнюдь не представляли собой «отыгранную карту». Мы видели, что о них помнили как в зоне немецкой оккупации, в лагере монархистов-германофилов, так и в «проантантовской зоне» Поволжья и Сибири, где белогвардейцы шли пока под правозероверскими знаменами...

Мы оставили бывшего императора Николая II и его семью в тот момент, когда красноармейский конвой закрыл за ними двери особняка инженера Ипатьева, «дома особого назначения» в Екатеринбурге. Войдя внутрь, бывшая императрица на раме окна одной из комнат написала «30.IV.18» и нарисовала свой любимый «талисманный знак» — свастику⁹⁰. Режим, установленный исполкомом Уралоблсовета в «доме особого назначения», был более строгим, чем тот, который существовал в тобольском «доме свободы». Караулы находились как снаружи, так и внутри. Доступ к Романовым разрешался только с согласия ВЦИК⁹¹. Над переписи-

ской Николая и всех членов его семьи был установлен строгий контроль.

Впоследствии в белоэмигрантской литературе, а затем и в некоторых иностранных изданиях широко и охотно смаковались рассказы о тех «страданиях» и «муках», которые Романовы якобы смиренно переносили в своем скатертинбургском заточении. Эти рассказы имели откровенно антисоветскую направленность и были рассчитаны на то, чтобы ужаснуть западного читателя «кошмарами революции». Но факты говорят о другом. После падения Екатеринбурга в боях за Пермь в руки к белым, составившим особые списки людей, причастных к расстрелу в доме Ипатьева (около 300 человек), и повсюду разыскивавшим их, попал один из конвойных наружной охраны дома — П. Медведев. Белогвардейцы не сумели опознать Медведева и направили в качестве санитаря в один из эвакуогоспиталей. Уральский чекист Н. Ф. Пазников пишет в своих воспоминаниях, что однажды при Медведеве вслух читали газету, в которой живописались «ужасы» содержания царской семьи в Екатеринбурге. Медведев не выдержал. Когда все ушли и осталась одна медсестра, он с волнением сказал ей: «Это неправда, сестра, что тут написано, что плохо их кормили и дурно с ними обращались. Я был конвойным там и очевидец, что обращались с ними хорошо»⁹². Это стоило ему жизни. По доносу (очевидно, медсестры) он был арестован и после жестоких пыток в марте 1919 г. расстрелян.

Нет более достоверного источника о жизни Романовых в доме Ипатьева, чем опубликованный позднее дневник Николая II и неизданные дневники членов его семьи. Но в них нет никаких указаний на те «мучения» и «унижения», которым Романовы якобы подвергались в заключении. Они, как обычно, читали художественную литературу, играли в свои любимые «безик» и «триктрак», регулярно питались, причем пища, по признанию самого Николая, была «отличная, обильная и поспекала вовремя»⁹³. В то самое время, когда голод уже коснулся уральских рабочих, бывший император и его семья не испытывали в этом отношении каких-либо лишений. Белые по-своему «отплатили» за это. После захвата Екатеринбурга они расстреляли даже женщину, которая готовила для Романовых обеды⁹⁴.

Заключение Романовых в «дом особого назначения», по существу, разорвало тобольскую монархическую сеть

и нанесло сильный удар по замыслам монархистов, пытавшихся освободить царскую семью. Впоследствии белоэмигрантские мемуаристы, а вслед за ними и некоторые иностранные авторы, основываясь главным образом на выводах белогвардейского следствия, утверждали, что положение в Екатеринбурге сложилось так, что монархические «освободители» уже ничего не могли, да, по существу, и не пытались предпринять. Другие западные авторы, все же допускающие существование монархических заговоров с целью освобождения Николая и его семьи из Екатеринбурга, тем не менее представляют их «практически беспомощными акциями, лишь ухудшавшими положение узников. Конечно, «распутать» сегодня заговорщическую монархическую сеть, существовавшую в Екатеринбурге и вокруг него, — нелегкое дело. Белоэмигрантская мемуаристика содержит немало свидетельств об участии в заговорах тех или иных монархистов или монархических организаций, но они не позволяют создать сколько-нибудь целостную картину и, самое главное, не поддаются проверке. Многие из этих свидетельств следует целиком отнести на совесть их авторов, обязательно учитывая стремление монархистов-эмигрантов «приподнять» свои прошлые «заслуги». Нередко при этом сообщались совершенно фантастические сведения, иногда проникающие и в нашу литературу.

Например, можно встретить утверждение, согласно которому летом 1918 г. по «тайному приказу» генералов Алексеева и Деникина «всадники» бывшего личного конвоя генерала Корнилова — Текинского полка — рассеялись по Уралу, притаились в екатеринбургских предместьях и готовились к «штурму Екатеринбурга» по согласованию с белочехами. При этом совершенно не принимается во внимание тот факт, что Текинский полк, с которым Корнилов бежал из Быхова в ноябре 1917 г., на Дон не прибыл. Корнилов покинул полк в начале декабря в районе Понар; текинцы эшелонами добрались до Киева, а после занятия его советскими войсками рассредоточились. Лишь некоторые из текинцев впоследствии служили в конвое Деникина и гетмана Скоропадского⁹⁵.

Пожалуй, не менее надуманным выглядит рассказ о «заговоре Каппеля», также имевшем целью освобождение Романовых. Полковник В. Каппель действительно был монархистом, но летом 1918 г. он командовал от-

рядом комучевской «Народной армии», действовавшей в районе Сызрани, Симбирска и Казани, и вряд ли нити возглавляемого им «заговора» могли тогда дотянуться до Екатеринбурга.

Напряженность в Екатеринбурге росла и усиливалась, может быть, не столько от реально существовавших монархических заговоров, сколько от вполне реальной опасности их возникновения. Сама атмосфера Екатеринбурга, казалось, дышала заговорами...

Вместе с тем можно установить и подлинные факты нескольких попыток освобождения Романовых здесь, на Урале.

В конце мая из Одессы в Екатеринбург прибыл некий Иван Иванович Сидоров (явный псевдоним). В эмигрантской литературе он обычно фигурирует как лицо, которое стремилось, «насколько возможно, облегчить положение царской семьи»⁹⁶. Но колчаковский генерал М. Дидерихс, «курировавший» позднее все следственное производство, проводимое белогвардейцами по делу Романовых, писал, что цели Сидорова, по всей вероятности, были значительно шире⁹⁷.

Приехав в Екатеринбург, Сидоров вошел в связь с доктором Деревянко, единственным человеком из окружения бывшего царя, которому было разрешено посещать «дом особого назначения» для лечения больного Алексея Романова. Через Деревянко Сидоров установил связь с Новотихвинским женским монастырем, откуда монахини доставляли царской семье продукты для «усиленного питания». К монастырю сразу же потянулась нить от академии Генерального штаба, переведенной в Екатеринбург из Петрограда еще в апреле 1918 г. Ее слушатели почти сплошь состояли из бывших царских офицеров, среди которых было немало готовых положить голову за «государя-императора». Вместе с тем в слушатели академии поступали офицеры, уже завербованные заговорщиками. Дидерихс пишет, что в мае в Екатеринбург приехал офицер — член бывшего прокорниловского «Союза тяжелой артиллерии». Поступив в академию Генштаба, он «осторожно сошелся с другими курсантами». Целью этой группы было «спасение жизни Романовых»⁹⁸. Некая Е. Семчевская, жена одного из таких слушателей, позднее писала, что постепенно в академии сформировалась группа примерно в 40 человек, посвятившая себя «делу спасения династии»⁹⁹.

Монастырь и особенно академия Генштаба находились под бдительным наблюдением местных екатеринбургских властей, выполнявших прямое указание Я. М. Свердлова. В конце мая он телеграфировал И. Голощекину в Уралоблсовет: «Необходимо во что бы то ни стало держать линию Екатеринбург—Тюмень—Омск. Пошлем людей, все необходимое. Усильте караулы в Екатеринбурге... Возьмите на особый учет геншколу...»¹⁰⁰.

В середине июня, как отмечали местные газеты, в Екатеринбурге усилилась контрреволюционная агитация. На Верх-Исетском заводе контрреволюционные элементы предприняли попытку разогнать местный Совет, захватить город и двинуться на Екатеринбург. В ночь с 12 на 13 июня Уралоблисполком вынужден был сформировать военно-революционный комитет, которому были «вручены неограниченные полномочия по борьбе с контрреволюцией и управлению городом». «Все попытки покушения на Советскую власть,— говорилось в объявлении о создании ВРК,— будут подавляться с беспощадной жестокостью». «Внутренний враг у ворот!» — говорилось в передовой «Уральского рабочего»¹⁰¹. К концу июня Екатеринбург оказался уже в зоне непосредственной военной опасности. 28 (15) июня «Уральский рабочий» опубликовал воззвание к трудящимся Урала: «Товарищи! Революционный красный Урал в смертельной опасности!.. К оружию, рабочие и беднейшие крестьяне Урала!». «Дом особого назначения» не мог не ощущать этой растущей напряженности.

В конце июня Николай внес в свой дневник следующую запись: «Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые... Все это произошло оттого, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили в ожидании и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны»¹⁰². Выяснилось, что эти письма были доставлены в «дом особого назначения» из Новотихвинского монастыря (в частности, в пробках от бутылок с молоком). В них говорилось о приближении к Екатеринбургу «славянских войск», о том, что «друзья не спят», что «долгожданный час близок» и т. д. Николай в своем дневнике отметил, что полученные письма привели всю его семью в состояние

«мучительного ожидания», и только. Но имелись данные о том, что он пытался «выйти на связь», ориентировать кого-то на воле на тот случай, если бы они решились действовать. Авдеев, ставший комендантом «дома особого назначения», писал, что при просмотре переписки Романовых было обращено внимание на письмо, адресованное великому князю Николаю Николаевичу, и между подкладкой конверта и бумагой самого конверта обнаружился листок тонкой бумаги с точным планом дома Ипатьева. Все комнаты были обозначены с указанием, кто где помещается¹⁰³. Впоследствии некоторые из белогвардейцев пытались отрицать подлинность переписки екатеринбургских заговорщиков с Романовыми. При этом приводились, например, такие «аргументы» текстологического характера: офицер царской армии не мог именовать Алексея Романова «царевичем», ибо официально он именовался «наследником-цесаревичем»¹⁰⁴, и т. д. Если даже признать, что русский офицер не мог столь ошибочно титуловать младшего Романова (хотя в той обстановке, в которой приходилось действовать монархистам, им было отнюдь не до официальных титулований), то не следует забывать, что в среде монархических заговорщиков, действовавших на Урале, было немало сербских офицеров, не искушенных в российском «табеле о рангах». М. Болявская, близко наблюдавшая жизнь бывшей царской Ставки в Могилеве, пишет: «Сербь (имеется в виду сербская миссия при Ставке.— Г. И.) были убежденными монархистами... Они были до последней минуты уверены, что все изменится и что монархия восстановится. По слухам, один из них, Жарко Мичич, желая спасти царскую семью из Екатеринбурга, поехал туда и был якобы там расстрелян большевиками»¹⁰⁵. Это свидетельство совпадает с данными советских материалов. В Екатеринбурге среди других лиц, замешанных в контрреволюционных заговорах, были действительно арестованы майор сербской армии Мичич и некоторые другие сербские офицеры. Как было установлено, они находились в тесной связи с действовавшими в Екатеринбурге монархическими организациями¹⁰⁶.

Еще об одной попытке освободить Николая II и его семью в эмиграции рассказал гвардейский офицер капитан П. Булыгин. В конце мая 1918 г. он выехал из Новочеркасска в Кисв, имея при себе фальшивый паспорт и рекомендацию командования Добровольческой

армии к В. В. Шульгину. Как пишет Булыгин, Шульгин встретил его весьма радушно, «одобрил планы» и дал пароль, который позволял войти в контакт с руководителями «Правого центра» в Москве Кривошеинным и Гурко¹⁰⁷.

Примерно в это же время находившаяся в Киеве группа монархистов из бывшего царского окружения (Г. Лейхтенбергский, А. Мосолов и др.) разработала собственный план освобождения Романовых. По рассказу Мосолова, предполагалось зафрахтовать 2 парохода и направить их с доверенными офицерами вверх по Волге к Каме. В 60 верстах от Екатеринбурга они должны были создать «базу» и затем действовать по обстановке. Мосолов утверждает, что в Екатеринбург уже были посланы разведчики, которым вменялось в обязанность «войти в сношение с немецкими эмиссарами» из числа военнопленных, находившихся в городе. В срыве этого плана Мосолов винит германского посла в Киеве Мумма, который будто бы «был поражен, узнав, что военная власть обещала нам свою помощь», и не согласился с тем, «что для Германии важен вопрос о спасении царя»¹⁰⁸. Трудно определить, насколько достоверно это сообщение. Другой участник плана, названный Мосоловым, Г. Лейхтенбергский, также оставивший свои воспоминания, ничего не говорит о «мосоловском плане». Неизвестно о нем было и Булыгину — по крайней мере, он его не упоминает...

Приехав в Москву в конце мая или начале июня, Булыгин установил связь с указанными Шульгиным лицами. «Я сказал им,— пишет Булыгин,— что я был не один, что нас много, что мы хотим действовать и рассчитываем на то, что центр, несравненно лучше зная обстановку, даст совет, полезный в обстоятельствах, которые возникнут при попытке спасти императора». Он, в частности, хотел выяснить, когда и где его группа должна начать действовать, и просил финансовой поддержки. Ему ответили, что его намерения одобряются, деньги он получит, но все конкретные вопросы должны быть решены после соответствующей рекогносцировки на месте¹⁰⁹.

«Экспедиция» готовилась в течение июня. Разработанный план состоял в том, чтобы под видом мешочников перебросить группу офицеров в Котельнич. «Правый центр» имел в своем распоряжении в Москве немалую вооруженную силу — офицерский отряд. Возможно, что

«мешочники», отправлявшиеся в Котельнич, рекрутировались из этого отряда. Расчет строился на то, что ввиду все усиливавшейся угрозы Екатеринбург со стороны наступавших белогвардейцев и белочехов Романовых будут вывозить с Урала. По предположениям Булыгина и его шефов, они должны были остановиться в Котельничах. Намечалось организовать нападение на дом, где должны были находиться Романовы¹¹⁰. Заранее хотели подготовить катера, на которых царскую семью со всеми предосторожностями должны были доставить к Архангельску.

Этот, по выражению Булыгина, «шалый план» так и остался в умах его творцов. Переброски Романовых в Котельнич не произошло, и, напрасно прождав здесь до начала июля, Булыгин направился в Екатеринбург. Здесь он был арестован, но каким-то образом сумел «выкрутиться» и уехать в Петроград, откуда через Украину вернулся в Добровольческую армию.

Между тем в связи с продолжавшимся ухудшением положения на Восточном фронте и контрреволюционными мятежами в тылу рабочие массы Екатеринбурга и Урала проявляли все большее беспокойство ситуацией вокруг Николая Романова и его семьи. Редактор «Уральского рабочего» В. Воробьев писал, что в редакцию поступали многочисленные письма рабочих, полные тревоги: «Достаточно ли надежна охрана царской семьи, не случилось бы беды — как бы не удрал Николай. Все чаще в письмах выражались требования немедленного расстрела Николая. Об этом же говорили и на рабочих собраниях и митингах...»¹¹¹ Эти настроения пытались использовать левые эсеры, влияние которых в Уралоблсовете было весьма ощутимым, а к лету 1918 г. даже несколько возросло¹¹². Стремясь произвести впечатление на массы своей «ультрареволюционностью», они требовали немедленной казни бывшего царя и демагогически обвиняли большевиков в непоследовательности, в «сохранении» Романовых «в угоду» империализму.

Активизировались и анархисты, руководимые «Революционным штабом анархических групп Урала». В конце мая — начале июня 1918 г. газета «Уральский рабочий» опубликовала серию статей, направленных против них. 26 июня газета в статье «Анархизм и коммунизм» писала: «Они (анархисты.— Г. И.) хотели казаться крайними революционерами, стоящими левее большеви-

ков-коммунистов, недовольными „буржуазностью“ Советской власти. На деле в наиболее критический момент революции они оказались слепым орудием в руках контрреволюции...» В Екатеринбурге, по свидетельству А. Авдеева, группа анархистов пыталась провести резолюцию о том, «чтобы бывший царь был немедленно казнен и чтобы в 24 часа ликвидировать всех арестованных и проч. и проч.»¹¹³.

Левые эсеры и анархисты не ограничивались одними лишь требованиями и резолюциями. В июне их «боевики» пытались организовать нападение на дом Ипатьева и ликвидировать Романовых¹¹⁴. Отзвуки этого находим и в дневнике Николая. 13 июня он записал: «Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евгением Сергеевичем (Боткиным.— Г. И.). По его словам, он и областной Совет опасаются выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд — вероятно, в Москву. Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания членов караула по особой просьбе Авдеева. Около 11 часов вечера он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на 1 июня (здесь по старому стилю.— Г. И.) мы остались по бивуачному, ничего не раскладывая... Наконец после ужина Авдеев... объявил Боткину, что анархисты схвачены и что опасность миновала и наш отъезд отменен!»¹¹⁵ На другой день Александра Федоровна записала: «Теперь они говорят, что мы останемся здесь, т. к. они успели захватить главаря анархистов, их типографию и всю группу»¹¹⁶.

Провокационные слухи о самосуде над Николаем и вообще над Романовыми распространялись не только на Урале. В Екатеринбург поступали тревожные запросы. Так, 20 июня из Москвы запрашивали: «В Москве распространились сведения, что будто бы убит бывший император Николай II. Сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами Совнаркома В. Бонч-Бруевич»¹¹⁷. В соответствии с этим запросом командующий североуральской группой советских войск Берзин совместно с военным комиссаром Уральского военного округа Голощекиным и другими официальными лицами произвел проверку ипатьевского дома. В телеграммах, направленных в Совнарком, ВЦИК и Наркомвоен, он сообщал, что «все члены семьи и сам Николай II живы и все сведения о его убийстве и т. д.—

провокация». Берзин доносил также, что Романовы содержатся и охраняются хорошо ¹¹⁸. На основании полученных ответов советская печать несколько раз опровергала циркулировавшие слухи, а также сообщения буржуазных и мелкобуржуазных газет о казни Романовых в Екатеринбурге ¹¹⁹.

Так жарким летом 1918 г. в ипатьевском особняке в далеком пропыленном Екатеринбурге скрещивались стремления и страсти различных политических сил. Правые, монархические элементы, как могли, пытались вырвать Романовых из «дома особого назначения» в расчете на консолидацию, рост и активизацию монархического лагеря российской контрреволюции. «Ультралевые», напротив, требовали без промедления «ликвидировать дом Ипатьева» и тем самым бросить вызов «мировому империализму». Ожесточенная борьба вокруг «дома особого назначения», сколь незначительной бы она ни казалась на фоне уже полыхавшего по всей стране пожара гражданской войны и интервенции, сама по себе была его отражением. На V съезде Советов Я. М. Свердлов говорил: «Во всей нашей работе нам приходилось выдерживать крайне жестокие нападки с различных сторон... Эти нападки имели место не только со стороны безусловно враждебных Советской власти групп и партий, но и со стороны советской партии, левых эсеров» ¹²⁰. Забвение или игнорирование этого факта не даст возможности даже приблизиться к истинному пониманию екатеринбургской трагедии...

Оказавшись между «двух огней», большевики последовательно вели линию революционной законности, которая подкреплялась и серьезными политическими соображениями. Казнь Романовых, с одной стороны, могла подбросить дров в костер антисоветской и антибольшевистской пропаганды за рубежом, а с другой — превратить их в «мучеников», дать агитационное оружие в руки контрреволюционного, особенно монархического, лагеря. Только жестокая необходимость, исключительное положение могли поставить вопрос о крайней мере в отношении Романовых. Президиум ВЦИК и Совнарком еще с января 1918 г. обсуждали возможность открытого суда над бывшим царем. В протоколе заседания Совнаркома 29 января (протокол № 59) записано: «Слушали: о переводе Николая Романова в Петроград для предания суду. Постановили: поручить Н. Алексееву (левый эсер, заместитель нарко-

ма земледелия.— Г. И.) представить в СНК к среде все резолюции крестьянского съезда по этому вопросу»¹²¹.

20 февраля Совнарком вновь вернулся к этому вопросу. В протоколе заседания (№ 66) зафиксировано: «Поручить комиссару юстиции и двум представителям крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о перевозе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совнаркоме. Место суда не предугадывать пока»¹²².

В апреле, когда Президиум ВЦИК обсуждал вопрос об «охране бывшего царя» (Романовы находились тогда в Тобольске), в протоколе заседания Президиума (№ 3), между прочим, указывалось на необходимость «в случае возможности немедленно перевести всех арестованных (Романовых.— Г. И.) в Москву»¹²³.

В начале мая, когда Николай и некоторые члены его семьи уже были доставлены в Екатеринбург, Я. М. Свердлов, сообщая об этом на заседании Президиума ВЦИК, сказал, что вопрос о дальнейшей судьбе бывшего царя будет «вынесен на рассмотрение ВЦИК»¹²⁴. По некоторым данным, Президиум ВЦИК готовился вынести этот вопрос на обсуждение V съезда Советов, но вспыхнувший во время заседаний съезда левоэсеровский мятеж помешал этому¹²⁵. Тем не менее и тогда Советское правительство не отказывалось от своего намерения. Бывший царский премьер В. Н. Коковцов писал в своих воспоминаниях, что 9 июля он был на допросе у председателя Петроградской ВЧК М. Урицкого. Расспросив его о бывшем царе, Урицкий сказал: «Я не буду дольше останавливаться на этом вопросе: Советская власть решила вынести действия бывшего царя на рассмотрение народного суда и Вы, конечно, будете допрошены в качестве свидетеля по этому делу»¹²⁶.

Позиция Советской власти встречала недовольство и противодействие левоэсеровских и анархистских элементов в Уралоблсовете. Нельзя не отметить и того, что ряд большевиков Уральского областного комитета партии и Уралоблсовета, в брестский период стоявших на позициях «левых коммунистов», полностью не изжили своего «левачества» и позднее. Некоторым из них казалось, что затягивание решения судьбы Романовых, «примиренчество» в отношении их, с одной стороны,

могут дать лишние козыри в руки левых эсеров, а с другой — усилить опасность их бегства из Екатеринбурга.

Надо сказать, что в деятельности ряда членов Урал-облсовета даже летом 1918 г. все еще проявлялись некоторые сепаратистские тенденции. Как известно, в начале 1918 г. он создал по типу Совета Народных Комиссаров свой «областной Совет народных комиссаров», в какой-то мере претендовавший на роль некоего «уральского правительства». В определенной мере это было естественным следствием первого этапа советского строительства в общегосударственном масштабе, усугублявшимся отсутствием прочной связи между центром и периферией. И это, конечно, препятствовало преодолению «левокоммунистических» настроений среди части екатеринбургских и уральских большевиков.

Сложный комплекс ультралевых и левых тенденций на Урале, по существу, стихийно проявил себя в судьбе брата бывшего царя великого князя Михаила Александровича. Мы уже знаем, что в монархических и белогвардейских кругах, особенно в их проантантовской части, он котиrowался на будущий престол чуть ли не как «претендент № 1». Разные соображения в данном случае играли роль. В сознании многих монархистов Николай II был все же серьезно скомпрометирован «распутиниадой» и «пагубным влиянием» Александры Федоровны; учитывался к тому же и факт его «добровольного отречения». Михаил Александрович был свободен от этих «компрометирующих обстоятельств» и, согласно псковскому отречению, считался «легитимным преемником». В нем, кроме того, видели слабохарактерного человека, что, по расчетам монархистов, открывало перед ними широкую перспективу нужных политических влияний. Не случайно Милюков в июне 1918 г. рекомендовал «Правому центру» в Москве «отыскать» именно Михаила Александровича...

Между тем Михаил еще в марте 1918 г. был выслан из Гатчины в Пермь «до особого распоряжения»^{127—128}. Здесь он вместе со своим личным секретарем Н. Джонсоном проживал в гостинице «Королёвские номера». Установленный для них режим был практически свободным, о чем в Пермь телеграммой сообщил управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич¹²⁹. Сохранились показания некоего «господина Крумпниса», который весной и летом 1918 г. жил в тех же «Королевских но-

мерах». Он часто видел высоченного великого князя и маленького, полного Джонсона («этих Пата и Паташона») свободно гуляющими по улицам Перми, заходящими в магазины, кинотеатр и т. д. Пожалуй, единственное ограничение состояло в обязанности периодически отмечаться в губернской Чрезвычайной комиссии.

Среди части населения «вольная жизнь» бывшего великого князя вызывала беспокойство и раздражение. Рабочие пермских заводов на митингах и собраниях принимали резолюции о заключении Михаила Романова в тюрьму, и местный Совет предпринимал попытки усилить его изоляцию. Михаил жаловался в Москву, откуда потребовали не нарушать его гражданских прав, если он не дает к этому какого-либо повода¹³¹. Но стихийное недовольство росло... Все тот же Крумпнис был свидетелем того, как вечером 12 июня в «Королевские номера» явились трое неизвестных и предъявили «комиссару гостиницы» ордер на выдачу Михаила Александровича и Джонсона. Затем все сели в экипаж и уехали, причем «никакого волнения на их лицах не было». В гостинице, по словам Крумпниса, хватились примерно через полчаса, стали звонить в ЧК, откуда сообщили, что там ордера на арест и увоз Михаила и его секретаря не выдавали. Несколько чекистов и членов исполкома Пермского Совета немедленно прибыли в «Королевские номера» и заявили, что происшедшее есть не что иное, как кем-то организованный побег¹³². Из Перми в Москву и Петроград «вне всякой очереди» пошла телеграмма: «Сегодня ночью неизвестными в солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов. Приняты самые энергичные меры. Пермский окружной чрезком»¹³³. Впоследствии белогвардейские «расследователи» и авторы изобразили случившееся как «чекистскую инсценировку», разыгранную якобы «по указанию из центра».

Но все это строилось на чистейших вымыслах и домыслах, продиктованных яростным антисоветизмом. Только последующее расследование показало, что Михаил и его секретарь стали жертвами группы анархически настроенных рабочих, руководимых председателем Мотовилихинского Совета Г. Мясниковым (позднее один из активных участников анархо-синдикалистской «рабочей оппозиции»). Но все это выяснилось позднее, а тогда происшествие в «Королевских номерах» не могло не отозваться на положении Николая, его семьи

а также нескольких бывших князей, находившихся в Алапавске: их охрана была усилена¹³⁴.

Исчезновение Михаила Романова из «Королевских номеров» породило в белогвардейском лагере множество легенд: почти до конца гражданской войны распространялись слухи о том, что где-то до поры до времени скрывается великий князь Михаил Александрович, который вот-вот встанет во главе белой армии...

...Между тем положение на фронте в районе Урала быстро ухудшалось. Белочехи и отряды белогвардейцев вели наступление на Екатеринбург по двум направлениям: со стороны Челябинска и Западноуральской железной дороги. В конце мая 1918 г. в Екатеринбурге был образован Революционный штаб Уральской области, а 2 июня Екатеринбургский комитет РКП(б) объявил проведение всеобщей партийной мобилизации. Положение неуклонно обострялось. 13 июня в Екатеринбурге состоялось расширенное заседание Уральского областного комитета РКП(б) с участием прибывших в город представителей Высшей военной инспекции во главе с Н. И. Подвойским. Решено было свести все части, действовавшие против белочехов и белогвардейцев на Северном Урале, в Северо-Урало-Сибирский фронт; командующим назначался член инспекции старый большевик Р. И. Берзин. Фактически только теперь на Урале активно развернулось строительство регулярной Красной Армии, в чем большую роль сыграл Уральский окружной военный комиссариат, возглавляемый Ф. И. Голощекиным и С. А. Анучиным¹³⁵.

В 20-х числах июня командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом в оперативном отношении был подчинен образованному 13 июня Реввоенсовету Восточного фронта и его командующему, уже известному нам левому эсеру М. Муравьеву. Муравьевский мятеж нарушил и без того еще не полностью налаженное управление войсками, серьезно подорвал доверие к командному составу и свел на нет многое из того, что было сделано раньше для организационного укрепления фронта. В докладе нового главкома Восточного фронта председателю ВЦИК Я. М. Свердлову прямо указывалось, что отступление армий этого фронта, в том числе 3-й армии, действовавшей в районе Екатеринбурга, было вызвано действиями «прежнего главнокомандующего Муравьева». 3-я армия, растянувшаяся по широкому фронту, насчитывала всего лишь 16 тыс. штыков и не имела

никаких резервов. Сдержатъ белочехов и белогвардейцев, «наступавших компактными ударными группами», она не могла¹³⁶. Фронт быстро приближался к Екатеринбургу. В доме Ипатьева знали об этом; дневник Александры Федоровны свидетельствует о том, что там видели, как во все увеличивающемся числе проходили по городу артиллерия, пехота, кавалерия, что туда доходили слухи о множестве раненых, которых ежедневно привозили в Екатеринбург, и т. д.¹³⁷ О том, что Романовы готовились к освобождению и бегству, свидетельствовала переписка между ними и неким «Офицером», тайным путем проникавшая за стены ипатьевского особняка, но перехватывавшаяся охраной. В одном из писем Николай сообщал план дома и режим охраны. Еще большей неожиданностью было то, что в одном из укромных мест особняка было обнаружено несколько гранат.

Красный Екатеринбург держался последние дни. Обстановка становилась все более суровой. В июле особым постановлением была создана Чрезвычайная комиссия для борьбы с «возрастающей контрреволюцией на Восточном фронте» во главе с М. Лацисом¹³⁸. Выступая на V съезде Советов, Я. М. Свердлов говорил: «Революция в своем развитии... вынуждает нас к целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития, в эпоху спокойного, органического развития мы бы никогда не стали прибегать»¹³⁹.

Уралоблсовет специально запрашивал военное командование о положении под Екатеринбургом. По его расчетам, город, который белые уже обходили с юга, стремясь отрезать его от европейской России (они уже захватили Кыштым, Миасс, Златоуст и Шадринск), мог продержаться всего лишь несколько дней¹⁴⁰. Суть положения, сложившегося на Чехословацком фронте во второй половине июля, передает ленинская телеграмма в Петроград (20 июля) с просьбой «двинуть максимум рабочих из Питера... Иначе мы слетим,— прямо писал Ленин,— ибо положение с чехословаками из рук вон плохо»¹⁴¹.

Можно ли было в такой обстановке попытаться эвакуировать семью Романовых в Центральную Россию? Совершенно очевидно, что это значило бы пойти на серьезный риск захвата их какой-либо повстанческой кулацкой бандой, отрядом офицеров-монархистов или ударными частями белочехов и белогвардейцев. «Булы-

гипский план» освобождения Романовых строился, в частности, на учете их предполагаемого вывоза с Урала через Котельничи. А вся история транспортировки царской семьи Яковлевым лишь подтверждала такую угрозу, тем более, что обстановка, в которой происходил переезд из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 г., не могла идти ни в какое сравнение с грозным, критическим положением лета 1918 г. Для уральцев наступило время решения: ведь в дни «якоплевской эпопеи» они, требуя обязательной доставки Романовых в Екатеринбург, сами взяли полную ответственность за них на себя. Учитывая сложившиеся обстоятельства, непосредственную угрозу захвата Екатеринбурга, исполком Уралоблсовета принял постановление о расстреле Романовых. Его подписали члены президиума исполкома А. Белобородов, Ф. Голощекин, Н. Толмачев, Б. Дидковский и др.¹⁴² Исполнение постановления было поручено коменданту «дома особого назначения» Я. Юровскому, его помощнику Г. Никулину и группе уральских чекистов.

По поводу екатеринбургских событий зарубежная «романовская индустрия» нагромодила массу вымыслов и домыслов, рассчитанных не просто на сенсацию. Две версии четко прослеживаются в них. Первая: судьба Романовых была predetermined «в центре», в Москве; вторая: решала ее некая чуть ли не мистическая «инонациональная» сила. В «доказательстве» первой версии, берущей начало от колчаковского следователя Н. Соколова (он вел расследование «дела Романовых» в захваченном белыми Екатеринбурге), сходились представители почти всего антибольшевистского фронта. (Отметим, однако, что наиболее крупный белоэмигрантский историк революции С. П. Мельгунов ставил ее под сомнение.) Вторую версию усиленно «отрабатывали» «историки» черносотенного толка и много взявшие у них фашиствующие «теоретики». Но обе версии рушатся при соприкосновении с фактами, зафиксированными в имеющихся исторических источниках.

Считается, что Романовы были расстреляны в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля. А еще днем 16 июля в ответ на запрос датской газеты в Москву по поводу слухов о казни Николая Романова ей телеграфно (за подписью В. И. Ленина) сообщалось о беспочвенности этих слухов, распространяемых капиталисти-

ческой прессой. Телеграмма эта не была отправлена лишь из-за отсутствия связи, о чем на ней имеется соответствующая пометка ¹⁴³.

Только дпсм 17 июля (на телеграмме помечено: «принята в 12 ч.») несколько членов президиума исполкома Уралоблсовета связались с Москвой. На другом конце провода председатель ВЦИК Я. М. Свердлов читал бегущую из аппарата ленту: «Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум Областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбург и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16-ое июля (так в телеграмме.— Г. И.) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: „Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его и найдены компрометирующие документы), Президиум Областного Совета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа. В ночь на 16 июля 1918 г. приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержащаяся вместе с ним под стражей в интересах общественной безопасности, эвакуирована из города Екатеринбурга. Президиум Областного Совета“. Просим ваших санкций на редакцию этого документа. Документы о заговоре высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК. Просим ответ экстренно. Ждем у аппарата» ¹⁴⁴.

Редактор «Уральского рабочего» В. Воробьев (он находился в числе членов президиума Уралоблсовета) вспоминал, что им «было очень не по себе, когда они подошли к аппарату: бывший царь был расстрелян постановлением президиума Облсовета и было неизвестно, как на это „самоуправство“ будет реагировать центральная власть, Я. М. Свердлов, сам Ильич...

К аппарату сел сам комиссар телеграфа... Затанув дыхание, мы все качнулись к выползавшей из аппарата ленте, на которой точками и черточками замаскирова-

лись чеканные, почти металлические звуки свердловского голоса:

— Сегодня же доложу о вашем решении Президиуму ВЦИК. Нет сомнения, что оно будет одобрено»¹⁴⁵.

Позднее белогвардейский следователь Н. Соколов утверждал, что он обнаружил шифрованную телеграмму председателя исполкома Уралоблсовета А. Белобородова в Москву, датированную 21 часом вечера 17 июля. Расшифровать ее не удалось ни в штабе «верховного правителя» Колчака, ни в колчаковском МИД, ни в штабе командующего союзными войсками в Сибири генерала М. Жаннена. Лишь в сентябре 1920 г., уже в эмиграции, она якобы, наконец, поддалась расшифровке. Текст ее, по уверению Соколова, был сенсационным: телеграмма сообщала, что всю «семью постигла та же участь, что и главу»¹⁴⁶. Соколов ликовал: условный язык телеграммы, по его заключению, был «коронным» доводом в пользу того, что в центре заранее знали о том, что должно было произойти в доме Ипатьева. Но если даже признать, что в руках Соколова действительно оказалась подлинная телеграмма (а по многим данным она являлась фальшивкой¹⁴⁷), то и в этом случае из нее следует только одно: о расстреле семьи бывшего царя в Москве стало известно позже, чем о расстреле самого Николая II (поздно вечером 17 июля). Это с несомненностью подтверждает подлинное сообщение Уралоблсовета (в 12 ч. 17 июля), которое мы привели выше и которое Соколов не знал (хотя, по его словам, у него в руках находились копии всех телеграфных сношений Екатеринбургa с Москвой)...

Вернемся, однако, к последовательному изложению событий.

18 июля состоялось заседание Президиума ВЦИК. В протоколе № 1 записано: «Слушали — сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга). Постановили — по обсуждению принимается следующая резолюция: Президиум признает решение Уралоблсовета правильным. Поручить т. т. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати»¹⁴⁸. В тот же день на заседании Совнаркома (протокол № 159) это постановление Президиума ВЦИК было «принято к сведению»¹⁴⁹.

На другой день бюро печати при ВЦИК распространило сообщение о расстреле 16 июля в Екатеринбурге

Николая Романова¹⁵⁰ (в полном соответствии с тем, как это было передано в Москву членами президиума Уралоблсовета в процитированном выше разговоре по прямому проводу).

20 июля Я. М. Свердлов в разговоре с Екатеринбург по прямому проводу сообщил о постановлении Президиума ВЦИК, признавшем решение о расстреле Николая Романова правильным, и ответил согласием на просьбу уральцев санкционировать переданный ими текст извещения. 21 июля он был опубликован в Екатеринбурге...

По свидетельству многих современников (в том числе и из враждебной Советской власти среды), известие о казни бывшего царя прошло малозамеченным¹⁵¹. Пламя гражданской войны и интервенции летом 1918 г. разгорелось все сильнее, и Романовы были лишь горсткой среди тысяч и тысяч их жертв. Но то, что тогда об их трагическом конце была сказана не вся суровая правда (как писал первый советский историк Екатеринбургских событий П. Быков, расстреляв Романовых «на свой страх и риск», уральцы «пытались отнести на второй план расстрел семьи...»¹⁵²), впоследствии обернулось многочисленными антисоветскими спекуляциями, возникновением и циркулированием мифов и легенд.

Ни для одного поколения российских революционеров, даже для тех, кто исповедовал террор, смерть, казнь царя и его преемников никогда не были жестокой самоцелью, воплощением суровой классовой мести. Никто не жаждал крови... Так складывались политические условия борьбы с самодержавием, что на пути к освобождению они практически не оставляли места для мирных средств. В конце концов степень суровости революции определяется тем, сколько ее было «вложено» в угнетенные массы «верхами» за время их господства, за время безжалостного подавления народа. Так было в английской революции, казнившей Карла I; так было во французской революции, обезглавившей Людовика XVI и Марию-Антуанетту. Так произошло и в Октябре.

Но, по словам великого революционера Герцена, «какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы, и если иногда следует перешагнуть их, то без кровавого глумления, а с печальным трепетным чувством страшного долга и трагической необходимости...»¹⁵³

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 80.
- ² Там же. С. 79.
- ³ Цит. по: *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. М.; Л., 1927. С. 173.
- ⁴ Подробнее см.: *Минц И. И.* Год 1918-й. М., 1982. С. 428—433.
- ⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Краткая записка о положении на Украине. Лето 1918 г.
- ⁶ Рукопись не подписана, но по стилю можно заключить, что ее автором был В. В. Шульгин.
- ⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Шульгин В. В. Начало гетманшфта. Рукопись.
- ⁸ Слово. Берлин, 1928. 18 нояб.
- ⁹ ЦГАОР СССР. Шульгин В. В. Начало гетманшфта.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 322—323.
- ¹¹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Рейнбот В. Е. Четыре месяца в кресле гетманского правительства. 1918 г. Рукопись.
- ¹² Там же. Сводки осведомительного отдела штаба Добровольческой армии.
- ¹³ Там же. Милюков П. Н. Киев—Екатеринодар, май 1918 — октябрь 1918 г. Воспоминания. Рукопись.
- ¹⁴ Там же. Рейнбот В. Е. Четыре месяца в кресле гетманского правительства.
- ¹⁵ Там же. Записка «Беседа с гетманом», 10 октября 1918 г.
- ¹⁶ Там же. Из донесений киевской «Азбуки», 4 сентября 1918 г.
- ¹⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 130 (СНК). Оп. 2. Д. 826. Л. 87.
- ¹⁸ *Summers A., Mangold T.* The File on the Tsar. L., 1976. P. 281—289.
- ¹⁹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Из донесений киевской «Азбуки», октябрь 1918 г.
- ²⁰ *Рейн Г. Е.* Из пережитого, 1908—1918. Берлин, Б. г. Т. 2. С. 285; см. также: ЦГАОР СССР. Коллекция. Милюков П. Н. Киев—Екатеринодар.
- ²¹ *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 116.
- ²² ЦГАОР СССР. Коллекция. Милюков П. Н. Киев—Екатеринодар. Ниже цитируется эта рукопись.
- ²³ Последние новости. Париж, 1924. 3—6 апр.
- ²⁴ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 254—256.
- ²⁵ Там же. С. 86.
- ²⁶ ЦГАОР СССР. Коллекция. Милюков П. Н. Киев—Екатеринодар.
- ²⁷ Там же; см. также: *Думова Н. Г.* Указ. соч. С. 118.
- ²⁸ *Приазовский край.* 1918. 16(29) дек.; см. также: Русское дело. София, 1922. 5 февр.
- ²⁹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Политический отдел при Особом совещании. Донесение «О».
- ³⁰ Там же. Письмо А. И. Деникина В. В. Шульгину, 13 июня 1918 г.
- ³¹ Там же. Милюков П. Н. Киев—Екатеринодар.
- ³² Там же.
- ³³ Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 72.
- ³⁴ *Суворин А.* Поход Корнилова. Ростов, 1918. С. 3.
- ³⁵ *Лукомский А.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 60—61.
- ³⁶ *Краснов П. Н.* Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 242—243.
- ³⁷ Там же. С. 242.
- ³⁸ Там же. С. 212.

- ³⁹ Мосолюв А. И. При дворе императора. Рига, Б. г. С. 220—222.
- ⁴⁰ Summers A., Mangold T. Op. cit. P. 286—287.
- ⁴¹ Волков Ф. Тайны Уайтхолла и Даунинг-Стрит. М., 1980. С. 43.
- ⁴² Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982. С. 77.
- ⁴³ ЦГАОР СССР. Коллекция. Милуков П. Н. Киев—Екатериннодар.
- ⁴⁴ Подробнее о политике Комуча см.: Гармиза В. В. Крушение эсеро-ских правительств. М., 1975; Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918—1919). Саратов, 1974; и др.
- ⁴⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Климушкин П. Д. Чехословацкое выступление. Волжское движение и образование Директории. Рукопись. Прага, 1925.
- ⁴⁶ Климушкин П. Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге. Прага, 1930. Вып. 1. С. 63.
- ⁴⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Отчетный доклад уполномоченного Временного Сибирского правительства, № 1, 20 августа 1918 г.
- ⁴⁸ Там же. Письмо Н. Галкина М. В. Алексееву, 13 августа 1918 г.
- ⁴⁹ Там же. Климушкин П. Д. Чехословацкое выступление.
- ⁵⁰ Там же. Бобриков Л. От Колчака к Деникину, 1918—1920 гг. Воспоминания. Рукопись, 1927 г.
- ⁵¹ Подробнее см.: Гармиза В. В. Указ. соч. С. 98—99.
- ⁵² Арнольд В. Жизнь и революция. Шанхай, 1935. С. 122—123.
- ⁵³ Соловейчик А. Борьба за возрождение России на востоке. Ростов н/Д, 1919. С. 22.
- ⁵⁴ ЦГАОР СССР. Коллекция. Показания А. Соловейчика с характеристикой И. Михайлова, 13 января 1919 г.
- ⁵⁵ Кроль Л. За три года. Владивосток, 1922. С. 62—63.
- ⁵⁶ Подробнее см.: Плотникова М. Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота // Тр. Томск. гос. ун-та. 1964. Т. 167; Лившиц С. Г. Временное Сибирское правительство // Вопр. истории. 1979. № 12.
- ⁵⁷ Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 24.
- ⁵⁸ ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо В. В. Пепеляева в Национальный центр, март 1919 г.
- ⁵⁹ Там же. Письмо В. В. Шульгина А. В. Колчаку, 8(21) июня 1918 г.
- ⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 30.
- ⁶¹ Подробнее см.: Минц Н. И. Указ. соч. С. 381—394.
- ⁶² Спиринов Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1965. С. 180.
- ⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 178.
- ⁶⁴ См.: Там же. Т. 36. С. 426.
- ⁶⁵ Там же. С. 443.
- ⁶⁶ Там же. С. 508.
- ⁶⁷ Там же. С. 437—438.
- ⁶⁸ Правда. 1919. 8 февр.
- ⁶⁹ Там же. 4 июля.
- ⁷⁰ Локкарт Р. Буря над Россией. Рига, 1933. С. 287—288.
- ⁷¹ См.: Спиринов Л. М. Крах одной авантюры. М., 1971. См. также: Bryant L. Six Red Month in Russia. N. Y., 1918. P. 164—170.
- ⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 112—113.
- ⁷³ Там же. Т. 36. С. 525.
- ⁷⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 79. Д. 7. Л. 21—23.

- ⁷⁵ Известия. М., 1918. 8 июля.
- ⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 525—526.
- ⁷⁷ Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 16; Alexandrov V. La Fin des Romanov. P., 1968. P. 185; см. также: Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 39.
- ⁷⁸ Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: Стеног. отчет. М., 1919. С. 89.
- ⁷⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1961. Кн. 1/2. С. 282.
- ⁸⁰ Савинков Б. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 5.
- ⁸¹ Там же. С. 44.
- ⁸² Цит. по: Ненароков А. П. Восточный фронт, 1918. М., 1969. С. 76.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Цит. по: Там же. С. 75.
- ⁸⁵ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 9—10.
- ⁸⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 143.
- ⁸⁷ Там же. Т. 39. С. 30.
- ⁸⁸ Там же. Т. 36. С. 499.
- ⁸⁹ Там же. Т. 37. С. 17.
- ⁹⁰ Русская летопись. Париж, 1921. Кн. 1. С. 71.
- ⁹¹ Быков П. Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921. С. 16.
- ⁹² Пазников Н. Ф. Заговор // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 226—228.
- ⁹³ Красный арх. 1928 № 2 (27). С. 128, 130.
- ⁹⁴ Быков П. Последние дни последнего царя. С. 16.
- ⁹⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Ряснянский С. Быховские узники. Рукопись. Прага, 1927; Там же. Записка штабс-ротмистра Текинского полка о походе Корнилова с текинцами из Быхова.
- ⁹⁶ Русская летопись. Париж, 1925. Кн. 7. С. 183.
- ⁹⁷ Дидерихс М. К. Убийство семьи и членов дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. Т. 1. С. 377.
- ⁹⁸ Там же. С. 67.
- ⁹⁹ Быков П. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 108.
- ¹⁰⁰ Свердлов Я. М. Избр. произведения. М., 1959. Т. 2. С. 222.
- ¹⁰¹ Уральский рабочий. Екатеринбург, 1918. 15(2), 16(3) июня.
- ¹⁰² Красный арх. 1928. Т. 2 (27). С. 136.
- ¹⁰³ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 204.
- ¹⁰⁴ Дидерихс М. К. Указ. соч. Т. 1. С. 58—59.
- ¹⁰⁵ Беляевская М. Ставка верховного главнокомандующего в Могилеве (1915—1918). Вильно, 1932. С. 26.
- ¹⁰⁶ Быков П. Последние дни Романовых. С. 109—110.
- ¹⁰⁷ Buligin P. P., Kerensky A. F. The Murder of the Romanovs. N. Y., 1935. P. 161—162.
- ¹⁰⁸ Мосолов А. И. Указ. соч. С. 222.
- ¹⁰⁹ Buligin P. P., Kerensky A. F. Op. cit. P. 162.
- ¹¹⁰ Ibid. P. 164.
- ¹¹¹ Воробьев В. Конец Романовых: Из воспоминаний // Прожектор. 1928. № 29. С. 26.
- ¹¹² Спирин Л. М. Указ. соч. С. 173.
- ¹¹³ Авдеев А. Д. Указ. соч. С. 201.
- ¹¹⁴ Быков П. Последние дни Романовых. С. 113; см. также: Андреев А. А. О незабываемом. М., 1972. С. 131.
- ¹¹⁵ Красный арх. 1928. Т. 2 (28). С. 134—135.

- ¹¹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 640 (А. Ф. Романовой). Оп. 1. Д. 332.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 34.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 36—38; Ф. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 79.
- ¹¹⁹ Известия. 1918. 25, 28 июня.
- ¹²⁰ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1918. С. 45.
- ¹²¹ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 89; см. также: Там же. Оп. 23. Д. 7. Л. 170.
- ¹²² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 135.
- ¹²³ Там же. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 9.
- ¹²⁴ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. М., 1920. С. 240—241.
- ¹²⁵ Городецкий Е., Шаранов Ю. Свердлов. М., 1970. С. 313.
- ¹²⁶ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 2. С. 461.
- ^{127—129} ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 169—171.
- ¹³⁰ Там же. Д. 1109. Л. 32—33.
- ¹³¹ Касвинов М. К. Указ. соч. С. 494—495.
- ¹³² ЦГАОР СССР. Коллекция. Показания Крумпниса. Записал Г. Козловский.
- ¹³³ Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 30—31.
- ¹³⁴ Там же. Л. 35 (телеграмма В. М. Бонч-Бруевичу из Екатеринбурга 21 июня 1918 г.).
- ¹³⁵ Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 123—125, 149.
- ¹³⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 93. Л. 1—1 об.
- ¹³⁷ Там же. Ф. 640. Оп. 1. Д. 322 (дневник Александры Федоровны).
- ¹³⁸ Там же. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17 (протоколы заседаний...). Л. 36.
- ¹³⁹ Пятый Всероссийский съезд Советов. С. 49.
- ¹⁴⁰ Быков П. Последние дни Романовых. С. 114; Авдеев А. Д. Указ. соч. С. 208—209.
- ¹⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 124.
- ¹⁴² Касвинов М. Указ. соч. С. 491.
- ¹⁴³ См.: Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1974. Т. 5. С. 640. Текст телеграммы см: ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 23. Д. 1109. Л. 40—41.
- ¹⁴⁴ ЦГАОР СССР. Коллекция.
- ¹⁴⁵ Воробьев В. Конец Романовых // Прожектор. 1928. № 29. С. 26.
- ¹⁴⁶ Соколов Н. Убийство царской семьи. Париж, 1925. С. 248—249.
- ¹⁴⁷ См.: Summers A., Mangold T. Op. cit. P. 117.
- ¹⁴⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 35. Д. 24. Л. 1.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 63.
- ¹⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 823. Л. 5. (бюллетени бюро печати).
- ¹⁵¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 2. С. 468; Локкарт Р. Буря над Россней. Рира, 1933. С. 298.
- ¹⁵² Быков П. Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921. С. 25.
- ¹⁵³ Герцен А. И. Соч. М., 1958. Т. 7. С. 546.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

20 июля 1918 г. газета «Известия» поместила статью о расстреле Романовых. «Этим актом революционной кары,— говорилось в ней,— Советская Россия дала торжественное предупреждение всем своим врагам, мечтающим о восстановлении царской старины или даже дерзающим посягать на нее с оружием в руках. Помещики и буржуазия за последнее время слишком ясно показали, что они стремятся к реставрации самодержавия и монархической диктатуры: везде, где они с помощью иностранных штыков получили возможность выявить свои затаенные вожелания, они, как на Дону и Украине, поспешили восстановить царские порядки. Они объявили рабоче-крестьянской России смертельную войну, которая не может кончиться примирением, а должна неизбежно закончиться гибелью и истреблением той или иной стороны...»

Через три дня, 23 июня, уже накануне падения Екатеринбурга, в передовой «Казнь Николая Кровавого» газета «Уральский рабочий» писала: «Царская буржуазно-помещичья монархия или социалистическая диктатура рабочих и крестьян-бедняков! — так поставила перед народами история вопрос об их жизни и смерти!» Сурово звучат эти слова сегодня, но в них — правда жизни той теперь уже далекой эпохи, правда того, что переживалось страной, поднятой великой революцией.

Эту нелегкую правду антибольшевизм, антисоветизм уже тогда старался скрыть, затушевать. Меньшевистские, эсеровские да и белогвардейские газеты уверяли, что практически никто в России не помышляет о монархической реставрации, что борьба с большевиками ведется во имя восстановления «государственности» и послефевральской «демократии» через «хозяина земли русской» — Учредительное собрание. Правду, реаль-

ность буржуазная историография искажает и поныне, то доказывая, что альтернативой Советской власти вполне могла стать меньшевистско-эсеровская «модель» социализма, то представляя белогвардейщину движением, боровшимся за «демократические идеалы» Февральской революции. Но то, что летом и осенью 1918 г. произошло в Поволжье, на Урале и в Сибири, так же как и на других территориях, контролировавшихся антибольшевистскими и антисоветскими правительствами, со всей наглядностью обнажает правоту большевизма и сознательную или бессознательную ложь его врагов...

В середине августа в Екатеринбурге (белые захватили его 25 июля) было сформировано так называемое Временное областное правительство Урала. В него вошли кадеты, энесы, эсеры, меньшевики и «беспартийные», но ведущую роль играли кадеты¹. Самостоятельность этого правительства с самого начала являлась проблематичной. За него шла борьба между двумя значительно более «сильными» правительствами: уже известными нам Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч) с центром в Самаре и Временным Сибирским правительством с центром в Омске. Оба правительства считались эсеровскими, но если в отношении Комуча это было правильным, то «эсерство» Омского правительства почти с самого начала стояло под вопросом. Эсеровской тут была только одна этикетка, которая не скрывала его реакционной, буржуазно-помещичьей сущности. Поскольку с середины августа военное положение Комуча значительно ухудшилось (пик побед его «Народной армии» уже прошел), политические шансы Временного Сибирского правительства возрастали и Уральское правительство фактически оказалось в его орбите. В Екатеринбурге фактически установилась власть сибирской белогвардейской военщины. Даже меньшевики и эсеры, которым позволили остаться в руководстве уральскими профсоюзами, вынуждены были протестовать против разгула черносотенно-белогвардейского шабаша. «Второй месяц, — говорилось в их обращении к властям, — граждане не могут избавиться от кошмара бесчисленных арестов, самосудов и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму: заполнены почти все здания в большинстве невинно арестованными»².

Тем временем антисоветский лагерь на востоке страны стремился политически консолидироваться. Еще в середине июля, а затем в 20-х числах августа в Челябинске состоялись две конференции представителей Комуча, Сибирского правительства и других контрреволюционных правительств и организаций, на которых выработывалась платформа объединения. Союзнические представители всячески подталкивали их к этому, имея в виду максимальное сплочение всех сил, боровшихся против Советской Республики. В 20-х числах сентября соглашение, подстегиваемое поражениями на Волге (освобождение Красной Армией Казани и Симбирска), наконец состоялось: в Уфе на так называемом «Государственном совещании» была создана пятичленная Директория, объявившая себя «всероссийской властью». При создании Директории принцип коалиции все-таки возобладал: в нее вошли эсеры и кадеты, но было очевидно, что это всего лишь промежуточная ступенька к дальнейшему сдвигу вправо. Ко времени создания Директории эсеровский Комуч практически прекратил свое существование и откровенно реакционное Временное Сибирское правительство фактически стало исполнительным, рабочим органом Директории, вскоре и переехавшей в Омск³.

Жизнь Директории, еще пытавшейся размахивать «демократическим» лозунгом старого Учредительного собрания, как это многие и предвидели, оказалась недолгой. Эсеры сделали свое дело, позволили консолидироваться силам реакции и теперь могли уходить. Они уже не были нужны ни кадетско-монархической белогвардейщине, ни Антанте. Если раньше — весной и летом 1918 г. — ее дипломатические и военные агенты в Москве и Петрограде охотно вели переговоры с эсерами и «Союзом возрождения» о совместных действиях против Советской власти, то теперь, к осени того же года, Антанта начала переориентацию на более правые элементы контрреволюционного лагеря. Их идея военной диктатуры как более эффективного орудия в борьбе с большевизмом находила все более широкую поддержку в правящих верхах Англии и Франции. Этот поворот в полной мере ощутил А. Ф. Керенский, летом 1918 г. бежавший за границу: в Лондоне и Париже он и представляемый им эсеров-энесовский «Союз возрождения» не получили никакой поддержки. Здесь делали вид, что им вообще ничего не известно о каких-либо

переговорах союзных дипломатов с представителями «русской демократии» и тем более о каких-либо обязательствах союзников по отношению к «Союзу возрождения». «Но мы, участники этих переговоров,— писал впоследствии один из эсеровских лидеров, В. Зензинов,— категорически утверждаем, что эти переговоры, носившие официальный характер, имели место»⁴. Причина «непонимания» и «неосведомленности» Лондона и Парижа была ясна: теперь союзники ставили не на «умеренных социалистов», а на правых — кадетов и монархистов, на белогвардейских генералов, внушавших им больше доверия. Особое место среди них занимал вице-адмирал А. В. Колчак. Выше мы проследили его путь до того момента, когда он после контактов с контрреволюционным «Республиканским центром» летом 1917 г. в составе морской миссии уехал в США. В дни, когда в Петрограде уже победило Октябрьское вооруженное восстание, Колчак на японском пароходе выехал во Владивосток. Однако в Японии пришлось задержаться почти на два месяца. Когда сюда поступило сообщение о перемирии с Германией в Бресте, Колчак принял решение вступить в «английскую службу». В январе 1918 г. из Лондона через посольство в Токио ему было предписано следовать на Месопотамский фронт. Путь к месту назначения оказался довольно долгим. Из-за чумного карантина пришлось задержаться в Шанхае. Колчак вел дневник. Он записывал: «Революционная демократия захлебнется в собственной грязи или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нас нет. Нет возрождения нации помимо войны и оно мыслимо только через войну. Будем ждать новой войны как единственного светлого будущего». Ждать пришлось недолго. На Дальнем Востоке, в том числе в так называемой полосе отчуждения КВЖД, контрреволюция уже сколачивала свои силы.

Этот же район рассматривался правящими кругами Антанты, США и Японии как плацдарм для военной интервенции. Но для ее осуществления им нужны были надежные ставленники. Японцы ставили на засевшего в Чите атамана Г. Семенова и в определенной мере на обосновавшегося в Харбине генерала Д. Хорвата. Англичане искали «своего человека». Таковым, по всем данным, им представлялся Колчак. Когда в марте 1918 г. он, наконец, прибыл в Сингапур, ему вручили телеграмму начальника английской военной разведки о возвращении в Маньчжурию. И Колчак через Шанхай и Пекин дви-

нулся в Харбин. «Моя миссия,— записывал он в дневнике,— является секретной, и хотя я догадываюсь о ее задачах и целях, но пока не буду говорить о ней...»

Секретность скоро проявилась. На КВЖД предполагалось создать контрреволюционный политический центр и контрреволюционную армию для борьбы с Советской властью. Но единого политического центра быстро создать не удавалось. Сказывались противоречия «союзников» по готовившейся интервенции, разногласия между лидерами внутренней контрреволюции. Сказались, по-видимому, и личные амбиции Колчака, ставившего себя несравненно выше Хорвата и тем более Семенова. В конце концов «изнервничившийся» Колчак вышел из хорватовского правительства и уехал в Токио.

Здесь в конце августа у него произошла важная встреча с английским генералом А. Ноксом, прибывшим сюда из Владивостока. Она не была случайной, что, в частности, следует из свидетельства А. Ф. Керенского. По его утверждению, он — Керенский — направлял добытую им важную информацию о контактах английских военных с русскими эмигрантами-монархистами и бывшими корниловцами в целях подготовки переворота в Омск (там, как мы знаем, находились Сибирское правительство, а затем Директория). Керенский, в частности, утверждал, что в центре подготовки переворота стоял бывший корниловский «ординарец» В. Завойко (в Лондоне он жил под именем полковника Курбатова), а со стороны англичан — военный министр Мильнер и бывший английский агент в России, генерал Нокс. Обо всем этом Керенский, по его словам, сообщил и бывшему русскому послу во Франции В. Маклакову, но тот будто бы отмахнулся, заметив, что Керенский «стреляет по воробьям». Однако роль генерала Нокса Керенским, по-видимому, была оценена правильно (да и «полковник Курбатов», как увидим дальше, отнюдь не являлся «воробьем»).

...Итак Нокс встретился с Колчаком.

По имеющимся в литературе свидетельствам, речь во время встречи шла о необходимости создания на Дальнем Востоке и в Сибири контрреволюционной военной диктатуры (к тому времени эта территория уже находилась под контролем белочехов и белогвардейцев) и о помощи ей со стороны интервентов. Так или иначе, но остается фактом, что в сентябре Колчак прервал свое добровольное «японское изгнание» и прибыл из Токио во

Владивосток. Обстоятельства благоприятствовали ему: он ехал как бы на готовое. Напомним, что состоявшееся в 20-х числах сентября 1918 г. Уфимское совещание объединило местные антисоветские (эсеровские) правительства, создав «всероссийскую» полуэсеровскую-полукадетскую Директорию. В середине октября она сделала своей «столицей» Омск, а вскоре здесь же оказался Колчак. По пути следования из Владивостока он встречался с белочешским генералом «русской службы» Р. Гайдой, который убеждал его, что Директория — «образование, несомненно, нежизненное». В Омске Колчак сразу попал в офицерскую среду, в которой поиск будущего диктатора являлся главной практической заботой.

Колчака уговаривали, доказывая ему то же самое, что и Гаида: Директория «нежизненна», над ней довлеет «эсерство» и для успешного продолжения борьбы с Советской властью и большевиками необходима военная диктатура, которую ждет и поддерживает вся армия. И Колчак «сдался». А Директория фактически своими руками копала себе могилу, формируя свой исполнительный орган — совет министров — из числа реакционеров, ранее входивших в состав Временного Сибирского правительства. В качестве военно-морского министра в этот совет министров был введен и Колчак: Директории не хватало людей «с именами» и с этой точки зрения он был для нее находкой.

Когда Колчак прибыл в Омск и занял там пост министра, общие очертания заговорщического плана, направленного на свержение Директории, по всем данным, уже наметились. С приездом Колчака разработка плана стала форсироваться. Особая роль в ней принадлежала кадету В. Пепеляеву, еще летом 1918 г. направленному в Сибирь «Национальным центром». К началу ноября 1918 г. механизм переворота был уже, по-видимому, готов, и «переворотная команда» «вышла на старт». Нужен был только предлог, повод. И он не заставил себя долго ждать...

Все началось с некоего «директивного письма» эсеровского ЦК, попавшего в уральскую и сибирскую печать в начале ноября 1918 г. Краткая история его такова.

Во второй половине октября так называемый съезд членов Учредительного собрания (распущенного Советской властью 6 января 1918 г.) после пребывания в Самаре и Уфе, наконец, оказался в белогвардейско-белочешском Екатеринбурге. «Учредиловцев» тут встретили хмуро, власти разрешили им только «частные совеща-

ния». Вскоре в Екатеринбург прибыл В. Чернов и во многом под его руководством эсеровская фракция съезда начала «давить» на омскую Директорию, требуя перемены ее курса, который оценивался как капитуляция перед лицом сибирской реакции, монархической военщины (что было справедливо). Лидер Директории Н. Авксентьев отвергал это «давление», указывая на то, что интересы борьбы с Советской властью требуют проведения не «партийной», а государственной политики, политики создания широкого антибольшевистского фронта. Авксентьев, видимо, не понимал или не хотел понимать, что такая политика на деле и означает капитуляцию перед монархической военщиной, располагавшей реальной силой. Между тем эсеровский ЦК подготовил «директивное письмо», в котором констатировалось, что в Сибирской армии и в Сибири вообще усиливаются реакционные, монархические настроения и потому «в предвидении возможных политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, следует создавать вооруженные отряды». Письмо это было секретным, оглашению не подлежало. И тем не менее оно попало в печать! Даже эсеровская фракция съезда членов Учредительного собрания (не говоря уже о членах Директории — эсерах) фактически осудила эту черновскую акцию (письмо приписывали инициативе В. Чернова).

В Омске Авксентьев внимательно следил за ходом дебатов в эсеровской фракции съезда членов Учредительного собрания. В разговоре по прямому проводу с эсером Н. Огановским (его воспоминания об этом сохранились в архиве) он говорил: «Спасибо за информацию... Положение демократии (т. е. Директории. — Г. И.) в настоящий момент крайне трудно и ответственно. Требуется величайшая осторожность и политическое мастерство... Но я замечаю обратное... Наше положение тяжкое: приходится бороться без сознательной и дисциплинированной армии. Ее необходимо создать».

Как пишет Огановский, смысл этих последних слов, также получивших известность, был преднамеренно изменен. Вместо «приходится бороться без сознательной и дисциплинированной армии» появилось — «приходится бороться с бессознательной, но дисциплинированной армией». Вся правая сибирская печать бушевала: эсеры (и их Директория!) ведут подрывную работу против с таким трудом созданной армии, которой еще предстоит упорная борьба с большевиками!

Это было воспринято как сигнал к действию. Механизм переворота, подготовленный заранее, был запущен. В ночь на 18 ноября группа офицеров ворвалась в квартиру, где жил товарищ министра внутренних дел, эсер Е. Роговский, у которого находились два эсеровских члена Директории — Н. Авксентьев, В. Зензинов, два члена ЦК эсеров — М. Гендельман и Э. Раков, а также только что прибывшие из Архангельска эсеры М. Лихач, С. Маслов и Я. Дедусенко. Все они были арестованы. Одновременно в гостинице «Россия» был арестован заместитель Зензинова по Директории, эсер А. Аргунов. Уже утром 18 ноября в срочном порядке собрался совет министров, который ввиду факта прекращения деятельности Директории «вручил власть» Колчаку, тут же произведенному в полные адмиралы и «верховные правители» России. Остальное, как говорится, также было делом техники. Дабы сохранить политическую респектабельность перед западными союзниками, «верховный правитель» распорядился выслать бывших «диктаторов» за границу, взяв с них обещание, что они не будут там вести политической деятельности против его правительства. Это обещание было дано и довольно долго выполнялось. Из Парижа в Омск сообщали, что Авксентьев, прибыв в начале 1919 г. в Гавр, «дал прекрасное интервью, в котором не сказал ни слова осуждения по адресу Омского правительства (Колчака. — Г. И.) и очень ярко говорил о необходимости борьбы с большевиками, и в частности — об интервенции». Лишь позднее группа эсеров-эмигрантов и учредителей, возглавляемая Керенским, Авксентьевым и другими, повела антисоветскую кампанию под демагогическим лозунгом: «Ни Ленин, ни Колчак».

Но высылка Авксентьева и других из Сибири еще не стала финалом колчаковского переворота. Последняя черта была подведена через месяц, в декабре 1918 г. Все еще находившиеся в Екатеринбурге члены съезда Учредительного собрания, получив сообщение о событиях в Омске, начали было шумную кампанию против «попрания демократии» сибирской военщиной и Колчаком. Реакция последовала незамедлительно. Гостиница «Палет-Рояль», где жили учредилорцы, подверглась разгрому, а затем начался их бесславный «исход» из Екатеринбурга. Сначала их отправили в Челябинск, а затем в Уфу. Но в конце ноября 1918 г. из Омска последовал грозный приказ «верховного правителя»: эсеровских членов съезда Учредительного собрания, других эсеров арестовать

и предать суду «за попытку поднять восстание и вести разрушительную агитацию среди войск». Не успевшие спрятаться были арестованы и отправлены в омскую тюрьму. 22 декабря в ходе восстания омских рабочих, руководимых большевиками, они вместе с другими арестованными были освобождены. Однако, когда после подавления восстания власти потребовали добровольного возвращения арестантов, многие бывшие учредилловцы покорно вернулись. На другой день многие из них были отправлены «в республику Иртыш», что на жаргоне колчаковских офицеров-черносотенцев означало расстрел. До сих пор советологическая историография считает одним из главных «большевистских грехов» роспуск Учредительного собрания в январе 1918 г., роспуск, при котором не пострадал ни один его депутат. Но разгром съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге, арест многих из них в Уфе и, наконец, зверская казнь группы учредилловцев в Омске — весь этот белый, колчаковский террор, фактически и покончивший с Учредительным собранием, остается в тени. Между тем, последняя страница истории «учредилки» ярко высвечивает подлинную цену эсеровского лозунга «третьего пути», лозунга: «Ни Ленина, ни Колчака»...

На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке установилась военная диктатура буржуазно-помещичьей, кадетско-монархической контрреволюции. Антибольшевизм и антисоветизм здесь, на Востоке, логически завершил свое развитие.

Но в некоторых особо нетерпеливых белогвардейских и реакционных кругах Омска даже колчаковская диктатура вызывала недовольство. Многих раздражало цепляние Колчака за ненавистный лозунг Учредительного собрания, за рекламируемое «непредрешение» вопроса о восстановлении монархии. Эти люди не желали понимать никаких политических и тактических ходов, диктовавшихся внутривнутриполитическими и внешнеполитическими соображениями. Их классовый реваншизм требовал немедленного выхода. Другие считали диктатуру Колчака «слабой», бессильной покончить с революционным движением внутри «колчакии» и установить «твердый порядок» на фронте и в тылу, где мародерство и коррупция разъедали управленческий и военный аппарат. Здесь, в этой среде, уже весной 1918 г. бродили замыслы нового переворота, способного толкнуть омскую диктатуру на самый край правого фланга

контрреволюционного лагеря. Эта сторона истории колчаковщины почти не отражена в литературе, и потому безусловный интерес представляют неопубликованные воспоминания известного сибирского дельца, связанного с самыми реакционными кругами Омска, И. К. Окулича. В начале 1919 г. он состоял членом сибирского Общеказацкого совета, возглавлявшегося генерал-майором Хорошкиным. Здесь было немало тех, кто выражал недовольство правлением Колчака, который окружил себя, как они говорили, «серыми» и «навозными» (т. е. наехавшими в Сибирь) людьми. Окулич рассказывает, что в начале апреля 1919 г. в Омске объявился некий полковник Курбатов, оказавшийся не кем иным, как бывшим корниловским «ординарцем» В. С. Завойко! Он прибыл с английским паспортом из Лондона, через Нью-Йорк, Токио и Владивосток. Окулич познакомился с Завойко в Нью-Йорке, когда после Октябрьской революции находился там по делам своего сибирского «бизнеса».

Эти сведения, сообщаемые К. Окуличем, подтверждаются письмами и воспоминаниями А. Ф. Керенского, а также перепиской В. Маклакова. Во время пребывания в Лондоне летом 1918 г. Керенский получил информацию (и передал ее в Омск главе Директории Н. Д. Авксентьеву) о деятельности «полковника Курбатова» (Завойко) в контакте «с английскими военными властями» по подготовке переворота в Омске. Бывший посол Временного правительства в Париже В. Маклаков в телеграмме бывшему русскому послу в США Б. Бахметьеву сообщал, что «Курбатов», после того как виделся «с правительствами Англии и Франции», направился в Америку с целью «повлиять на нее в смысле интервенции», усилив в ней «русский военный элемент». Маклаков советовал Бахметьеву отнестись к «мыслям и планам» «Курбатова» со вниманием, «не отталкивать и не игнорировать его»⁵.

Теперь в Омске, в апреле 1919 г., «Курбатов» развивал новый план «усиления русского военного элемента». Окулич пишет, что он «проповедовал» ориентацию на Японию (Колчак слыл «англофилом»), для чего считал необходимым заключить с ней договор сроком на 10 лет с большими для нее экономическими льготами и уступкой всех русских островов в Тихом океане. «Резко критикуя Колчака,— пишет Окулич,— г. Завойко определенно высказывался за необходимость переворота и

просил меня познакомить его с представителями Союза казачьих войск».

Как раз в апреле в Омске происходил «казачий съезд», и Окулич сообщил о предложениях «полковника Курбатова» одному из его участников — есаулу Власову. Вслед за тем в присутствии неназванных «иностраных дипломатических представителей» состоялось свидание Завойко с некоторыми казачьими делегатами. Здесь, по словам Окулича, «Завойко заговорил совершенно определенно о перевороте», но ему было сказано, что «казаки пойдут за адмиралом».

На что рассчитывал Завойко, который летом 1917 г. в немалой степени «вдохновлял» генерала Корнилова? По всей вероятности, он мог учитывать наличие едва «замазанных» конфликтов между новоявленным «верховным правителем» и казачьим «атаманством», в среде которого наиболее активную роль играл японский клеврет атаман Семенов, наводивший ужас своими зверствами на все Забайкалье. Однако политические заправилы «казачьего съезда» в Омске рассудили здраво: Колчак являлся той фигурой, которая на данный момент плохо ли, хорошо ли, но удерживала единство разнородного контрреволюционного лагеря и к тому же пользовалась признанием союзников. По-видимому, решено было не менять лошадь на переправе и «полковнику Курбатову» прямо сказали об этом.

Окулич сообщает, что после неудачных для него переговоров в Омске Завойко уехал в Екатеринбург, откуда его выслали через Владивосток за границу. Затем, уже после падения Колчака, он на короткое время объявился в Забайкалье и исчез с политического горизонта...⁶

Первым белогвардейским следователем, начавшим расследование дела о Романовых, был М. А. Наметкин. Очень скоро его сменил Н. А. Сергеев, но в феврале 1919 г. и он был отстранен от должности. «Верховный правитель» передал наблюдение за ходом следствия черносотенцу генералу М. К. Дидерихсу, а само «следственное производство» вручил следователю по особо важным делам Н. А. Соколову. Почему был устранен Сергеев? В основе этого решения лежали прежде всего политические причины. Сергеев был назначен еще летом 1918 г., при Уральском областном и Временном Сибирском правительствах, в конце сентября 1918 г. смененных «всероссийской» Директорией. Но

все они в глазах Колчака и его окружения были заражены «эсерством», что не могло, как они считали, не сказываться на ходе и характере следствия. Главное, что, по мнению колчаковцев, должно было раскрыть и показать следствие,— это существование некоей «московской директивы», в соответствии с которой все Романовы и были расстреляны на Урале. С наличием такой «директивы» белогвардейские генералы и политики связывали расчеты на развертывание широкомасштабной пропагандистской кампании, которая, с одной стороны, должна была надеть на последних Романовых «мученический венец», а с другой — идеологически очернить большевизм. Но Сергеев не мог доказать наличие «московской директивы» и по всей совокупности имевшихся у него данных вообще не склонен был верить в ее существование. Его судьба (как и судьба Наметкина) оказалась трагической. По некоторым сведениям, оба они были убиты «при неизвестных обстоятельствах».

Новый следователь, Н. Соколов, с маниакальной одержимостью припал к розыск «московской директивы»; она стала его «идеей фикс» на многие годы, до конца жизни в эмиграции.

Розыск, который он вел под наблюдением генерала Дидерихса, сопровождался массовыми арестами и убийствами. «Причастных» к делу Романовых разыскивали повсюду: на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Строго засекречивали следственные материалы, просивали сведения, могущие попасть в газеты, чтобы не «спугнуть» и не дать возможность скрыться тем, кого еще можно было привлечь к следствию. Колчаковские агенты старались разыскивать причастных к «дому особого назначения» даже на советской территории.

Но уже тогда в белогвардейской среде родилась версия, которой была суждена долгая жизнь. Если официальным белогвардейским кругам по идеологическим соображениям необходима была «мученическая смерть» Романовых, то черносотенно-монархической среде по тем же соображениям была нужна легенда об их «чудесном спасении». Именно в «колчакии» впервые возникло самозванство. Осенью 1919 г. в Кош-Агаче (близ Бийска) некий почтовый чиновник А. Пуцато объявил себя «цесаревичем Алексеем Романовым». 16 октября он послал об этом телеграмму самому Колчаку, в ко-

торой сообщал, что два года тому назад бежал из Тобольска, жил в Кош-Агаче, скрывался под чужим именем, но теперь о нем узнали большевики и готовятся его убить. «Цесаревич» умолял «верховного правителя» спасти его. На телеграмме имеется резолюция колчаковского министра внутренних дел В. Пепеляева: «Начинается! Но выяснить, кто этот несчастный и кто вокруг него».

Для выяснения Пуцато перевезли в Бийск, поместили в лучшую гостиницу, поставили охрану. К гостинице потянулись верноподданные с подношениями и просьбами «не оставить их своими милостями». Местный миллионер Астев заказал в честь «наследника» пышный обед. Контрразведка довольно быстро установила личность «наследника престола»; тем не менее, как следует из резолюции на одном из сообщений из Бийска, «верховный правитель повелел доставить самозванца в Омск». Все это могло произойти только в атмосфере монархического ажиотажа, вызванного расследованием Соколова, которое затягивалось. Соколову не удавалось обнаружить места захоронения Романовых под Екатеринбургом, в районе Верх-Исетского завода.

Почти через 10 лет, в январе 1928 г., здесь побывал приехавший в Свердловск В. Маяковский. От этой поездки осталось стихотворение «Император»:

За Исетью,
                                где шахты и кручи,
за Исетью,
                                где ветер свистел,
приумолк
                                исполкомовский кучер
и встал
                                на девятой версте...
Здесь кедр
                                топором перетроган,
зарубки
                                под корень коры,
у корня
                                под кедром
  дорога,
а в ней ---
                                император зарыт.
Лишь тучи
                                флагами плавают,

да и тучах
птичье вранье,
крикливое и одноглавое,
ругается воронье.
Прельщают
многих
короны лучи.
Пожалте, дворяне и шляхта,
корону
можно
у нас получить,
но только
вместе с шахтой.

...Разгром колчаковщины не положил конец следствию, проводимому Соколовым. Он ушел на Восток с разбитыми колчаковскими войсками и вместе с частью их оказался в забайкальской «сатрапии» атамана Семенова. Здесь на него смотрели мрачно. Черносотенцам из семеновского окружения хотелось, чтобы Романовы «спаслись», и они обвиняли Соколова в сознательном сокрытии этого факта. Если Наметкин и Сергеев были, вероятно, убиты колчаковцами, то Соколов едва не оказался жертвой семеновцев. Ему помог французский генерал М. Жанен, который командовал интервенционистскими войсками в Сибири: с его помощью Соколов сумел перебраться в Харбин, а затем в Европу. Но здесь политические интересы еще больше довели над следствием по делу ипатьевского «дома особого назначения». Те эмигрантские круги (главным образом кадетские), которые когда-то были связаны с думской оппозицией и Временным правительством, а значит, так или иначе с отречением царя, арестом Романовых, их ссылкой в Тобольск, весьма сдержанно относились к следствию. Бывший кадетский лидер П. Н. Милуков в 1921 г. вообще отмежевался от «белого дела», признал продолжение его бесперспективным и разработал «повую тактику» борьбы с Советской властью: борьбы «изнутри» в блоке с эсерами и меньшевиками. Раздувание монархических чувств не вписывалось в эту новую политическую схему.

«Работа» Соколова во Франции соответствовала теперь лишь политическим планам эмигрантов-монархистов. В мае 1921 г. на так называемом «Рейхенгальском съезде» (Германия) они избрали Высший монархиче-

ский совет, политическое лицо которого легко представить, если сказать, что во главе совета стоял один из бывших черносотенных лидеров — Марков-2-й. Но и среди монархистов не было единства. Вскоре началась борьба между сторонниками великого князя Николая Николаевича («николаевцы») и сторонниками великого князя Кирилла Владимировича («кирилловцы»), который в 1922 г. заявил о своих правах на российский престол, а в 1924 г. объявил себя «императором». В белоэмигрантском монархизме появились и другие течения, что в целом свидетельствовало о его глубочайшем политическом кризисе. На этой почве вырастали ядовитые цветки самозванства. Зимой 1920 г. в Берлине из канала полицейские вытащили молодую женщину, покушавшуюся на самоубийство. Ее поместили в больницу, где она обратила на себя внимание жены некоего барона Клейста сенсационным заявлением о том, что является младшей дочерью Николая II — Анастасией. С этого момента началось «восхождение» самозванки. Ее явно «сделали» германские монархисты, имевшие определенные политические виды на блок с русскими эмигрантами-монархистами. Именно в их руки и была передана Лжеанастасия, поселившаяся в доме уже известного нам герцога Лейхтенбергского, когда-то сколачивавшего монархическую «Южную армию» на Украине⁷. Часть эмигрантов-монархистов готовы были признать ее, усматривая в этом хоть какой-то допинг для взбадривания затухавших монархических чувств. Другие отказались участвовать в очевидном шарлатанстве⁸.

В этих условиях Соколов находил все меньшую поддержку в белоэмигрантской среде; только откровенно черносотенные круги еще проявляли интерес к «следственному делу» и изданию его отдельной книгой. Соколов фактически в одиночестве и бедности жил в Париже, и лишь старые друзья по екатеринбургскому следствию — капитан Булыгин, английский журналист Р. Вильтон и воспитатель бывшего наследника П. Жильяр иногда посещали его. Как это ни странно на первый взгляд, помощь пришла из США. К «досье» Соколова по совету белоэмигранта Б. Бразоля проявил живой интерес не кто иной, как автомобильный король Г. Форд, которому оказались близки черносотенные «откровения» монархистов. В 1923 г. Соколов был приглашен Фордом в США, неоднократно встречался с

ним, вручил ему копию вывезенных из Сибири следственных материалов. Правая печать охотно интервьюировала и рекламировала его⁹. Так колчаковское следствие «дела о Романовых», начатое на Урале, завершило свой путь в деловом офисе американского промышленного магната и миллионера.

Американский визит Соколова фактически стал финалом екатеринбургского расследования и началом так называемой «романовской индустрии» в США, почти ежегодно выбрасывающей на рынок антисоветизма и антикоммунизма литературу о последних Романовых, как подлинные, так и самозванных. В США продолжают заявлять о своих «правах» две «Анастасии», в том числе и та, которая в далеком 1920 году была извлечена из берлинского Ландверканала. В 60—70-х годах большой шум наделал перебежчик из Польши, некий Михаил Голеневский, заявивший о том, что он «последник-цесаревич» Алексей и что не только он сам, но вся царская семья в июле 1918 г. была спасена. Самозванец прибыл в США, и, хотя там сотрудники ЦРУ заявляли, что с перебежчиками подобного типа «такое бывает» и что Голеневский, «по-видимому, зарапортовался»¹⁰, он получил большую прессу. О нем, как, впрочем, и об «Анастасиях», в США вышло немало книг. Кто-то на Западе, видимо, считает, что, если воскресить «ностальгическую память» о Романовых, это тоже может стать вкладом в современный антикоммунизм и антисоветизм.

В. И. Ленин писал об опозорении России Романовыми¹¹, называл романовскую монархию телегой, залитой кровью и грязью¹². Эта телега завела страну в экономический, политический и духовный тупик, и на одном из крутых поворотов она, говоря словами В. И. Ленина, опрокинулась сразу¹³. Восьмимесячная власть буржуазного Временного правительства, сменившего царя, довела страну до состояния полной разрухи, а когда оно было свергнуто, бывшие господствующие классы вместе с интервентами развязали гражданскую войну. Какими бы «учредилдовскими», «непредрешенческими» лозунгами ни прикрывались корниловщина и потом ее детище — белогвардейщина, реакционные силы, игравшие в них ведущую роль, стремились поднять «опрокинувшуюся телегу» монархии, чтобы придать ей старый или чуть подновленный ход. Это привело бы к разгулу черносотенной реакции, разгрому ре-

волюционных и демократических сил, вернуло бы страну в тот самый тупик, в котором ее не ждало ничего, кроме застоя и гниения. Даже в эмигрантском лагере постепенно крепло сознание, что альтернативой победившей революции, Советской власти могли стать только реставрация и реакция. «Нельзя даже учесть, до чего бы дошла реакция... нельзя представить себе при самой горячеей фантазии этих картин злобы и мести»¹⁴. Но история обратного хода не имеет...

Великий Октябрь положил начало «необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией»¹⁵. Социализм в нашей стране победил полностью и окончательно. Он превратил страну в подлинно великую державу. Высокие идеалы нашей революции — мир, демократия, социальная справедливость — и сегодня вдохновляют, зовут на борьбу за лучшее будущее человечества.

¹ Подробнее см.: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.

² Там же. С. 165.

³ Подробнее см.: *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970; *Иоффе Г. З.* Колчаковский авантюра и ее крах. М., 1983.

⁴ ЦГАОР СССР. Коллекция. Зензинов В. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 г. Москва—Самара—Уфа—Омск. Воспоминания. Рукопись; см. также: *Иоффе Г. З.* Эпилог керенщины // *Вопр. истории.* 1968. № 3.

⁵ *Керенский А. Ф.* Издалека: Сб. статей. Париж, 1922. С. 132—134; ЦГАОР СССР. Коллекция. Телеграмма В. Маклакова Б. Бахметьеву, 18 октября 1918 г.

⁶ ЦГАОР СССР. Коллекция. Окулич И. К. Мои воспоминания, 1917—1931. Рукопись.

⁷ Возрождение. Париж, 1926. 1 июля.

⁸ ЦГАОР СССР. Коллекция. Мордвинов А. А. Мои встречи с девушкой, именусмой себя спасенной великой княгиней Анастасией Николаевной. Воспоминания. Август 1928 г.

⁹ Новое время. Белград, 1924. 3 дек.; см. также: *Summers A., Mangold T.* The File on the Tsar. L., 1976. P. 172—175.

¹⁰ *Summers A., Mangold T.* Op. cit. P. 194.

¹¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 296.

¹² См.: Там же. Т. 31. С. 13.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Смена вех: Сб. статей. Прага, 1921. С. 99.

¹⁵ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 124

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

Глава первая В ИСТОРИЧЕСКОМ ТУПИКЕ

14

Глава вторая КРУШЕНИЕ ЦАРИЗМА

35

Глава третья БОНАПАРТИСТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

104

Глава четвертая «РОМАНОВСКИЕ ШУАНЫ»

179

Глава пятая ПЕТРОГРАД—МОСКВА—ТОВОЛЬСК

222

Глава шестая В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

278

ПОСЛЕСЛОВИЕ

349

Генрих Зиновьевич Иоффе
ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
И ЭПИЛОГ ЦАРИЗМА

Утверждено к печати
Научным советом по комплексной проблеме
«История Великой Октябрьской
социалистической революции»

Редактор издательства М. А. Васильев
Художник В. Ю. Кученков
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор М. Н. Комарова
Корректоры В. А. Алешкина, Р. В. Молоканова
ИБ № 35886

Сдано в набор 27.11.86. Подписано к печати 11.02.87.
А-04645. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1
Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр. отт. 21,0. Уч.-изд. л. 21,5.
Тираж 9 500 экз. Тип. зак. 3180
Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

**К 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА**

**«ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
И ЗАЩИТА ЕГО ЗАВОЕВАНИЙ»**

в 2-х томах

Т. 1.

ПОБЕДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Т. 2.

ЗАЩИТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА

В первом томе дана общая панорама и раскрыты главные закономерности подготовки и проведения Октябрьской революции. Показано, как под руководством Коммунистической партии осуществлялись коренные социально-экономические и политические преобразования.

Во втором томе освещается период, когда на полях сражений решалась судьба революции. В книге раскрыты политические, экономические и военные предпосылки разгрома объединенных сил внутренней и международной контрреволюции, а также всемирно-историческое значение победы Великого Октября и защиты его завоеваний.

Книги можно предварительно заказать в магазинах «Академкнига». Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4, магазин «Книга — почтой» Украинской конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Г.З.Иоффе

ВЕЛИКИЙ ОКТАБРЬ И ЭПИЛОГ ЦАРИЗМА

К началу XX в. монархия Романовых завела Россию в исторический тупик: страна переживала глубочайший кризис. Февральская революция свергла царизм, но силы, на которые он опирался, сохранились. Более того, по мере углубления революции шел процесс консолидации правых, промонархических групп. Только Октябрь, выполняя свою социалистическую работу, попутно покончил и с остатками средневековья, в том числе с монархией — тормозом «всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране» (В. И. Ленин). Советский строй открыл огромные возможности для развития «разоренной, измученной, отсталой страны» на основах социализма (В. И. Ленин). В этой книге, охватывающей период с Февраля 1917 г. до лета 1918 г., рассказывается о попытках контрреволюции сокрушить революционное движение, реставрировать отжившие порядки и о борьбе революции с силами реакции. Автор, опираясь на достижения советской историографии, широко использовал архивные материалы, что позволило по-новому осветить некоторые события Февраля, корниловщины, гражданской войны, эпилога царизма. Перед читателем встает картина борьбы классов, партий, личностей, борьбы, которая могла закончиться либо диктатурой рабочего класса, диктатурой всех трудящихся, либо самым грязным и кровавым господством буржуазии «вплоть до монархии» (В. И. Ленин).

